

Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь
Установа адукацыі «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт
імя А.С. Пушкіна»

Вучоныя

запіскі

*Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта
імя А.С. Пушкіна*

Зборнік навуковых прац

Выпуск 8

Частка 1

Гуманітарныя і грамадскія навукі

Брэст • 2012

Заснаваны ў 2005 годзе

Галоўны рэдактар

М.Э. Часноўскі

Намеснікі галоўнага рэдактара:

А.А. Гарбацкі, А.М. Сендзер (*гуманітарныя і грамадскія навукі*)

К.К. Красоўскі, У.А. Плецохоў (*прыродазнаўчыя навукі*)

Рэдакцыйны савет:

А.А. Высоцкі, Л.Г. Лысюк, Б.М. Ляпешка, В.Е. Гайдук, А.Ф. Равінскі, М.П. Ярчак

Міжнародны савет:

В.Р. Бязрогаў (Расія), Я.А. Грэбенікаў (Расія), А.М. Круглашоў (Украіна), В.А. Несцяроўскі (Украіна),

Ежы Нікітаровіч (Польшча), Марк Пілкінгтон (Францыя), А. Юўка (Польшча)

Рэдакцыйная калегія:

Г.І. Займіст (*адказы рэдактар на гуманітарных і грамадскіх навукках*),

Н.С. Ступень (*адказы рэдактар на прыродазнаўчых навукках*),

У.В. Амелькін, С.В. Арцёменка, М.А. Багдасараў, В.Ф. Байнёў, В.М. Ватыль, А.М. Вітчанка,

А.Л. Гулевіч, М.П. Жыгар, Г.А. Зорын, М.С. Кавалевіч, Т.А. Кавальчук, Ч.С. Кірвель,

У.У. Лосеў, М.І. Ляўчук, У.Ф. Мартынаў, А.А. Махнач, А.В. Мацвееў, З.П. Мельнікава, **М.І. Мішчанчук**,

Я.М. Мяшэчка, А.В. Пятроўская, Я.В. Радына, Ст.Р. Рачэўскі, С.В. Рашэтнікаў, Д.Г. Ротман, Б.В. Саліхаў,

У.В. Салтанаў, В.Ф. Саўчук, У.С. Секарьжыцкі, У.А. Сенькавец, Я.У. Скакун, А.С. Сляповіч, А.І. Смолік,

В.А. Сцепановіч, В.І. Сянкевіч, М.М. Труш, У.М. Хоміч, А.В. Чарнавалаў, А.В. Чычурын,

Т.І. Якавук, Я.К. Ялавічава, Я.С. Яскевіч

Адрас рэдакцыі:

224665, г.Брэст, бульвар Касманаўтаў, 21

тэл.: 23-34-29

e-mail vesnik@brsu.brest.by

ISBN 978-985-473-494-1 (ч. 1)

ISBN 978-985-473-493-4

© УА «БДУ імя А.С. Пушкіна», 2012

Ministry of education of Republic of Belarus
Educational establishment «Brest state university
named after A.S. Pushkin»

Scientific Proceeding

*Of Brest state university named
after A.S. Pushkin*

Collection of scientific works

Issue 8

Part 1

The Humanities and Social Sciences

Brest • 2012

Founded 2005

Editor-in-chief

M.E. Chasnoyski

Editor-in-chief Deputies

A.A. Garbatski, A.N. Sender (*the humanities and social sciences*)

K.K. Krasovski, V.A. Pletsyuhov (*natural sciences*)

Editorial council:

O.A. Vysotski, L.G. Lysyuk, B.M. Lyapeshko, V.E. Gaiduk, A.F. Ravinski, N.P. Yarchak

International council:

V.G. Bezrogov (Russia), E.A. Grebenikov (Russia), A.N. Kruglashov (Ukraine), V.A. Nesterovski (Ukraine),
Ezhy Nikitarovich (Poland), Mark Pilkington (France), A. Yuvka (Poland)

Editorial board:

G.I. Zaimist (*the humanities and social sciences managerial editor*),

N.S. Stupen (*natural sciences managerial editor*),

V.V. Amelkin, S.V. Artyemenko, M.A. Bagdasarov, V.F. Bainev, V.N. VatyI, A.N. Vitchenko,

A.L. Gulevich, M.A. Dobrinin, M.P. Zygar, G.A. Zoryn, M.S. Kovalevich, T.A. Kovalchuk, C.S. Kirvel,

V.V. Losev, M.I. Levchuk, Y.F. Martynov, A.A. Makhnach, A.V. Matveev, Z.P. Melnikova,

M.I. Mishchenchuk, E.N. Meshechko, O.V. Petrovskaya, Y.V. Radyno, S.G. Rachevski, S.V. Reshetnikov,
D.G. Rotman, B.V. Salikhov, V.V. Saltanov, V.F. Savchuk, V.S. Sekerzhitski, V.A. Senkovets, E.V. Skakun,
E.S. Slepovich, A.I. Smolik, V.A. Stepanovich, V.I. Senkevich, N.N. Trush, V.M. Homich, A.V. Chernovalov,

A.V. Chichurin, T.I. Yakovuk, Y.K. Yalovicheva, Y.S. Yaskevich

Publishing house address:

224665, Brest, Bulvar Kosmonavtov, 21

tel.: 23-34-29

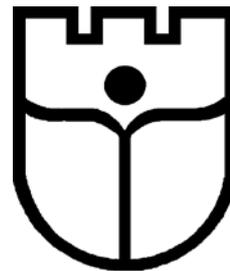
e-mail vesnik@brsu.brest.by

ISBN 978-985-473-494-1 (ч. 1)

ISBN 978-985-473-493-4

© EE «BrSU named after A.S. Pushkin», 2012

Вучоныя запіскі

Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

ЗБОРНИК НАУКОВЫХ ПРАЦ

2012 • Вып. 8 • Ч. 1

ЗМЕСТ

СТАРОНКІ ГАЛОЎНАГА РЭДАКТАРА

Чесновский М.Э. Цель – улучшить экономику университета 9

ПЕДАГОГІКА

Дакович Л. Формирование этических ценностей учителями профессионально-технических училищ в Белостоке..... 16

Савчук В.В. Управление качеством функционирования и развития дидактической системы вуза..... 24

Ковалевич М.С. Принципы и механизм системного становления профориентационной деятельности в условиях инновационного экономического развития современного общества..... 37

Северин С.Н. Нормативно-критериальный, критико-рефлексивный и системно-модельный подходы к пониманию сущности и генезиса парадигмы педагогического исследования как методологической модели научной рациональности..... 48

Куиш А.Л. Система социально-гуманитарного образования высшей школы: теоретический и практический аспекты реализации 64

Яцевич А., Онискевич Т.С. Современные требования к профессиональному совершенствованию педагога в Польше..... 75

Rosenthal Klaus Strukturveränderung von theorie und wissenschaft als ökonomisches problem 82

Гурникевич Яцэк Применение наказания детей: за и против (Часть 1) (мнение студентов специальности «Педагогика» психолого-педагогического факультета Белостокского университета)..... 89

Демидчик А.В. Некоторые аспекты преподавания академической дисциплины «Основы энергосбережения» 100

ГІСТОРЫЯ

Гребень Е.А. Ветеринарная служба в Беларуси в условиях нацистской оккупации..... 105

Корзун М.С. О необходимости диалога между христианскими церквями в свете основ социальной концепции РПЦ» (тезисы)..... 114

Горбацкий А.А. Из истории культурно-антропологической мысли в Польше 120

Лазько Р.Р. «Ціскі» змыкаюцца: польскае зв'язно версальскай сістэмы паміж Германіяй і СССР вясной – летам 1939 г. 128

Морозько Е.В. Социальная деятельность монастырей Минской православной епархии (вторая половина XIX века).....	138
Ермаковіч Л.І Сельская гаспадарка Заходняй Беларусі ў перадваенны перыяд (1939– 1941 гг.).....	146
Фрольцов В.В. Политика Германии в отношении постсоветских стран в историографии ФРГ	153

ЭКАНОМІКА

Йохна Н.А. Совершенствование методологии управления технологическим развитием промышленного предприятия.....	160
Седель О.Я., Займист А.Ф. Особенности развития индустрии туризма на республиканском и региональном уровне.....	169
Петрукович Д.А., Седель О.Я. Маркетинговые исследования рынка страховых услуг Брестского представительства БРУСП «Белгосстрах»	176
Матюшков Л.П., Петрукович Д.А. Проблемы создания дистанционных рабочих мест в Беларуси	183

ПРАВА

Лепешко Б.М. Аксиологический метод в праве: сущность и эвристические возможности.....	189
Александров А.С. Symbolum «новой» теории судебных доказательств.....	199
Будников В.Л. Следственный комитет России пытается определить место суда в уголовном процессе.....	207
Смhyга А.У. Mandates of Parliamentarians in Belarus and in Some States of European Union: Comparative Aspect.....	212
Шевелева С.В. Пути совершенствования законодательства, регулирующего исполнение наказания в виде лишения права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью	218
Максимов Ю.А. Правовые аспекты взимания налога на добавленную стоимость при перемещении товаров через таможенную границу и роль НДС в федеральном бюджете Российской Федерации.....	225
Аренова Л.К. Криминалистическое значение специальных понятий в практике предупреждения и противодействия преступлений, связанных с деятельностью нетрадиционных религиозных конфессий, деноминаций и культов	238

ПАЛІТАЛОГІЯ

Решетников С.В., Решетникова Т.С. Функциональный подход как современная аналитическая методика в политической науке.....	249
Денисюк Н.П., Мельников А.П. Политическая культура Норвегии	259

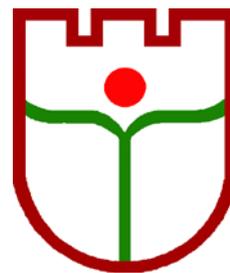
ФІЛАЛОГІЯ

Сенкевич В.И. Текстовые единицы и дискурсивные элементы языка/речи	266
Годуйко Л.А. Эргонимы как часть ономастического пространства города Бреста.....	279
Швед І.А. «Мова» колеру ў беларускім абрадава-міфалагічным тэксце пахавання.....	288

ХРОНІКА НАВУКОВАГА ЖЫЦЦЯ

Люкевіч У.П. Рэспубліканская навукова-практычная канферэнцыя «Культура правядзення вольнага часу дзяцей і моладзі: традыцыі і навацыі», Брэст, 27–29 красавіка 2012 года	295
Звесткі аб аўтарах.....	297

Scientific Proceedings

of Brest state University named after A.S.Pushkin

COLLECTION OF SCIENTIFI WORKS

2012 • Issue 8 • Part 1

Contents

EDITOR-IN-CHIEF COLUMN

Chesnovski M.E. Aim – to Improve the Economics of the University..... 9

PEDAGOGICS

Dakovich L. Ethical Values Conveyed by Teachers of Selected Vocational Schools in Bialystok 16

Savchuk V.V. Quality Management of Functioning and Development of a Didactic System..... 24

Kovalevich M.S. Principles and Mechanism of System Beginning of Career-guidance Activity
in Conditions of Innovative Economic Development of Contemporary Society 37

Severin S.N. Normative-criterion, Criticism-reflective and System-model Approach
to Understanding of Essence and Genesis of Pedagogic Research Paradigm as a Methodological Model
of Scientific Rationality 48

Kuish A.L. Teaching of Social Sciences and Humanities in Higher Education – Theoretical
and Practical Perspectives 64

Jatsevich A., Oniskevich T.S. Modern Requirements to Professional Improvement of the Teacher
in Poland..... 75

Розенталь К. Изменение структуры теории и науки как экономическая проблема 82

Gurnikevich J. The punishment of children: pros and cons. Thu port I. (The opinion of student
of psychology-pedagogical faculty of Belostok’s university) 89

Demidchik A.V. Some Aspects of the Teaching of Academic Subjects«Fundamentals of Energy-saving»..... 100

HISTORY

Greben E.A. Veterinary Service in Belarus During the Nazi Occupation 105

Korzun M.S. On the Necessity of a Dialogue between Christian Churches in the Framework
of «The Basis of Social Concept RPC»..... 114

Gorbatski A.A. From the History of Cultural and Anthropological Thought in Poland..... 120

Lazko R.R. «Grips» are Tightening: Polish Section of Versailles System between Germany and USSR
in Spring-Summer of 1939..... 128

Morozko K.V. The Social Activity of the Monasteries of Minsk Orthodox Diocese (the second half of the 19th century)	138
Ermakovich L.I. The Agriculture of Western Belarus in the Prewar Period (1939–1941)	146
Froltsov V.V. German Policy Toward the Post-soviet Countries in the Historiography of the FRG.....	153

EONOMICS

Yohna N.A. Methodology Perfection of Management of Technological Development of Industrial Enterprises	160
Sedel O.Y., Zaymist A.F. Features of the Development of the Tourism Industry at the National and Regional Level.....	169
Petrukovich D.A., Saddles O.J. Market Research Insurance Brest Representation BRUSP «Belgstrakh»	176
Matsiushkou L.P., Petrukovich D.A. Problems of Remote Jobs in Belarus	183

LAW

Lepeshko B.M. Axiological Method of Law: Nature and Heuristic Capabilities	189
Александров А.С. Symbolum «новой» теории судебных доказательств.....	199
Budnikov V.L. Investigating Committee of Russia Tries to Define the Role of a Court in Criminal Procedure	207
Чмыга О.В. Мандаты парламентариев в Беларуси и в некоторых государствах Европейского союза: сравнительный аспект.....	212
Sheveleva S.V. Ways of Improving the Legislation Regulating Execution of Punishment of Deprivation of the Right to Occupy Certain Posts or Engage in Certain Activities.....	218
Maksimov Y. A. Legal Aspects of Value-added Tax while Transferring Goods across Customs Border and the Role of VAT in Federal Budget of Russian Federation.....	225
Arenova L.K. Criminal Meaning of Special Notions in the Practice of Caution and Crossing of Crime, Connected with the Activity of Non-conventional Religious Confession, Denominations and Cults.....	238

POLITOLOGY

Reshetnikov S.V., Reshetnikova T.S. Functional approach as a modern analytical methodology.....	249
Denisuk N.P., Melnikov A.P. Political culture of Norway.....	259

PHILOLOGY

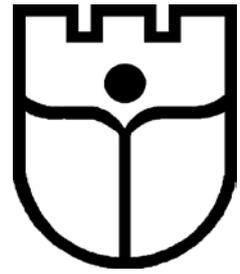
Senkevich V.I. Textual Units and Discourse Elements of Language/Speech	266
Goduiko L.A. Ergonyms as a Part of Onomastic Space in Brest	279
Shved I.A. «Language» of the color at the Belorussian ritual and mythological text of the burial.....	288

ХРОНІКА НАВУКОВАГА ЖЫЦЦЯ

Люкевіч У.П. Рэспубліканская навукова-практычная канферэнцыя «Культура правядзення вольнага часу дзяцей і моладзі: традыцыі і навацыі», Брэст, 27–29 красавіка 2012 года	295
---	-----

Information about the authorsx	297
--------------------------------------	-----

Вучоныя запіскі

Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

ЗБОРНИК НАУКОВЫХ ПРАЦ

2012 • Вып. 8 • Ч. 1

ЗМЕСТ

СТАРОНКІ ГАЛОЎНАГА РЭДАКТАРА

Чесновскі М.Э. Цель – улучшить экономику университета..... 9

ГІСТОРЫЯ

Чесновский М.Э. Преобразование социальной сферы в процессе постсоциалистического развития стран Средней Европы в 1990-е гг. 16

Здановіч У.В. Вызваленне Беларусі ад нямецка-фашысцкіх войск ў айчыннай гістарыяграфіі (1991– 2009 гг.) 23

Тафаев Г.И. Северокавказская столетняя война (640 г. – 70-е г. VIII в.) и переселение народа улыпа (болгаро-сувар) в Среднее Поволжье 30

Петровская О.В. За кулисами триумфа: быт красноармейцев во время похода Красной Армии в Западную Беларусь осенью 1939 г. 37

Савіч А. А. Брэсцкая мужчынская прагімназія: старонкі гісторыі 51

Загорнов А.А. Взаимодействие официального права с традиционным обычным правом крестьян Беларуси во второй половине XIX века (судебный аспект) 57

Коваль В.У. Узаемасувязі беларускіх і ўкраінскіх студэнцкіх арганізацый у Чэхаславакіі (1918–1939)..... 65

Восович С.М. Культурно-просветительская деятельность православных братств Беларуси в 1863–1914 гг. 76

Вуглік І.Р. Сямейныя быт, абраднасць беларускага сялянства XVII–XVIII ст. (асноўныя формы, гістарычная дынаміка)..... 86

ПСІХАЛОГІЯ

Малейчук Г.И. Обоснование холистической модели психического здоровья..... 92

Лагонда Г.В. Экспектационный подход к психологическому анализу супружеских конфликтов 100

Поляков А.М. Проблема изучения субъекта в психологии и духовный слой сознания..... 108

ПЕДАГОГІКА

Северин С.Н. Сущность и эвристический потенциал иррационального компонента парадигмы педагогического исследования.....	116
Ковалевич М.С. Моделирование психолого-педагогической поддержки профессионального самоопределения выпускника школы в условиях подготовительного отделения БрГУ имени А.С. Пушкина.....	127
Александрович Т.В. Воспитание творческой личности дошкольника на основе технологии Дж. Родари.....	136
Демидчик А.В. Тестирование по общему курсу физики “электричество и магнетизм” как форма контроля знаний студентов: результаты педагогического мониторинга	146
Данилова Л.Н. Современная реформа школы в Германии и Польше.....	152
Молоков Д.С. Направления развития дополнительного образования в Европе	156

ЭКАНОМІКА

Байнев В.Ф., Винник В.Т. Нравственное измерение экономики как условие устойчивого развития цивилизации.	162
Цекановский З., Силюк Т.С. Управление телекоммуникационными программами (аппликациями) и сетевыми транспортными услугами в процессе формирования Безопасности государства	170
Котляров И.Д. Формы аутсорсинга в международной торговле.....	180
Tsekanovski Z. A Collective Decision Taking	192
Седель О.Я., Хандошко В.А. Мировой финансовый кризис и его последствие на экономику Беларуси.....	199

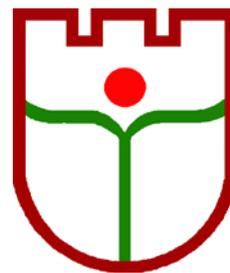
ПРАВА

Чичурина О.А. Профессиональное представительство по гражданским делам как комплексный межотраслевой институт права.....	206
Храмов С.М. Профилактика латентной преступности в Республике Беларусь	215
Зайчук Г.И. Новый кодекс Республики Беларусь о земле и пути совершенствования земельного законодательства.....	224
Тупачевска Ю. Добровольное выражение согласия на наложение наказания в польском законодательстве	234

ФІЛАЛОГІЯ

Швед И. О персонажах низшей мифологии в словацкой традиции.....	248
Харошка Г.П. Трагічнае і гераічнае ў драматычным эпасе М. Танка, З. Астапенкі і А. Бачылы; дамiнуючы пафас паэм.....	260
Касцючык В.М. Матывацыйныя і словаўтваральныя асаблівасці беларускіх безэквівалентных слоў.....	273
Звесткі аб аўтарах.....	283

Scientific Proceedings

of Brest state University named after A.S.Pushkin

COLLECTION OF SCIENTIFI WORKS

2012 • Issue 8 • Part 1

Contents

EDITOR-IN-CHIEF COLUMN

Chesnovski M.E. Informational and Educational Expanses of the University: Mutual Relations and Interdependence..... 9

HISTORY

Chesnovski M.E. Social Development and Dialectics of Categories: Search of Basic Constants 12

Здановіч У.В. Вызваленне Беларусі ад нямецка-фашысцкіх войск ў айчынай гістарыяграфіі (1991– 2009 гг.) 23

Тафаев Г.И. Северокавказская столетняя война (640 г. – 70-е г. VIII в.) и переселение народа улыпа (болгаро-сувар) в Среднее Поволжье 30

Petrovskaya O.V. Behind the Scenes of Triumph: Way of Life of Red Army Soldiers during the Campaign of the Red Army to Western Byelorussia by Autumn 1939..... 37

Savich A.A. Brest Male Progymnasium: Pages in History 51

Zagornov A.A. The Interaction Between Official and Customary Law of Peasants of Belarus in the Second Half of XIX Century (Judicial Aspects)..... 57

Koval V.U. The ties between Belarusian and Ukrainian students` organizations in Czechoslovakia (1918–1939)..... 65

Vosovich S.M. Cultural-enlightening activities of Orthodox brotherhoods in Belarus in 1863–1914 76

Vuhlik I. Family life, rites of the Belarusian peasantry seventeenth to the eighteenth century. (basic form, the historical dynamics) 86

PSYCHOLOGY

Maleychuk G.I. The Foundation of the Holistic Mental Health Model 92

Lagonda G.V. The expectational approach to the psychological analysis of marriage conflicts ..	100
Polyakov A.M. The problem of studying of the subject in psychology and a spiritual layer of consciousness	108

PEDAGOGICS

Северин С.Н. Сущность и эвристический потенциал иррационального компонента парадигмы педагогического исследования.....	116
Kovalevich M.S. Modeling of Psychological and Pedagogical Support of Highschool Graduate's Professional Self-determination in Conditions of Preparatory Department of Brest State University Named After A.S. Pushkin	127
Alexandrovich T.V. Up-bringing of Creative Personality of Preschool-age Children on the Basis of j. Rodary's Technology	136
Demidchik A. Testing on general physics «Electricity and Magnetism» as a form of knowledge control of students: some aspects	146
Danilova L.N. The Educational Reform of Schools in FRG.....	152
Molokov D.S. Development Directions of Supplementary Education in Europe	156

EONOMICS

Bainev V.F., Vinnik V.T. Moral Measurement of Economics as the Condition of Stable Development of Civilization	162
Tsekanovski Z., Silyuk T.S. Telecommunication Program Management (Application) and Net Transport Services in the process of Formation of State Security.....	170
Kotliarov I.D. Types of Outsourcing in International Trade	180
Цекановский З. Коллективное принятие решений	192
Sedel O.J., Khandoshko V.A. Global Economic Crisis and its Impact on the Belarusian Economy	199

LAW

Chichurina O.A. Professional representation on civil cases as a complex above branch institute of law	206
Chramov S.M. Prophylaxis of latent criminality in the Republic of Belarus.....	215
Zajchuk G.I. New Code of the Republic of Belarus on the ground and ways to improve land law.	224
Tupachevska Y. Voluntary Expression of Consent to Punishment in Polish Legislature....	234

PHILOLOGY

Shved Inna About Personages of the Lowest Mythology in Slovak Tradition.....	248
Харошка Г.П. Трагічнае і гераічнае ў драматычным эпасе М. Танка, З. Астапенкі і А. Бачылы; дамінуючы пафас паэм.....	260
Kostyuchik V.M. Motivational and Word-formative Peculiarities of Belarusian Non-equivalent Words	273

Information about the authorsx	283
--------------------------------------	-----

УДК 37.014.54

М.Э. Чесновский

ЦЕЛЬ – УЛУЧШИТЬ ЭКОНОМИКУ УНИВЕРСИТЕТА

Эффективность финансово-экономической деятельности – одна из ведущих и первоплановых задач развития университета. Совет обсуждал данную проблему в текущем году дважды: в феврале и октябре. В кратком определении цель данной статьи: как улучшить экономику университета. Ведь вопросы доходов, расходов, расширения всего спектра платных услуг, повышения их рентабельности, финансово обеспеченных научных разработок, заключения международных соглашений с наличием грантов и получение от всего этого коммерческой выгоды – это и есть сегодня экономика университета. Уже два десятилетия данная сфера перестала быть только задачей госбюджета и заботой директивных органов. Прибавилась внебюджетная составляющая, и проблема стала исключительно внутриуниверситетской.

Источником для этой публикации в определенной степени послужили мнения и предложения руководителей многих подразделений. Они, бесспорно, помогут эффективнее выстраивать экономику университета. Но основу для уяснения общей картины способен дать **анализ внебюджетной финансово-хозяйственной деятельности университета.**

Из-за осложнения финансовой конъюнктуры в стране, характерной для февраля-сентября 2011 г., возросли внебюджетные расходы и упала коммерческая выгода от платных услуг университета. Эта тенденция нарастала с начала 2012 г. Уже на Совете университета 24.02.2012 констатировалось, что доля внебюджетных средств в нашем консолидированном бюджете уменьшилась с 48,0% в 2010 г. до 46,0% в 2011 г. В общем объеме доходов по внебюджетным средствам снижалась доля доходов от научно-исследовательской деятельности, от оказания образовательных услуг, а также от таких видов необразовательных услуг, как физкультурно-оздоровительные, редакционно-издательская деятельность (РИЦ), услуги Центра информационных технологий (ЦИТ), Агробиологического центра (АЦ). Ряд кафедр выполнили доведенный показатель по доходам от необразовательных услуг лишь на 5,0–30,0%.

Этот сложный процесс продолжался до конца лета текущего года. Ситуацию в сфере **внебюджетных поступлений за 9 месяцев 2012 г.** иллюстрируют следующие данные. Доля внебюджетных средств в структуре бюджета продолжала снижаться, достигнув 44,0%. Среди всех внебюджетных поступлений (образовательных, необразовательных и процентов от депозитов) упала доля доходов от образовательных услуг; если за январь-сентябрь 2011 г. они составляли 83,3%, то за аналогичный период 2012 г. – только 80,5%. Основная причина: не поддающаяся преодолению тенденция снижения численности студентов-платников. По состоянию на 1.01.2011, на 1.01.2012, на 1.10.2012 по дневной форме получения образования она выглядела так: 2 523→2 493→2 250; по заочной: 3 869→3 842→3 756. От более резкого падения объема образовательных услуг из-за уменьшения доходов от платного обучения студентов в январе-сентябре 2012 г. спасал лишь значительный рост других видов образовательных услуг: факультета довузовской подготовки (на 179%), ИПКиП (на 170%), краткосрочных курсов (на 276%).

Более стабильно выглядел процесс поступления средств от необразовательных услуг. За январь-сентябрь 2011 г. они составляли 13,3%, а за аналогичный период 2012 г. их доля выросла до 14,2% от общего объема внебюджетных средств. К сожалению, и в структуре необразовательных доходов доля отдельных платных услуг снижалась в сравнении с предшествующим периодом; падения темпов роста мы не избежали по физкультурно-оздоровительным услугам, по услугам Торгового центра (ТЦ), по доходам от аренды, РИЦ, АЦ.

Постановление упомянутого Совета университета от 24.02.2012 поручило проректору по научной работе и экономике в месячный срок уточнить и представить на утверждение поручения структурным подразделениям (СП) университета по доходам от необразовательной деятельности. В результате за 9 месяцев уже достаточно обоснованно прогнозировалась реальная возможность выполнения Комплексного плана расширения необразовательных услуг в целом за 2012 г. Одновременно обозначились и аутсайдеры. Годовой план, по всей вероятности, не будет выполнен по услугам студенческого клуба, социологической лаборатории, учебно-производственной лаборатории «Физпрактикум», библиотеки, спорткомплекса, спортивного клуба. Следует подчеркнуть, что около 40% кафедр также не «вытянут» годовой план оказания необразовательных услуг, а 21 из них и в октябре «засветилась» нулевыми показателями за 2012 г.

Предпринятые меры по оздоровлению внебюджетной сферы в целом стали приносить плоды лишь с сентября текущего года.

Экономику университета способен значительно улучшить **современный маркетинг** или искусство выгодных продаж. Его развитию в последние годы мы уделяем много внимания. Комплексный план расширения необразовательных услуг БрГУ имени А.С. Пушкина на 2011–2015 гг. реально построен на принципе агрессивной маркетинговой политики; отличительные особенности данного документа: охват почти всех СП, адресность поручений, система персональной ответственности за выполнение. Но на деле система маркетинга у нас лишь зарождается. Отделы правовой и коммерческой работы (ПиКР) и информационно-аналитической и инновационной деятельности (ИАИИД) не смогут ее выстроить без поддержки подразделений. В начале октября текущего года ректорат выработал дополнительные маркетинговые меры по расширению платных услуг. Предстоит уточнить перечень наиболее пользующихся спросом у населения услуг, исключив при этом невостребованные услуги; обозначить круг потенциальных потребителей услуг как объекта первоочередного целевого рекламирования; в каждом подразделении, предоставляющем платные услуги, назначить сотрудника, ответственного за работу с клиентами; определить порядок увеличения надбавки работникам за успешное выполнение плана оказания платных услуг.

Исключительно большое значение приобретает **реклама услуг** и участие в выставочной деятельности. Необходимо не мешкая, во-первых, свести в один краткий буклет все виды платных услуг; во-вторых, создать подробные буклетики по каждой платной услуге – с указанием реквизитов конкретного СП, ее оказывающего; в-третьих, разместить полную информацию на сайте университета в разделе «Платные услуги»; в-четвертых, заказать и изготовить современные, качественно оформленные баннеры для размещения вне помещений и стенды для учебных корпусов и общежитий.

Назрела необходимость окончательно решить проблему **калькуляции платных услуг**, как представляется, во многом искусственную. Многие руководители ошибочно считают, что расчет оплаты услуг должен делать планово-экономический

отдел (ПЭО) в одиночку. Важно подчеркнуть: ПЭО сделает расчеты, но только на основании расписанных соответствующим СП рабочих процессов, видов трудозатрат и необходимых материалов. Поэтому, если подразделение заинтересовано в получении реальной платы за произведенную услугу – пусть помогает плановикам делать исчерпывающие расчеты. Но, кстати, плановики сами обострили проблему калькуляции услуг: больше года назад им поручалось подготовить методические рекомендации для подразделений, понятным образом, мало разбирающихся в экономическом описании своих рабочих процессов; методички до сих пор нет.

Поддержание устойчивой экономики университета предусмотрено Программой инновационного развития на перспективу до 2015 г. в части **инновационной образовательной и научной деятельности**. В ней сделан упор на разработку соответствующего современному уровню образования количества электронных учебников и учебно-методических комплексов, создание в университете Компетентностного центра и нескольких медиацентров; введение в практику написания и рецензирования программ преподавания учебных дисциплин в филиалах кафедр, на предприятиях, в учреждениях социокультурной сферы, органах государственного управления; развитие практико-ориентированной магистратуры; значительное расширение видов и форм самостоятельной работы обучающихся; внедрение кредитной и модульно-рейтинговой систем оценки знаний студентов на ряде специальностей; широкое внедрение договорной практики центров «Школа – семья» и «Профоринтер» с учреждениями образования; создание в университете информационной среды, содействующей инновационной педагогической деятельности работников образования Брестской области; организация стажировок преподавателей на предприятиях и в организациях реального сектора экономики; обеспечение многоканальности финансирования научных работ с использованием грантов международных программ.

Если интегрированные образовательные структуры мы научились создавать и стали даже пионерами открытия филиалов кафедр в общеобразовательных школах и лицеях, то структур типа университет–производственное предприятие у нас, к сожалению, нет. Между тем, подобные **учебно-научно-производственные структуры** нам нужны для усиления практико-ориентированного обучения, которому должно сопутствовать материальное вознаграждение преподавателям и обучающимся. При этом речь идет не столько о производственной практике, сколько о работе во временном трудовом коллективе инновационной направленности. Ряд специальностей университета нуждаются в создании таких коллективов. Договоры о научно-производственной кооперации, филиалы кафедр на производстве, совместные ресурсные центры позволят поднять качество образования, включить элемент коммерциализации произведенного продукта, повысить престиж университета и привлечь к обучению в нем дополнительное число студентов, заинтересованных в получении не только знаний, но и практического опыта в процессе обучения. Это обеспечит доходность от оказания образовательных услуг, создаст дополнительный приток денежных средств и сократит срок окупаемости средств, направленных на развитие университета.

Для выработки эффективной системы стимулирования работников, обеспечивающих оказание необразовательных платных услуг, необходимо учитывать ряд факторов. Среди них наиболее существенны: назначение, цели и задачи конкретного СП. Эти факторы позволяют предложить некоторым СП **переход на хозрасчет или частичную самоокупаемость**.

Одни СП (ТЦ, «УниверТур», «Физпрактикум», центры «Школа – семья», «Профориентир», стройучасток) созданы для оказания только платных необразовательных услуг. Соответственно, оплата труда и материальное стимулирование (доплаты, надбавки, премирование) их работников напрямую зависят от интенсивности процесса, инициативности специалистов данного СП, от выполнения плана, качества предоставляемых услуг, его рентабельности – в целом, от его экономической эффективности. Но «Физпрактикум», «Универтур» реально на хозрасчет не переведены (и пока содержатся за счет внебюджета университета). А в оказании транспортно-туристических услуг «Универтур», заметим, кооперируется с хозяйственным отделом.

Для большинства же СП платные необразовательные услуги не являются единственным видом деятельности. Ряд таких услуг оказывается СП в целом либо отдельными его специалистами (это – факультеты, кафедры, ЦИТ, АЦ, «Зимний сад», спорткомплекс, спортклуб, студклуб и т.д.). В одних случаях такая деятельность осуществляется в пределах основного рабочего времени, в других – после окончания рабочего дня или в выходной (выходные) дни, в третьих – и так и иначе.

Оплата труда отдельных работников (например, ксерокопирование, осуществляемое ЦИТ) является фиксированной и реально не зависит от полученной выручки, рентабельности предоставляемых услуг (стоимость услуг, преysкурант определяются в установленном порядке); в данной ситуации работник не наказывается рублем при плохой работе, но может поощряться при хорошей и отличной.

Как видно, форм организации труда в СП, оказывающих платные услуги, довольно много. Значит, для определения экономической целесообразности перевода на хозрасчет или частичную самокупаемость того или иного СП необходимо *выработать более-менее сопоставимые критерии оценки их работы*. В ближайшем будущем ПЭО обязан дать обоснованные варианты и расчеты возможности перевода отдельных СП на полный либо частичный хозрасчет. Одновременно следует продумать и особенности материального стимулирования смежных служб или специалистов, входящих в кооперацию для оказания конкретной платной услуги. ПЭО совместно с руководителями соответствующих СП предстоит периодически (один раз в квартал или чаще – с учетом специфики работы) делать анализ эффективности платных услуг, доводить его к сведению исполнителей и выходить на ректорат с предложениями о материальном поощрении или финансовом ужесточении.

С весны этого года ведется **сокращение количества внебюджетных ставок** работников университета. Сокращение становится возможным благодаря все более широкому внедрению информатизации различных процессов, включая образовательный, учетный, обслуживающий. Оптимизация, в первую очередь, коснулась учебно-вспомогательного и обслуживающего персонала, финансируемого из внебюджета; до конца года его численность уменьшится на 5,0%. Также будет сокращена до 3,0% численность внебюджетного преподавательского состава.

От численности обучающихся на внебюджетной основе сильно зависит как финансово-экономическое состояние университета в целом, так и успешное функционирование СП, даже тех, которые не обеспечивают напрямую основную (т.е., образовательную) деятельность. Поэтому с учетом реалий и перспектив жизнедеятельности (не преодолен демографический спад, падают конкурсы при приеме на 1-й курс) следует говорить не только о штатно-кадровой, но и **структурно-кадровой оптимизации**. Речь идет о б о бединении отдельных родственных СП для достижения более весомых результатов при прежних либо даже меньших

финансовых и трудовых издержках. Начало уже положено фактами передачи функций лаборатории «Технология здоровья» дирекции спорткомплекса и слияния юридического и коммерческого отделов. Также надо осуществить объединение Межфакультетского центра экологии и природоведения (МЦЭиП) с АЦ. В этом случае мы избежим определенного параллелизма в их работе, а консолидация усилий укрупненного СП должна привести к более значительной отдаче. Будет логичным включение научно-производственной лаборатории «Физпрактикум» в состав отдела ИАиИД. На первых порах эта лаборатория имела право на самостоятельную жизнь, но далее она должна укрепить тот сегмент ОИАиИД, который касается инновационной деятельности. Не исключен вариант и более крупной интеграции на базе ОИАиИД с участием НИС. Пора создавать управление бухгалтерского учета и финансов путем объединения бухгалтерии и ПЭО. Продолжение стагнирования деятельности РИЦ, вероятно, потребует его возврата к прежнему статусу – редакционно-издательского отдела. Некоторые лаборатории, так и не набравшие ни производственного, ни финансового веса, надо просто упразднить либо перевести в разряд нефинансируемых; речь идет, прежде всего, о лабораториях при кафедрах педагогики, белорусского литературоведения и, возможно, других. Надо также определиться с загородными учебными базами. Как известно, дефицит финансовых сил заставил передать в коммунальную собственность базу «Чайка»; видимо, пора сделать следующий шаг и оставить за университетом только одну из нынешних баз: «Орхово» или «Люту».

Назрела внутриуниверситетская дискуссия об общеуниверситетских кафедрах – их статусе, образовательно-научных функциях, количественном составе, даже, возможно, о продолжении функционирования в роли общеуниверситетских. Все заинтересованные должны высказаться по данной теме, а модератором дискуссии станет первый проректор.

С недавних пор директивные органы настойчиво перетасовывают перечень специальностей (специализаций) на первой ступени получения высшего образования. Это заставляет нас задуматься о количественном, содержательном и профильном аспектах действующих кафедр университета. Не хотелось бы ломать их устоявшуюся номенклатуру, но не исключено, что в 2013 г. придется реагировать на изменения в перечне специальностей корректировкой количества и профилей кафедр.

Наконец, в плане структурно-кадровых изменений пора задуматься, насколько оптимальна действующая номенклатура факультетов университета. Обстоятельства, преимущественно внешние, уже сказались на численности обучающихся и структуре ряда факультетов, из-за чего, например, в последние годы филологический факультет сократился на 40%. Неуклонно уменьшается численно физический факультет, хотя задача выхода на статусные параметры перед ним стоит уже много лет. Отсутствие заочной формы обучения и минимальный внебюджетный контингент практически перекрыли ему пути развития; не найдены и возможности открытия на физфаке новых специальностей, способных обеспечить хотя бы экстенсивное развитие. Сказанное приводит к уже неновой мысли о целесообразности объединения данного факультета с математическим. Это будет нелегкое и непопулярное решение, но обстоятельства заставляют на него идти. Полагаем, такое объединение позволит найти актуальные варианты интеграции образовательных и научных потенциалов кафедр обоих факультетов, даже если не уменьшится общее количество кафедр.

Очищенная от необязательных затрат экономика университета позволит свободнее маневрировать финансовыми средствами для более эффективного

материального стимулирования работников. Сократив в текущем календарном году часть внебюджетных ставок (ППС – 16, УВП – 19,5, АХП – 4,25), мы уже почувствовали ослабление прессы на фонд заработной платы и фонды производственного и социального развития и материального стимулирования. Курс на повышение заработной платы всех категорий работающих будет продолжаться, и это – важнейшая обязанность ПЭО.

Эта официальная точка зрения призвана стать первым предложением по оптимизации структурно-кадрового построения университета. Без сомнения все заинтересованные поддержат разговор о вариантах реструктуризации при сохранении и усилении потенциала университета и с целью снижения издержек на его содержание.

Целесообразно затронуть и ряд конкретных **проблем отдельных СП**, требующих оперативных решений.

Усиление практико-ориентированного и наукоориентированного обучения студентов всех специальностей, но прежде всего на специальностях «Биоэкология», «Бизнес-администрирование», «Государственное управление и экономика», «Экономическая кибернетика», «Прикладная математика», «Журналистика», «Туризм и гостеприимство» и на специальностях психолого-педагогического профиля, должно идти бок о бок с заключением экономических соглашений с внешними партнерами и разработкой собственных платных услуг. К примеру, получают развитие методики тренинга по преодолению психологического, в том числе, профессионального, выгорания. В России такой тренинг пользуется чрезвычайным спросом. Нет сомнения: у нас он тоже будет востребован. Почему бы кафедре психологии развития не освоить данную методику? Она принесет большую пользу и практическому обучению студентов, и экономике университета. Будущее за такими подходами, за чутким реагированием на запросы дня; на кафедрах они должны становиться приоритетом.

Набила оскомину тема расширения ассортимента посадочного материала силами АЦ и МЦЭиП. Причем, необходим посадочный материал для сбыта городу, индивидуальным владельцам, словом, всему реальному сектору, включая сельхозпредприятия. Перед праздничными днями сплошь и рядом встречаемся мы, да и все горожане, с проблемой приобретения цветов в букетах либо вазах. Почему мы, имея широкие возможности для выращивания цветов, до сих пор не подключились к решению этой проблемы? Также мы в состоянии осуществлять платные услуги по ландшафтному дизайну. Полагаем, объединенный центр (возможно, Агробиоэкологический) займется этими и рядом иных, сулящих нам экономическую выгоду, проблем.

Со сдачей в эксплуатацию 2-й очереди общежития № 4 возникла возможность предпринять усилия для размещения некоторых медицинских оздоровительных и косметологических услуг. Начальник отдела организации охраны здоровья уже занимается подбором вариантов и условий для их оказания в университете. Эту задачу надо выполнять, по возможности, оперативнее.

В числе немногих подразделений университета чисто производственные функции выполняет ТЦ. В течение всего периода функционирования он обеспечивал устойчивое производство (до 3,0% рентабельности), однако с 2011 г. столкнулся с объективными трудностями из-за «ножниц», порожденных высокими закупочными ценами и сохранением низкой наценочной категории. Проявил также свою несостоятельность порядок выкупа авторами непроданных изданий; в ТЦ их сейчас – большие остатки. Для увеличения добавленной стоимости ТЦ нуждается в переоснащении производства путем замены устаревшего оборудования. Это позволит разнообразить меню, сократить

расходы на силовую энергию, и в результате – успешнее маневрировать финансами, в том числе, сильнее стимулировать работников материально.

Данная публикация – акцент далеко не на все узкие места и способы совершенствования финансово-экономической деятельности университета. «За кадром» осталось множество важных вопросов и мыслей, среди которых: источники пополнения финансово-материальных ресурсов, анализ стоимости платного обучения, финансовая отдача от научных разработок, внедрение в инновационные фонды облисполкома и республиканских организаций, увеличение объема средств на ремонтные работы, закупки учебно-лабораторного оборудования, решение проблем технологического наполнения учебно-тренировочных залов спорткомплекса, поиск средств на внедрение системы управления организацией труда. Кроме того, предложения структурных подразделений по оптимизации финансово-экономической деятельности в виде аналитического свода, обобщенного ректоратом, размещены в локальной сети университета.

Сделанный автором акцент на недоработки и неиспользованные резервы может породить мысль, что финансово-экономическая деятельность университета целиком проблематична. Это – не так. Она – устойчива и среднеэффективна. Наша общая задача: сделать ее эффективной и более способной качественно улучшать функционирование университета, материально стимулировать работников всех категорий.

УДК 331.361:233-425

Л. Дакович

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ УЧИТЕЛЯМИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКИХ УЧИЛИЩ В БЕЛОСТОКЕ

В статье представлены отдельные аспекты исследований проведенных в 2006 г. среди 125 учителей профессионально-технических училищ в Белостоке. Исследования касались роли учителя в формировании ценностей. Респондентам было предложено высказать свои точки зрения по вопросу, должен ли учитель формировать ценности, какие это должны быть ценности и какие ценности могут передаваться в процессе обучения. Респонденты считали, что учитель должен формировать прежде всего этические и познавательные ценности. Эти ценности чаще всего передаются учителями в процессе обучения. Этические ценности были отмечены среди тех, при формировании которых появляются определенные проблемы.

Введение

Статья опирается на исследования, проведенные среди учителей коллективов ряда профессионально-технических училищ в Белостоке. Тема исследования – взгляды респондентов на роль учителя в формировании различных категорий ценностей. Исследования основывались на теории, предложенной Леоном Дычевским, подразделяющей ценности на: гедонистические, витальные, материальные, социоцентрические, эстетические, этические, познавательные, религиозные. Критерием для классификации автор берет объект, на который сориентированы ценности. Данное подразделение является расширенной классификацией категорий ценностей Макса Шелера и является обоснованной для применения ее в общественных науках, поскольку выделенные в ней виды ценностей соответствуют человеческим потребностям. Данная классификация частично используется, расширенная и индивидуально интерпретируемая различными исследователями жизни общества [1, с. 35–40]. Среди ценностей, выделенных для исследования, особого внимания заслуживают этические ценности, предметом которых являются различные формы блага (добра), то есть разнообразные действия, укрепляющие жизнь и развитие человеческой личности и прочих живых существ. Л. Дычевский отождествляет этические ценности с ценностями альтруистическими. Реализации блага (добра) сопутствуют такие ценности, как справедливость, милосердие, помощь, великодушие, прощение, гостеприимство и прочие. «Реализуя добро, человек приближается к другим людям, входит с ними в более тесный контакт, связь с другими людьми получает более прочные основы» [1, с. 36]. Эти ценности активизируют все чувства и возможности человека, а их реализация всесторонне развивает его личность [2, с. 119, 123; 3, с. 107–112; 4, с. 74; 5, с. 62–68; 6, с. 7–12; 7, с. 43–49; 8, с. 39]. Эти ценности являются постоянным вызовом для человека, поскольку их невозможно полностью реализовать, невозможно также познать их содержание во всей полноте. Реализуя этические ценности, человек постоянно ощущает неудовлетворенность и постоянную жажду их реализации, их достижение доставляет ему радость и дает ощущение удовлетворения. Они являются основой для определения ценности жизни каждого отдельного (данного) человека и каждой социальной группы. Данные ценности нередко определяются как ценности духовные, аутотеличные и наиндивидуальные, они социально значимы [1, с. 37–38]. Трансцендируя (устремляясь) к высшим ценностям, человек находит смысл собственной экзистенции (существования), полноту жизни, а поднимаясь от того, что реально, к тому, что идеально, принимает решение о реализации возможности быть собой [9, с. 24; 10, с. 14–15]. Поэтому в школьном процессе обучения и воспитания в первую очередь

следует обратить внимание на этические ценности. Именно они должны быть первоочередно передаваемы ученикам учителями [11, с. 27; 12 с. 259; 13, с. 21, 26, 28; 14, с. 75–76; 15, с. 201; 16, с. 75–76]. По мнению Мечислава Михалика, образовательно-воспитательному процессу в школе принадлежит большая роль в социальной передаче ценностей (особенно моральных), возможность их интернационализации, включения в личностную жизненную сферу, в концепцию жизни, а также в личностное поведение [17, с. 11, 14–15]. Эта задача приобретает особое значение сегодня, поскольку современная цивилизация патологическим образом вводит молодое поколение в социальную жизнь, предлагая излишне богатый выбор материальных потребительских и гедонистических ценностей.

Статистический материал и методы (методика)

Целью исследований было получение информации о том, какие взгляды (мнения) респондентов на тему роли учителя в формировании ценностей и какие ценности опрашиваемые учителя передают своим ученикам в процессе обучения. Принимая во внимание мнения опрашиваемых на тему роли учителя в передаче ценностей, целью было установление того, должен ли учитель передавать ценности, каким образом должен это делать, почему должен их передавать, а также какие ценности должен передавать в процессе образования.

Исследования были осуществлены в конце 2006 г. участниками магистерского семинара под руководством доктора Лидии Дакович. Они охватывали 125 учителей коллективов профессионально-технических училищ в Белостоке. Это были учителя группы профессионально-технических училищ № 2 (Zespół Szkół Zawodowych № 2) (24%), объединения профессиональных торгово-экономических училищ (Zespół Szkół Handlowo-Ekonomicznych) (20%), объединения гастрономических училищ (Zespół Szkół Gastronomicznych) (16%), группы профессионально-технических училищ № 1 (Zespół Szkół Zawodowych № 1) (15,2%), группы профессионально-технических училищ обработки древесины и металлов (Zespół Szkół Metalowo-Dzewnych) (12,8%), группы профессионально-технических училищ № 5 (Zespół Szkół Zawodowych № 5) (12,0%).

Материал был собран с помощью анкеты «Учитель и система ценностей» [18, с. 194–203]. Окончательный вариант анкеты был разработан после анализа результатов выборочных исследований, осуществленных в начале октября 2006 г. Учителям лично предлагалось заполнить анкеты. Время исследования: около 30 минут. Проблем с пониманием вопросов анкеты не было. Полученные данные обрабатывались, опираясь на основные описательные статистики. Основной техникой, применяемой при анализе, было исследование статистической сущности связей между переменными при помощи теста χ^2 Пирсона. Собранный эмпирический материал был обработан при использовании статистического анализа данных «SPSS 13.0».

Характеристика исследуемой группы

Учителя-респонденты – это в основном женщины (80,8%). Принимая во внимание возраст учителей: 41,6% находились в границах от 26 до 35 лет, 28,8% – от 36 до 45 лет, 20,8% – от 46 до 55 лет, 4% – более 55 лет, 3,2% – менее 25 лет. Большинство респондентов имело высшее университетское образование (74,4%), 13,6% – высшее техническое образование, 8,8% – другое образование (например, высшее спортивное и др.), а 3,2% – незаконченное высшее образование. Преобладающее большинство – учителя, преподающие общеобразовательные дисциплины (72,8%), 23,2% преподавали специ-

альные профессионально-технические предметы. Если речь идет о стаже работы учителей, большинство имело трудовой стаж до 5 лет (26,4%), от 6 до 10 лет – 20,8% респондентов, более 20 лет – 19,2 %, от 11 до 15 лет – 18,4%, а 14,4% имело стаж от 16 до 20 лет. Стаж работы учителей в данном профессионально-техническом учебном заведении выглядел следующим образом: 39,2% – до 5 лет, 24% – от 6 до 10 лет, 14,4% – от 11 до 15 лет, 11,2% – более 20 лет, 10,4% – от 16 до 20 лет. Большинство респондентов определило себя как лиц верующих (81,6% , в том числе 12% глубоко верующих), 8,8% как неопределившихся, но связанных с религиозной традицией, 7,2% религиозно равнодушных, а 2,4% неверующих. Принадлежность к организации декларировало 15,2% респондентов, в том числе 12,8% свидетельствовало об активном членстве. 84,8% не принадлежало к какой-либо организации. Респонденты чаще всего оценивали свою материальную ситуацию как среднюю (заурядную), 24,8% считало ее скорее хорошей, 11,2% скорее плохой. Небольшой процент респондентов оценил свое материальное положение как очень хорошее (4,0%), либо очень плохое (2,4%). Если заходила речь о мотивах работы учителем, чаще всего указывалось на возможность контактов и работы с молодыми людьми (65,6%), реже респонденты ссылались на призвание учителя (42,4%), возможность передачи знаний (39,2%), широкие возможности творческой деятельности (30,4%), а также возможность формирования личности молодежи (24,0%).

Результаты исследований

Практически все респонденты (97,6%) считали, что учитель должен формировать ценности (73,6% – решительно так, 24,0% – скорее так, 0,8% – скорее нет, 1,6% не имело собственного мнения на эту тему). По мнению большинства респондентов, ценности следует формировать (прививать) на собственном примере (81,6%). Каждый второй респондент полагал, что наилучшим методом передачи является показ ученикам образцов для подражания (54,4%). Введение в мир культуры и науки – это ответ, на который обратило внимание 45,6% респондентов. Разговор о ценностях выбрало 44% учителей, а использование различных ситуаций как из жизни, так и из книжек или фильмов как наилучший метод причин, по которым учитель должен передавать ценности, назвали: поскольку такова роль школы (33,6%), чтобы поддерживать формирование зрелой личности (28,8%), поскольку ценности являются основой процесса воспитания (20,0%), чтобы подготовить молодого человека для жизни в обществе (19,2%). На другие причины указывало 3,2% респондентов, а 9,6% не ответило на эти вопросы. [Проценты не суммируются до 100%, поскольку можно было выбрать несколько ответов].

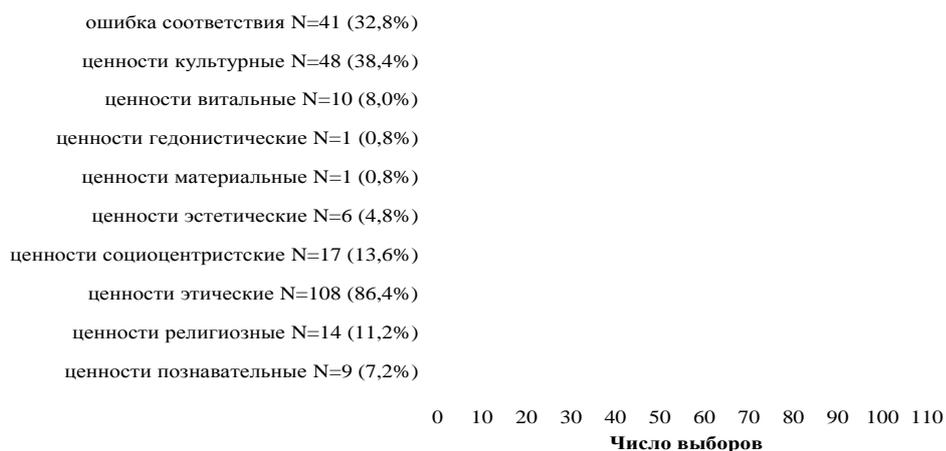
В целях определения взглядов респондентов на тему категории ценностей, которые, по их мнению, важны в школьном процессе образования, им был представлен подбор категорий ценностей, которые, по их мнению, следует настойчиво передавать, скорее передавать, скорее не передавать, либо решительно не передавать. В случае отсутствия решения либо трудности в принятии решения возможен был ответ «трудно сказать». Предметом оценки респондентов были ценности познавательные, религиозные, этические, социоцентрические, эстетические, материальные, гедонистические, витальные. Принимая во внимание ответы учителей, составлен рейтинг ценностей с учетом необходимости передачи их в школьном процессе образования. Наибольшее количество пунктов получили ценности познавательные и этические. Именно эти ценности, по мнению учителей, занимают самое важное место в школьном процессе обучения и воспитания. Рейтинг ценностей, важных для процесса образования, показывает диаграмма 1.

Примечание – Максимальное количество пунктов – 625

Диаграмма 1 – Важнейшие ценности в школьном процессе обучения и воспитания

Учителям-респондентам был задан также вопрос: Какие ценности передаете Вы в процессе школьного обучения и воспитания? Благодаря тому, что это был открытый вопрос, учителя могли свободно высказаться по этой проблеме. Их ответы было сгруппированы сообразно следующим категориям: ценности познавательные, религиозные, этические, социоцентрические, эстетические, материальные, гедонистические, витальные, типичные для польской культуры [19, с. 8, 13]. Учителя чаще всего называли ценности, которые были включены в группу этических ценностей (86,4%). Культурные ценности называло 38,4% респондентов, познавательные – 32,8%, социоцентрические только 13,6%, 11,2% – религиозные ценности. Реже всего респонденты называли витальные ценности (8,0%), эстетические (4,8%), гедонистические (0,8%) и материальные (0,8%). 9 лиц не ответило на этот вопрос (7,2%). Конкретные результаты дает диаграмма 2.

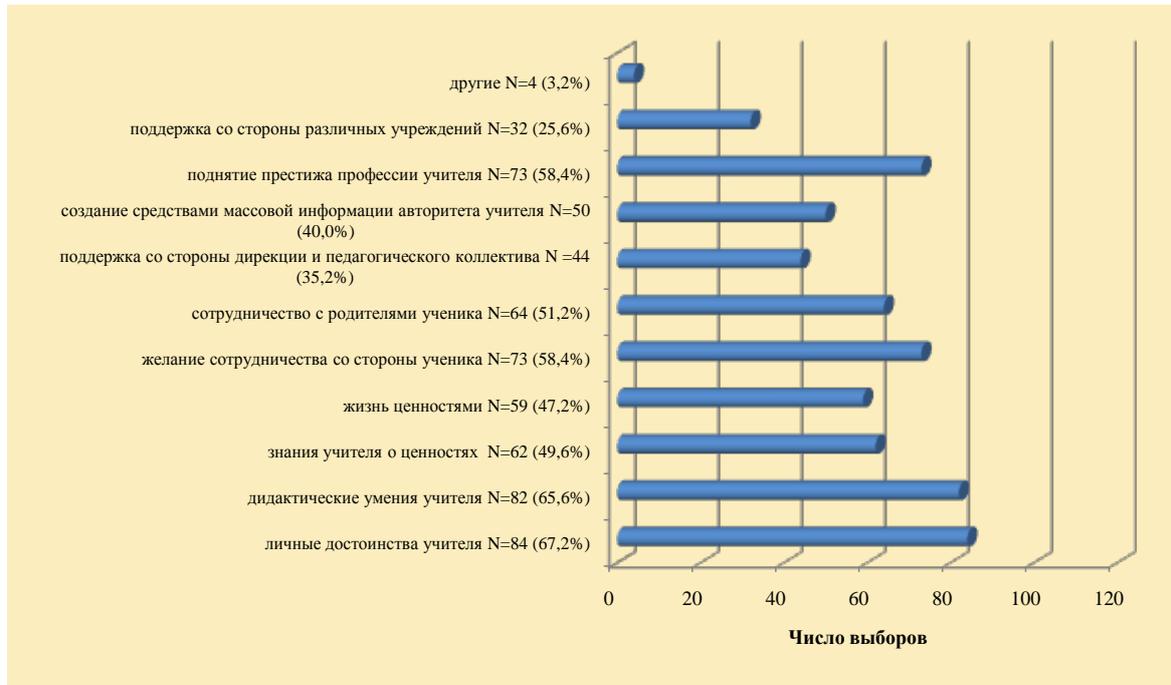

Примечание – Проценты не суммируются до 100%,
поскольку респондент мог указать несколько категорий ценностей.

Диаграмма 2 – Ценности, передаваемые (прививаемые) учителями в процессе образования

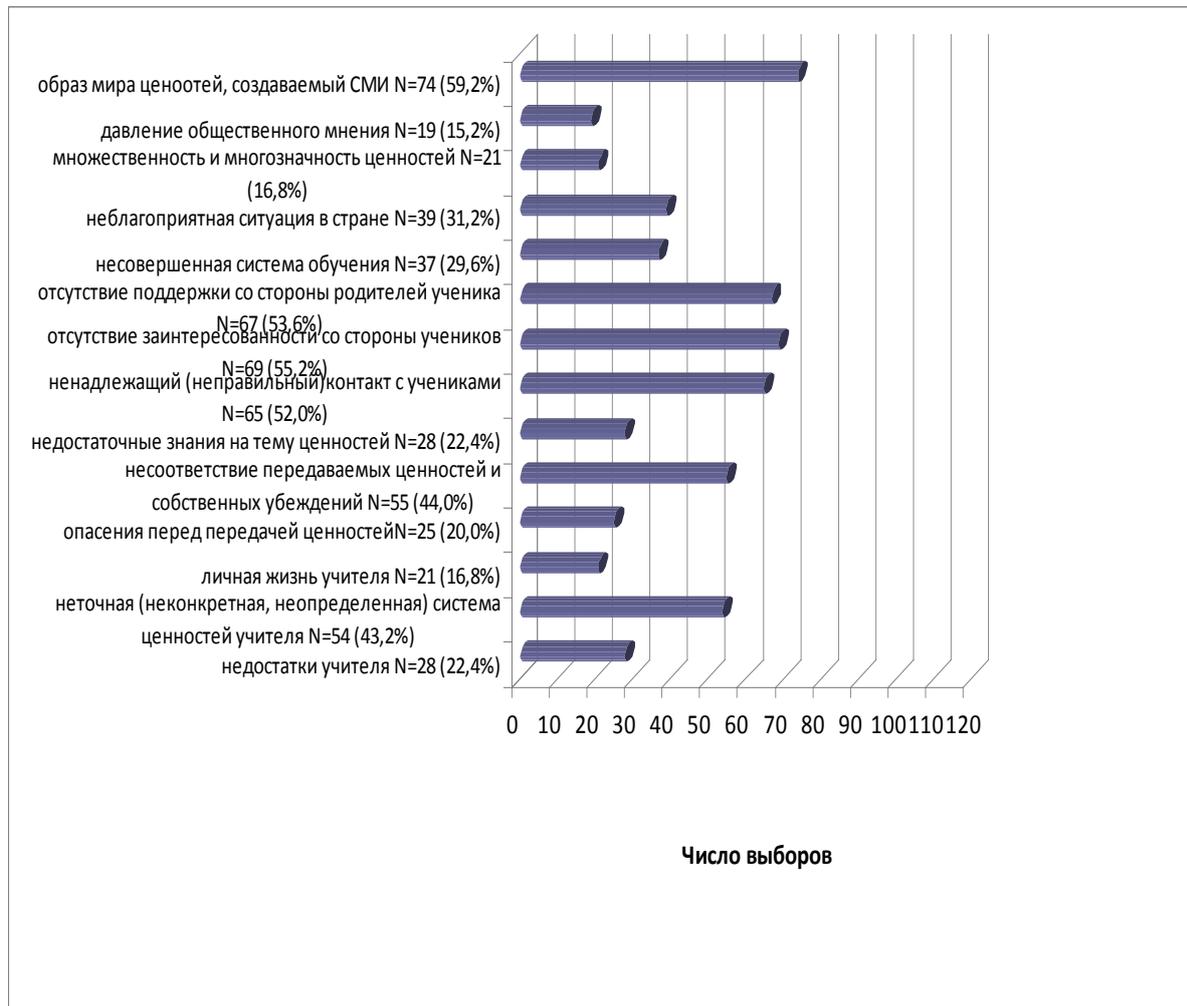
Как показывают исследования, учителя отдают себе отчет в том, что успех процесса передачи ценностей в значительной мере зависит от них самих, их индивидуальности, примера, который они подают своим ученикам, а также их увлеченности этим процессом. В такой же степени они ожидают поддержки со стороны различных организаций или других лиц, считая, что это сделает данный процесс более простым (диаграмма 3).

Примечание – Проценты не суммируются до 100%, поскольку можно было выбрать несколько ответов.

Диаграмма 3 – Что облегчает учителю передачу ценностей

Главной причиной неудач в процессе передачи ценностей признан образ мира ценностей, создаваемый СМИ (59,2%). Более половины респондентов указывало на отсутствие заинтересованности передаваемыми ценностями со стороны ученика (55,2%), отсутствие поддержки со стороны родителей ученика (53,6%), а также ненадлежащий контакт учителя с учениками (52,0%). Часто указывалось также на несоответствие между собственными убеждениями и ценностями, которые ценятся в собственной жизни, и теми, которые передаются в процессе обучения (44,0%), а также на несформированную систему ценностей учителя (43,2%). Каждый третий респондент полагал, что передача ценностей может быть затруднена неблагоприятной ситуацией в стране и несовершенной системой обучения. Респонденты называли также: недостатки учителя, недостаточность знаний на тему категории ценностей, страх перед передачей ценностей, проблемы в личной жизни учителя, многозначность и множественность ценностей, давление общественного мнения, слишком частые изменения политики в сфере просвещения и ограниченные возможности действий учителя. Конкретные данные представляет диаграмма 4.

Примечание – Проценты не суммируются до 100%, поскольку можно было выбрать несколько ответов.

Диаграмма 4. Что затрудняет учителю передачу ценностей

Респондентам был также задан вопрос о том, имеются ли ценности, передача которых является для них проблематичной. Одна четвертая респондентов ответила на этот вопрос утвердительно (25,6%, N=32). Среди назвавших проблемы с передачей ценностей чаще всего указывались этические ценности (56,2%). Несколько человек назвало познавательные ценности (21,9%), культурные (18,7%) и эстетические (6,2%). Витальные, социоцентрические и религиозные ценности назвал 1 респондент (3,1%). 3 человека указало, что имели трудности в процессе передачи всех категорий ценностей. (Проценты не суммируются до 100%, поскольку можно было выбрать несколько ответов). Эти учителя чаще всего полагали, что трудности, с которыми они сталкиваются в процессе передачи ценностей, являются следствием несоответствующего и отрицательного отношения учеников к тем ценностям, которые требуют от них какой-то самоотверженности (43,7%). Ученики не показывают никакой заинтересованности передаваемыми ценностями, а тем более желание сотрудничества. Всякие попытки передачи ученикам каких бы то ни было ценностей встречают критику и отторжение. По мнению

молодежи, самым важным является удобная и приятная жизнь, а также умение зарабатывать деньги. Не следует также показывать свою впечатлительность, поскольку это свидетельствует о слабости человека. В значительной мере на позицию молодежи влияют негативные образцы, передаваемые СМИ и царящие в обществе. По мнению 34,4% учителей, это, среди прочего, является причиной неудач процесса передачи ценностей. Каждый пятый респондент усматривал причины неудач в данном процессе в семейной среде и в дружеском окружении ученика. По их мнению, ученики не имеют положительных примеров дома. Кроме того, ученики не реагируют на процесс передачи ценностей, поскольку слишком много времени проводят в окружении, которое предпочитает иные категории ценностей. (Проценты не суммируются до 100%, поскольку можно было указать больше, чем одна причина). Знаменательным является тот факт, что респонденты доискивались причин трудностей во вне, то есть в учениках, в их семьях, окружении, обществе, а не искали этих причин в себе, в том, что, возможно, они сами не в состоянии передать ученикам этих ценностей.

Заклучение

Учителя-респонденты чаще всего указывали, что в процессе образовательной деятельности они, прежде всего, передают этические ценности. По мнению учителей, эти ценности являются самыми важными в процессе образования. Они занимают второе место в рейтинге ценностей (после познавательных ценностей), которые, по мнению учителей, должны быть передаваемы ученикам в школе. Одновременно респонденты указывали на этические ценности как на те, передача которых создает для них наибольшие трудности.

Поскольку этические ценности способствуют формированию зрелой личности, представляется чрезвычайно важным, чтобы учитель обладал прочными знаниями в этой сфере, умел их классифицировать и, соответственно, передавать. Речь идет о том, чтобы учитель был достаточно компетентен для работы с учеником, находящимся в фазе интенсивного личностного развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Dyczewski, L. Miejsce i funkcje wartości w kulturze / L. Dyczewski // *Kultura w kręgu wartości*. – Lublin, 2001.
2. Ciochoń, W. Wartości, człowiek, wychowanie. Zarys problematyki aksjologiczno-wychowawczej / L. Ciochoń. – Kraków, 1996.
3. Szostek, A. Wokół godności prawdy i miłości / A. Szostek. – Lublin, 1995.
4. Popielski, K. Miejsce i znaczenie wartości w procesie bycia i stawania się człowieka (VIII tez do dyskusji) / K. Popielski // *Człowiek – Wartości – Sens. Studia z psychologii egzystencji* / K. Popielski (red.). – Lublin, 1996.
5. Popielski, K. Wartości i ich znaczenie w życiu ludzi / K. Popielski // *Człowiek – Wartości – Sens. Studia z psychologii egzystencji* / K. Popielski (red.). – Lublin, 1996.
6. Chałas, K. Wychowanie ku wartościom. Elementy teorii i praktyki / K. Chałas. – Lublin, Kielce, 2003. – Т. 1.
7. Filipiak, M. Lis F.J. W kręgu kultury postmodernistycznej. Młodzież – Kultura – Wartości / M. Filipiak. – Lublin, 2001.
8. Półturzycki, J. Dydaktyka dla nauczycieli / J. Półturzycki. – Toruń, 2002.
9. Siemianowski, A. Człowiek a świat wartości / A. Siemianowski. – Gnieźno, 1993.

10. Braun-Gałkowska, M. W tę samą stronę. Książka dla nauczycieli o wychowaniu i lekcjach wychowawczych / M. Braun-Gałkowska. – Warszawa, 1994.
11. Denek, K. Wartości i cele edukacji szkolnej / K. Denek. – Poznań–Toruń, 1994.
12. Szoltysek, A.E. Filozofia wychowania / A.E. Szoltysek. – Toruń, 1998.
13. Ruciński, S. Wychowanie pozbawione aksjologicznego odniesienia / S. Ruciński // Edukacja wobec dylematów moralnych współczesności / F. Adamski, A.M. de Tchorzewski (red.). – Kraków, 1999.
14. Olbrycht, K. Stosunek pedagogów do wartościowania / K. Olbrycht // Edukacja wobec dylematów moralnych współczesności / F. Adamski, A.M. de Tchorzewski (red.), Kraków. – 1999.
15. Gałaś, Z. Wartości kultury w epoce współczesnej / Z. Gałaś. – Toruń, 2000.
16. Łobocki, M. Wartości tworzywem wychowania / M. Łobocki // Wychowanie chrześcijańskie a kultura / M. Nowak, T. Ożóg (red.). – Lublin, 2000.
17. Michalik, M. Aktywność aksjologiczna w procesie edukacyjno-wychowawczym / M. Michalik // Nauczyciel / J. Rusiecki (red.). – Olsztyn, 1996.
18. Dakowicz, L.A. Świat wartości przyszłych nauczycieli. Studium socjologiczne na podstawie badań studentów specjalizacji nauczycielskiej Uniwersytetu w Białymstoku / L.A. Dakowicz. – Białystok, 2006.
19. Dyczewski, L. Trwałość i zmienność kultury polskiej / L. Dyczewski. – Lublin, 2002.

Dakovich L. Ethical Values Conveyed by Teachers of Selected Vocational Schools in Bialystok

The paper presents some aspects of research conducted in 2006 in a group of 125 teachers from vocational schools in Bialystok. The study looked at different views of the role of the teacher in transmitting values. Respondents were asked whether the teacher should communicate values, what values ought to be conveyed and which ones they themselves pass on in the process of education. The respondents believed as a rule that the teacher should communicate values to his/her students, especially ethical and cognitive ones. These values are most frequently conveyed by the respondents in the process of school education. Ethical values tended to be mentioned as those whose communicating involves some problems.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 04.07.2012

УДК 37.014.5: 005.336.3

В.В. Савчук

УПРАВЛЕНИЕ КАЧЕСТВОМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ДИДАКТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ВУЗА

В статье с позиций системного подхода рассматривается сущность понятия «дидактическая система», представлены научные подходы к описанию компонентного состава дидактической системы, описаны и проанализированы связи, существующие между компонентами дидактической системы (структура), а также функции этих компонентов. Автором приведена сравнительная характеристика режимов жизнедеятельности дидактической системы вуза, проанализирована специфика управления функционированием и развитием дидактической системой вуза, теоретически обоснована необходимость прогнозирования как инструмента управления функционированием и развитием дидактической системой вуза.

Введение

В контексте внедрения системы менеджмента качества в образовательных учреждениях в научно-педагогической среде все большее внимание уделяется вопросам наукоемкого управления образовательной системой и ее подсистемами (в частности дидактической). Дидактической системой необходимо управлять с целью обеспечения качества и эффективности обучения. Причем управление должно быть направлено не столько на обеспечение оптимального функционирования дидактической системы в определенном контексте, сколько на перманентное прогнозирование ее развития с учетом динамики контекста. Управление предполагает перманентное научно обоснованное междисциплинарное прогнозирование и проектирование качества дидактической системы, как прототипа (проекта) дидактического процесса в будущем.

Сущность понятия «дидактическая система»

В контексте теоретического обоснования и нормативного обеспечения управления качеством функционирования и развития дидактической системы вуза необходимо прежде всего определить сущность понятия «дидактическая система». Исходным для трактовки данного педагогического понятия является общенаучное понятие о системе, системном подходе и системном анализе. Система – это целостный комплекс компонентов, которые связаны таким образом, что с изменением одного компонента изменяются и другие [1]. Система – это совокупность связанных компонентов, которые образуют определенную целостность, единство. Системная интерпретация объекта предполагает, по мнению И.В. Блауберга, В.Н. Садовского, Э.Г. Юдина, его параметрическое описание (описание свойств, признаков и отношений исследуемого объекта), морфологическое (определение компонентного состава, структуры/связей (взаимодействия, порождения, преобразования, строения, функционирования, развития и управления) между компонентами), функциональное (описание функций каждого компонента в системе) [2]. С позиции В.Н. Садовского, для любой исследуемой системы минимально требуются три уровня ее описания: 1) с точки зрения присущих ей внешних, целостных свойств; 2) с точки зрения ее внутреннего строения и «вклада» ее компонентов в форми-

Научный руководитель – С.Н. Северин, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики, декан факультета иностранных языков Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

рование целостных свойств системы; 3) с точки зрения понимания данной системы как подсистемы более широкой системы [3]. Рассмотрим с позиций системного подхода понятие «дидактическая система» (далее – ДС). ДС является подсистемой образовательной системы, которая в свою очередь является структурным компонентом педагогической системы любого высшего образовательного учреждения (рисунок 1).

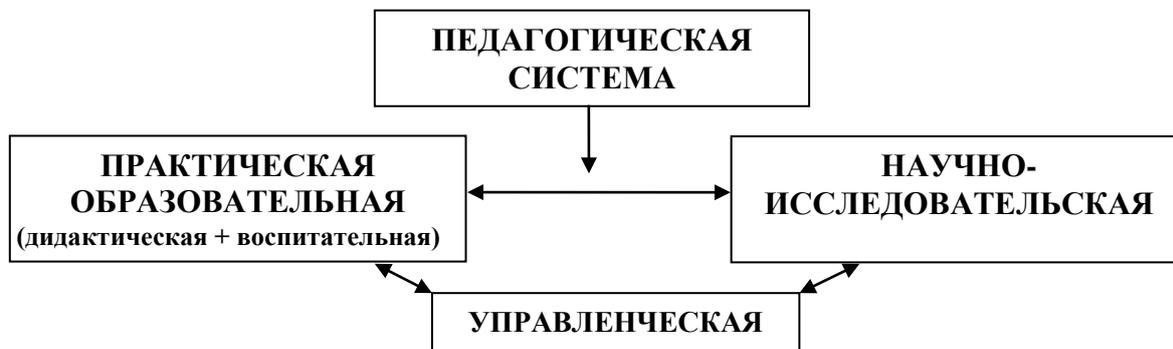

Рисунок 1 – Структура педагогической системы вуза

По мнению ряда исследователей (В.П. Беспалько, С.Д. Резника, А.И. Субетто, Ю.К. Чернова, В.М. Филиппова и др.), именно ДС является приоритетной подсистемой любой образовательной системы, а ее главная функция заключается, по мнению В.И. Загвязинского, «в передаче новым поколениям знаний, опыта, достижений культуры, накопленных человечеством и необходимых для осуществления материального и духовного воспроизводства, для обеспечения дальнейшего прогрессивного развития общества» [4, с. 19].

ДС можно охарактеризовать как систему реальную (имеет социальное происхождение), сложную (имеет многокомпонентную структуру, характеризуется наличием разнообразных связей между компонентами), открытую (взаимодействует с внешней средой, определяется существующим контекстом, факторами и условиями), динамическую (функционирует в условиях изменения факторов и условий, требует регулярного обновления, совершенствования и развития в соответствии с меняющимся контекстом), вероятностную (прогнозируемые результаты носят стохастический характер), нелинейную (существуют вариативные вектора развития ДС), целеустремленную/целенаправленную (ДС проектируются и действуют в соответствии с определенными ценностно-целевыми установками), развивающуюся (по мере общественного развития развиваются и ДС в структурном, функциональном и историческом аспектах), обладающую собственными механизмами управления функционированием и развитием.

ДС можно рассматривать «в статике» (собственно ДС) и «в динамике» (дидактический процесс – далее ДП). Понятия «дидактическая система» и «дидактический процесс» соотносятся с понятиями «образовательная система» и «образовательный процесс» как род и вид. Ряд исследователей (В.П. Беспалько, Ю.К. Бабанский, Б.С. Гершунский, В.В. Сериков, Г.Н. Сериков и др.) разграничивают понятия «образовательный процесс» и «образовательная система» с учётом их реального научно-практического статуса. Предложенные учеными «разграничения» правомерно экстраполировать на понятия «дидактический процесс» и «дидактическая система», так как согласно основным положениям системного подхода, то, что характерно для системы в целом, свойственно и ее подсистемам.

По мнению А.И. Субетто, ДС есть обобщающее название любой организационной системы, в которой реализуется ДП [5]. Придерживаясь аналогичной точки зрения, Ю.П. Сокольников указывает, что обучение существует не только как процесс, но и как порождающие его ДС, а В.П. Беспалько отмечает, что ДП осуществляется в рамках определенной ДС [6; 7]. Так ещё до организации ДП (реального взаимодействия педагога и учащихся) должны быть спроектированы с научно-педагогических и психологических позиций все компоненты соответствующей ДС – цели, содержание, методы, формы, технологии. Проектирование качественной и эффективной ДС – необходимое условие обеспечения качества и эффективности ДП.

С точки зрения Ю.К. Бабанского, ДС, в которой осуществляется ДП, выступает в качестве материализованной основы этого процесса. Профессор В.В. Сериков отмечает, что ДС является научным основанием (проектом) процесса обучения, а ДП понимает как целенаправленно создаваемую динамику ситуаций обучения [8].

Академик В.В. Краевский указывает, что ДП – это смена состояний ДС, педагогическая деятельность в динамике, в движении, в основе которой лежит мысленное представление об этой деятельности, концепция процесса обучения (ДС) [1]. По мнению ученого, чтобы охарактеризовать процесс обучения (ДП) необходимо проследить ДС в динамике, посмотреть, каким образом изменяются ее состав и структура в соответствии с функциями. Дидактический процесс ученый определяет как организованный процесс взаимодействия учеников и учителей, направленный на решение учебных задач, в результате которого учащийся овладевает знаниями, умениями и навыками и развивает личностные качества [9].

С позиции научной школы В.А. Сластенина, ДП рассматривается как ДС в динамике. Взаимодействие компонентов ДС порождает ДП. Дидактический процесс – целенаправленное взаимодействие педагогов и учащихся, направленное на освоение последними содержания обучения с использованием средств (т.е. форм, методов, технологий) обучения [10].

По мнению В.Г. Серикова, ДС – взаимосвязанное единство отдельных частей, аспектов обучения, рассматриваемое как результат отражения соответствующих аспектов реального ДП. Ученый выделяет искусственные ДС – проекты образовательной деятельности (по сути – ДС «в статике»), естественные – проявления образовательной деятельности (по сути – ДС «в динамике» или ДП). Осуществление ДП зависит от замыслов, отраженных в разработанном проекте. Искусственные ДС можно считать своеобразным результатом функционирования естественных ДС. В свою очередь естественные ДС пользуются искусственными ДС. Искусственные системы отличаются тем, что имеется принципиальная возможность осмысления их как в целом, так и всех составляющих. При необходимости всегда можно проследить их строение, содержание составляющих частей, механизмов, обеспечивающих взаимосвязи частей и т.п. [11]. Таким образом, *функция ДС «в статике» заключается в обеспечении качества и эффективности ДП, а функция ДП – в обеспечении качества и эффективности результатов обучения.*

В научно-педагогической литературе существуют разные подходы к описанию компонентного состава ДС. С точки зрения Б.С. Гершунского и В.В. Серикова, основными компонентами ДС в статике выступают цели, содержание, методы (технологии), формы обучения. По мнению Г.Н. Серикова, в состав ДС входят цель, задачи, содержание, методы, средства и формы взаимодействия педагогов и учащихся, а также достигаемые при этом результаты. В содержании находят свое выражение цели функционирования ДС. Методы взаимодействия участников ДП представляют собой систему осознанных субъек-

тами действий, направленных на достижение намеченных целей и задач. Всякий метод связан с определенными средствами (формами), повышающими его эффективность [11].

Большинство исследователей (С.И. Архангельский, В.С. Лазарев, А.И. Субетто, Ю.В. Шмарион и др.) описывают состав ДС как системы динамической и к базовым компонентам ДС относят цель и содержание обучения, методы и способы обучения, формы и средства обучения, учащихся и педагогов. С позиции методологии системного анализа ДС рассматривает В.С. Лазарев (рисунок 2).

Рисунок 2 – Структура ДС с позиции В.С. Лазарева

Как всякая целенаправленная система ДС определяется составом системных объектов (вход, процесс, выход, обратная связь, ограничения), их свойств и связей между ними. Входы в ДС – учащиеся, педагоги, программы обучения и технологии, учебные средства, ресурсное обеспечение (финансовое, материально-техническое). Основной выход ДС – учащиеся с большим объемом знаний, чем на входе, и другими изменениями, произошедшими в процессе обучения. Основной процесс в ДС – это процесс взаимодействия педагогов и учеников, благодаря которому ученики совершают действия, ведущие к достижению целей обучения. ДП регламентируют различные нормы и правила, цели обучения. Обратная связь — это процессы контроля хода и результатов ДП и выработка решений в случае выявления отклонений от установленных требований к ним [12].

По мнению В.П. Беспалько, в составе ДС можно выделить следующие компоненты: цели, учащиеся, содержание обучения, процесс обучения, преподаватели или опосредующие их педагогическую деятельность технические средства обучения, организационные формы обучения (рисунок 3) [13].

Рисунок 3 – Структура ДС с позиции В.П. Беспалько

Первые три компонента составляют дидактическую задачу, которую можно сформулировать следующим образом: учащиеся должны усвоить определенное содержание обучения с заданной целью. Вторые три компонента ДС образуют дидактический процесс, с помощью которого решается дидактическая задача. Это собственно процесс обучения, управляемый учителем или учебником в определенных организационных формах.

По мнению А.И. Субетто, Н.В. Кузьминой, необходимыми и достаточными для создания ДС являются следующие структурные компоненты ДС: цели обучения, учебная и научная информация (т.е. содержание обучения), способы достижения целей – средства педагогического воздействия/коммуникации (формы и методы), учащиеся, педагоги. В процессе достижения целей носителями структурных компонентов системы становятся люди, в деятельности которых структурные компоненты вступают в сложное взаимодействие, образуя тем самым функциональные компоненты ДС (гносеологический, проективный, конструктивный, коммуникативный, организаторский). Функциональные компоненты характеризуют ДС в действии [14].

С позиции научной школы В.А. Сластенина, основными компонентами ДС являются педагоги и учащиеся, содержание и средства (материально-технические и педагогические – формы, методы, технологии) обучения (рисунок 4).

Рисунок 4 – Структура ДП с позиции В.А. Сластенина

Целенаправленное взаимодействие педагогов и учащихся на содержательной основе с использованием разнообразных средств обучения есть сущностная характеристика ДП, протекающего в любой ДС. Связи таких компонентов, как педагоги и учащиеся, содержание и средства обучения, порождают реальный ДП как динамическую систему. Они необходимы и достаточны для возникновения любой ДС. *Системообразующим фактором ДП* выступает его *цель*, которая как социальный заказ выступает в качестве предпосылки возникновения ДС. Она является имманентной характеристикой содержания образования. На уровне содержания образования цель конкретизируется и педагогически интерпретируется. Цель в явном или неявном виде присутствует в педагогических средствах (формах, методах, технологиях). В педагоге и воспитанниках цель функционирует на уровне осознания и проявления в деятельности [10].

По мнению С.Н. Северина, основными компонентами ДС выступают цель, содержание обучения, формы, методы и технологии обучения, учащиеся и педагоги. При этом *цель* обучения рассматривается не как фактор, а как *системообразующий компонент ДС*, определяющий содержание, методы, формы, технологии педагогического взаимодей-

вия. В реальном ДП цель может не только определять содержание и технологию взаимодействия, но и выступать продуктом педагогического взаимодействия (рисунок 5).

Рисунок 5 – Модель педагогического процесса как динамической системы

Выявим с позиций системного подхода связи, которые существуют между компонентами ДС. Прежде всего, между всеми компонентами системы устанавливаются *связи взаимодействия*. Если изменяется один из компонентов системы, то и другие претерпевают соответствующие изменения. Связи взаимодействия между компонентами ДС являются закономерными. Так, содержание обучения детерминировано его ценностно-целевыми приоритетами. Цель обучения обуславливает его содержание, интерпретируется и конкретизируется на уровне содержания. Для освоения определенного содержания компонента необходим адекватный дидактический инструментарий – форма, метод, методика, технология. Таким образом, методы, формы, технологии обучения обусловлены целью и содержанием обучения. Качество процесса обучения (соответствие цели и результата обучения) закономерно обусловлено условиями (средой), в которых осуществляется педагогическое взаимодействие, оптимальным ресурсообеспечением. Качество результатов обучения закономерно зависит от качества целеполагания, процесса, контекста (среды и ресурсов).

Цель обучения как системообразующий компонент ДС выступает как основание, вызывающее к жизни все другие компоненты ДС, т.е. между целью и этими компонентами возникают *генетические связи (связи порождения)*. Цель обуславливает прогнозический отбор соответствующего содержания обучения, поиск наиболее эффективных форм, методов и технологий обучения, устанавливает оптимальное ресурсообеспечение, определяет возможные результаты.

Между целью и результатами обучения можно установить *связи преобразования*, реализуемые через другие компоненты ДС (содержание, формы, методы, технологии обучения, ресурсы), обеспечивающие это преобразование. Другими словами, то, насколько результат будет соответствовать цели обучения, напрямую зависит от исполь-

зуемых средств (педагогических и материально-технических). Если эти средства адекватны контексту и целесообразны, то результат будет оптимальным.

Между участниками ДП возникают *связи взаимодействия*. Эти связи опосредуются целями, которые преследует каждая их сторон взаимодействия. В процессе непосредственного целенаправленного педагогического взаимодействия учащиеся и педагоги переходят из одного состояния в другое, развиваются, т.е. между ними существуют также и *связи преобразования*.

Структурные связи между компонентами ДС могут быть прямыми и обратными (по направленности воздействия). Так, прямая связь устанавливается между целью и содержанием (цель обуславливает содержание обучения), между целью, содержанием обучения и дидактическим инструментарием и т.д. Обратная связь существует между результатом и целью обучения. Диагностика и рефлексия результатов ДП, определение детерминант, обеспечивающих качество результатов, позволяет корректировать цель обучения.

Системообразующими связями являются *связи управления*, которые в зависимости от конкретного вида могут образовывать разновидность либо функциональных связей, либо связей развития. Это означает, что над функционирующей или развивающейся ДС всегда есть система управления, заключающая в себе общую схему процесса функционирования/развития ДС. Связи управления – это те средства, при помощи которых система управления реализует данную схему. Связи функционирования обеспечивают оптимальное существование ДС в данном контексте. Связи развития обеспечивают качественное преобразование всех компонентов ДС и системы в целом. Анализ связей, существующих между компонентами ДС, позволяет сделать вывод о том, что они носят не детерминированный (причинно-следственный), а целесообразный характер.

Чтобы завершить системную интерпретацию ДС, обратимся к описанию функций ее компонентов. Цель обучения: 1) конкретизирует социальный заказ с учетом приоритетных ценностей, существующих дидактических подходов и концепций, на основе мониторинга контекста, результатов диагностики целевой группы, рефлексии междисциплинарных научных исследований; 2) определяет содержание обучения; 3) является критерием уровня достижения результатов обучения. Содержание обучения: 1) воплощает конкретные цели обучения; 2) является объектом освоения учащимися; 3) выступает в качестве средства обучения; 4) предопределяет выбор целесообразного дидактического инструментария (форм, методов, технологий обучения). Дидактический инструментарий: 1) позволяет освоить содержание обучения; 2) является средством обучения; 3) определяет временной и структурный режим обучения; 4) определяет способ взаимодействия преподавателя с учащимися и между учащимися. Ресурсы: 1) определяют возможность использования конкретных форм, методов и технологий обучения; 2) обуславливают оптимальность результатов обучения; 3) отражают эффективность ДП. Результаты обучения: 1) показывают уровень достижения цели; 2) являются основой для рефлексии и последующей коррекции компонентов ДС; 3) определяют качество и эффективность обучения.

Управление функционированием и развитием дидактической системы

Для любой дидактической системы, согласно системному подходу, характерно определенное поведение, т.е. смена состояния жизнедеятельности. Существует два режима жизнедеятельности ДС: режим функционирования и режим развития. Сравнительная характеристика режимов жизнедеятельности ДС представлена в таблице 1.

Таблица 1 – Сравнительная характеристика режимов жизнедеятельности ДС

Параметры для сравнения	Режимы жизнедеятельности ДС	
	Режим функционирования	Режим развития
Цель	Обеспечение воспроизводства адекватного конкретному контексту состояния ДС, поддержание ДС в оптимальном «рабочем состоянии», <i>обеспечение качества и эффективности ДП.</i>	Обеспечение перехода ДС к качественно новому состоянию, <i>повышение качества и эффективности ДП.</i>
Параметры для сравнения	Режимы жизнедеятельности ДС	
	Режим функционирования	Режим развития
Управление качеством	Предполагает получение результата заданного качества прежде всего за счет обеспечения качества ДП – поиска и внедрения целесообразного, адекватного контексту, оптимального сочетания содержания, методов, форм и технологий обучения исходя из имеющихся ресурсов и условий, в которых осуществляется ДП.	Предполагает повышение качества результатов посредством управления не только качеством процесса, но и качеством целеполагания, контекста (ресурсов и среды/условий).
Условия осуществления	Осуществляется в неизменных условиях, предполагает относительно устойчивое (равновесное) состояние ДС.	Осуществляется в изменяющихся условиях, предполагает неустойчивое (бифуркационное) состояние ДС.
Характер изменений	Изменения носят локальный, адаптивный характер, направлены на достижение в данном контексте наилучших (оптимальных) результатов при рациональных расходах времени, сил и средств.	Изменения носят радикальный, системный характер, предполагают качественные структурные преобразования ДС и ее компонентов, появление новых системных, интегративных качеств.
Направленность	Обратимость, цикличность, осуществление регулярной, повторяющейся деятельности.	Необратимость (ни одно из состояний системы не повторяется ни на какой предыдущей стадии, а на более поздней выходит на более высокий уровень).
Связь с контекстом	Накопление количественных изменений осуществляется вплоть до достижения оптимальности ДС в условиях конкретного контекста. Изменение контекста ведет к нарушению стабильности и оптимальности функционирования ДС, снижению качества и эффективности ДП.	Осуществляются качественные преобразования ДС, обусловленные динамикой контекста, обеспечивающие повышение качества и эффективности ДП.
Специфика прогнозирования	Предполагает перманентное прогнозирование ресурсов, содержания, форм, методов и технологий обучения в соответствии с существующей целью, конкретным контекстом.	Предполагает перманентное системное прогнозирование компоненто ДС в условиях возможной динамики контекста.

Изучив мнение ряда ученых (Н.М. Борытко, С.В. Воробьева, И.А. Малинина, И.В. Рожина, М.М. Поташник, Л.А. Кабанина, Н.П. Толстолицких, Д.А. Новиков, В.А. Трайнев, Г.Г. Корзникова, В.А. Федоров, А.И. Субетто), мы считаем целесообразным рассматривать *управление ДС* как *метадеятельность по обеспечению ее стабильного* (т.е. предполагающего обеспечение качества результатов адекватных цели и контексту) *оптимального* (т.е. наилучшего исходя из конкретных условий, имеющихся ресурсов, с точки зрения определенных, заранее заданных критериев) *функционального и развития*. В контексте технологического подхода, в условиях внедрения СМК в вузах особое значение приобретает повышение эффективности управления ДС, обеспечение не только ее качественного и эффективного функционирования, но и развития. При этом императивом деятельности по управлению ДС вуза, как в «режиме функционирования», так и в «режиме развития», с нашей точки зрения, является перманентное наукоемкое прогнозирование, обеспечение качества (соответствия результатов поставленной цели) и эффективности (оптимальной ресурсозатратности) ДП.

Управление ДС в «режиме функционирования» (процессное управление ДС, управление ДС «в статике») направлено на достижение в данном контексте наилучших (оптимальных) результатов при рациональных расходах времени, сил и средств; на обеспечение качества и эффективности ДП. В основе управления функционированием ДС лежит перманентно осуществляемое дидактическое прогнозирование. На основе рефлексии факторов и условий, препятствующих достижению запланированных результатов обучения, осуществляется прогнозирование сценариев функционирования ДС, т.е. построение вариативных комбинаций компонентов ДС (содержания, форм, методов и технологий обучения, необходимых ресурсов), адекватных конкретному контексту и заданной цели обучения, и выбор такой комбинации, которая будет обеспечивать оптимальное качество результата в данном контексте (рисунок 6).

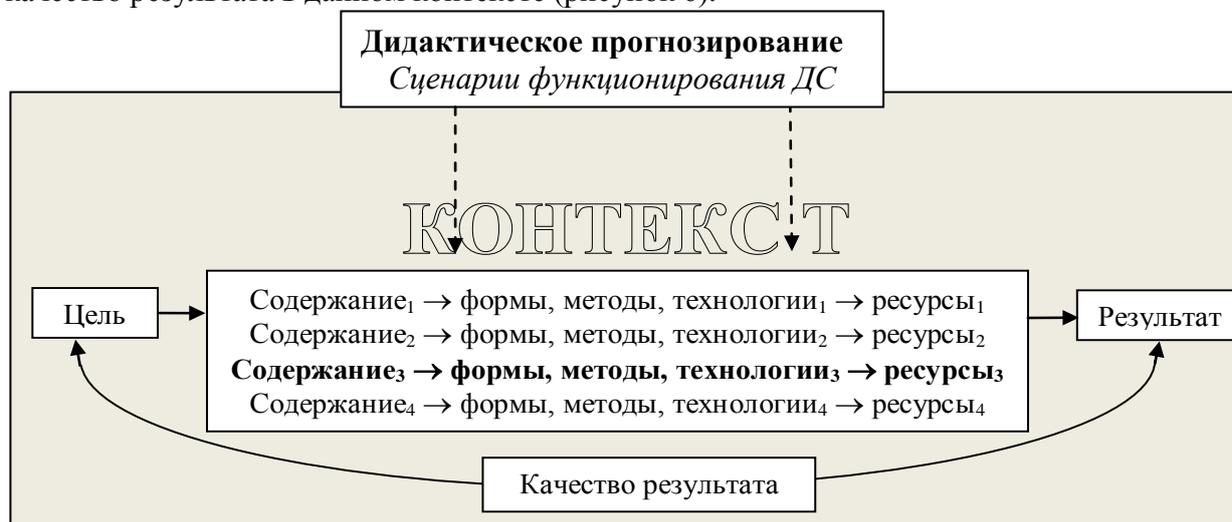

Рисунок 6 – Прогнозирование функционирования ДС

Прогнозирование, как инструмент управления функционированием ДС, обеспечивает перманентное совершенствование ДС (непрерывное повышение ее возможностей, прежде всего за счет интенсивного использования ее внутренних ресурсов, осуществления целенаправленных локальных изменений) вплоть до достижения оптимальности ДС в условиях конкретного контекста. Когда результаты функционирования ДС становятся оптимальными, суть управления функционированием ДС сводится к их

дальнейшему сохранению, поддержанию их стабильности, обеспечению качества и эффективности ДП. Управление функционированием имеет свою «оптимальную» продолжительность, обусловленную существующим контекстом. Динамика последнего приводит к тому, что действующие механизмы управления становятся неадекватными контексту, утрачивают способность обеспечивать качество и эффективность процесса и результатов. Следовательно, в условиях постоянной динамики контекста возникает необходимость не столько в обеспечении оптимального функционирования ДС, сколько в управлении ее развитием. Как отмечает Г.Н. Сериков, в процессе управления ДС следует пользоваться идеей регулируемого эволюционирования ДС (идея системного подхода), суть которой состоит в том, чтобы постепенно наращивать целесообразные изменения в ДС, с целью непрерывного сохранения соответствия между различными ее компонентами, с учетом меняющихся условий [11].

Развитие ДС является прямым следствием ее существования в изменяющихся условиях. Развитие ДС – необратимое, направленное, закономерное изменение, перевод ДС из существующего в качественно новое состояние, причем не случайное, а объективно необходимое (обусловленное конкретным контекстом и его динамикой). Развитие ДС можно определить как процесс качественных изменений в составляющих ее компонентах и ее структуре, вследствие которых ДС приобретает способность достигать более высоких, чем прежде, результатов [15]. Развитие ДС – нелинейный процесс, оно предполагает поливариантность путей эволюции ДС, обусловленную рядом факторов и условий, динамикой контекста (рисунок 7).

Рисунок 7 – Сценарии развития дидактической системы с учетом возможной динамики контекста

Управление ДС в «режиме развития» (проектное управление ДС, управление ДС в «динамике») – это управление, при котором посредством создания новых условий, ресурсов, средств, способов работы обеспечивается изменение существенных свойств ДС и ее компонентов, структуры, в том числе возможное появление новых системных, интегративных качеств, т.е. осуществляется целенаправленный переход к качественно новому состоянию ДС.

Управлять развитием ДС – значит четко, критериально и зримо предвосхитить и реализовать (спроектировать) требуемый (адекватный контексту) тип ДП. Развитие тесно связано с проектированием. Развитие ДС невозможно без предварительного наукоемкого системного проектирования. В свою очередь проектирование представляет собой законосообразную деятельность, направленную на создание на системной основе подлинно инновационных моделей ДП, предполагающих более высокий уровень его качества (высокая корреляция «цель – результат») и эффективности (оптимальность ресурсозатрат). Проектирование выступает как инструмент управления качеством ДП, как технология управления ДС, обеспечивающая ее «режим развития». В процессе про-

ектирования состояние ДС не только прогнозируется, но и преобразовывается, что предполагает ее развитие, тотальную трансформацию структуры, качественно новый уровень функционирования. Проектирование и развитие имеют ряд одинаковых характеристик: это временные процессы, они имеют единичный «жизненный цикл» с фиксированными временными рамками начала и окончания; результаты этих процессов уникальны для системы, в которой они реализуются; они имеют более высокую неопределенность в аспекте получения результатов по сравнению с регулярно воспроизводимым процессом функционирования [15].

Дидактическое прогнозирование, как инвариантный компонент проектирования, позволяет на научной основе определить адекватные изменяющемуся контексту возможные сценарии развития ДС, тем самым обеспечивает качество и эффективность ДП. Дидактическое прогнозирование пронизывает весь процесс проектирования (рисунок 8).

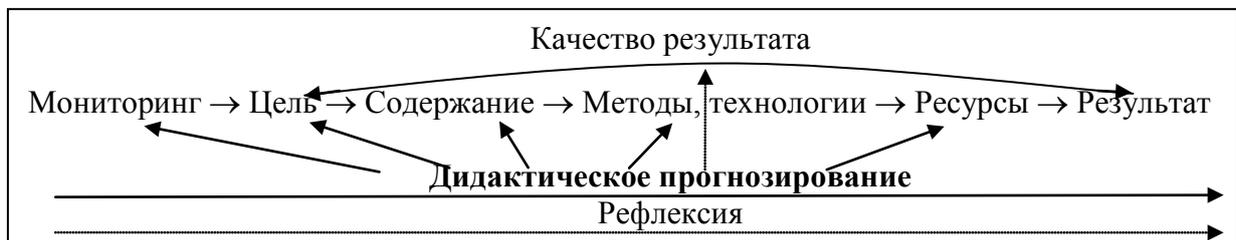

Рисунок 8 – Прогнозирование развития ДС

В результате прогнозирования (на основе результатов мониторинга контекста, диагностики целевой группы, рефлексии результатов междисциплинарных научных исследований) происходит обоснование с позиций междисциплинарного подхода аксиологического поля и новой цели обучения, что в свою очередь обуславливает необходимость прогностического отбора соответствующего содержания, наиболее эффективных форм, методов, технологий обучения, прогнозирования необходимых ресурсов. Системное и наукоемкое (основанное на понимании дидактических закономерностей) прогнозирование компонентов дидактической системы повышает научную обоснованность управленческих решений, обеспечивает высокую корреляцию целей и результатов ДП, а значит способствует повышению качества и эффективности обучения. Основная педагогическая ценность дидактического прогнозирования заключается в том, что оно является наукоемким инструментом управления развитием ДС вуза, обеспечения качества и эффективности ДП. Оно позволяет заранее просчитать варианты развития ДС (проекта ДП), повысить результативность и снизить ресурсозатратность ДП в будущем.

Заключение

Таким образом, ДС «в статике» целесообразно рассматривать, с нашей точки зрения, как подсистему образовательной системы, основными компонентами которой являются цель, содержание, формы, методы и технологии обучения, ресурсы и результаты. Связи таких компонентов, как педагоги и учащиеся, с вышеуказанными порождают реальный ДП как динамическую систему. ДС выступает объектом управления, проектирования и прогнозирования.

Управление качеством функционирования ДС предполагает обеспечение качества (соответствия результата цели) и эффективности (оптимальная ресурсозатратность) ДП. Управление качеством развития предполагает системное проектирование и прогнозирование качества ДС, как проекта будущего ДП, с учетом динамики контекста.

Прогнозируемое качество результатов ДП зависит от качества целеполагания, качества процесса и качества контекста (социального и педагогического). Проектирование качественной и эффективной ДС является необходимым условием обеспечения качества и эффективности ДП.

В контексте внедрения СМК императивом деятельности менеджеров в сфере образования должна стать тетрада «качество прогнозирования → качество проектирования → качество управления → качество процесса и результата». Согласно концепции Всеобщего управления качеством (Total Quality Management – TQM), 70% успеха управления качеством связано с обеспечением качества на этапе проектирования, инвариантным компонентом которого является прогнозирование. Задача проектирования и прогнозирования как технологий управления качеством ДС вуза заключается в том, чтобы через качественное управление влиять на повышение качества и эффективности обучения.

Перечень принятых обозначений и сокращений

ДС – дидактическая система.
ДП – дидактический процесс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Краевский, В.В. Общие основы педагогики : учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений / В.В. Краевский. – М. : Издат. центр «Академия», 2003. – 256 с.
2. Проблемы методологии системного исследования / под ред. И.В. Блауберга, В.Н. Садовского, Э.Г. Юдина. – М. : Мысль, 1970. – 455 с.
3. Садовский, В.Н. Основания общей теории систем : логико-методологический анализ / В.Н. Садовский. – М. : Наука, 1974. – 279 с.
4. Загвязинский, В.И. Основы дидактики высшей школы : учеб. пособие / В.И. Загвязинский, Л.И. Гриценко. – Тюмень : ТГУ, 1978. – 91 с.
5. Субетто, А.И. Системологические основы образовательных систем : в 2 ч. / А.И. Субетто. – М. : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 1994. – Ч. 2. – 321 с.
6. Сокольников, Ю.П. О системном понимании воспитания / Ю.П. Сокольников // Советская педагогика. – 1990. – № 7. – С. 54–58.
7. Беспалько, В.П. Основы теории педагогических систем / В.П. Беспалько. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1977. – 304 с.
8. Сериков, В. В. Образование и личность. Теория и практика проектирования педагогических систем / В. В. Сериков. – М. : Логос, 1999. – 272 с.
9. Краевский, В.В. Основы обучения. Дидактика и методика : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.В. Краевский, А.В. Хуторской. – М. : Академия, 2007. – 352 с.
10. Слостенин, В.А. Педагогика : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В.А. Слостенин, И.Ф. Исаев, Е.Н. Шиянов; под ред. В.А. Слостенина. – М. : Академия, 2002. – 576 с.
11. Сериков, Г.Н. Элементы теории системного управления образованием : в 3 ч. / Г.Н. Сериков. – Ч. 1 : Системное видение образования. – Челябинск : Изд-во Челяб. гос. техн. ун-та, 1994. – 169 с.

12. Лазарев, В.С. Управление инновациями в школе : учеб. пособие / В.С. Лазарев. – М., Центр пед. образования, 2008. – 352 с.

13. Беспалько, В.П. Системно-методическое обеспечение учебно-воспитательного процесса подготовки специалистов: учеб.-метод. пособие / В.П. Беспалько, Ю.Г. Татур. – М. : Высш. шк., 1989.

14. Методы системного педагогического исследования / Н.В. Кузьмина, Е.А. Григорьева, В.А. Якунин [и др.] ; под ред. Н.В. Кузьминой. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1980. – 172 с.

15. Лазарев, В.С. Системное развитие школы / В.С. Лазарев. – М. : Пед. об-во России, 2002. – 301 с.

Savchuk V.V. Quality Management of Functioning and Development of a Didactic System

In this article the essence of the concept «didactic system» in the context of a system approach is considered, scientific approaches to the description of the component composition of a didactic system are presented, the links between the components of the didactic system, as well as the functions of these components are described and analyzed. The author shows a comparative analysis of the modes of life of the didactic system, analyzes the specificity of functioning and development management of the didactic system, substantiates theoretically the necessity of forecasting as a tool to manage the functioning and development of the didactic system.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 19.06.2012

УДК 001 8+37

М.С. Ковалевич

ПРИНЦИПЫ И МЕХАНИЗМ СИСТЕМНОГО СТАНОВЛЕНИЯ ПРОФОРИЕНТАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Автором разработаны и научно обоснованы синергетические и общепедагогические принципы и механизм системного становления профориентационной деятельности в условиях инновационного экономического развития современного общества. В соответствии с синергетической концепцией профориентационная деятельность и образовательно-профессиональная среда, в которой она осуществляется, рассматривается как гиперсистема синергетического порядка, имеющая фазовую структуру.

Синергетические принципы-ориентиры, предложенные автором, помимо регулирования, выполняют функции определения, уточнения и самоорганизации деятельности профориентолога. Среди них принципы планирования доминантной перспективы, открытости профессиографической и психологической информации, изоморфизма естественного процесса самоорганизации личности и искусственного процесса педагогической поддержки ее в профсамоопределении, поливариантности способов развития, долгосрочного действия.

Введение

В соответствии с синергетической концепцией профориентационная деятельность и образовательно-профессиональная среда, в которой она осуществляется, рассматривается как гиперсистема синергетического порядка, имеющая фазовую структуру и принадлежат к подклассу открытых нелинейных самоорганизующихся систем [1]. В поведении данных сред крайне неравновесному состоянию уделяется особое внимание, поскольку в этом состоянии среда ведет себя принципиально иначе. Систему можно рассматривать как порядок, обусловленный планомерным, правильным расположением частей в определенной связи. С другой стороны, система выступает как нечто целое относительно окружающей среды.

По мнению О.С. Газмана, условиями успешного самоопределения является овладение и учителем, и учениками способами и механизмами саморазвития. К ним относятся: информация о себе (самопознание), информация о мире (познание необходимости), рефлексия (самоанализ), целеполагание, планирование [2].

Первые два «механизма» соответствуют таким компонентам традиционной профориентации, как профессиональное просвещение и профессиональное воспитание. Однако в советском варианте они составляли предмет заботы только учителя – главного действующего лица коммунистической педагогики. Рефлексия и самостоятельное целеполагание как компоненты профориентации отсутствовали как идеологически неуместные. Имея в виду концептуальную идею О.С. Газмана о том, что «совместный поиск ценностей, норм и законов жизни, их исследование в конкретной деятельности и общении составляет содержание воспитания», можно утверждать, что и подготовка к выбору профессии – просвещение и профдиагностика, как предпосылки к саморефлексии, целеполаганию и планированию самоопределения, также должны быть ориентированы на совместный поиск их ценностей [2, с. 44].

Придание этой деятельности процессуальной формы, органично связанной с содержанием, т.е. представление системы педагогической поддержки в виде специфических условий, созданных учителем для возникновения феномена самоорганизации про-

фессионального выбора старшекласнікамі і сродстваў яго востребавання, оказываецца магчымым пры абрацэнні к педагогічнаму патэнцыялу синергетыкі. Глaвным умовам, вызначаючым магчымасць абрацэння к патэнцыялу синергетыкі, з'яўляецца крызісны характар становяння ўсёй адукацыйнай сістэмы ў цэлым і сістэмы прафориентацыйнай дзейнасці ў асаблівасці. У цэлым яна пападае пад дзеянне законаў самаарганізацыі і эвалюцыі сіл'но нераўнаважных адкрытых сістэм, прыбываючых у становянні неустойлівасці, т.е. адпавядае прадмету синергетыкі [3]. Крызіснае становяння, па меру філосафаў, павінен побуждаць чалавека к пошуку прычын, породзіўшых «пагранічную сітуацыю», каб разабравшыся, знясу і расчысціць шлях к самознаццю, забеспечываючыму пошук сродстваў і магчымасцяў для выхаду з крызісу.

Механізм становяння прафориентацыйнай дзейнасці

У сувязі з змяніўшыміся прадстаўленнямі аб суб'екце і аб'екце адукацыйнага працэсу змест прафориентацыйнай дзейнасці пераарыентуецца на сумесны з вучніцамі пошук асабліваснага сэнсу і асаблівасных кашчавасцяў самаарнавання. Сэнс і кашчавасці самаарнаваюць умасны адрнавацца ў сабствасных, прафесиональна значымых кашчавасцях і на гэтай аснове прымаць кашчаваснае рашенне аб выбары прафесіі.

У канцэптуальныя аснованы прадлагаемай намі мадэлі і стратэгіі сістэмнага становяння прафориентацыйнай дзейнасці ўключана *позыцыя*, што сістэмна сагласаванае павядзенне забеспечывае аднасцю: аднасцю ўнутранага сусвету чалавека (псіхалагічны аспект); аднасцю чалавека і асабліваснага, каторае яна стварае (сацыяльны аспект); аднасцю чалавека, асабліваснага і прыроды, ў каторае яны жывуць (экалагічны аспект). Слэдавальна, вопрос змянення стратэгіі, сценарыя сістэмнага становяння прафориентацыйнай дзейнасці мажына лічыць звязаным з з'яўленнем сагласаваннасці ці расагласаваннасці павядзення срод (нелінейная срод ў нелінейнай срод), каждае з каторах выступае як становящаяся ацэласцюнасцю, (становяння трактуецца ў рамках вглядаў І. Прыгожына).

Працэс сістэмнага становяння прафориентацыйнай дзейнасці як адкрытай нелінейнай сістэмы мажына выразіць *мадэлю і механізмам нелінейнай палажыцельнай абратнай звязі*. Для нас ў гэтым случае мае асабліваснае значенне слэдуоючае эксперыментальна даказанае і тэарэтычна абаснаванае свасцю гэтага механізма: «каллектыўныя эфэкты пры наяўнасці мажыных механізмаў палажыцельнай абратнай звязі прыводзяць да таго, што з'яўленны, характэрныя для аднаго ўрвна арганізацыі матэрыі, мажына праяўляцца на другім» [4, с. 21]. Нелінейная срод чувствіцельна да малым флуктуацыям, усільваемым пасрэдствам механізма нелінейнай палажыцельнай абратнай звязі. С ачыі зрэння навукі канца ХХІ стагоддзя, сацыяльная, інфармацыйная і псіхалагічная сроды адрнавацца як сроды аднаго падкласа – адкрытыя нелінейныя самаарнаваючыяся.

«Асновопалагаючымі элементамі синергетычнага вядення сусвету з'яўляюцца такжэ новыя прынцыпы фарміравання ацэласа... У нелінейным сусвету парушаецца абычальны прынцып суперпазіцыі. Ацэласа ўжэ кашчаваснаа інае па сраўненню з вошэдшымі ў яго ачаствамі. І, крэме таго, вазнікаючае ацэласа вядоізмяняе ачаствы ...пасрэдствам механізмаў сістэмнага сагласавання» [5, с. 90]. Усільванне нелінейнасці прыводзіць да зувялічэнню варыантаў прафесиональнага будучага. На сіл'но нелінейнай сроды з'яўляецца бале развешчанае поле шляхаў ў будучае. С ачыі зрэння синергетыкі, будучае – гэта не *l'avenir* (то, што будзе заўтра), а *les futuribles* (адна з магчымых бу-

душних состояний). Усиление нелинейности среды расширяет спектр возможностей, спектр будущих состояний. Кроме того, возрастание нелинейности приводит к увеличению способов объединения простых структур в сложные, а значит и возможностей построения более сложных формообразований, организаций и структур. С позиций теории управления, сложными считаются системы, которые включают в себя в качестве хотя бы одной подсистемы «решающую систему», поведение которой связано с актом решения.

В соответствии с положениями теории самоорганизации И. Пригожина развитие можно определить как процесс возникновения неустойчивости и скачкообразных переходов в сторону возрастания сложности, организованности, упорядоченности. Формирование синергетических эффектов не может быть осуществлено по каким-либо шаблонам или универсальным приемам, хотя некоторые необходимые (но не достаточные) условия формирования их естественным или искусственным путем могут быть названы: гетерогенность (сложность) структуры; когерентность (согласованность) взаимодействий элементов. Наиболее эффективной формой положительной (развивающей) обратной связи может выступать государство, его институты координации, нормирования, регулирования, планирования, прогнозирования, целеполагания. Если национальную профориентационную деятельность рассматривать как мегасистему, включающую ансамбль взаимодействующих по горизонтали и вертикали систем, то государство должно в соответствии с принципами самоорганизации рассматриваться как «решающая система» или положительная обратная связь, ответственная за развитие мегасистемы под названием «система профориентационной деятельности». Онтологически государство и такие его институты, как правительство, министерства, рынок, возникли в результате самоорганизации человеческой деятельности, и прежде всего трудовой.

Проблемы соотношения самоорганизации и управления в социально-экономических системах сложны и мало изучены, но именно в них наибольшая потребность. В работах Г.Е. Веселова, А.А. Красовского, А.А. Колесникова и многих других исследователей предприняты серьезные попытки создать теорию синергетического управления сложными самоорганизующимися системами [6; 7]. Положения последней с успехом могут применяться при разработке принципов и механизмов системного становления профориентационной деятельности в условиях инновационного экономического развития современного общества.

Социальная синергетика уделяет большое внимание механизмам формирования *положительной обратной связи* в сложных системах. В соответствии с принципами социальной синергетики развитие профориентационной деятельности определяется *соотношением мощностей положительной и отрицательной обратных связей*. На уровне национальной системы профориентации функцию обратной связи должно выполнить государство, на более низких уровнях ее роль могут и должны выполнять институты развития, создаваемые как сверху (правительство), так и снизу (самоорганизационно).

Сущность *принципа отрицательной обратной связи* заключается в том, что всякое отклонение системы корректируется управляющим устройством после получения сигнала информации об этом. Отрицательная обратная связь призвана создавать устойчивость в системе. Процесс действия отрицательной обратной связи: когда некое изменение угрожает изменить заданный уровень, оно подавляется.

В синергетике исследуются механизмы возникновения новых состояний, структур и форм в процессе самоорганизации, а не сохранения или поддержания старых форм. Она опирается на принцип положительной обратной связи, когда изменение, возникшее в системе, не подавляется или корректируется, а, наоборот, накапливаются

и приводят к разрушению старой и возникновению новой системы. Объединение отрицательной обратной связи с положительной обратной связью показывает, как прекрасно взаимодействуют они в едином организме, объясняя поразительную экономичность работы человеческого головного мозга. Идея положительной обратной связи – ключевое понятие теории систем. Положительная обратная связь призвана не подавлять изменение в системе, а увеличивать его, может реагировать на малое отклонение или «ввести» изменения в систему. Использование такого типа связей ориентирует профориентолога на поддержку самых разнообразных способов профессиональной самореализации оптанта, если они согласуются с его возможностями.

Если существует множество процессов, когда нужно достигнуть стабилизации в системе при помощи отрицательной обратной связи, то наряду с этим имеются множество процессов в системах, которые увеличивают изменения. Здесь работает положительная обратная связь.

Взаимодействие и конкуренция положительной и отрицательной обратных связей формирует социальную реальность из потенциального и непроявленного в виде вероятностного сценария личностного и профессионального развития.

Образ возникновения бытия из хаоса, как двуликой сущности, совпадает с понятием открытой нелинейной среды, в которой потенциально в непроявленном виде скрыт спектр всех возможных в данной среде форм, спектр структур-аттракторов эволюции. В определенном смысле мир детерминирован в виде существования спектра структур-аттракторов эволюции. Но в смысле выбора траектории в спектре структур-аттракторов – блуждания по полю путей развития – непредсказуем и случаен.

Фундаментальным свойством системы профориентации в режиме аттрактора является влияние будущего на настоящее... Таким образом, в отличие от классического приближения, поведение нелинейных систем определяется не только их прошлой историей, но в значительной степени также и будущим.

Синергетика не отменяет известного всем принципа «будущее определяется настоящим». Нелинейные системы всегда «таят» в себе бифуркации. Существует два подхода к исследованию открытых нелинейных систем:

- 1) изменение среды;
- 2) изменение воздействий.

Изменение среды: изменяя характеристики самой среды, в результате режимы становятся неустойчивыми и возникают бифуркации. Изменение воздействий: изменяя топологию воздействия на одну и ту же среду, получая различные неустойчивые режимы и вызывая бифуркации. В первом случае бифуркации получаются при изменении самой среды, во втором случае – как результат внутреннего, имманентного развития процессов в заданной среде.

Механизмы положительной обратной связи приводят к предельным режимам развития – режимам с обострением. За нелинейностью открытых нелинейных систем стоит представление о возможности сверхбыстрого развития процессов на определенных стадиях их эволюции. В основе механизма такого развития лежит нелинейная положительная обратная связь. Если отрицательная обратная связь дает стабилизирующий эффект, заставляя систему вернуться к состоянию равновесия в случаях отклонения, то положительная обратная связь приводит к раскачке, к уходу системы от равновесия, к неустойчивости. А без неустойчивости нет развития.

Синергетические и общепедагогические принципы организации профориентационной деятельности

Кардинальные моменты в организации педагогической поддержки оптанта в ситуации выбора определяет система синергетических и общепедагогических принципов. Синергетический подход в деятельности педагога реализуется с учетом синергетических факторов открытости, самоорганизации, креативности и нелинейности мышления, организации и самоорганизации. Перечисленные факторы и определяют выбор принципов, которые кладутся в основу разработанной нами технологии организации ПСО (профессионального самоопределения). Помимо регулирования, они выполняют функции определения, уточнения и самоорганизации деятельности профориентолога при разработке условий, необходимых для придания профинформации и профдиагностике вида оснований, востребующих рефлексии, критичность, автономность и т.д. При определении системы принципов мы опирались на синергетическую теорию развития и теорию научной аргументации. Иерархию принципов определяют компоненты учебного процесса: цели и задачи, содержание, методы и формы, средства и условия. В таблице показаны взаимосвязи доминантных принципов организации ПСО и компонентов учебного процесса.

Таблица – Принципы организации профориентационной деятельности в соответствии с компонентами учебного процесса

Компоненты учебного процесса	Синергетические принципы организации профориентационной деятельности	Общепедагогические принципы организации профориентационной деятельности
Цели и задачи	Планирование доминантной перспективы	Целевая установка обучения на ПСО
Содержание	Открытость профессиографической и психологической информации	Культуросообразность
Методы и формы	Изоморфизм естественного процесса самоорганизации личности и искусственного процесса педагогической поддержки ее в ПСО	Активизация ПСО, его психологической и профессиографической поддержки (<i>Принцип личностного функционирования</i>)
Средства и условия	Поливариантность путей развития	Принцип диалогизма (<i>Принцип субъективного контроля</i>)
Результаты	Долгосрочного действия	Экологическое развитие личности и ее социальная защищенность в профессиональном самоопределении

Принцип планирования доминантной перспективы. Вместо того, чтобы стремиться организовать все детали ПСО, можно построить только несущие конструкции системы (такой конструкцией процесса ПСО является самосознание), после чего динамика системы выносит нас туда, куда мы стремимся. Вместе с тем в поведении сложных нелинейных систем нас ждут «сюрпризы» удивительного развития, которые не поддаются объяснению, т.к. для такого объяснения нужно учитывать множество час-то неизвестных нам параметров: как временные, так и пространственные расстояния могут ухудшить наш горизонт прогнозируемости. В связи с этим нельзя рассчитывать на детальное описание профессионального пути старшеклассников на отдаленную перспективу: ряд факторов, которые могут оказать влияние на реализацию жизненных планов человека,

невозможно учесть. Жизнь идет вперед, возникают новые профессии, исчезают старые, варианты профессионального пути прогнозировать трудно. Поэтому нет необходимости планировать на дальнюю перспективу все детали жизненного профессионального пути выпускника, надо определить только общую цель жизни и роль профессиональной деятельности в ее осуществлении, обозначить главные направления и средства достижения поставленной цели, в которую жизнь внесет свои коррективы. Главное чтобы ученики приобрели опыт решения задач в ситуации свободного и ответственного выбора.

Принцип открытости профессиографической и психологической информации отражает положение о том, что большинство систем являются открытыми. Открытость системы – это ее постоянный обмен энергией, информацией с окружающей средой. В отношении к предмету нашего исследования имеется в виду связь личностных потребностей и желаний с возможностью их практической реализации в данной социально-экономической ситуации.

В соответствии с синергетическими представлениями, путь познания должен быть открытым, как и изучаемый предмет [8]. В противном случае отражение изученного явления в сознании будет неполным, редуцированным. Поэтому мы посчитали целесообразным выделить принцип открытости и рассматриваем его в качестве критерия отбора профессиографической и психологической информации. Это дало нам возможность включить в содержание профориентационной работы неустойчивые, неоднозначные, «версионные знания». Способ их познания – критическая рефлексия, обращение к смыслодеятельности, а не передача готовой «закрытой» информации. Итогом такого представления знаний является сформированное дивергентное мышление, которое создает основу для творческого самоопределения личности в профессиональной деятельности.

Принцип изоморфизма естественного процесса самоорганизации личности и искусственного процесса педагогической поддержки ее в ПСО предлагает учитывать, что личность опанта восприимчива только к воздействиям, согласованных с ее внутренними характеристиками. Внутренние, природные силы ребенка несут в себе импульсы к движению, они сами стремятся к развитию, движение и развитие являются их естественным положением. Какая из этих потенциальных функций реализуется, зависит от индивидуальных особенностей ребенка. Предопределенность возможного спектра путей развития ограничивает поле потенциальных аттракторов. Поддерживаются только те структуры, способы развития, которые соответствуют собственным тенденциям системы. Происходит синхронизация действий опанта и консультанта, что содействует оптимизации процесса ПСО. В связи с этим таким сложным синергетическим системам, как человеческая личность, нельзя извне навязывать пути развития. Всякая «навязанная» извне программа поведения может привести к непосредственным и более отдаленным негативным результатам. Поэтому понятно, насколько важно педагогу, который находится в режиме профконсультанта, знать внутренние качества личности, которая развивается, алгоритмы ее функционирования, законы самоорганизации в целом.

Принцип поливариантности основывается на положении о том, что большинство систем являются открытыми нелинейными системами и имеют спектр возможных эволюционных альтернатив развития. В широком смысле эта идея может быть выражена в поливариантности или альтернативности выбора. Процессы самоорганизации являются поливариантными, т.к. они обусловлены «свободным» самоопределением элементов системы в неравновесном состоянии.

В системе образования реализация принципа поливариантности предусматривает создание в образовательной среде условий для выбора, возможности достиже-

ния успеха в избранных видах деятельности, стимулирование самостоятельности выбора и принятия ответственного решения. Поскольку потенциальные структуры все время незаметно присутствуют в сознании личности оптанта, путь его в профессиональной жизни представляется как поливариантный. Развитие нелинейных систем, к которым относится личность оптанта, характеризуется множеством возможных форм, большой степенью неопределенности, сложности, большим разнообразием внутренних импульсов. Поэтому задача мудрого педагога-профконсультанта – избавиться от «пагубной самонадеянности» в том, что предложенный им путь профессионального развития является безальтернативным [9].

Принцип долгосрочного действия отражает содержание синергетики – когерентность, взаимодействие явлений. Суть этого принципа можно сформулировать так: наименьшие локальные изменения предмета находят свое отражение во всех, даже самых отдаленных объектах и явлениях материального мира. Долгосрочное действие в ПСО – это совместное проектирование оптантом и педагогом профессиональной судьбы подрастающего человека. Влияние, которое окажут воспитатели детского сада, учитель начальных классов на профессиональную судьбу человека, может быть хоть и отдаленным, но очень важным. Поэтому все советы педагога должны быть очень взвешенными, детально продуманными и тактичными.

Принцип целевой установки обучения на профессиональное самоопределение обращает внимание на то, что процесс ПСО будет успешным, если оно является стратегической целью современной школы. Недостаточна односторонняя концентрация усилий педагогов и учеников только на высоком уровне усвоения знаний, пусть и профессионально значимых. Необходимо развивать личностные мировоззренческие качества учащихся, показывать возможности профессиональной деятельности для личностного развития, создавать условия для оптимального развития склонностей к будущей профессиональной деятельности, формировать веру в высшую ценность максимальной реализации в разных видах деятельности, и в первую очередь в профессиональной деятельности.

Принцип культуросообразности акцентирует свое внимание на том, что профессиональная деятельность – это особый тип материальной и духовной культуры, который приносит человек в мир. Поэтому ПСО на конкретном этапе своего развития представляет собой включение личности в соответствующую культурную традицию. Задача образования в целом и ПСО в частности – помочь человеку найти свое место в жизни, идентифицировать себя как личность своего времени. Культурная природа личности проявляется в том, что развитие человека как субъекта трудовой деятельности – не что иное, как процесс присвоения способов трудовой деятельности и смыслов этой деятельности. Образование, которое теряет функцию помощи человеку в поисках своего места в жизни, приобщения к своей культуре, не может претендовать на роль полноценного образования. Образование и система ПСО должны быть культуросообразными. Задача педагога – помочь ученикам овладеть материальной и духовной культурой народа, органическим компонентом которой является мир профессий и профессионалов.

Принцип активизации профессионального самоопределения, его психологическая и профессиоведческая поддержка. Реализуя этот принцип, надо иметь в виду, что не столько внешние стимулы, сколько внутреннее положение системы определяют ее поведение, используя при этом информацию внешней среды. Генетически закрепленными функциями, силами, возможностями ребенок наделен от рождения. Сущность активизации заключается в стимулировании своевременного проявления тех или иных функций, способности к их развитию и становлению. Задача педагога-профконсуль-

танта – помочь информационными и психологическими средствами принять самостоятельное решение о профессиональном выборе, стать хозяином собственной профессиональной судьбы.

Принцип диалогизма обращает внимание на диалоговую, межсубъектную природу самосознания и основан на вере в позитивный потенциал человека, в его возможности постоянного развития и самосовершенствования. В связи с этим наиболее адекватной методикой для субъект-субъектного подхода, активизации самоопределения оптанта является ситуация доверчивого обсуждения, которая гарантирует равноправные позиции собеседников и отсутствие «давления» со сторон педагога. Диалог включает сотрудничество, взаимодействие, духовную связь педагога и ученика в поисках оптимальной траектории жизненного профессионального самоопределения, возможность обратиться к внутреннему миру оптанта, организовать взаимно обогащающие отношения.

Тут нет места не только внешнему воздействию, но и внутреннему предопределению профессиональной судьбы человека. Педагог направляет сознание оптанта на осмысление целей собственной жизни, будущей профессиональной деятельности, способов и средств ее осуществления. Профессиональная информация присваивается преимущественно эвристическими, проблемными и исследовательско-проектными методами. Ученики высказывают свое мнение, обосновывают позиции, взгляды, в результате чего знания приобретают «личностные смыслы» (А.Н. Леонтьев), создается атмосфера заинтересованности, которая косвенно влияет на активизацию процесса ПСО. Используются только те способы и средства учебной и профессиональной ориентации, которые дают простор для развития сущностных сил человека, содействуют развитию самосознания личности. Педагогу дается возможность в процессе диалога помочь оптанту осмыслить моральные и профессиональные ценности, способности, самого себя и свою связь с миром профессий. В диалоге формируется высший уровень сознания человека, который дает ему возможность быть полностью ответственным за свою профессиональную судьбу. В ситуации диалога создается общее психологическое пространство, психологическое единство субъектов, создаются условия для саморазвития и самоопределения личности.

Принцип экологического развития личности и ее социальной защищенности в ПСО. Реализация названного принципа требует такого образования и педагогической поддержки учащихся, которые бы содействовали индивидуальному вхождению личности в социальный мир и профессию. Поэтому названный принцип требует перехода от прогнозирования и планирования потребностей в кадрах к планированию предложений. Его основная цель – обеспечить индивидуальное вхождение в профессиональную деятельность в пользу личностного роста. Нельзя не учитывать и современную парадигму труда: труд рассматривается как целостный процесс взаимодействия человеческих сил с природой, накопление культурного потенциала труда за счет развития и использования духовного богатства человека [10].

Принцип личностного функционирования. Современный заказ школе предполагает, что воспитание не может ограничиваться формированием сугубо исполнительских функций сознания. Задача усложняется тем, что воспитание должно способствовать становлению и проявлению таких личностных структур сознания, которые воплощают действительно творческие качества человека. В связи с этим комплекс личностных функций, определенных В.В. Сериковым [11] при разработке дидактической концепции личностно-ориентированного образования, после соответствующей педагогической интерпретации, мы рассматриваем и как комплекс принципиальных ориентиров профориентации.

Функциями, проявление которых и определяет понятие «творческая личность», являются: *мотививирующая* – способствующая обоснованию и принятию решений; *опосредующая* – переводящая внешние воздействия во внутренние мотивы, руководящие поведением; *коллизийная* – позволяющая видеть скрытые противоречия действительности, явления; *рефлексивная* – конструирующая и удерживающая образ «Я» в контексте переживаемого события, как установку по отношению к самому себе в плане своих способностей, социальной значимости, самоуважения, стремления повысить самооценку; *критическая* по отношению к предлагаемым извне ценностям и нормам; *смыслотворческая* – определяющая системы жизненных смыслов; *ориентирующая* – способствующая построению личностной картины мира – индивидуального (а не коллективного) мировоззрения; *творчески-преобразующая* – обеспечивающая творческий характер любой личностно значимой деятельности, в качестве которой выступает деятельность отношений и общения, как деятельность осмысления и креативности; *самореализующая* – как стремление к признанию своего образа «Я» окружающими; *обеспечения уровня духовности жизнедеятельности* – в соответствии с личностными притязаниями, предотвращающаяся перевод жизнедеятельности к утилитарным целям.

Полнота этих функций, их представленность в деятельности учащихся как субъектов образовательного процесса является своеобразным критерием, показателем того, что этот процесс достиг личностного уровня своего функционирования. Благодаря этому возможна диагностика уровней развитости личностно и профессионально значимых качеств школьников.

Принцип субъективного контроля. Предыдущий принцип личностного функционирования довольно красноречиво свидетельствует в пользу необходимости обращения профориентационной деятельности к формированию личностных структур сознания. Очевидно, что личностные функции в предложенной интерпретации позволяют педагогу-профориентологу обратить внимание на внутренний мир ребенка, указывают конкретные точки приложения педагогических усилий для становления, развития и коррекции самоопределения. Механизм успешной реализации этого принципа зависит, в свою очередь, от того, на каком уровне субъективного контроля находится личность того или иного ученика. Понятие «субъективный контроль» используется в разработках психологии личности (Дж. Ротер и др.) для определения способности личности сознавать и объяснять меру своего участия в том, что с ней происходит. В контексте принципа личностного функционирования от уровня сознания и понимания самим учеником того, что составляет смысл его жизни и деятельности, как осознаются внешние и внутренние влияния, зависит степень личностности и каждой из приведенных функций.

Различаются два основных способа, которыми люди объясняют происходящее с ними: 1) внешний, экстернальный уровень субъективного контроля (от лат. *externus* – внешний, посторонний): все происходящее – это результат внешних обстоятельств, случайностей вмешательства не зависящих от личности факторов; 2) внутренний, интернальный уровень субъективного контроля (от лат. *interims* – внутренний): все происходящее – это результат собственных усилий, если не все, то очень многое зависит от самого человека. Для успешного действия механизма личностных функций наибольшее значение имеет развитость интернального уровня, как показатель обращенности личности к себе, как к главному действующему лицу, субъекту собственной жизни. Принцип субъективного контроля ориентирует на то, что профориентолог должен хорошо разбираться, насколько самостоятельны принимаемые его учениками решения,

способны или не способны они совершать осознанные действия мотивации, опосредования, рефлексии для наиболее полной самореализации.

Существуют четыре основных уровня субъективного контроля:

1) отсутствие видимой осознанной мотивации действия («немотивированное поведение»); 2) действие произведено под влиянием внешних, зачастую случайных факторов, не является обоснованным с позиции личностных функций; 3) ситуация выбора действия, поступка характеризуется переживанием кризиса, связанного с перебором вариантов выбора, кризис может благополучно разрешиться при минимальном, ненасильственном педагогическом вмешательстве; 4) завершение кризиса, личность делает осознанный выбор и приступает к практической деятельности по его реализации.

Знание того, на что возлагают надежду ученики – на родителей, психолога, классного руководителя, социального педагога, на подчинение мнению большинства, на уход от сложностей в человеческих отношениях, на избежание неприятных контактов или же будут полагаться на свои силы, необходимо современному профориентологу для выбора индивидуальной профориентационной тактики. В этом ему поможет методика диагностики уровней субъективного контроля, результаты которой определяют интернальность по пяти показателям: общая, в области достижений, неудач, трудовых и межличностных отношений.

Заключение

В соответствии с принципами социальной синергетики развитие профориентационной деятельности определяется *соотношением мощностей положительной и отрицательной обратных связей*. Процесс системного становления профориентационной деятельности как открытой нелинейной системы можно выразить *моделью и механизмом нелинейной положительной обратной связи*. Положительная обратная связь призвана не подавлять изменение в системе, а увеличивать его, может реагировать на малое отклонение, или «ввести» изменения в систему. Отрицательная обратная связь призвана создавать устойчивость в системе. Использование такого типа связей ориентирует профориентолога на поддержку самых разнообразных способов профессиональной самореализации оптанта, если они согласуются с его возможностями.

Наиболее эффективной формой положительной (развивающей) обратной связи может выступать государство, его институты координации, нормирования, регулирования, планирования, прогнозирования, целеполагания. Государство в соответствии с принципами самоорганизации рассматривается нами как «решающая система» или положительная обратная связь, ответственная за развитие мегасистемы под названием «система профориентационной деятельности».

Кардинальные моменты в организации педагогической поддержки оптанта в ситуации выбора определяет система синергетических и общепедагогических принципов, которые помимо регулирования, выполняют функции определения, уточнения и самоорганизации деятельности профориентолога. Среди них принципы: планирования доминантной перспективы, открытости профессиографической и психологической информации, изоморфизма естественного процесса самоорганизации личности и искусственного процесса педагогической поддержки ее в профсамоопределении, поливариантности способов развития, долгосрочного действия.

Предложенные принципы носят вариативный и динамичный характер и обеспечивают нестандартный подход в организации профориентационной деятельности, оптимальное развитие самосознания, профессиональное становление личности как откры-

той синергетической системы через использование профориентационных возможностей учебного процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ершова-Бабенко, И.В. Методология исследования психики как синергетического объекта : монография / И.В. Ершова-Бабенко. – Одесса, ОДЭКОМ, 1992. – 124 с.
2. Газман, О.С. Новые ценности образования: содержание гуманистического образования / О.С. Газман, Р.М. Вейс, Н.Б. Крылова. – М., 1995. – 103 с.
3. Хакен, Г. Синергетика / Г. Хакен; пер. с англ. В.Н. Емельянова. – М. : Мир, 1980. – 404 с.
4. Малинецкий, Г.Г. Современные проблемы нелинейной динамики / Г.Г. Малинецкий, А.Б. Потапов. – М. : Едиториал. УРСС, 2002. – 360 с.
5. Князева, Е.Н. Законы эволюции самоорганизации сложных систем / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов. – М. : Наука, 1994. – 229 с.
6. Пригожин, И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс; пер. с англ. Ю.А. Данилова. – М. : Прогресс, 1986. – 431 с.
7. Колесников, А.А. Синергетическая теория управления / А.А. Колесников. – М. : Энергоатомиздат, 1994. – 344 с.
8. Колесников, А.А. Синергетика и проблемы теории управления / А.А. Колесников, А.А. Красовский, Г.Е. Веселов. – М. : Физматлит, 2004. – 504 с.
9. Хайек, Ф.А. Пагубная самонадеянность: Ошибки социализма. / Ф.А. Хайек; под ред. У.У. Бартли. – М. : Новости, 1992. – 304 с.
10. Латыш, Н.И. Образование на рубеже веков / Н.И. Латыш. – Минск : НИО, 1994. – 156 с.
11. Сериков, В.В. Личностный подход в образовании: концепция и технологии : монография / В.В. Сериков. – Волгоград : Перемена, 1994. – 150 с.

Kovalevich M.S. Principles and Mechanism of System Beginning of Career-guidance Activity in Conditions of Innovative Economic Development of Contemporary Society

Synergetic and common pedagogical principles and mechanism of system beginning of career-guidance activity in conditions of innovative economic development of contemporary society are worked out and scientifically grounded by the author. According to synergetic conception, career-guidance activity and professional education environment, where it is realized, is viewed as a hyper-system of synergetic level with phase structure.

Suggested by the author synergetic principles-guides, besides regulation, fulfil such functions as determination, definition and self-organization of the activity of career-guidance specialist. Among them there are such principles as: planning from dominant perspective, open character of professionographic and psychological information, isomorphism of the natural process of self-organization of a person and the artificial process of pedagogical support of a person in self-determination, variable character of the ways of development, long-lasting action.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 15.03.2012

УДК 37:0018

С.Н. Северин

НОРМАТИВНО-КРИТЕРИАЛЬНЫЙ, КРИТИКО-РЕФЛЕКСИВНЫЙ И СИСТЕМНО-МОДЕЛЬНЫЙ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ СУЩНОСТИ И ГЕНЕЗИСА ПАРАДИГМЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

В статье раскрываются тенденции развития методологии науки, методологии социально-гуманитарных наук, методологии педагогики, сущность нормативно-критериального, критико-рефлексивного и системно-модельного подходов к проектированию моделей научной рациональности, а также сущность, структура, функции парадигмы педагогического исследования как методологической модели научной рациональности, как интегрированной нормативно-критериальной системы научно-педагогического исследования; рассматривается парадигма как «открытая» динамическая нормативная система, объект методологической рефлексии и методологическое основание управления качеством научных исследований в сфере образования; акцентируется внимание на субъективно-иррациональном компоненте парадигмы.

Введение

Первоначально методология социально-гуманитарных наук формировалась посредством механизма «парадигмальных трансплантаций» (В.С. Степин) из области методологии естественнонаучных дисциплин на область методологии социально-гуманитарных исследований [17]. Фактически естественнонаучная парадигма являлась эталон-императивом для социально-гуманитарных исследований. Далее осуществлялись сложные нелинейные процессы конституирования и автономизации социально-гуманитарных наук и методологии социально-гуманитарного научного познания, перестройки «парадигмальных образцов».

В период постнеклассики, по мнению В.С. Порус, для развития науки характерна новая тенденция – открытость и динамичность «парадигмальных образцов», норм (эталонов) научно-исследовательской деятельности [13]. Парадигмы социально-гуманитарных наук есть открытые динамические нормативные системы, находящиеся в состоянии перманентного развития. В период постнеклассического этапа развития науки происходят так называемые «сдвиги» парадигм в социологии (В.А. Ядов, В.В. Семенова), психологии (В.И. Слободчиков), педагогике (В.В. Краевский, Е.В. Бережнова) [6; 16; 22]. В целом, как отмечает Л.А. Микешина, для современной науки, наряду с систематизацией научного знания, полипарадигмальностью, стремлением к междисциплинарному синтезу, рефлексией, характерна новая тенденция, связанная с введением «человеческого измерения» в научную деятельность – гуманитаризация и аксиологизация науки [10].

В частности, В.И. Слободчиков отмечает: «Сегодня мы стоим у порога (или уже перешагнули его) *парадигмального сдвига* в психологии, в самом типе «научности» психологических знаний, который должен позволить нам вообще выйти за пределы «плоскости представлений о...». Речь идет о складывающейся *антропологической парадигме* в психологии, о принципиальном *антропоцентризме* психологических знаний, делающем их, по замечательному выражению В.П. Зинченко, «живым знанием», которое только и способно удержать или воспроизвести саму возможность человеческой реальности во всей ее полноте и целостности» [16, с. 132].

Ядов В.А., Семенова В.В. также указывают на парадигмальные «сдвиги» в социологии, в частности, связанные с конституированием «качественной методологии социологического исследования», «парадигмы качественного подхода»: «Социологи разочаровались в способности макросоциологических теорий должным образом объяснить и понять растущее многообразие социальных явлений и процессов, их «человеческую сущность». Для современной социологии настал период гуманизации, переориентации от рационального познания глобальных процессов к познанию и пониманию локальных общностей, специфики меньшинств и повседневных социальных практик, обращение к микроанализу социальных феноменов. Этот интерес социологии соответствует современному противоречивому этапу развития мирового сообщества, который обозначают термином «глокализация» (Р. Робертсон). Если мы хотим понять человека, мир его восприятия внешней реальности и мир его самосознания, то здесь недостаточно рационального языка научных категорий и стратегий объяснения. Необходимо приблизиться к адекватному пониманию смыслов, которые люди вкладывают в различные суждения и действия, раскрытию их скрытых субъективных значений» [22, с. 347]. Исследователь указывает на сосуществование и взаимодополнение в социологии «парадигмы количественного подхода» и «парадигмы качественного подхода» как стратегий социологического исследования. «Качественную методологию называют интерпретативной или понимающей... Объяснение как форма научного знания и аналитическая процедура выстраивает логическую цепочку причинно-следственных связей между явлениями. А понять – значит выявить субъективные значения событий, которые задаются более широким культурным контекстом...» [22, с. 353].

«Сдвиг» парадигмы характерен и для педагогической науки. В современной нормативной методологии педагогики научно обоснована (Е.В. Бережнова) необходимость трансформации логики педагогического исследования как социально-гуманитарного (конструирование наряду с эмпирической, теоретической («что есть объект исследования») и нормативной («каким должен быть исследуемый объект») моделями аксиологической модели, включающей оценку теоретического конструкта об изучаемом гуманитарном объекте с позиции гуманитарных ценностей [1]. Социально-гуманитарное исследование наряду с жесткими методологическими нормами, логико-когнитивными алгоритмами и средствами интегрирует в себя *ценностное отношение ученого* к изучаемой действительности, что оказывают существенное влияние на этапах *проектирования, осуществления, методологической рефлексии, гуманитарной экспертизы*. Включение аксиологического компонента, по мнению В.В. Краевского, обеспечило развитие рационально-логической схемы (парадигмы) педагогического исследования, которая приобрела субъективно-личностный аспект. Произошел так называемый «сдвиг парадигмы», т.е. развитие модели, схемы педагогического исследования [6].

В период постнеклассики атрибуты (*рефлексивность, прогностичность, ретроспективность, аксиологичность*) и методологические нормы социально-гуманитарных наук становятся образцами для естественных и технических научных дисциплин и оказывают существенное влияние на естественнонаучную методологию в целом, а доля и значимость социально-гуманитарных наук, междисциплинарных («гибридных») научных исследований постоянно увеличивается [14].

В контексте, с одной стороны, объективной «*полипарадигмальности*» и *открытости нормативно-методологических систем*, с другой – игнорирования элементарными логико-методологическими нормами («методологического анархизма»), особенно актуальным, с нашей точки зрения, является конституирование с позиции *системно-*

модельного подходу (В.Н. Порус) и содержательно-логическое оформление такой методологической категории, как «парадигма», являющейся методологической моделью научной рациональности. Парадигма не есть тождество научной рациональности, а только одна из ее моделей, выполняющая *системно-интегративно-нормативную функцию*: именно в парадигме интегрированы, структурированы, иерархизированы разноуровневые методологические нормы и дескриптивные теоретические конструкции, выполняющие нормативно-методологические функции, функцию «методологического эталона», задающего «рамку» научной деятельности уже на этапе проектирования исследования. Юдин Э.Г. отмечал: «В настоящее время исследование, как правило, должно быть обосновано еще до его реализации. Выдвигая исследовательскую программу, ученый или научный коллектив обязан изложить соображения, которые позволяют оценить не только значимость предполагаемого результата, о и научные средства, а также иные ресурсы, которые с достаточно большой вероятностью способны обеспечить этот результат. Иными словами, предмет обоснования становится не только знание о мире, но и знание о знании – о способах получения знания, об общей схеме намечаемой познавательной деятельности...» [20, с. 61–62]. Фактически еще на этапе проектирования исследования ученый оперирует такими методологическими нормами, как *актуальность проблемы, новизна, теоретическая и практическая значимость потенциальных результатов*, структурирует пакет методологических средств и аргументирует, что именно данные средства (подходы, методы, критерии) являются наиболее адекватными, оптимальными, эффективными для получения ценного для науки результата. Именно логико-методологическая экспертиза проекта исследования (еще до его реализации) позволяет определить эвристический потенциал исследования, ценность его результатов для науки и образовательной практики. Парадигма как интегрированная методологическая модель является основой проектирования исследования и задает «вектор», «рамку» для его методологической экспертизы.

Содержательное поле методологической категории «парадигма»: междисциплинарный подход

В философии науки парадигма – это система теоретических, методологических, аксиологических установок, принятых в качестве *модели, образца, схемы, эталона* решения научных задач и разделяемых всеми членами научного сообщества. В современной философии науки, как отмечает Е.В. Хомич, понятие «парадигма» продуктивно используется при описании *эталонных* теоретико-методологических оснований научного поиска [11, с. 505].

В логике парадигма (от греч. *paradeigma* – пример, образец) – совокупность теоретических и методологических положений, принятых научным сообществом на известном этапе развития науки и используемых *в качестве образца, модели, стандарта* для научного исследования, интерпретации, оценки и систематизации научных данных, для осмысления гипотез и решения задач, возникающих в процессе научного познания [4, с. 262].

Термин «парадигма» в философию науки ввел позитивист Г. Бергман. Однако содержательную интерпретацию данного термина впервые осуществил историк и методолог науки Томас Кун в своей фундаментальной работе «Структура научных революций» (1962). С позиции исследователя «парадигма» есть *модель, включающая господствующую теорию, проблемные ситуации, методы и стандарты решения, принятая научным сообществом в качестве образца, эталона научного исследования в дан-*

ное время. «Осваивая парадигму, ученый овладевает сразу теорией, методами и стандартами... Поэтому, когда парадигма изменяется, обычно происходят значительные изменения в критериях, определяющих правильность выбора проблем, так и предлагаемых решений» [9, с. 148–149].

Период господства какой-либо парадигмы Кун называл периодом «нормальной науки», когда решаются научные проблемы и задачи посредством общепринятых методов и методологических стандартов («решение головоломок»). Однако каждая парадигма имеет определенный гносеологический, эвристический потенциал, методологический «ресурс». Со временем накапливаются аномалии, т.е. «нестыковки», «противоречия», «рассогласования», например, между фактами и теорией, уровнем проблем и возможностями методологического инструментария и др. «Любой кризис начинается с сомнения в парадигме и последующего расшатывания правил нормального исследования» [9, с. 120–121]. Происходит смена парадигмы, т.е., «научная революция». Как отмечает Т. Кун: «Переход от парадигмы в кризисный период к новой парадигме, от которой может родиться новая традиция нормальной науки, представляет собой процесс далеко не кумулятивный... Этот процесс скорее всего напоминает реконструкцию, которая изменяет теоретические обобщения в данной области, а также многие методы и приложения парадигмы» [9, с. 121].

Осознавая многозначность и неясность трактовки понятия «парадигма», Т. Кун в «Дополнениях 1969 года» ввел понятие «дисциплинарная матрица»: «Дисциплинарная потому, что она учитывает принадлежность ученых-исследователей к определенной дисциплине; «матрица» – потому, что она составлена из упорядоченных элементов различного рода...» [9, с. 234]. В качестве компонентов «дисциплинарной матрицы» ученый определил: «символические обобщения» (формально-логический аппарат, математические формулы как средство выражения естественнонаучных законов), «метафизические части парадигм» (философские идеи, категориальные и концептуальные модели, конкретно-научные принципы, эвристики и др.), ценности («логичность», «простота», «точность» и др. как ценности науки; социальная ценность науки; исходя из контекста работы, можно заключить, что речь идет также о методологических ценностях-нормах), «образцы» или «признанные примеры решения научной проблемы».

С позиции теории аргументации понятие «образец» относится к «сфере должного» (нормативного знания), а «пример» – к «сфере сущего», т.е., дескриптивного знания. В «Дополнениях 1969 года» Т. Кун отвечает оппонентам: «Некоторые критики утверждают, что я путаю описание с предписанием... Множество современных философов показали, что существуют также весьма важные контексты, в которых нормативные и описательные предложения переплетаются самым теснейшим образом» [9; с. 265]. Подчеркнем, что «образцы» и «примеры» неправомерно отождествлять; однако в ряде контекстов действительно «демаркационная линия» между «сущим» и «должным» не столь очевидна: существуют дескриптивно-прескриптивные конструкции, а также дескриптивные конструкции с неявной оценкой, «завуалированным» предписанием (А.А. Ивин) [5].

С целью снижения уровня субъективизма в оценке концепции Т. Куна обратимся к мнению экспертов – специалистов в области философии и методологии науки. В работе «Нормальная наука и опасности, связанные с ней» К. Поппер, оппонируя Т. Куну, предлагает свою трактовку термина «парадигма»: «Я употребляю слово «парадигма» в смысле, несколько отличающемся от куновского: обозначая им не столько

господствующую теорию, сколько исследовательскую программу – способ объяснения, который считается некоторыми учеными настолько удовлетворительным, что они требуют, чтобы он был принят всеми» [9, с. 532]. Поппер считает важным высказанную Куном идею о периодах развития науки, однако отмечает: «Хотя я считаю открытие Куном того, что он называет «нормальной наукой» (*период доминирования в науке определенной теории – С.С.*), наиболее важным, я не согласен с тем... что «в норме» в каждой научной области существует одна преобладающая теория – «парадигма» и что история науки представляет собой последовательную смену господствующих теорий, чередующихся с революционными периодами «экстраординарной науки» [9, с. 532–533]. Можно предположить, что К. Поппер – сторонник **«полипарадигмальности»** (сосуществования, диалога, а, возможно, и конфликта разных «теорий»). Он отмечал, что господствующая теория – это не догма, а ученый не есть «пленник» господствующей теории: он должен заниматься критической рефлексией и сравнением разных теоретических моделей. «Надо признать, что дискуссия людей, воспитанных в разных концептуальных каркасах, трудна. Но не может быть ничего плодотворнее, чем такая дискуссия, чем столкновение культур, которое послужило стимулом некоторых величайших интеллектуальных революций» [9, с. 535].

В книге «Методология научного познания в контексте культуры» Л.А. Микешина дает следующую интерпретацию и оценку концепции Т. Куна: «Субъектом научно-познавательной деятельности является научное сообщество, организующееся как некоторая школа, направление. Каждый отдельный ученый входит в такое сообщество, усваивая его идеалы, образцы, ценностные ориентации, которые образуют некоторую парадигму, т. е., образец, пример осуществления научного поиска. Сам Кун под парадигмой подразумевает «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают модель постановки проблем и их решений научному сообществу». В его работах встречаются и другие высказывания о сути парадигмы. В частности, он часто говорит о «дисциплинарной матрице», имея в виду определенное единство философско-методологических предпосылок, теоретического объяснения и стандартов, методов познавательной деятельности. Эта матрица обеспечивает особый способ видения, который формируется лишь в совместной деятельности ученых данного сообщества, но не является результатом простого «выучивания», запоминания некоторых правил и норм.

Положительные моменты этой концепции состоят в том, что она предлагает объяснение науки как целостности, рассматривает не готовые структуры научного знания, но стремится раскрыть механизмы движения, трансформации знания. Применение социологического понятия «научное сообщество» позволило Куну ввести в концепцию развития науки человека, т.е. в известной степени преодолеть абстрактно-логический подход... Разграничение «нормальной» и «экстраординарной» науки, описание смены парадигм, способа видения – это, по существу, стремление отразить эволюционные и революционные моменты в науке на основе синтеза логико-методологического, историко-научного и социологического подходов к научному познанию.

Вместе с тем целый ряд моментов концепции Куна не могут быть приняты. В частности, абсолютизируются догматичность, принудительные действия парадигмы, а также несоизмеримость старой и новой парадигмы. Следовательно, не решается вопрос о преемственности знания, а проблема возникновения нового знания заменяется выбором между уже существующими теориями и парадигмами. Стремление понять социокультурное воздействие на развитие знания через научное сообщество в полной ме-

ре не реализуется и прежде всего потому, что как самостоятельная проблема не решается вопрос о движущих силах развития науки, не ставится как самостоятельная проблема вопрос о регулятивной и эвристической роли философско-мировоззренческих предпосылок и принципов в эволюции и революции науки» [10, с. 16–18].

Анализируя и оценивая концепцию Т. Куна В.Ю. Кузнецов отмечает, что Куном «смещен центр внимания со структуры научного знания к его развитию, понимаемому вовсе не как простое накопление фактов и теорий, но как последовательность кардинальных изменений облика науки, а также самих стандартов и идеалов научной рациональности» [9, с. 6].

Академик В.С. Степин, критически осмысливая результаты исследований Т. Куна, подчеркивает: «Рассмотрение роста знания в его исторической динамике обнаружило особые состояния, связанные с переломными эпохами развития науки, когда происходит радикальная трансформация наиболее фундаментальных ее понятий и представлений. Эти состояния получили название научных революций, и их можно рассматривать как перестройку оснований науки...» [18, с. 186]. Куном была предпринята попытка зафиксировать основания науки в термине «парадигма», «дисциплинарная матрица». Однако, с позиции В.С. Степина: 1) понятия «парадигма» и «дисциплинарная матрица» характеризуются «крайней многозначностью и расплывчатостью», т.е. являются логически не оформленными; 2) структура оснований науки не определена: не показано, в каких связях находятся выделенные компоненты парадигмы, а, значит, не выявлена ее структура; 3) не определено содержание таких компонентов дисциплинарной матрицы, как «метафизические части парадигмы» (философские идеи + конкретно-научные принципы) и «ценности» (ценности науки сводятся к идеалам объяснения, предсказания и применения знаний). Фактически Кун не определил главные компоненты оснований науки и не раскрыл связи между ними, а также не выявил связи между основаниями науки и опирающимися на них теориями и эмпирическими знаниями.

По мнению В.С. Степина, «в качестве важнейших компонентов, образующих основания науки, можно выделить: 1) научную картину мира; 2) идеалы и нормы научного познания; 3) философские основания науки. Перечисленные компоненты выражают общее понимание о специфике предмета научного исследования, об особенностях познавательной деятельности, осваивающей той или иной тип объектов, и о характере связей науки с культурой соответствующей исторической эпохи» [18, с. 188]. Указанные «основания науки» (общенаучная картина мира, идеалы и нормы научного познания, философские основания науки), которые постоянно подвержены критической рефлексии (развиваются) и актуальны только для определенного социокультурного и научного контекста, являются «ядром» проектирования моделей научной рациональности.

Специфика парадигмы как методологической модели научной рациональности

Контент-анализ научных источников по философии и методологии науки позволил заключить, что «парадигма» есть методологическая модель, стандарт, образец, эталон проектирования, осуществления, экспертизы, оценки и рефлексии процесса и результатов научного исследования (еще Кун отмечал, что одной из основных функций парадигмы является нормативная).

С позиции теории аргументации (А.А. Ивин) нормы, стандарты, образцы, идеалы, эталоны, критерии, правила, рекомендации относятся к *оценочно-нормативному типу знания* («сфере должного») и выражают ценностное отношение мысли к действительности. «К выражениям оценочного характера относятся всякого рода стандарты,

образцы, идеалы... Очевиден оценочный элемент в методологических рекомендациях» [4, с. 29]. Оценочные утверждения могут характеризоваться как *целесообразные, эффективные, обоснованные*; оценки не характеризуются как «истинные» или «ложные». Ценностное отношение мысли к действительности находит свое выражение в разнообразных нормах (нормы являются частным случаем оценок). Нормы имманентны любой человеческой деятельности, включая и научно-исследовательскую. Нормы фиксируют то, что *должно быть* осуществлено для качественного и эффективного достижения результата. В частности, методологические нормы (принципы, методы, правила, алгоритмы, критерии и др.) предписывают, как должно проектировать и осуществлять научное исследование. Если рассматривать научную рациональность как систему норм, критериев, правил научного исследования (В.Н. Порус), то парадигма является нормативно-методологическим «ядром» научной рациональности: *парадигма есть методологический стандарт, эталон научного исследования в определенном социокультурном и научном контекстах*. С позиции теории аргументации понятие «парадигма» по природе явно «нормативное». Парадигма есть методологическая модель научного исследования с явным доминированием прескриптивного компонента. Однако в структуру парадигмы интегрированы и дескриптивные компоненты, выполняющие методологическую функцию (такую функцию выполняет метатеория по отношению к частной теории).

Парадигма выполняет, с нашей точки зрения, несколько основных функций:

1) когнитивную (в структуру парадигмы интегрированы обще- и конкретно-научные теории, создающие концептуальное междисциплинарное пространство, в котором «развертывается» конкретное научное исследование; концептуальное пространство задает «способ видения» реальности (Л.А. Микешина), включает определенные «объяснительные схемы»);

2) эвристическую (каждая парадигма имеет определенный гносеологический, эвристический потенциал, методологический «ресурс»; изменяется социокультурный и научный контекст; со временем накапливаются аномалии, т.е., «несстыковки», «противоречия», «рассогласования», например, между фактами и теорией, уровнем проблем и возможностями методологического инструментария и др.; наука и ее методология постоянно развиваются и, в силу открытости конкретно-научных парадигм, происходит, как отмечает В.С. Степина, перманентный процесс *«парадигмальных прививок»*, т.е. критическая экстраполяция и «адаптация» идеалов, подходов, принципов, методов исследований из одной научной дисциплины в другую, что задает новый вектор, новые возможности для исследований, новое качество (например, использование системного подхода в социально-гуманитарных науках); происходит «перепрограммирование» оснований парадигмы, переструктурирование ее «ядра», т.е., развитие, «сдвиг» парадигмы или «научная революция») [18];

3) системно-интегративно-нормативную (в парадигме интегрированы, структурированы, иерархизированы методологические нормы и дескриптивные конструкции, выполняющие нормативно-методологические функции). В частности, научная теория – это дескриптивное научное знание или «знание о сущем». Однако теория, наряду с объяснительной и прогностической функциями, выполняет и *методологическую функцию* (не являясь методологической по существу): специально-научная теория – один из источников методологического обеспечения специально-научного исследования более частного характера. Теория более высокого уровня является концептуальным «каркасом», «задает» вектор, методологический стандарт определения и решения частной научной проблемы. В этой связи Э.Г. Юдин подчеркивал: «В иерархической организации

научного знания дело нередко обстоит таким образом, что знание более высокого уровня абстрактности выполняет методологические функции по отношению к более конкретному знанию. Фактически любая научная теория выполняет методологические функции...» [20, с. 59–60].

4) конкретно-нормативную («Какими конкретными методологическими нормами руководствоваться в процессе исследования (принципы, методы, методики, критерии)?», «Как должно проектировать, осуществлять, оценивать качество и эффективность, осуществлять рефлексию процесса и результатов научного исследования?»).

С нашей точки зрения, *нормативная функция парадигмы является доминирующей*. В контексте вышеизложенного рассматриваем *парадигму как нормативную систему*, интегрирующую частные нормативные модели: «Уровни методологического анализа (рефлексии) научного исследования», «Логические критерии качества научного исследования», «Статистические критерии качества научного исследования», «Методологический аппарат научного исследования», «Методологические критерии качества результатов научных исследований», «Методологический алгоритм обоснования актуальности проблемы научного исследования» и др. (рисунок). **«Парадигма» есть категория прескриптивной (нормативной) методологии науки. «Педагогическая парадигма» есть категория нормативной методологии педагогики.**

Научная рациональность и парадигма

Парадигма не тождественна научной рациональности. Парадигма одна из моделей научной рациональности. «Парадигма» – методологическая модель научной рациональности, выполняющая прескриптивно-методологическую и системно-интегративно-нормативную функции. Однако, как отмечает В.Н. Порус, критериями научной рациональности являются не только методологические нормы, логические законы и правила, но и принципы научной онтологии, методы, основоположения научных теорий, категории, «матрицы» понимания и объяснения, образцы решения исследовательских задач [13, с. 63].

По причине вариативности, многоаспектности критериев научной рациональности В.Н. Порус рассматривает сущность научной рациональности с позиции *системно-модельного подхода*: «Суть его в том, чтобы рассматривать научную рациональность не как «набор» или совокупность определенных критериев, а как динамическую систему, состоящую из элементов и подсистем, обладающих относительной автономией в качестве моделей научной рациональности. Принципиальная характеристика этой системы – ее открытость, допустимость перестройки, реконструкции. Это именно та характеристика, которая способна связать модели научной рациональности с историческим изменением науки и методологических представлений о ней» [13, с. 64].

Например, с нашей точки зрения, **«ядро» парадигмы педагогического исследования составляют методологические, содержательно-логические и гуманитарные критерии**, а статистические и формально-логические критерии составляют содержание периферийных критериальных подсистем.

Ни логические, ни методологические критерии не исчерпывают множества критериев научной рациональности (афоризм Грязнова Б.С.: «Наука есть нечто большее, чем логика»). Профессор МГУ Ю.А. Петров в своей монографии «Культура мышления: Методологические проблемы научно-педагогической работы» отмечает, что в подавляющем большинстве случаев в процессе мышления применяются не формально-логические правила (опирающиеся только на форму понятий и суждений), а содержатель-

ные (неформальные, учитывающие содержание понятий и суждений). К содержательным (неформальным) правилам относятся как правила, изучаемые в курсе формальной логики (правила неполной индукции, аналогии, объяснения и предсказания, выдвижения гипотез и др.), так и правила методологические. В чем состоит специфика содержательных правил? Почему правило неполной индукции – содержательное? Потому, что оно не может применяться к суждениям, содержания которых мы не знаем, т.е., потому, что оно зависит от их содержания. Например, допустим, что из встретившихся людей первый человек смертен, второй – смертен и т.д., n-й человек смертен. По правилу неполной индукции делаем вывод: все люди смертны. Правило применено правильно, заключение истинно. Но, допустим, что первый человек оказался писателем и т.д., n-й человек также оказался писателем. Можем ли мы применить правило неполной индукции в данной ситуации? Не можем, так как получим ложный вывод: «все люди писатели». В этой связи надо знать содержание суждений для правильного применения правила неполной индукции. Зачастую в педагогических исследованиях соискатели делают «истинные» выводы на основании неполной индукции: «Методика «А» результативна для педагогического контекста «А» и для педагогического контекста «Б», следовательно – методика «А» универсальна, результативна для любого педагогического контекста». Иногда соискатели в своих заключениях отмечают, что «разработанная методика является эффективным методическим средством развития у целевой группы способностей..., формирования компетентности...». Однако, для какого педагогического контекста (факторы, необходимые и достаточные условия) данное заключение истинно, не указывается. Как отмечает Ю.А. Петров: «Если мышление по формально-логическим правилам называть *логическим*, то мышление, как по формальным, так и по содержательным правилам лучше называть логичным мышлением... Некоторые из содержательных правил логичного мышления относятся к компетенции методологии науки. Например, правила введения и исключения абстракций (понятий), правила оценки истинности разного типа суждений, правила построения и обоснования теорий, правила выдвижения гипотез, правила объяснения и предсказаний и др. Без соблюдения этих правил нельзя логично мыслить. Такие правила можно назвать *методологическими правилами мышления* или правилами методологически правильного (логичного) мышления» [13, с. 8]. В этой связи логические нормы не тождественны научной рациональности. Однако логические нормы («логические системы») могут входить в «ядро» той или иной модели научной рациональности.

Социокультурная обусловленность парадигмы

Парадигма как методологическая модель научной деятельности всегда имеет «социокультурную размерность» (В.С. Степин). Парадигма одна из моделей научной рациональности. «Парадигма» как методологическая модель научной рациональности есть культурная ценность, которая «одновременно обладает методологической и аксиологической размерностью» [13, с. 109]. Парадигма для исследователя является призмой для методологической рефлексии на этапах проектирования, осуществления и оценки качества процесса и результатов научного исследования. Фактически парадигма в данном контексте является средством для «внутренней» методологической рефлексии исследователя. Рефлексия исследователя не сводится только к методологической рефлексии: объектом рефлексии ученого должен выступать *социокультурный контекст* (социокультурные условия и факторы), в котором «разворачивается» исследование. Идеалы и нормы научного исследования, методологические схемы

и критерии, которые интегрированы в парадигме, зависят от культуры эпохи, от доминирующих в ней мировоззренческих установок и ценностей. Социокультурный контекст «задается», переосмысливается, интерпретируется, «материализуется» в философско-антропологических, культурологических, социологических и др. походах и концепциях, которые, не являясь методологическими по существу, выполняют методологическую функцию и составляют философский уровень методологии научного исследования. Объектом критической рефлексии должна становиться и сама парадигма с учетом динамики социокультурного контекста, тенденций развития конкретной науки, смежных наук, науки в целом и ее методологии, тенденций развития образования. Парадигма инвариантна для определенного социокультурного и научного контекста. Парадигма «гибка» и «вариативна»: гибкость и вариативность парадигме придает *аксиологический, субъективно-иррациональный компонент* (ориентир исследователя на тот или иной идеал научности; выбор философской концепции, общие и конкретно-научные подходы; исследовательская проблематика; определение предмета исследования и целевых приоритетов; концепция и гипотеза исследования; приемы аргументации при проектировании дескриптивных и нормативных моделей исследования; гуманитарная экспертиза результатов).

Конвенциональность парадигм

Парадигма – норма, а норма – это всегда конвенция ученых. Как отмечает В.Н. Порус, модели научной рациональности «изготавливаются» методологами и философами, исходя из разных задач: «Одни модели предназначаются для исследования организации «готового» научного знания, другие – для определения критериев рациональной научно-исследовательской деятельности, третьи – для рационального понимания процессов трансляции знания и обучения, четвертые – для представления в виде рационального процесса изменения и развития науки» [13, с. 69]. Модели научной рациональности «пересекаются» (фактически могут состоять из одних и тех же элементов, однако в связи со спецификой модели выполняющих разные функции), раскрывая природу научной рациональности в различных ракурсах, аспектах, дополняя друг друга, обеспечивая «целостность», смысловое единство научной рациональности.

В нашем исследовании источниками структурирования парадигмы прикладного педагогического исследования выступали:

- 1) концепция уровней методологической рефлексии научного исследования (В.С. Швырев, Э.Г. Юдин);
- 2) теория аргументации (И.И. Ивин);
- 3) концепции социокультурной обусловленности и генезиса науки (Т. Куна; В.С. Степин, Л.А. Микешина и др.);
- 4) концепция «парадигмальных прививок» (В.С. Степин);
- 5) концепция «открытой» рациональности (В.С. Швырев);
- 6) концепция гуманитаризации и аксиологизации науки (Л.А. Микешина);
- 7) концепции философии и методологии науки, раскрывающие «общее» и «особенное» в парадигмах технических, естественных и социально-гуманитарных наук (В.М. Розин, В.С. Швырев, Э.Г. Юдин, Л.А. Микешина, В.С. Степин);
- 8) нормативно-критериальный, критико-рефлексивный, системно-модельный подходы к проектированию моделей научной рациональности (В.Н. Порус, В.С. Швырев).

Нормативно-критериальный («закрытая рациональность») и критико-рефлексивный («открытая рациональность») подходы к пониманию и исследованию парадигмы как модели научной рациональности. Дополнительность «закрытой» и «открытой» рациональности

С одной стороны, парадигма есть система жестких методологических критериев, стандартов, эталонов, которая задает «призму», нормативно-критериальную «рамку» мышления («заточение в парадигме»), проектирования, рефлексии, экспертизы процесса и результатов научного исследования (исследователь находится в «закрытом» концептуальном и методологическом пространстве), т.е. является «закрытой рациональностью».

С другой – парадигма является объектом перманентной критической рефлексии, ревизии и, возможно, реконструкции, т.е., парадигма есть «открытая рациональность»; как и другие модели научной рациональности, она принципиально открыта, динамична (одна из тенденций современной науки – динамичность нормативно-методологических эталонов). Швырев В.С. отмечал: «Рефлексия над способами научно-познавательной деятельности, выявление их как осознанно применяемых норм этой деятельности является необходимым условием такого типа духовного воспроизводства, который характерен для научно-теоретического сознания. Говоря о рефлексии над способами научно-познавательной деятельности, мы имеем в виду акты мышления, направленные на выявление и сознательный контроль оснований условий и средств деятельности по формированию и развитию научного знания. Ранее включение на «полную силу» рефлексивных механизмов научно-теоретического сознания было необходимым и осуществлялось на наиболее драматических стадиях развития науки, в ее переломные моменты, при решении творческих задач, связанных с «перепрограммированием» оснований, формированием новых «парадигм»... В условиях современной науки рефлексивная «вооруженность» стала практической потребностью для любого серьезного и самостоятельно мыслящего исследователя... наука в целом перешла ту грань, до которой осуществление ею деятельности по формированию и развитию научного знания могло происходить без постоянного участия и контроля ее самосознания. Это самосознание функционирует через средство выработанных в науке в качестве ее особого компонента рефлексивных механизмов, то есть понятий о методах научного исследования, формах и структурах знания, операциях и приемах, критериях оценки действий по формированию и развитию знания» [19, с. 25–26].

По мнению В.С. Швырева для современного научного мышления характерно критико-рефлексивное отношение к своим задачам и к средствам, способам их решения. Фактически рефлексия пронизывает все слои и все уровни научного исследования, что обуславливает вариативность форм и уровней самой рефлексии, которое находит выражение, например, во многоуровневости методологического анализа конкретно-научного исследования (философский, общенаучный уровни методологической рефлексии, уровень методологии социально-гуманитарных наук, конкретно-научный уровень, уровень методов, методик и техник исследования). Как отмечает Э.Г. Юдин, рефлексия есть существенный имманентный компонент современной науки, выражающийся в сознательном контроле за ходом, формами. Условиями и основаниями процесса познания. На современном этапе существенно расширилась сфера рефлексии над наукой: «Наряду с углублением и дифференциацией внутренней, специфической рефлексии, чрезвычайно быстро растет другая ее форма – внешняя, «неспецифическая» рефлексия, имеющая своим предметом не процесс познания как таковой, а его условия

и социальные результаты» [20, с. 36]. В этой связи, специфика современного логико-методологического исследований заключается, как отмечает В.С. Швырев, в постоянном углублении и расширении его объекта: «От анализа структуры «ставшего», готового, сформированного знания оно переходит к изучению механизмов формирования и развития научного знания; от рассмотрения научного знания как самодовлеющего, замкнутого образования со своими внутренними (имманентными) закономерностями – к исследованию науки в широком историческом социокультурном контексте, когда ставится задача выявить воздействие этого контекста на основополагающие принципы и нормы научного мышления той или иной эпохи» [19, с. 37]. Швырев В.С. считает, что «методологичность начного мышления представляет собой осознанное отношение к средствам и предпосылкам деятельности по формированию и совершенствованию научного знания. Степень и форма осознанности этих средств и предпосылок могут варьироваться в очень широком диапазоне – от стремления просто к четкому пониманию смысла и значения употребляемых научных понятий, терминов, поскольку они (смысл и значение) «прорабатываются» в собственном сознании исследователя, до анализа исходных предпосылок научных парадигм и стилей научного мышления». Методологичность мышления, критико-рефлексивное отношение к существующим теориям и концепциям, парадигмальным образцам, процедурам и результатам собственной научной деятельности является необходимым компонентом методологической культуры исследователя. Как отмечал В.С. Швырев, рефлексивность научно-теоретического сознания прежде всего проявляется в *принципе обоснования научного знания*, в обосновании его истинности, ценности для науки с позиции инвариантных для данного социокультурного и научного контекста систем норм и критериев, которые также постоянно критически осмысливаются и изменяются.

Ревизии могут быть подвержены как структура парадигмы в целом, доминантное ядро критериев, так и периферийные нормативно-критериальные подсистемы. Парадигма одновременно является и «закрытой», и «открытой» рациональностью. В.Н. Порус пишет: «Если рациональность – это «целостный объект», теория рациональности должна исходить из принципа дополнительности таких его характеристик, которыми определены два способа моделирования рациональности: нормативно-критериальный («закрытая рациональность») и критико-рефлексивный («открытая рациональность»). Эти классы понятий суть модели одного и того же объекта. Взятые в раздельности, они дают противоположные определения рациональности; тогда их совмещение дает в итоге «парадокс рациональности». Взятые совместно, они отвечают принципу дополнительности... Однако «закрытая» и «открытая» рациональности не должны трактоваться как некие «состояния» или «фазы» рациональности – статическая и динамическая и т.п. Не различие этих «фаз», а их смысловое единство – вот что лежит в основе применения принципа дополнительности» [13, с. 91–92]. В теории научной рациональности (теории, объясняющей процессы формирования и функционирования, изменения и соперничества критериальных систем) принцип дополнительности, как отмечает В.Н. Порус, является основным.

Таким образом, парадигма есть одновременно «закрытая» и «открытая» нормативная система, способная к развитию («сдвиг парадигмы») в связи с изменением социокультурного контекста, научной картины мира, тенденциями развития науки и ее методологии. Парадигма – эффективный методологический инструмент исследования при условии, если для ученого она выступает объектом тотальной и перманентной методологической рефлексии. Парадигма для исследователя является призмой для мето-

дологической рефлексии на этапах проектирования, осуществления и оценки качества процесса и результатов научного исследования. Однако рефлексия исследователя не сводится только к методологической рефлексии: объектом рефлексии ученого должен выступать *социокультурный контекст* (социокультурные условия и факторы, гуманитарные ценности), в котором «разворачивается» исследование.

Освоение понятия «парадигма», критическая рефлексия различных «парадигмальных моделей» в процессе «научно-методологического образования» (В.В. Краевский), научной коммуникации в рамках научной школы формирует стиль мышления ученого (В.Н. Порус). Стиль мышления, наряду с научными идеалами и ценностными установками, системными методологическими знаниями, методологической рефлексией, является важнейшим компонентом методологической культуры исследователя.

Парадигма есть открытая, динамическая нормативная система, интегрирующая собственно методологические нормы (принципы, методы, критерии), теоретические конструкции, выполняющие прескриптивную функцию, и научные ценности (установки, идеалы) и являющаяся методологическим эталоном для решения научных задач в определенном социокультурном и научном контекстах, а также методологическим основанием управления качеством научных исследований в сфере образования.

С позиции Е.В. Бережновой, качество научной работы – «это соответствие конкретного исследования методологическому эталону по результату и по процессу осуществления исследовательских процедур. Управление качеством научной работы предполагает разработку способов деятельности, способных повлиять на качество процесса и результатов исследования» [6, с. 388]. Основная цель разноуровневых субъектов управления качеством научных исследований (от ВАК – до кафедр вузов) заключается в обеспечении качества научной продукции. В этой связи, главная проблема управления качеством научных исследований заключается в определении специфики и характера связи между методологическими и собственно управленческими аспектами. Однако методология науки не есть наука об организации и управлении деятельности. Вместе с тем логика и методология науки, методология конкретно-научного исследования разрабатывают инвариантные и специфические логические и методологические нормы проектирования и осуществления научных исследований, критерии оценки качества их процедуры и результатов. Именно в парадигме интегрированы разноуровневые методологические нормы, эталоны, критерии, которые и должны выступать методологическим основанием «административного регулирования», управления в сфере научных исследований. С нашей точки зрения, именно *парадигма* как интегрированная методологическая модель научного исследования, как нормативная система, выполняющая функцию «методологического эталона», задает нормативно-критериальную «рамку» научной деятельности и является методологическим основанием управления качеством научно-педагогических исследований на всех уровнях управления.

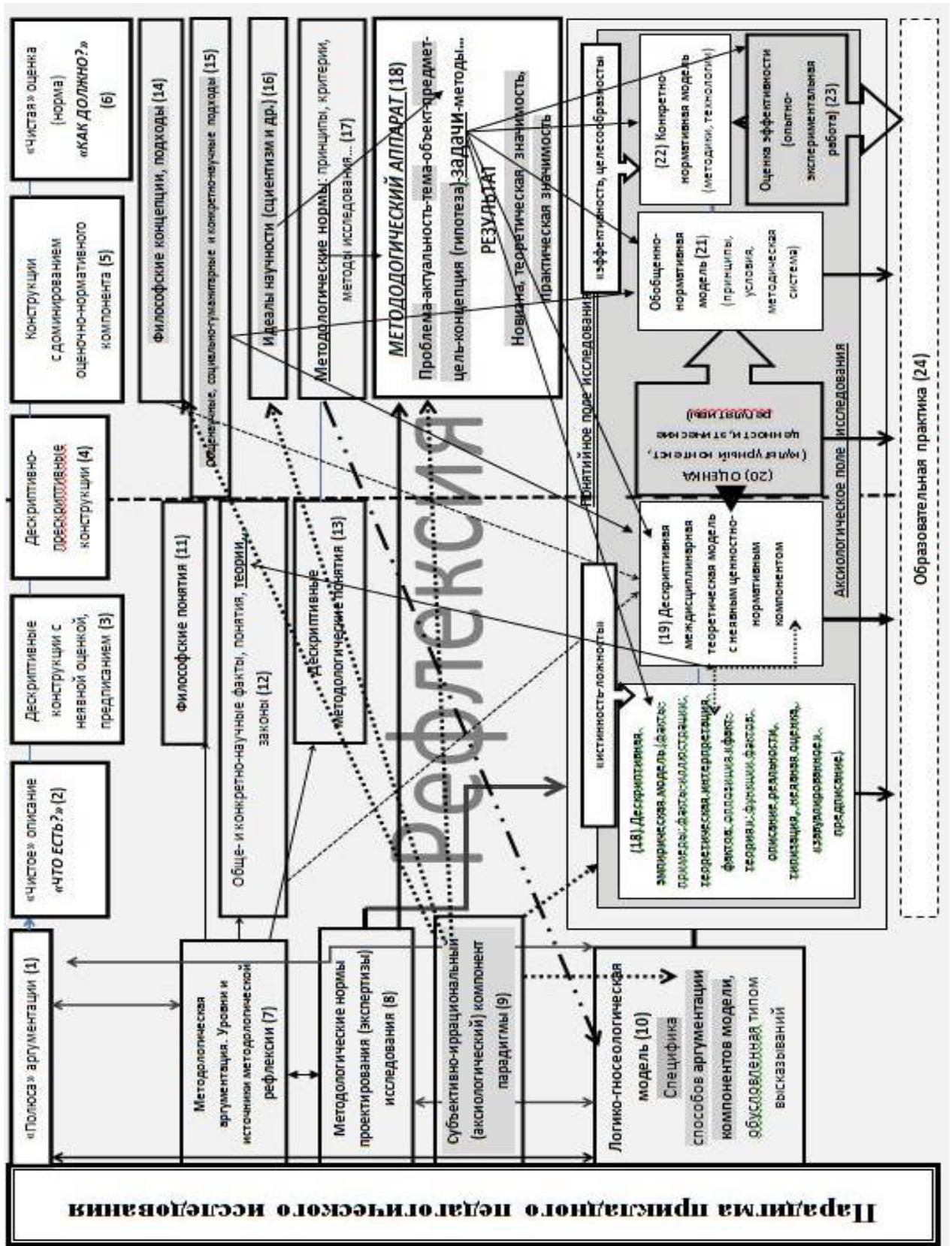

Рисунок – Формальная структура парадигмы прикладного педагогического исследования

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бережнова, Е.В. Методологические условия перехода от науки к практике в структуре прикладного педагогического исследования : дис. ... д-р а пед. наук : 13.00.01 / Е. В. Бережнова. – Волгоград, 2003. – 321 л.
2. Бережнова, Е.В. Педагогическое исследование: социально-гуманитарный контекст / Е. В. Бережнова // Педагогика. – 2005. – № 6. – С. 23–30.
3. Бережнова, Е.В. Педагогическая наука и её методология в контексте современности / Е.В. Бережнова // Педагогика. – 2002. – № 1. – С. 101–105.
4. Ивин, А.А. Словарь по логике / А.А. Ивин, А.Л. Никифоров. – М. : ВЛАДОС, 1997. – 384 с.
5. Ивин, А.А. Теория аргументации : учеб. пособие / А.А. Ивин. – М. : Гардарики, 2000. – 416 с.
6. Краевский, В.В. Методология педагогики: новый этап : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.В. Краевский, Е.В. Бережнова. – М. : Академия, 2008. – 400 с.
7. Краевский, В.В. Общие основы педагогики : учеб. для пед. вузов / В.В. Краевский. – М. : Академия, 2003. – 256 с.
8. Краевский, В.В. Парад парадигм (послесловие к статье Н.Л. Коршуновой) / В.В. Краевский // Педагогика. – 2006. – № 8. – С. 20–24.
9. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун ; пер. с англ.; сост. В.Ю. Кузнецов. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2003. – 605 с.
10. Микешина, Л.А. Методология научного познания в контексте культуры / Л.А. Микешина. – М. : Исслед. центр по пробл. управл. качеством подготовки специалистов, 1992. – 174 с.
11. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Минск : Изд. В.М. Скакун, 1998. – 896 с.
12. Петров, Ю.А. Культура мышления: методологические проблемы научно-педагогической работы / Ю.А. Петров. – М. : Изд-во МГУ, 1990. – 115 с.
13. Порус, В.Н. Парадоксальная рациональность (очерки о научной рациональности) / В.Н. Порус. – М. : Изд-во УРАО, 1999. – 124 с.
14. Розин, В.М. Специфика и формирование естественных, технических и гуманитарных наук / В.М. Розин. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. – 200 с.
15. Розин, В.М. Специфика и формирование естественных, технических и гуманитарных наук / В.М. Розин. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. – 200 с.
16. Слободчиков, В.И. Основы психологической антропологии. Психология развития человека. Развитие субъективной реальности в онтогенезе : учеб. пособие для вузов / В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев. – М. : Школьная Пресса, 2000. – 416 с.
17. Степин, В.С. Генезис социально-гуманитарных наук (философский и методологический аспекты) / В.С. Степин // Вопросы философии. – 2004. – № 3. – С. 37–43.
18. Степин, В.С. Теоретическое знание / В.С. Степин. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.
19. Швырёв, В.С. Научное познание как деятельность / В.С. Швырёв. – М. : Политиздат, 1987. – 232 с.
20. Юдин, Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность. / Э.Г. Юдин. – М. : Эдиториал УРСС, 1997. – 421 с.
21. Юдин, Э.Г. Системный подход и принцип деятельности: методологические проблемы современной науки / Э.Г. Юдин. – М. : Наука, 1978. – 391 с.

22. Ядов, В.А. Стратегии социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности / В.А. Ядов. – 3-е изд., испр. – М. : Омега-Л, 2007. – 567 с.

Severin S.N. Normative-criterion, Criticism-reflective and System-model Approach to Understanding of Essence and Genesis of Pedagogic Research Paradigm as a Methodological Model of Scientific Rationality

In the article the main tendencies of the development of methodology of science, methodology of social and humanitarian sciences, methodology of pedagogics, the essence of the normative and criteria, critical-reflexive and system and modeling approaches to projecting models of scientific rationality are described. The author focuses on the essence, structure, the function of paradigm of the pedagogical research as a methodological model of scientific rationality, as an integrated normative and criteria system of scientific and pedagogical research; the article deals with the paradigm as an «open» dynamic normative system, the object of methodological reflexion and methodological basis for governing the quality of scientific research in the educational sphere; the attention is paid to the subjective-irrational component of the paradigm.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 29.09.2012

УДК 378

А.Л. Куш

СИСТЕМА СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Анализируется состояние гуманитарной составляющей современного вузовского образования, определяются её цели и задачи, место и роль в общей структуре образования современного студента. Предлагаются конкретные решения по её содержанию и структуре и объёму. Излагаются требования к преподаванию социально-гуманитарных дисциплин.

Давней, но по-прежнему актуальной проблемой является проблема социально-гуманитарного образования в высшей школе. Предлагаются различные концепции, анализируются подходы к преподаванию социально-гуманитарных дисциплин, предлагаются различные методики [7; 13]. Начиная с постперестроечных времён социально-гуманитарное образование в нашей стране основательно реформировалось три раза. Последняя реформа была проведена в 2006 году. В основном, она свелась к изменению объёма и структуре блока социально-гуманитарных дисциплин в сторону их уменьшения, что нашло своё отражение в ныне действующем Образовательном стандарте [4].

По прошествии пяти лет преподавания в соответствии с указанным образовательным стандартом, можно делать выводы о результатах этой реформы. Можно сказать, что не все цели оказались достигнуты. Преследуемая цель совершенствования социально-гуманитарного образования в высшей школе, улучшения его качества при снижении на него затрат (в виде объёма часов, количества специалистов), оказалась достигнута лишь в плане последнего фактора. В остальном вышло скорее наоборот. Если раньше брали количеством, а не качеством, то теперь и то и другое уменьшилось. Статус, объём, эффективность социально-гуманитарного блока дисциплин в учебном процессе снизились.

У реформаторов же была уверенность, что этого снижения не произойдёт, более того, повысится эффективность преподавания этих дисциплин за счёт использования в учебном процессе «современных педагогических технологий», новых учебных программ, учебно-методических комплексов, внедрения в учебный процесс системы менеджмента качества и других мероприятий. Однако этого не произошло. Почему? Кратко отвечая на поставленный вопрос, можно сказать:

- 1) концептуально блок социально-гуманитарных дисциплин глубоко и основательно проработан не был;
- 2) учебные программы не были соответственно переработаны, а дисциплины не преподавались с достаточной практической направленностью;
- 3) объёмы учебного времени на многие дисциплины были недостаточны для эффективного их усвоения;
- 4) и студенты, и преподаватели не были достаточно мотивированы на высокий результат;
- 5) в среде потребителей образовательного продукта, в обществе в целом, ещё недостаточно осознаны статус и роль социально-гуманитарного знания и, соответственно, не сформирована полноценная потребность в нём.

Предыдущая реформа была недостаточно научно и практически подготовлена. Понятно, что не все проблемы решаются только в рамках научного подхода, что есть

экономические, политические (в плане антигуманитарного лобби, выступающего за сокращение этих дисциплин в учебном плане вузов) и иные интересы. Но мы всё-таки не можем не учитывать конечные результаты и отдалённые перспективы принимаемых нами решений. В этой работе мы определим концептуально-теоретические основы социально-гуманитарного образования в высшей школе и, основываясь на них, выскажем свою точку зрения по содержанию, структуре и объёму блока социально-гуманитарных дисциплин на современном этапе, а также укажем на пути их реализации в учебно-воспитательном процессе высшей школы.

Теоретико-методологические основания социально-гуманитарного образования

Изложим кратко философско-методологические основания блока социально-гуманитарных дисциплин, его роль, место и статус в системе образования современного специалиста, принципы организации, функции, цели и задачи. После чего, основываясь на этих данных определим его содержание, структуру и объём, особенности практической реализации в учебно-воспитательном процессе.

Главной целью высшего образования является подготовка высококвалифицированных специалистов, обладающих развитыми личностными качествами, достойных граждан своей страны. Характеризуя эти составляющие личности молодого специалиста, следует отметить, что подготовка *высококвалифицированного специалиста* означает хорошее владение им теорией и практикой в области своей профессиональной деятельности. *Развитые личностные качества* предполагают наличие ответственности, порядочности, целеустремлённости, образованности и высокой внутренней культуры. *Гражданские качества* предполагают обладание необходимой суммой знаний об обществе, умение ориентироваться в сложных реалиях современной жизни, патриотизм.

Две последние составляющие в основном формируются в процессе *социально-гуманитарного образования, которое представляет собой систему учебных и воспитательных мероприятий, направленных на формирование и развитие у студентов духовных, личностных и гражданских качеств* на основе ценностей и достижений мировой и национальной культуры, обеспечивающих решение социально-профессиональных, личностных, гражданских задач и функций.

Какова потребность общества в социально-гуманитарном образовании студентов? Наше общество движется к постиндустриальной фазе своего развития, в которой основные формы бытия: мир вещей, взаимоотношения людей, сфера духа интегрированы, а значит оказывают друг на друга взаимное влияние. В этой ситуации роль социально-гуманитарного знания, имеющего непосредственное отношение к сферам взаимоотношений людей и сфере духа и влияющего, через них, на мир вещей, имеет особое значение. В соответствии со своей спецификой, социально-гуманитарное знание призвано решать правовые, социальные, мировоззренческие, психологические, экономические, политические, морально-нравственные и иные проблемы бытия человека и общества. В современном социуме, в условиях демократии, где каждый человек принимает активное участие в его функционировании и развитии эта система знаний, умений и навыков особенно актуальна. Узкая специализация здесь неуместна, ибо в условиях демократии каждый человек влияет на принятие судьбоносных для общества решений, и от уровня его социально-гуманитарной подготовки зависит качество этих решений.

Если обратиться к научно-педагогической литературе, то там повсеместно указывается на всё возрастающую роль социально-гуманитарного образования, широко обосновывается его укрепление и развитие. Так, констатируя значимость социально-

гуманитарного образования, А.И. Жук указывает также и на то, что, процесс развития социально-гуманитарного образования активно идёт в западных странах, США [8]. На укрепление роли социально-гуманитарного образования, по словам Нечаева В., направлен и болонский процесс [12]. На необходимость укрепления социально-гуманитарного образования, развитие его методологических оснований указывает Т.Е. Солодова [14]. Действительно, современное образование немислимо без развития личности человека, без получения им знаний об обществе и мире в целом.

Для того чтобы эффективно выполнять свои функции, социально-гуманитарное образование должно соответствовать следующим *принципам* [10]:

- системность и единство получаемых студентами знаний;
- практичность и полезность формируемых у них умений и навыков;
- развивающий личность характер;
- формирование творческого подхода к решению стоящих перед личностью задач;
- соответствие содержания, целей и задач гуманитарного образования национальной культуре, философии и идеологии;
- воспитывающий характер обучения.

Функциями системы гуманитарного образования являются:

- образовательная (расширение кругозора молодого специалиста);
- мировоззренческая (формирование рационально-обоснованного и гуманистически-ориентированного мировоззрения);
- воспитательная (формирование личностных и гражданских качеств);
- праксеологическая (формирование практических умений и навыков поведения).

Достижение указанных выше целей, реализация перечисленных функций возможны посредством решения следующих *задач*:

- разработка учебных планов по гуманитарным наукам, целью которых является определение перечня и объёмов гуманитарных дисциплин;
- разработка учебных программ, в которых должно найти отражение содержание этих дисциплин, их согласование друг с другом и с другими вузовскими дисциплинами;
- разработка системы стандартов качества по социально-гуманитарным дисциплинам;
- совершенствование системы оценки знаний, умений и навыков студентов;
- усиление практической направленности блока гуманитарных дисциплин;
- совершенствование организации учебно-воспитательного процесса в вузе;
- совершенствование методики преподавания социально-гуманитарных дисциплин;
- повышение воспитательного характера гуманитарного образования;
- повышение квалификации профессорско-преподавательского состава и его роли в учебно-воспитательном процессе.

Это тот философско-методологический базис, на котором мы будем основываться при решении различных проблем социально-гуманитарного образования. Обратимся далее к анализу содержания, структуры и объёма социально-гуманитарного образования.

Содержание и структура социально-гуманитарного блока дисциплин

Содержание образования определяется потребностями современного общества и человека [11]. Для формирования и развития, указанных в целях и задачах социально-гуманитарного образования, качеств, студенту необходимо изучить такие области знания, которые дают ему целостное представление о бытии человека, общества, природы, его духовного мира. Причём эти знания в сознании молодого специалиста должны быть

гармонично представлены как на теоретическом, так и на практическом уровнях. Это достигается путём подбора изучаемых социально-гуманитарных дисциплин, их содержания и соответствующего представления как в учебных программах, так и в учебно-воспитательном процессе.

У основ социально-гуманитарного образования должны лежать дисциплины, имеющие фундаментальный характер и являющиеся основанием духовного образования личности [9]. Это прежде всего *философия*, которая даёт общностное и сущностное знание о мире, природе, человеке, обществе, и *культурология*, в рамках которой определяются способы освоения человеком бытия и типы его деятельности. То есть эти две дисциплины (назовём их *базовые*, или *фундаментальные*) как бы определяют направление и характер социально-гуманитарного образования, так можно сказать, его парадигму, позволяют сформировать фундамент духовного мира студента. Понятно, что эти дисциплины должны быть обязательными в учебном процессе, соответствовать всем указанным выше принципам, иметь необходимый, для реализации своих функций, объём.

На основе базовых дисциплин формируется система обязательных *прикладных* или *функциональных дисциплин*, посвящённых непосредственно обществу и человеку, которые призваны дать знания о различных практических аспектах их бытия, решить задачи адаптации студентов в общество. Это такие дисциплины как *идеология, социология, политология, экономика, основы права, этика, логика*. После этих дисциплин идут *обязательные дисциплины по выбору: религиоведение, этика, эстетика, экология, конфликтология, философия техники, здоровый образ жизни, основы педагогики и психологии, история Беларуси, основы менеджмента, права человека, хозяйственное право* и другие. Из этого перечня в обязательном порядке советами вузов, факультетов, а где это возможно, то и самими студентами, выбираются 4–5 дисциплин. Этот блок социально-гуманитарных дисциплин может формироваться советами вузов и факультетов.

В зависимости от специфики изучаемой студентами специальности и интересов студентов следует изучать, *дополнительные по выбору* социально-гуманитарные дисциплины (факультативы, спецкурсы), имеющие развивающий личный, познавательный, а для некоторых специальностей, и конкретно-практический характер. Перечень их формируется в рамках самого вуза, исходя из тех или иных потребностей в обучении. Программы этих дисциплин разрабатываются на соответствующих кафедрах, утверждаются советами факультетов. *Спецкурсы* заказываются (или выбираются из уже имеющихся) на гуманитарных кафедрах советами факультетов для тех или иных специальностей, *факультативы* организуются при кафедрах, исходя из наличия определённого количества студентов, желающих изучать данную дисциплину. Спецкурсы могут занимать время, отведенное на изучение дополнительных дисциплин в учебном плане, факультативы же существуют вне этого учебного времени. Такой, в основе своей, должна быть структура социально-гуманитарного блока дисциплин в вузе.

Важным моментом, на который следует обратить особое внимание, является сопряжённость всех социально-гуманитарных дисциплин внутри социально-гуманитарного блока. Дело в том, что в настоящее время существует некоторое рассогласование между ними. Это приводит, в одних случаях, к повторениям одного и того же материала в разных курсах, а значит к непродуктивной трате учебного времени, в других, – к пробелам в социально-гуманитарном знании студентов. Все дисциплины должны быть хорошо согласованы по содержанию, внутренней структуре, объёмам, практической направленности, проблематике. Каждый курс должен выполнять свою собственную функцию и дополнять собой другие дисциплины. Это приведёт к систем-

ности, стройности и единству социально гуманитарного знания. Предлагаемая здесь классификация и систематизация учебных дисциплин удобна для решения этой задачи.

Решение задач, стоящих перед гуманитарным образованием зависит от оптимально подобранного объема блока гуманитарных дисциплин. В советские времена к 1985 г. сложилась система высшего образования, в которой объем гуманитарного блока составлял 1 050 часов, (здесь и далее все данные приводятся с учетом лишь аудиторной нагрузки) [1]. Этот объем в 1998 г. был увеличен до 1 270 часов [2]. В этот социально-гуманитарный блок были введены новые дисциплины, переработаны существующие и увеличено количество часов по большинству дисциплин гуманитарного блока. В 2001 г. было принято решение вернуться к ситуации 1980-х годов относительно объемов гуманитарного блока и, после принятия нового государственного образовательного стандарта по циклу социально-гуманитарных дисциплин, его объем составил 1 038 часов [3]. В соответствии со стандартом 2006 г., объем гуманитарного блока составил 670 часов [4]. Согласно предлагаемой новой Концепции, объем учебной нагрузки должен составить всего 340 аудиторных часов [5].

Как видим, разница и в объеме, и в структуре между современным проектом и предыдущими очень существенная. Чем она вызвана? Насколько она обоснована? К чему приведет такое резкое уменьшение объемов социально-гуманитарного блока? На эти вопросы хотелось бы услышать ответ органов и лиц, разрабатывающих этот стандарт, ознакомиться с их философскими, научными и практическими обоснованиями. Мне не удалось обнаружить этих обоснований снижению статуса социально-гуманитарного образования, урезания его объемов и формированию его нынешней структуры. Создается впечатление, что это игра на понижение, когда вбрасывается «новая карта» и анализируется реакция «противника», после чего корректируется тактика. Отсутствие открытой дискуссии в научно-педагогическом сообществе, серьезных исследований этой проблемы приводит, в результате, к подобным проектам, которые, в свою очередь, наверняка приведут к дальнейшему снижению духовности и общего развития молодых специалистов, к разрушению системы вузовского социально-гуманитарного образования, восстановить которую потом будет трудно и это потребует длительного времени.

Социально-гуманитарное образование нуждается в реформах, затрагивающих его основы, содержание, роль в обществе, практическую применимость и другие аспекты. Но эти реформы требуют глубокой и системной теоретической и практической подготовки, исследований научных коллективов. Подобное «реформирование» пока привело лишь к тому, что в преподавательских кругах полно слухов, пересудов, ситуация тревожная. Как показывает общение с преподавательской средой, подавляющее большинство профессорско-преподавательского состава выражает недовольство сложившейся ситуацией.

Объем часов по всему социально-гуманитарному блоку и каждой из его дисциплин, с одной стороны, должен быть таким, чтобы иметь возможность решить все основные задачи, стоящие перед ними, а, с другой стороны, не мешать получению качественного образования по другим дисциплинам. Объем социально-гуманитарного блока если и следует снижать, то в разумных пределах, не переходя той черты, после которой он уже как учебная единица не в состоянии выполнять свои функции. Этот предел, как показывает теория и практика, лежит в районе 600–650 аудиторных часов без учета физкультуры и языков. При этом надо помнить и об общем снижении учебной нагрузки на студента, что связано, прежде всего, с их перегруженностью, а значит с недостаточно эффективным усвоением учебного материала. Исходя из опыта преподавания и ана-

лиза учебных планов разных периодов, представляется, что следует общее количество учебного времени, для пятилетнего обучения, ограничить 4 500 часами аудиторной нагрузки (в настоящее время оно достигает 5 000). Процентное же соотношение блока социально-гуманитарных дисциплин (без учёта физкультуры и языков) по отношению к остальным дисциплинам, преподаваемым в вузе, должно составлять, для этого случая, в границах от 15% (для технических) до 25% (для гуманитарных специальностей).

Пути оптимизации (в плане повышения эффективности, а не только сокращения) существующих в настоящее время в учебном плане объёмов дисциплин социально-гуманитарного блока следует искать за счёт повышения сопряжённости его дисциплин, что приведёт к более рациональному распределению учебной нагрузки между базовыми и функциональными дисциплинами. Ещё один путь, – это повышение содержательности и практической направленности дисциплин. Это означает перераспределение невостребованного жизнью, излишне теоретического или балластного учебного материала в пользу конкретных, практических знаний о реальной жизни человека и общества. Решение задачи сокращения учебного времени на изучение дисциплин может быть также достигнуто совершенствованием образовательных технологий и методик преподавания.

Представим результаты нашего анализа структуры и объёмов социально-гуманитарного блока в виде таблицы.

Таблица – Учебная нагрузка в социально-гуманитарном блоке дисциплин

№	Наименование дисциплины	Количество часов		
		Аудит.	С/р	Итого
1	Философия	64	36	100
2	Культурология	54	24	78
3	Национальная идеология	32	20	52
4	Экономическая теория	54	28	82
5	Социология	32	18	50
6	Основы права	32	18	50
7	Политология	32	20	52
8	Этика	32	20	52
9	Логика	32	24	56
10	Дисциплины по выбору (5 дисц.): эстетика, права человека, история Беларуси, религиоведение, конфликтология, экологическая философия, основы психологии и педагогики, хозяйственное право, основы менеджмента, здоровый образ жизни, философия экологии, философия техники и др.	160	80	240
	Всего:	524	288	812

Отметим, что количество часов на указанные дисциплины представлено с учётом существующих реалий (в частности, если Министерство образования действительно решится перейти на четырёхлетний срок обучения в вузах) и, вообще говоря, не дотягивает даже до минимальных объёмов полноценного усвоения учебного материала, поэтому для пятилетнего срока обучения объёмы эти следует увеличить. Лишь при жёстком выполнении указанных выше условий, основные цели и задачи дисциплин могут быть реализованы.

Пути реализации социально-гуманитарного образования

Одним из главных факторов преподавания социально-гуманитарных дисциплин, влияющим на мотивацию студентов к их изучению и на статус социально-гуманитарного блока, – это проблема их практической направленности, которая в настоящее время стоит достаточно остро и является одной из причин нападков на социально-гуманитарное образование. Большинство преподавателей работают по старинке, причём на уже давно сформировавшихся штампах, которые передаются новому поколению преподавателей, когда студентам излагаются довольно далёкие от их будущей практической деятельности теоретические знания, в то время как формированию мировоззренческих установок, развитию личностных качеств, наработке практических навыков уделяется слишком малое внимание. Можно сказать, что дисциплины преподаются по большей части довольно формально и отвлечённо от реальной жизни как студентов, так и нашего общества в целом.

Конечно, даже такое преподавание приносит студенту некоторую пользу, ибо создаёт определённый фундамент, на основе которого, в более зрелых годах, на основе жизненного опыта человек создаёт собственную жизненную позицию, развивает собственную методологию деятельности, формирует собственное миропонимание. Но такая эффективность сегодня уже не актуальна. Человек хочет получать результаты не послезавтра, а завтра, а лучше уже даже сегодня. И мы не можем с этим не считаться. Социально-гуманитарные дисциплины должны быть максимально приближены к жизни и помогать человеку решать его насущные профессиональные, личные, социальные задачи и проблемы. Лишь в этом случае они займут почётное место в структуре вузовских дисциплин и будут иметь хорошие перспективы для своего дальнейшего развития.

Выше уже указывалось на роль социально-гуманитарного образования в развитых странах. По пути увеличения доли социально-гуманитарных дисциплин в структуре высшего образования идёт весь развитый мир. Таково уж свойство современного общества, что для полноценной жизни в нём требуется всё больше и больше знаний, умений и навыков именно в области социально-гуманитарной, поскольку человеку надо научиться эффективно жить в современных сложных социальных, да и личностных, реалиях. Поэтому-то на Западе роль таких курсов столь велика. Правда, там имеет место иной перегиб. Там они слишком функциональны и специализированы. В идеале необходимо, чтобы сохранялся разумный баланс между необходимым и системным уровнем теоретических знаний и достаточным уровнем знаний практических, которые мы должны давать студенту по каждому из предметов.

В настоящее время Министерством образования в систему высшего образования вводится концепция социально-гуманитарного образования [5]. С позиций изложенных выше взглядов, обратимся к этой, активно ныне дискутируемой в среде учёных и преподавателей в области социально-гуманитарных дисциплин, концепции и предложим вопросы её разработчикам и тем, кто собирается её реализовывать в системе высшего образования Республики Беларусь.

Не все изложенные в данной Концепции идеи однозначны. Так, не видно того концептуально-теоретического базиса, который должен составлять основу данного документа. По сути, дело здесь сведено к уменьшению объёма социально-гуманитарных дисциплин, изменению их структуры. Однако нет этому строгого концептуально-теоретического, методологического обоснования. Такие документы разрабатываются обычно, начиная с научных исследований в данной области, однако, насколько мне известно, таких научных исследований у нас в стране проведено не было. На что же тогда

опирались авторы Концепции при её разработке? Немалую роль играет и мнение преподавателей-практиков, которые не один год преподают социально-гуманитарные предметы в высшей школе. Следовало бы к их мнению прислушиваться прежде всего. Однако им эта концепция была предложена в последнюю очередь, причём уже как факт.

Как было сказано, научная дискуссия по проблемам реформирования социально-гуманитарного блока дисциплин развёрнута в научно-преподавательской среде в достаточных масштабах не была. Концепция М.И. Вишневого «Высшего обществоведения» потерпела справедливое фиаско, но вместо неё был предложен некий компромиссный вариант, который теперь подвергается справедливой критике в преподавательской среде [6].

Ведь действительно, как можно научные и философские дисциплины, которые выкристаллизовывались в системе человеческого знания веками, выполняют в ней определённые функции, играют определённую роль, имеют свой статус вдруг представить в рамках некоторых искусственно созданных «модулей», с неясными целями и задачами, сферой действия, методиками их реализации. Для чего это было сделано? Для того чтобы использовать модное словосочетание «модульное обучение» и представить данную Концепцию как очередную инновацию в высшем образовании? Но инновации, это мы хорошо помним по разным реформам Министерства образования, бывают разные. И разными бывают их результаты. Тем более, что слишком дороги могут быть ошибки. Речь ведь идёт о целой стране и о её системе высшего образования! Что ещё, кроме идеи инновации несёт в себе эта модульная система социально-гуманитарного блока? Какая в ней обоснованная и глубокая потребность? Не уводит ли она ещё дальше нас (преподавателей) и студентов от реального положения дел в социальной, духовной, экономической и иных сферах жизни нашего общества, того положения дел, которое там представляют уже устоявшиеся области научного и философского знания? Ответ здесь прост, – в системе обучения должны быть представлены те же дисциплины, которые устоялись в науке, причём в соответствии с их статусом и ролью в обучении специалиста.

Ещё один вопрос, который вызывает данная Концепция, – это вопрос об объёме учебной нагрузки на социально-гуманитарные дисциплины, которая, как мы помним, составляет 340 аудиторных часов. Эти объёмы нагрузки уже сейчас, по некоторым предметам в рамках действующего Образовательного стандарта, не в состоянии обеспечить полноценное усвоение данных дисциплин. Понятно, что здесь причины кроются и в подходах, методологии, методиках преподавания этих дисциплин, но одну из ключевых ролей всё же играет объём учебной нагрузки. Как же быть сейчас? Чему можно научить студента за тот объём часов, который предлагается для большинства учебных дисциплин? Это ведёт к тому, что будет и далее идти профанация преподавания социально-гуманитарного блока, падение его престижа, понижение его статуса, уменьшение его роли, – и, в конечном счёте, элиминации этого блока из системы вузовских дисциплин. Вывод здесь однозначен, – нельзя сокращать объёмы социально-гуманитарных дисциплин ниже определённых пределов!

Нам также пытаются, в качестве аргумента, привести цифры по Украине и России, мол, там ещё меньше нагрузка, нежели указано в приказе Министра образования № 194 [5]. Но то, что нам приводят, – это печальный пример, это отрицательный опыт. Разве мы должны равняться на такую практику? Вы разве не помните суть концепции образования специалиста в России, высказанную министром образования этой страны А. Фурсенко, согласно которой стране (а если точно, то им, «элите») нужны всего лишь хорошие исполнители, а не творчески, свободно, креативно мыслящие личности.

Я не говорю об Украине, где, с моей точки зрения, реальной концептуальности образования на данный момент не просматривается. Это что примеры для подражания? Что мы точно также будем отбирать у человека человеческое, чем его собственно и делает социально-гуманитарное образование, как это делается в России и в Украине?

Этот очередной эксперимент, который предполагается проводить над всей высшей школой без его апробации в рамках нескольких дисциплин в нескольких вузах с открытым анализом результатов в рамках научного сообщества, как того и требует любое научное исследование, лишён как теоретических, так и практических оснований. Просто есть идея, которую авторы благодаря своему влиятельному положению решили развить и внедрить в учебный процесс. Но идея, – это ещё даже не гипотеза, и, тем более, не теория. Идее требуется концептуализация, теоретическое и практическое обоснование, что вводит её на уровень гипотезы, затем должна следовать экспериментальная проверка, анализ полученных результатов, теоретическая доработка, что приближает её к уровню достаточно последовательной теории. Лишь после этого, если она окажется по-прежнему актуальной, она может внедряться в широкую практику. Это известные каноны научного исследования. К сожалению, они здесь не выполняются. А это чревато дальнейшим ухудшением в сфере социально-гуманитарного образования.

В этом случае, при применении такого подхода нас наверняка ждёт дальнейшее выхолащивание социально-гуманитарного образования со всеми вытекающими для общества последствиями, а именно, не воспитанием развитых в духовно-нравственном, личностном, социальном, гражданском аспектах, профессиональном, если хотите, поскольку он также всегда связан с человеческим фактором, молодых специалистов, а формированием, в рамках вуза, узких специалистов в области некоторой конкретной дисциплины с недоразвитым человеческим измерением, которые не смогут ни полноценно управлять коллективом, ни адекватно анализировать социально-политическую ситуацию, ни занимать ответственную гражданскую позицию, ни полноценно строить отношения с людьми, ни, просто-напросто, ощущать полноту человеческого бытия.

Нам пытаются аргументировать введение новой концепции переходом на 4-летнее высшее образование, мол, именно этот фактор вызывает «оптимизацию» социально-гуманитарного блока. Не тема этой статьи анализировать четырёхлетнее высшее образование, которое опять же подвергается жёсткой критике в профессорско-преподавательской среде. Там, наоборот, говорят, что если вы хотите хоть чему-либо стоящему научить современного специалиста, то учить его надо шесть лет, а не пять. Время другое, объёмы информации другие, требования к специалисту другие. Народному же хозяйству нужны готовые хорошие специалисты, а не недоучки, которых надо ещё несколько лет «доводить» до ума. А у нас, даже при пятилетней системе, студент перегружен и не усваивает необходимого объёма знаний, и это при том качество абитуриента (и, как следствие, студента) значительно понизилось.

Мне представляется, что пятилетняя система высшего образования на современном этапе вполне адекватно выполняет поставленные перед нею задачи и не следует её ломать. Конечно, необходимо перестроить, в той или иной мере, структуру преподавания, методики, учебный процесс, учебную нагрузку на студента. Сделать обучение студентов и труд преподавателей более мотивированными. Скоординировать наше образование с образованием на Западе по тем аспектам, которые для нас были бы необходимы, в частности, по научно-исследовательскому, который, прежде всего, отличает их магистра от нашего специалиста. Это была бы реальная, нужная работа, хотя и рутин-

ная работа, требующая высокой квалификации реформаторов, но, именно благодаря ей, мы смогли бы выйти на необходимые рубежи в высшем образовании.

Что же касается получения степени магистра, то при наличии учебных программ, коррелирующих с программами в болонском пространстве, выполнении указанных условий, мы имеем возможность присваивать степень магистра тем, кто на «хорошо» и «отлично» (в определённом процентном соотношении) закончил вуз в системе пятилетнего образования. Остальные могли бы просто-напросто получать степень бакалавра. И это было бы не только справедливо и мотивировало бы студентов к качественному обучению, но при этом ещё и отражало реальное положение дел и с оценкой знаний, и с качеством обучения.

И ещё одно. Не хочется касаться специальных дисциплин, хотя и там, по большому счёту, их структура и объём в учебном плане зачастую определяется навскидку, а не путём серьёзных исследований, но когда говорим о естественнонаучном блоке дисциплин в системе высшего образования, в основном, технических вузов, то там есть немалый простор для оптимизации. Однако почему-то взялись за социально-гуманитарный. Неужели стране нужны живые роботы, которые ограничены в своём сознании, урезаны в культурной, духовной, эстетической сферах, живут довольно примитивной жизнью и могут быть достаточно развиты лишь в рамках своей узкой специализации? Неужели стране не нужны развитые, не только в профессиональном, но и в духовном, личностном, гражданском плане люди? Ведь когда-то всем придётся за это ответить...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рабочий учебный план по специальности 1701 – «Планирование народного хозяйства» со сроком обучения 5 лет. – Минск : Белорус. гос. ин-т народ. хоз-ва, 1984.
2. РД РБ 02100.5.121-98. Образовательный стандарт. Высшее образование. Первая ступень. Цикл соц.-гуманит. дисциплин. – Минск : М-во образования РБ, 1998, № 697.
3. РД РБ 02100.5.227-99. Образовательный стандарт. Высшее образование. Первая ступень. Цикл соц.-гуманит. дисциплин. – Минск : М-во образования РБ, 2001, № 54.
4. РД РБ 02100.5.227-2006. Образовательный стандарт. Высшее образование. Первая ступень. Цикл соц.-гуманит. дисциплин. – Минск : М-во образования РБ, 2006, № 89.
5. Концепции оптимизации содержания, структуры и объема социально-гуманитарных дисциплин в учреждениях высшего образования», утвержденной приказом Министра образования Республики Беларусь № 194.
6. Вишневский, М.И. Вопросы оптимизации содержания социально-гуманитарного образования в вузах / М.И. Вишневский // Вышэйшая школа. – 2011. – № 5. – С. 14–18.
7. Жук, А.И. Новое качество социально-гуманитарной подготовки выпускников высших учебных заведений / А.И. Жук // Вышэйшая школа. – 2011. – № 1. – С. 5–10.
8. Жук, А.И. Система многоуровневой подготовки специалистов в БГУ: состояние и перспективы развития / А.И. Жук // Вышэйшая школа. – 2001. – № 1. – С. 3.
9. Куиш, А.Л. Пути совершенствования системы социально-гуманитарного образования высшей школы / А.Л. Куиш // Вышэйшая школа. – 2007. – № 5. – С. 48–53.
10. Куиш, А.Л. Философско-теоретические основания системы социально-гуманитарного образования высшей школы / А.Л. Куиш // Философско-методологические проблемы социального познания : материалы Респ. философ. чтений, Минск, 20 нояб. 2008 г. / редкол.: Демчук М.И. [и др.]. – Минск : РИВШ, 2009. – С. 124–132.

11. Куиш, А.Л. Содержание образования в высшей школе: теоретический аспект / А.Л. Куиш // Науч. труды Респуб. ин-та высшей школы. Филос.-гуманит. науки : сб. науч. ст. – Вып. 9 (14) : в 2 ч. / под ред. В.Ф. Беркова. – Минск : РИВШ, 2010. – Ч. 2. – С. 58–64.
12. Нечаев, В. Болонский процесс: мифы, иллюзии, реалии / В. Нечаев, С. Шаронова // Высшее образование в России. – 2004. – № 7.
13. Рекомендации Республиканского семинара-совещания «Повышение качества социально-гуманитарных дисциплин в высших учебных заведениях», г. Минск, 3 дек. 2010 г. // Высэйшая школа. – 2011, – № 1. – С. 67–68.

Kuish A.L. Teaching of Social Sciences and Humanities in Higher Education – Theoretical and Practical Perspectives

The paper addresses the status of higher school humanitarian education, its goals, objectives, and role in the overall structure of the modern student's education. Concrete options for shaping the content, structure, and volume of humanitarian education are presented. The standards for the teaching of social sciences and humanities are proposed in light of these options.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 26.06.2012

УДК 378 (438)

А. Яцевич, Т.С. Онискевич

СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ПЕДАГОГА В ПОЛЬШЕ

Современный подход к процессу обучения предполагает подготовку детей и молодежи к самостоятельному приобретению знаний в течение всей жизни, саморазвитию и самосовершенствованию, развитию интересов и способностей. Решение этой задачи невозможно без учителя-профессионала, способного оснастить современного молодого человека необходимыми средствами и создать соответствующие условия для самостоятельного приобретения знаний и умений. О том, какие требования выдвигает современность к профессиональной подготовке педагогов в Польше, идет речь в статье.

Введение

История образования связана с многочисленными реформами и преобразованиями, касающимися организации и хода воспитательного процесса. Причем основная роль в этих преобразованиях всегда принадлежала «учителю как организатору, руководителю и защитнику» [15, с. 698]. Реформа образования, начавшаяся в 90-х годах прошлого столетия в Польше и продолжающаяся до сего времени, предусматривает изменения в структуре школы (6-летняя начальная школа, 3-летняя гимназия, 3-летний лицей). В рамках реформы запланировано снижение возраста начала школьного обучения с семи до шести лет, что вызвало необходимость реорганизации школ и детских дошкольных учреждений, пересмотра содержания программ, учебников и т.д. Кроме этого, современный подход к процессу обучения основан на подготовке детей и молодежи к самостоятельному приобретению знаний в течение всей жизни, саморазвитию и самосовершенствованию, развитию интересов, а также оснащению современного молодого человека необходимыми средствами для выполнения этой цели и создании соответствующих условий для самостоятельного приобретения знаний и умений. Все вышеперечисленное требует подготовленного учителя.

Современный учитель – это кто-то, кто ведёт другого человека к его полному и гармоничному развитию, кто является его проводником в множестве запутанных жизненных тропинок, кто умеет мудро посоветовать и отговорить, кто заботится о том, чтобы другие люди, чтобы каждый человек не был пассивным материалом истории и политики, а самостоятельным субъектом, творцом собственной судьбы и соавтором благополучия своего общества [8, с. 117]. Каждая встреча учителя с ребёнком (учеником) должна быть творческой: формировать индивидуальность, познавательные способности и черты характера воспитанника, поощрять его мысли и самостоятельные оценки. Одним из условий педагогического успеха является богатство личности учителя, воспитателя и разнородность его ценностей.

А. Новицки [11, с. 234] подчёркивает, что мудрый учитель передаёт не только знания, но также и ценности, влияет на других всей своей индивидуальностью. Поэтому предполагается, что деятельность каждого педагога должна быть нацелена на формирование у его воспитанников понимания современного мира, умения ориентироваться в нем, творчески мыслить и действовать.

Задачи, функции и пространство деятельности учителей

В современных условиях изменилось содержание роли учителя, который должен вдохновлять и мотивировать, развивать познавательные интересы воспитанников, соз-

давать условия и содействовать выполнению целей современного образования. Он по-прежнему остаётся организатором, руководителем воспитательно-образовательного процесса. Однако доминирование учителя, которое ранее было неотъемлемой чертой в этом процессе, заменено его соучастием. Учитель и ученик – полноправные и равноправные участники педагогического процесса.

Ч. Куписевич представляет перечень задач, реализуемых учителем в современной школе:

1) передача знаний и формирование разнородных практических и теоретических умений учащихся;

2) побуждение детей и молодёжи к познавательной активности, развитие у них творческих сил и новаторских способностей;

3) ознакомление учеников с системой ценностей, способствующей их правильной социализации и воспитанию, и формирование у них на этой основе определённых убеждений, жизненных позиций и черт характера;

4) формирование и развитие у воспитанников увлечений, соответствующих идеалу всесторонне развитого человека;

5) постепенное привлечение молодёжи к общественной и профессиональной деятельности, связанное с самоконтролем процесса и самооценкой результатов собственной работы;

6) помощь ученикам в определении школьных предметов, наиболее соответствующих их интересам и способностям, посредством консультирования и профессиональной ориентации;

7) организация социальной активности воспитанников и привлечение их к рациональной организации своего свободного времени, подразумевающей систематическое самообразование через всю жизнь» [6, с. 214–215].

С выполнением вышеуказанных задач тесно связаны направления деятельности современных учителей, выражающиеся в их функциях. Наиболее полно перечень функций современного педагога представил Ч. Банах [13, с. 436]. Он выделяет функции: обучения, воспитания, заботы и опеки, создания образовательной среды, жизненного ориентирования молодёжи, социализации и функцию исследовательскую. К сожалению, не все из названных функций учителя в равной мере реализуются в действительности.

В литературе мы можем встретить также другие классификации функций учителя. Например, Т. Пильх говорит о руководящей (лидерской), организационной функциях, а также функции взаимодействия [12, с. 550]. К. Жегналэк дополняет вышеназванные функции следующими:

1) координирующая (координирование воспитательных действий, сотрудничество с родителями и средой);

2) функция диагностики и сопровождения (диагностика индивидуальных особенностей учащихся, их поведения и успехов, в т.ч. в учении, разработка программ индивидуального развития);

3) вдохновляющая (побуждение детей к самостоятельной активности в направлении собственного образования и личностного развития);

4) инновационная (побуждение к нестандартным действиям, развитие новаторских взглядов, введение инноваций в воспитательно-образовательную деятельность). Инновационная функция тесно связана с саморазвитием и самосовершенствованием [18, с. 332–333].

Реформирование школы и современные требования к образованию вызывают новые тенденции в деятельности современного учителя [12, с. 549]. Речь идет о индивидуализации и персонализации, переход от позиции научной уверенности к позиции поиска и создания, творения знания [4, с. 59], замену позиции доминирования позицией эмпатии, диалога, переговоров, открытости к социальным и образовательным переменам и потребностям людей [7, с. 47].

Развитие и самообразование педагога

Говоря о множестве современных вызовов в образовании, следует выделить те из них, которые обуславливают изменения в ежедневной работе учителя, влияют на его развитие и самообразование. Только учитель, повышающий свою квалификацию и постоянно обогащающий свои знания, может сформировать открытость, жажду знания у своих учеников. В результате исследований было выделено четыре фазы в развитии профессиональной деятельности учителей:

- 1) фаза методических шаблонов;
- 2) фаза критического осмысления;
- 3) фаза самоконтроля;
- 4) творческая фаза.

Овладение соответствующим запасом знаний и умений делает возможным переход в более высокую фазу. Кроме того, учитель постоянно должен расширять и дополнять имеющиеся знания. Поэтому важно формирование в себе самом стремления к личностному и профессиональному самосовершенствованию. «Потребность профессионального совершенствования появляется обычно тогда, когда человек констатирует несоответствие между тем, что он знает и умеет, и тем, чего требует современность. Эта потребность определяется темпом и динамикой изменений в обществе, а также необходимостью осуществления неустанного самоконтроля для того, чтобы не остаться позади. Совершенствование является одним из последствий характерного для современности ускоренного развития науки, техники, культуры» [17, с. 180–186]. Таким образом, повышение квалификации и самосовершенствование можно назвать предписанием времени.

Человек, принимающий решение о выборе профессии учителя, должен осознавать, что эта профессия требует учения в течение всей жизни. Это объясняется не только быстрыми темпами приращения научного знания во всех отраслях, но также упомянутым выше «старением» знаний. Ускоренный темп культурного и технического развития является фактором, требующим непрерывного обучения и внедрения новшеств в образование. Меняется роль учителя, увеличивается разнородность форм и методов обучения (активизирования), воспитания, педагогической поддержки. Здесь не обойтись без непрерывного, постоянного повышения своей квалификации, расширения и актуализации знаний.

Выбор и реализация содержания обучения, решение задач воспитания и опеки, культурная деятельность, а также участие в общественной жизни ведет к совместной ответственности и партнёрству учителей, родителей, детей и общественности. Происходящие хозяйственно-экономические перемены, структурная и функциональная реформа просвещения вызывают необходимость реорганизации учреждений образования, увеличения их конкурентоспособности с точки зрения местных потребностей. Реформа образования требует профессионализма, большей инициативы, самостоятельности и креативности педагогов и руководителей образования. Имеется реальная возможность создания новых учебных планов, внедрения собственных (авторских) программ,

что влечет за собой необходимость повышения квалификации, познания новых, увлекательных и эффективных методов работы с учащимися. Нельзя забывать о переменах, происходящих в семье, учитывать как потребности детей, так и их родителей, и приспособить формы сотрудничества к запросам «клиентов».

Необходимо помнить о самых новых источниках информации и умении чёткого использования информатики и компьютерной технологии – Интернета. Знание компьютерных программ, компьютерных игр, адресованных детям, и телевизионных воспитательных программ делает возможным более увлекательное обучение. Если учитель ограничится лишь тем, чего он добился вчера, то не подготовит своих воспитанников к жизни в будущем. Целью образования является подготовка не только к использованию возможностей и достижений современной цивилизации, но также подготовка к творческому участию в процессе дальнейшего развития и жизни. В. Оконь считает, что совершенствоваться надо неустанно, по крайней мере, так долго, пока являешься учителем. В период трансформации общества и образовательных перемен это трудно. Перемены могут отбить желание работать, но могут также разбудить инициативу и мотивировать профессиональное совершенствование.

Сегодняшний учитель – это человек образованный, смело осваивающий профессию, отличающийся высоким уровнем общечеловеческих знаний и профессиональных умений, философски относящийся к жизни и поступающий нравственно. Учитель несёт моральную и юридическую ответственность за детей и их развитие. Творческая активность, сочетающаяся с ответственностью, является чертой учителя-мастера, который осознает профессиональные обязанности и свою роль в обществе.

Термин «профессиональное совершенствование» связан с термином «развитие». По мнению Б.М. Ньюмана и П.Р. Ньюмана, развитие – это «упорядоченная в соответствии с некоторым образцом последовательность изменений. В противоположность случайным непредвиденным изменениям, развитие следует всегда в каком-то порядке. Более ранние изменения или их порядок являются элементами для «строительства» последующих изменений. Когда говорим, что мы принимаем развивающий подход, это означает, что мы ищем постоянство изменений в поведении» [1].

Человек развивается в течение всей жизни, и влияют на это врождённые анатомо-физиологические задатки организма, среда, воспитание и собственная деятельность (активность). Развитие человека связано с изменениями, касающимися четырёх уровней:

- 1) изменения в поведении;
- 2) изменение интеллектуальных структур (познавательных, эмоциональных, мотивационных);
- 3) изменение индивидуальности;
- 4) изменение отношений человек – окружение.

Некоторые педагоги считают развитие необходимостью, другие стремятся развиваться для личного удовлетворения или для карьеры, третьи – для профессионального роста, то есть руководствуются ответственностью за влияние, которое оказывают на воспитанников, утверждая, что только развивающийся учитель может вызвать желание развиваться у учеников.

Каждый учитель в профессиональном развитии проходит несколько последовательных этапов, которые названы и описаны В. Броксом и П. Сайкесом:

1. *Первоначальный идеализм*: учитель начинает работу с собственными, часто идеализированными представлениями о школе и своих возможностях;

2. «Поиск способов выживания»: после столкновения с первыми трудностями учитель ищет эффективные способы разрешения основных проблем;

3. *Приобретение основных компетенций*: борясь с проблемами, часто методом «проб и ошибок» начинает, наконец, справляться с большинством задач, связанных с обучением и воспитанием;

4. *Профессиональное мастерство*, являющееся результатом собственной работы (профессионального развития);

5. *Профессиональная усталость*: угроза привычки и выгорания, которая характеризуется переутомлением, недостатком прежнего энтузиазма и прекращением действий, способствующих развитию;

6. *Выход из профессии – пенсия*: также важное решение, по значимости подобное выбору профессии учителя [3, с. 105].

Старение имеющихся знаний вызывает необходимость их актуализации. Новая действительность требует альтернативного обучения и эластичного образования. Существенным является умение формирования самостоятельности, предприимчивости, активности, расторопности и способности к преодолению проблем. «Социальная ситуация каждого из нас всё в большей степени будет зависеть от приобретенных знаний. Общество завтрашнего дня станет обществом учения и обучения, в котором каждый будет творцом своей квалификации. Сегодня нам надо учиться всю жизнь, учиться жизни» [2]. Особенно высокие требования стоят перед молодыми учителями, а также перед теми учителями, которые попали в педагогическую рутину и кому трудно воспринимать новое.

Профессиональное совершенствование может происходить в разных формах. Отбор содержания совершенствования зависит от конкретных потребностей, при этом обогащение знаний и умений педагогов должно происходить также в учреждении, в котором происходит выполнение профессиональных обязанностей (совершенствование умения работать в коллективе учреждения как в команде). Выдвигаются на первый план методы обучения, требующие от учителей активной позиции, креативности, рефлексии. В настоящее время всё интенсивнее прилагаются усилия к созданию концепции профессионального совершенствования, наиболее соответствующей современной действительности. Автономность образовательных учреждений и работающих в них учителей, а также изменения, происходящие в семейной среде детей, ведут к увеличению разнообразия и приведению содержания самообразовательной работы в соответствие с общественной необходимостью.

Во многих европейских странах профессиональное совершенствование педагогов воспринимается как условие реформирования образования. В Польше принято за основу положение о непрерывном образовании, или обучении через всю жизнь, целью которого является устранение несоответствия между теорией и практикой. Актуальной остается проблема образованности учителя [5]. Подготовка учительских кадров высокого уровня является трудным делом, поскольку успешность в овладении профессией педагога во многом зависит от наличия у человека склонности к профессии учителя [10, с. 9–13]. Речь идет о внутреннем стремлении стать авторитетом, потребности во влиянии на других людей, независимости, автономии, контактности, открытости, рефлексии, решительности, умении принятия достойных компромиссов, аутентичности, эмпатии, уважении, одобрении себя и других людей [16, с. 61]. Это черты характера, которые могут быть развиты посредством тренингов в процессе качественной профессиональной подготовки.

Б. Суходольский утверждает, что учитель должен подготовить детей (учащихся) к осуществлению свободного выбора и формированию собственной жизненной доро-

ги, насыщенной ценностями. Т.е. учитель должен быть способен понимать и поддерживать цели раннего образования. Участие учителя в развитии воспитанников заключается в «доброжелательном присутствии и заботе, помощи и вдохновении» [14, с. 37]. Руководители образования, ученые-педагоги призваны помогать учителю совершенствоваться в профессиональном плане и становиться неповторимой, творческой личностью, поскольку XXI век требует учителя нового типа: творческого, полного инициативы оптимиста, совершенного дидактика с прочными разносторонними знаниями. Учитель перестаёт быть готовым источником информации, «он становится проводником в мир знаний, человеком, который открывает перед учеником великие врата в мир ценностей, мир идей, мыслей, слов и поступков, мир научных открытий. Он говорит: Я приглашаю! – Войди! Посмотри, сколько здесь богатств! Узнай их! Испытай! Переживи! И поищи чего-нибудь для себя» [9, с. 94–103].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Brzezińska, A. Społeczna psychologia rozwoju / A. Brzezińska. – Warszawa : Wyd. Scholar, 2000. – 296 s.
2. Delors, J. Raport dla UNESCO Międzynarodowej Komisji do spraw Edukacji dla XXI wieku pod przewodnictwem Jacques’a Delorsa «Edukacja, jest w niej ukryty skarb» / J. Delors. – Warszawa : Wyd. Stowarzyszenie Oświatowców Polskich, 1998. – 271 s.
3. Jacewicz, A. Metody aktywizujące i wspierające edukację dzieci w wieku przedszkolnym / A. Jacewicz. – Białystok : PRYMAT, 2011. – 124 s.
4. Kozak-Czyłewska, C. Współczesne tendencje rozwoju edukacji wczesnoszkolnej / C. Kozak-Czyłewska, D. Zybel, B. Kępa (red.). – Lublin – Kielce : Wyd. MAC Edukacja S.A., 2005. – 719 s.
5. Kubiak-Szymborska, E. Podmiotowość w wychowaniu. Między ideą a realnością / E. Kubiak-Szymborska. – Bydgoszcz, 1999. – 370 s.
6. Kupisiewicz, Cz. Dydaktyka ogólna / Cz. Kupisiewicz. – Warszawa : Oficyna Wyd. Graf Punkt, 2000. – 304 s.
7. Kuźma, J. Nauki pedagogiczne w teorii i praktyce edukacyjnej / J. Kuźma, J. Morbitzer. – Karków : Wyd. Akademii Pedagogicznej, 2003. – T. 1. – 513 s.
8. Kwieciński, Z. Tropy – ślady – próby. Studia i szkice pedagogii pogranicza / Z. Kwieciński. – Toruń : Wyd. Edytor, 2000. – 466 s.
9. Miłkowska-Olejniczak, G. Edukacja nauczycieli a reforma oświaty / G. Miłkowska-Olejniczak // Kultura i Edukacja. – 1998. – № 4. – S. 94–103.
10. Niemiec, J. Podmiotowość we współczesnej edukacji. Oglądy – intencje – realia / J. Niemiec, A. Popławska. – Białystok : PRYMAT, 2009. – 305 s.
11. Nowicki, A. Spotkania w rzeczach / A. Nowicki. – Warszawa : Wyd. PWN, 1991. – 439 s.
12. Pilch, T. Encyklopedia pedagogiczna XXI wieku / T. Pilch. – Warszawa : Wyd. Akademickie «Żak», 2000. – 1208 s.
13. Pomykało, W. Encyklopedia pedagogiczna / W. Pomykało. – Warszawa : Wyd. Fundacja «Innowacja», Warszawa, 1993. – 1013 s.
14. Suchodolski, B. Edukacja permanentna. Rozdroża i nadzieje / B. Suchodolski. – Warszawa : Wyd. Towarzystwo Wolnej Wszechnicy Polskiej, 2003. – 191 s.
15. Suchodolski, B. Pedagogika / B. Suchodolski. – Warszawa : Wyd. Akademickie «Żak», 1980. – 796 s.

16. Szlosek, F. Ewolucja kwalifikacji nauczycieli w kontekście przemian edukacyjnych / F. Szlosek. – Warszawa – Siedlce – Radom : Wyd. Instytut Technologii Eksploatacji PIB, 2007. – 333 s.

17. Wałoszek, D. Doskonalenie nauczycieli wobec przemian społecznych / D. Wałoszek // Wychowanie w Przedszkolu. – 1998. – № 3. – S. 180–186.

18. Żegnałek, K. Dydaktyka ogólna. Wybrane zagadnienia / K. Żegnałek. – Warszawa : Wyd. WSP TWP, 2005. – 366 s.

Jatsevich A., Oniskevich T.S. Modern Requirements to Professional Improvement of the Teacher in Poland

The modern approach to the educative process expects preparation of children and youth for individual lifelong acquisition of knowledge, for self-development and self-improvement, systematic improvement and broadening of interests and abilities. The solution of this problem is impossible without a professional teacher being able to equip today's young people with instructional media and create appropriate conditions for knowledge and skills acquisition. This article is about today's demand for teachers' professional skills training in Poland.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 27.03.2012

УДК 330 : 001

Klaus Rosenthal

STRUKTURVERÄNDERUNG VON THEORIE UND WISSENSCHAFT ALS ÖKONOMISCHES PROBLEM

Diese Begriffe gehören zum Schwierigsten, was sich das Denken selber aufgeben kann. Mit den Begriffen von Theorie und Wissenschaft zielt das Denken unmittelbar auf sich selbst, es muss sich selbst bestimmen und dabei sagen, was Wissenschaft und Theorie im Denken heißt und wie beide Begriffe miteinander verbunden sind. Dabei gilt es auch das Differente zwischen Theorie und Wissenschaft abgrenzend zu bestimmen. Eine weitere Schwierigkeit stammt vom Begriff der Ökonomie. Theorie und Wissenschaft liegen im selben Bezirk des Denkens, sind eng aufeinander bezogen. Dem gegenüber steht der Begriff der Ökonomie dem Denken und seiner begrifflichen Bestimmung noch weitgehend unbemerkt und fremd gegenüber. Hier liegt die größte Herausforderung für das Denken und dessen, was Theorie in heutiger Wissenschaft bedeutet.

Ökonomie war dem Denken nie ein echtes Thema; ARISTOTELES und MARX, in Teilen auch HEGEL, einmal ausgenommen. Gemeinhin wird Ökonomie als etwas banal Vorhandenes vorgestellt, es sei denn, es wächst zu einem wahren Problemmonster heran, wie wir es gegenwärtig als Schulden- und Finanzproblem thematisieren. Aber auch dies weckt die (Fach-)Wissenschaft nicht wirklich auf, Ökonomie grundsätzlich zu denken. Darinnen zeigt sich die wahre Macht des Gegenstandes der Ökonomie, die unser Denken regelgerecht befangen macht und zwar durch die «Selbstverständlichkeit» ihrer Existenz. Dies bedeutet Gegenstandsbefangenheit des Denkens [1, S. 8 ff.]. Die Gegenstandsbefangenheit zu denken ist seine radikalste Herausforderung, ist die gemeinsame Aufgabe von Theorie und Wissenschaft, aber gerade in der Ökonomie treten Wissenschaft und Theorie immer deutlicher auseinander. Kurz: dass wir Ökonomie als etwas «selbst-verständliches» begreifen, ist Ausdruck dieses Problems und machtvolle Präsenz von Gegenstandsbefangenheit. Diese Kraft trennt immer deutlicher Theorie von Wissenschaft. Sie verschiebt die Struktur zwischen beiden Phänomenen und ist ein Effizienzproblem, d.h. ein Problem des vernünftigen Bewirkens aus dem Horizont des Verstehens der Gegenstandsproblematik im Ganzen. Das ist ein ökonomisches Problem. Weder ist der Verstand etwas sich selbst Erklärendes, noch ist unser «Selbst» selbsterklärend für unseren Verstand, noch sind die Gegenstände, die unser Denken wahrnimmt selbstverständlich hinsichtlich ihrer Existenz, ihrer Essenz und noch weniger in ihrer permanenten Präsenz im Denken, wie dies gerade für die Ökonomie gilt. Ökonomisches Denken und Handeln ist allgegenwärtig, ein «Draußen», ein «Außerhalb», im Sinne «ich bin kein Ökonom» gibt es nicht. Ökonomische Rationalität ist zwingender und globaler als jede andere Disposition des Denkens und dabei strikt «jemeinig», also «stets» «immer schon» persönlich in uns gegenwärtig. Hier haben wir keinen sogenannten «freien Willen» im Grundsatz.

Daher erweist sich die Frage nach der Bestimmung des Begriffs der Ökonomie als besonders schwierig, weil wir sie hier in diesem Umfeld gar nicht suchen und sie auch nicht zum erkenntnistheoretisch relevanten Denken als «zugehörig», d.h. als *akzidentiell* zur Substanz unseres Denkens betrachten, gar verstehen. Auf die Ökonomie, auf ihre Begriffe und Probleme gehen wir heute unbedarft «unkritisch» im Kantischen Sinne zu. Das *kritische*, d.h. das *transzendente* und damit *ganzheitliche*, aus *Anfangsgründen* entwickelte Theorieverständnis ist uns abhanden gekommen. Ein gerade zu übermächtig erscheinender und doch

so naiver Positivismus hat dieses kritische Theorieverständnis beerbt, häufig gar noch in seinem Namen als «*Kritischer Rationalismus*» mit all seinen Spielarten, dabei selber unfähig zu sagen, wie und warum, und vor allem, ohne sagen zu können und zu wollen: zu welchem Ziel? Damit löst sich das alte Verhältnis von Theorie und Wissenschaft selber auf: Wissenschaft entkoppelt sich von Theorie.

Theorie erscheint «moderner» ökonomischer Wissenschaft zunehmend entbehrlich, um nicht zuzusagen störend. Dies beschreibt den aktuellen Trend. Dieser drückt das unreflektierte Pseudoselbstverständnis einer empiristischen Dominanz in der heutigen Wissenschaft aus, die die Empirie zusammen mit einer Rezeption von Mathematik und ein nicht näher expliziertes Verständnis vom «Quantitativen» in eins setzt, sich damit im Namen eines vermeintlich exakten vom präzisen Denken verabschiedet, ohne dabei die alte Lateiner Frage des *cui bono?* («Wem zum Vorteil?») begründen zu können und zu wollen; sich gar überhaupt noch selber stellt.

Dieser Umstand ist geradezu ökonomisch besonders bedenklich, so real und übermächtig er auch erscheint, hat doch die ökonomische Fachwissenschaft aus Angst ihrer Praxis nicht genügend nützlich zu sein, sich schon seit Jahrzehnten vorwiegend instrumentell entwickelt. Dabei hat sie von dieser Praxisvorstellung ausgehend sich diesen eklektizistischen Mix, der sein *eklektos* (ausgewählt sein) «interdisziplinär» durchweg zu Lasten der Diskussion ökonomischer Kategorien randomisiert hat und sich so «klinisch-methodisch-sauber» immer weiter von der Bestimmtheit realer Praxis entfernt. Allerdings dabei deren Kasuistik, weil selbst aber prinzipienentwöhnt, wissenschaftlich immer weiter promoviert. Dadurch gelingt es solcher Wissenschaft immer weniger, Erkenntnisziele zu begründen und ihre Ergebnisse theoretisch in ein Gesamtgefüge einzuordnen. Solche «ordnungspolitischen» Funktionen werden dem geneigten Leser oder dem Feuilleton und deren Vorstellungskraft zunehmend häufiger überlassen. So wird in unseren Tagen Philosophie durch vorstellend interpretative Phantasie substituiert und immer weiter replaziert, dies durchaus auf hohem Niveau einer weitentwickelten Instrumental-wissenschaft mit vielfältigen methodischen Bezügen und dies mit der ihr eigentümlichen immanenten Stringenz, die das detaillierte Detail präzise präsentiert. Nicht der Methodenpluralismus ist dabei das Problem, sondern seine Losgelöstheit vom Prinzipiellen. Theorie kann sich so nicht mehr neu konstituieren, sie bleibt bloß kasuistisch-instrumentell. Sie verliert an Effizienz.

Aber nicht nur das Nichtreflektieren dieser Position ist das Problem, die eigentliche Dimension liegt im Selbstbewusstsein des «so wie wir es machen, ist es uns recht und deshalb angemessen und folglich gut». Diese weitverbreitete Haltung ist über jeden historischen Zweifel erhaben, weil sie den historischen Rückblick nicht mehr kennt. Diese ahistorische Attitüde ist der atheoretischen Haltung Fundament und Rechtfertigung zugleich, schafft sie sich so doch selbst eine Parusie (*parousia*) als wissenschaftliches Eigenparadox: Wissenschaft wird gläubig in Bezug auf ihre Methode und Vorgehensweise im Bestreben möglichst exakt zu sein, in der Absicht verwertbares Wissen zu produzieren, das aus der «Welt der Praxis» immer weniger Suchende abrufen. So entkoppelt sich «Theorie» noch weiter von «Praxis» als es die heutige Wissenschaftlergeneration bereits vorgefunden hat. Eine Wissenschaft «jenseits» der Theorie hat aber keine Praxis mehr (nötig). Auch der alte, häufig missverstandene Gegensatz von *theoria* und *praxis*, für den ARISTOTELES als gewichtiger Interpret der Ideenlehre seines Lehrers PLATON und in dieser Rolle als Stifter mit benannt werden kann, löst sich heute so im Nirwana des Ungefähren auf:

Ohne Denken gibt es keine Theorie und ohne Denken kein Handeln (*praxis*). Vielleicht ist noch ein affektives Verhalten vorstellbar. Ohne Handeln ist auch kein Denken (denkend) möglich, denn Denken ist stets ein aktiver Produktionsprozess (auch als Reproduktion;

als erinnernde Modifikation seiner eigenen Reproduktion), jedoch primär und stets vorrangig Spontaneität (*sua sponte*), also produktives Hervorbringen von Gegenständen im Sinne KANTS, mit anderen Worten: ein gegenstandsstiftendes Denken aus eigenem Vermögen heraus, ein *efficere*, von dessen effizienter Effektivität die ökonomisierte Wissenschaft insgesamt heute geradezu überhaupt und damit auch grundlegend (einschließlich sich refinanzierend) existiert. Nicht nur die ökonomische Fachdisziplin steht in diesem Refinanzierungsmodus, sie verspürt diesen Druck noch mit am wenigsten.

Dieser Verwertungsdruck, dieser Zirkel ist dem Denken nach kein wirklicher *circulus vitiosus*, wohl aber doch die Einladung in den Fragezusammenhang der früh-anfänglichen Bestimmung der herrschenden Ur-sache, der *prima causa* und der *causa finalis* dieser Begriffe und d.h. ihres *telos*, den zielfinalen Anfangszweck, der den Verfall ihres leitenden Prinzips, das der Wissenschaft selbstbezüglichste, sich nämlich primär immer auch selbst theoretisch zu denken und das als seine eigene Praxis (!) zu begreifen, abhanden gekommen ist. Darinnen zeigt sich das ökonomisch gegenstandsbefangene Denken mit seiner unnötigen Kluft zwischen Theorie und Praxis, die es doch in der Strukturgleichheit seiner kasuistischen Rationalität als sprichwörtlich effizientes Missverständnis wieder schließt, aber ohne es reflektiert zu haben. Auch deshalb erweist sich dieser Gegensatz als theoretisch im Denken praktisch nicht haltbar. Der Gegensatz von Theorie und Praxis ist bloß ein Scheingegensatz!

Dieser Sachverhalt bringt uns für einige Augenblicke zurück an den Anfang der Begriffe, aber nicht im Sinne einer historisch-scholastisch, gar schwärmerisch-romantisierenden «Rekonstruktion», sondern in destruktiver Absicht und d.h. in den methodischen Durchgang (*methodus*: «Weg hindurch») durch die Begriffe selbst und zwar in der Weise, diesen ihren eigenen Anfang mit seiner heutigen Gegenwart gleichzeitig zu machen, um so die schlechte Ungleichzeitigkeit des ursprünglich anwesend Konstitutiven mit dem verborgenem permanent Re-konstruktiven des gegenwärtig Vorherrschenden in eins sichtbar und deutlich und damit auch wieder bestimmbar zu machen. Worthülsen mit beliebiger Verfüllung verfallen zugunsten gedanklicher Genauigkeit und theoretisch-wissenschaftlicher Begriffsklarheit. Statt pseudo-pluraler Beliebigkeit eines populistischen *anything goes*, tritt die Wiedergewinnung begründeter und begründbarer Bestimmbarkeit von solcher Bestimmung, also das Kategoriale, die Kategorie (*kategoria*) als das Bestimmtheit Bestimmende, d.h. das Urteil dieser öffentlichen Marktrede (*kata agora*) wieder an die Stelle des Ungefährlichen. Dieser frühe Zusammenhang zwischen ökonomischem Tauschplatz und wissenschaftlich bestimmter Rede - im Begriff der Kategorie aufgehoben-, die «urteilen» im weitesten wie im engsten Sinne bedeutet, gilt es nunmehr aus der einfach selbstreflexiven Nichtentsprechung: hier das Denken und dort die Ökonomie, das Denken zu befreien. So eine Perspektive steht uns nicht zur Verfügung. Im Begriff der Kategorie ist der Schleier der Parusie «immer schon» enthalten. Denken als Wissenschaft theoretisch gefasst, ist stets ökonomisch verfasst. Dieser «Tatsache» ist in aller Deutlichkeit Rechnung zu tragen, so wie das rechenschaftliche redende Denken, das *logon didonai* sich einst selber verstand als Selbstrechtfertigung von Theorie und Wissenschaft. Diese erforderliche Selbstdestruktion wirft wieder einen zeitgemäßen Blick auf Vermächtnis und normative Prägung und doch zugleich auch auf Aufgabe und Herausforderung. So wird diese selbstverursachte paradoxe Parusie dem Denken «theoretisch» zugänglich und für dieses dann auch wieder «praktisch» handhabbar. Hier liegt der Schlüssel zum Eingangsschloss der sphinxhaften Pyramide aus Theorie, Wissenschaft und Ökonomie, die wir als Eigenparadox, gar als *doxa* und *parousia* selbst errichtet haben.

Der Begriff der Theorie ist der wohl älteste. Mit ihm beginnt diese so verstandene Selbstdestruktion, verbunden aber mit dem später noch zu entfaltenden Hinweis, dass das re-

chenschaftliche Denken, der Vortrag der Wissenschaft im Sinne des *logon didonai* auch eine Gründung in der frühen Rationalität von Wissenschaft hat, die durch die Rolle und Bedeutung der Mathematik – der Wissenschaft insgesamt – eine tiefe und bleibende Prägung verliehen hat, wie das «rechnende» Denken, die Rationalität der *chrematistike*, der frühen Krämer- bzw. Kaufmannskunst, auch die erste betriebswirtschaftliche Marktlehre im Gegenzug zur inhäusigen, oikosbezogenen Erwerbskunst, der *oikonomia* hervorbrachte.

Zunächst zum Begriff der Theorie. Der frühe Aufbruch der Theorie ereignet sich als *theoria*. *Theoria* hat einen mythischen Ursprung, aber als Theorie gefasst, d.h. als Ergebnis philosophischen Denkens, klärt sie hingegen radikal gegen den Mythos auf, der zu ihren eigenen Wurzeln gehört. Aus diesem Grundwiderspruch entsteht die Wissenschaft.

Theia heißt die Göttin, die der Theorie ihren Namen gab. Sie entstammt im griechischen *mythos* dem Geschlecht der Titanen, als Tochter von *Gaia* und *Uranos* ist sie Gattin ihres Bruders *Hyperion* und Mutter des Sonnengottes *Helion*. «*Theia* gebar einst der liebenden Macht *Hyperion*», wie *Hesiod* in *Theogonie* uns schrieb. Das Wort *ora* bildet zusammen mit *theia* das Wort, aus dem die *theoria* hervorgeht. *Ora* drückt die Verehrung der Göttin aus; Das Verb *theorein* meint anschauen und beobachten, drückt, was bedeutsam ist, nichts Transzendentes oder Transzendentes aus, sondern vielmehr sinnliches Anschauen, heute würden wir dazu Empirisches sagen. Der Theoriebegriff als *theoria* ist bereits ein Schauen der Wahrheit, der *aletheia*, was für das Offene, in der Bedeutung der Un-verborgenheit steht, worauf das *a-privativum* der *a-letheia* als Negation verweist.

Wissenschaft ist immer an Vernunft (*logos*) und Verstand (*nus*), heute an Rationalität (*ratio*) gebunden. Das war und ist eine permanente Kampfansage gegen den Mythos seit Beginn des wissenschaftlichen Handelns. Wissenschaft stellt auf den jeweiligen Anfangsgrund (*arché*), das Prinzip (*principium*), die Ratio ab. Außerhalb dieser Bezüge wird Wissenschaft notwendig spekulativ; verlässt sie doch ihr eigenes Terrain die sie als Grenze zum Mythos selbstbestimmend setzt.

Diese Erfahrung hat das Denken in der Phase der Okkupation durch das Religiöse im Mittelalter erfahren müssen – in Gestalt der Theologie. Diese religiöse Umdeutung der *philosophia* war nicht nur eine Vergewaltigung des Denkens, ein Missbrauch der alten Begriffe und Kategorien, sondern ökonomisch gewendet sogar eine hard-selling Aktion, in der das finale Ende vorgestellter Ewigkeit käuflich erwerbbar schien: «Wenn die Münz im Kasten klingt, die Seele in den Himmel springt».

Unter den Spätfolgen dieser Verwirrung des Denkens, leidet es bis heute. Die unscharfe Begriffstrennung zwischen Ethik (*ethos*) und Moral (*moros*) steht beispielhaft dafür. «Göttliches» kann nur widerrational in Wissenschaft infiltrierte und dann von dieser sublimiert werden. Hier hat die Aufklärung nur «halbe» Arbeit geleistet; das trennt uns noch vom Denken der ganz frühen und ersten Philosophie. NIETZSCHE war der Erste, der diese mythische Befangenheit mit den Worten gesehen hat: «Das Problem der Wissenschaft kann nicht auf dem Boden der Wissenschaft verhandelt werden». Ein vom Mythos durchdrungenes Denken, manifestiert in seinen zentralen Begriffen, insbesondere im Begriff der Begriffe selbst, der Platonischen Idee (*idea*) als formbestimmte Anschauung (*eidos*) und ist strukturgleich mit dem «Guten an sich» (*agathon*) und damit Synthesis des «jenseits» (*kosmos noetos*) und des «diesseits» (*kosmos aistethos*). Die Wiedergewinnung der sogenannten «wahren Welt» gegenüber dieser «scheinbaren Welt» hat die Philosophie und Wissenschaft bis heute beschäftigt. Das Ergebnis darf als zweifelhaft gelten.

Wir sind der Diktion dieser Begriffe noch nicht entkommen; darin zeigt sich die Gegenstandsbelegenheit in der Wissenschaft. Denn selbst der «Materialist» MARX ist hier gran-

dios gescheitert mit seiner heißblütigen Königstheze: «Die Philosophen haben die Welt nur verschieden *interpretiert*; es kommt aber darauf an, sie zu *verändern*» [2, S.5 ff, kursiv i. O]. Nicht das empirisch-historische Resultat hat ihn widerlegt; es ist der halbierte Denkansatz die Wahrheit des Diesseits etablieren zu wollen, als würde es genügen dem Jenseits seinem Betäubungscharakter des Religiösen als «Opium des Volkes» zu nehmen. Halbierte Begriffe sind und bleiben eine Selbsttäuschung des Denkens, in denen es sich wieder erneut befangen macht. Damit tappt auch die MARXsche «Kritik» als Radikalisierung und Widergewinnungsversuch der Herrschaft des Politischen gegenüber dem Ökonomischen in die Falle der Revolution (*revolutiontas*), die sich als Umkehrung des Willensprinzips nicht von den Begriffen selber lösen kann, sondern nur eine neue Formbestimmtheit ihrer Inhalte sollizitiert. So wenig wie es begründet eine «richtige» oder «falsche» Wahrheit geben kann, denn Wahrheit kennt keine Vorzeichen, so wenig existent ist auch eine «richtige» oder «falsche» Ökonomie. Die tiefe Einsicht dieser Erkenntnis steht uns aber immer noch aus. Es sieht eher nach mehr Verwirrung aus.

Diese Verwirrung ist im Begriff der Wissenschaft angelegt. Wissenschaft stammt von *episteme* und *logos*, Epistemologie. Seine größte Bedeutung liegt in der produktiven Funktion des «Wissen schaffen» und hat in dieser Bestimmung bereits seit der Antike einen latenten Konflikt zum Theorieverständnis einer *theoria* als das Schauen der Wahrheit im Sinne des Offenen, des sich als Phänomen (*phainomenon*), wörtlich: des «sich-Zeigenden». Der zentrale Konflikt ist bereits der frühe Gegensatz von Empirie als das sich sinnlich Zeigende in der ästhetischen Anschauung und seiner rationalen begrifflichen Bestimmung, dem intellektuellen Anschauen durch Vernunft und Verstand, das wir als das «eigentliche» Erkennen, als wissenschaftliches Denken verstehen. Bedeutsam ist hier besonders die wissenschaftliche Rolle der Mathematik.

Mathematik als *mathematike techne* ist ein Vermögen, eine *potentia* unseres Intellekts, die wir als eine besondere Kunst, die zum Lernen gehört, auch dem frühen Denken der Antike verdanken. Anders als das nichtmathematische Empirieverständnis der übrigen Theorie, «erkennt» unser mathematisches Denken Ideen als ideale Figuren und Zahlen, die nicht der Natur (*physis*) selbst unmittelbar entstammen. Diese bringen sich auch nicht von selbst hervor, dieser Wesenszug der *physis* ist den geometrischen Figuren und Zahlen fremd. In der Natur können wir keine solchen Ideale wie vollkommene Kreise, Rechtecke, Pyramiden, Ellipsen usw. beobachten, ebenso wenig sehen wir Zahlen als solche gegeben, geschweige denn gar negative, nicht reelle, Primzahlen und so weiter. Und doch wollen wir gerade heute unsere Welt, die Natur als moderne Physik, die Ökonomie in ihrer Funktionalität durch Mathematik verstehen und begreifen. In der Physik gilt schon seit KANT die Auffassung, dass die Natur in der Sprache der Mathematik zu uns spricht, er selbst hat die Mathematik besonders erhöht. In seiner Dissertation («Von der Form der Sinnen- und Verstandeswelt und ihren Gründen») schreibt KANT noch sehr strikt im § 12:

«Demnach ist die reine Mathematik, welche die Form aller unserer sinnlichen Erkenntnis erörtert, das Werkzeug zu einer jeden anschauenden und deutlichen Erkenntnis; und weil ihre Gegenstände nicht allein formale Gründe aller Anschauung, sondern selber ursprüngliche Anschauung sind, bietet sie eine ganz wahre Erkenntnis und zugleich das Urbild höchster Evidenz in anderen» [3].

In diesem Wissenschaftsverständnis wird das «Urbild höchster Evidenz» deutlich, dem heute die Mehrheit der *community of science* – wie bewusst auch immer – folgt. Das ursprüngliche Ziel des Denkens, sein ureigener *telos* als die Idee des Guten an sich und ihr Wesen (*ousia*) als ewiges und unveränderliches Urprinzip und damit auch diese sich wiedererkennenden Erkenntnis (*anamnesis*) zu erkennen, und zwar in allem, was sich dem Denken

zeigt – wie es PLATON noch sah – erlangt zunehmend rechnende statt rechenschaftliche Qualität: Mathematik wird zum Erkenntnisideal an sich.

Diese beginnende Umorientierung des Denkens ist die Voraussetzung für die Herausbildung des Funktionalen als Grundlage des Instrumentellen, denn nicht die «reine» Mathematik ist ein Problem für Theorie und Wahrheit, sondern ihr zunehmender Anwendungszweck, dem rechnenden Denken als solchem zu dienen, eben «Werkzeug» zu werden, «zu einer jeden anschauenden und deutlichen Erkenntnis».

Dieser neue Charakter des Werkzeughaften, hat nicht nur den Erkenntnisfortschritt auf nahezu allen Wissensgebieten einerseits enorm beschleunigt und positivistische Naturwissenschaft damit im Grunde ermöglicht. Er hat auch die Beschleunigung der ökonomischen Potentiale in der realen Welt der aufbrechenden Industriegesellschaft bewirkt, also Wirklichkeit als angewandtes mathematisches Naturverständnis, nämlich als Ergebnis werkzeughafter Realität und d.h. moderne (also postmittelalterliche) Produktion überhaupt erst konstituiert. Damit wird nicht nur die Ökonomie aus ihrer Fesselung an die noch geltende Vorstellung des alten und obersten Zwecks der Glückseligkeit (*eudaimonia*) entbunden, vielmehr entsteht sie überhaupt erst als eigene und eigenständige Wissenschaft. Das ist die zentrale Bruchstelle von Theorie und Wissenschaft als Geburt der ökonomischen Wissenschaft.

Theorie ist an Wahrheit gebunden, anders macht ihr Begriff keinen Sinn. Die ursprünglich mythische Vergangenheit der Theorie hebt das neue wissenschaftliche Prinzip nach höchster Evidenz zu streben nicht auf, grenzt es aber gegenüber einer instrumentellen Richtigkeit einer nur noch exakten Wissenschaft ab. Exaktheit wird aber zum neuen Produktionsprinzip der technischen, dann technologischen Welt. Diese kann ihre Gegenstände überhaupt nur so produzieren, indem sie das Instrumentelle als das Richtige und zugleich Nützliche begreift und sich so als exakte Effizienz wechselseitig identifiziert und geradezu reeffiziert, d.h. sich als sein eigenes ökonomisiertes Vorstellen von Richtigkeit und Rechtmäßigkeit, von Ziel und Zweck, von Erkenntnis und Effizienz in eins tatsächlich schafft, und auf dieser Ebene auch keine Theorie-Praxis-Trennung mehr thematisieren muss. Diese ist im so geschaffenen Komplex des irgendwie empirisch-mathematisch-quantitativ verfügbaren Ökonomischen aufgehoben. Das ist die moderne Parodie der Idee als Wissenschaft in ihrer effizienten Inszenierung des Ökonomischen als Entsprechung des exakten und rechnenden, aber legitimationsgelösten Denkens, das die Wahrheitsfrage nicht mehr stellt und dieses schweigende Nichtstellen nicht mehr wahrnimmt oder wahrnehmen will. Modern gesprochen: Theorie ist out, einfach uncool.

Das Quantitative als Ausdruck ökonomisierten Denkens bleibt noch zu bestimmen. Ein *quantum* bezeichnet ein Maß von «wie viel» oder «wie groß». Seine eigene Qualität ist eine reine Form ohne empirische Anschauung. Maße und Maßrelationen beschreiben Distanzen von Qualitäten zu einander. Das gilt in der Physik und auch in der Ökonomie. Distanzen in der Ökonomie unterscheiden sich von denen in der Physik, weil es keine sinnlichen Anschauungen von ökonomischen Qualitäten gibt. Geld, Kosten, Preise, Waren, Kapital usw. sind keine sinnlichen Anschauungen wie Körper oder sonstige Materie, es sind Begriffe und Kategorien ohne empirischen Eigengehalt. Wir können sie als rein metaphysische Begriffe, als Anschauungs-*formen* unseres Denkens begreifen und so wirken sie auch. Insofern ist es immer «richtig», die Ökonomie als eine Erscheinung des Quantitativen zu begreifen. «Qualitative» Ökonomie ist etwas für «Hellseher».

Die metaphysische Metamorphose der von Geld – in die Waren – und dann wieder zurück in die Geld-form, mit der inhärenten Intentionalität des Inkrements des Mehrwertes als Ausdruck von Kapital hat MARX klar erkannt. Er hat auch gesehen, dies ist ein Prozess des

Бесвядомасці, дзе да «правільнага» Бесвядомасці не як яго Пераваржэнне да «фальскага» прызнае. Не бачыў ён звязку, што да Бесвядомасці як такога самаго выразу персоніфікаванага Капітала на сабе: да агульнага Суб'екта як свайго жывога Цяжкага Прадмета ў кожным канкрэтным Суб'екце супрацьстаячы.

Гэты думка з'яўляецца найглыбейшай у і наваколлі эканамічнай навуцы, якая тычыцца эканоміі. Капітал як свайго жывога Яго да думкі цяжка, бо тады таксама трэба думаць пра наступствы. Так доўга мы толькі з аднаго пераважна «об'ектыўнага» Пункту на адно з'яўленне «заван» нас сама «сапраўдна» аб'ектава глядзіць, адчувае да «прызнавальнага» Суб'екта яшчэ праз яго Сама-Зманіжэнне ў абарону свайго «акраўнага» навуцы перад сабою абаронены: ён не павінен сапраўды сама думка. І навука без Тэорыі, таксама без Прытлумачэння на Праўду, з'яўляецца ў яе Матэрыялізме, з адным эканамізаваным Ідэалам сучаснай навуцы як акраўнага вызначэння змяненняў колькасці як аднаго пераважна «Эмпірычнага» без Прытлумачэнняў Прынцыпаў, з такім сама ў адзін голас. Яна большага Згоднасці з Прадметам і Думкай – і гэта з'яўляецца старажытнай навукавай Прытлумачэння Праўды як *veritas est adäquatio et rei* або *veritas est adäquatio ad rem* – з'яўляецца ў тэорыянасных Часох навукава і эканамічна цяжка да думкі. Гэта азначае зрушэнне структуры ад Тэорыі і навуцы як эканамічнага Праблемы. Эфектыўнасць з'яўляецца на аднаго прыносячы Праўду як аднаго ўважэння ў ідэю цэлага Прадмета прылучаны. Яна губляе сваё мэтаназначэнне, яе Тэлас і таму гэта з'яўляецца прызначэннем Эфектыўнасці самаго. Гэта з'яўляецца кардынальным эканамічным Праблемы.

LITERATUR

1. Rosenthal: Die Gleichursprünglichkeit von Ökonomie und Wissenschaft; Wilfer; Spardorf, 1986.
2. Marx: MEW; Bd. I u. III; Berlin 1976.
3. Kant: Von der Form und Sinnen- und Verstandeswelt und ihren Gründen; in: Kant Werke V; Insel Verlag, Wiesbaden 1958.

Розенталь К. Изменение структуры теории и науки как экономическая проблема

У гэтым артыкуле даследуецца праблематыка звязку тэорыі, навуцы і эканоміі. Гэтыя тры паняцці вызначаюцца як самыя складаныя задачы, якія можа паставіць мысленне. Пры дапамозе паняццяў «тэорыя» і «навука» мысленне ставіць сябе ў якасці мэты, вызначае месца навуцы і тэорыі ў працэсе мыслення, адначасова ўстаўляючы звязку паміж імі. Ад патэнцыяла мыслення, ад яго дзейснай эфектыўнасці залежыць існаванне «эканамізаванай» навуцы.

Паняцці тэорыі, навуцы і эканоміі супраўляюцца і даследуцца ў розных ракурсах. На аснове міфалагічных крыніц узнікнення тэорыі падвергаюцца крытычнаму аналізу працы Платона, Арыстотеля, Маркса, Канта і Гегеля. Тэорыя як вынік філасофскай думкі супрацьстаяць міфалагічнаму, яна прычынена да ісціны, інакш яна не мае сэнсу. З гэтага супярэчнасці ўзнікае навука. Аднак, *veritas est adäquatio et rei* адпаведна *veritas est adäquatio et ad rem*, у часе, іспытываючы недахоп тэорыі, складана мысліць як навукава, так і эканамічна правільна.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 27.09.2012

УДК 37.091.5

Яцэк Гурнікевіч

**ПРИМЕНЕНИЕ НАКАЗАНИЯ ДЕТЕЙ: ЗА И ПРОТИВ (Часть 1)
(мнение студентов специальности «Педагогика» психолого-педагогического
факультета Белостокского университета)**

Наказание тесно связано с историей человечества. Как таковое, от начала человеческой цивилизации присутствует постоянно в науке и культуре. История перемен в интерпретации наказания и наказуемых многогранна – от примитивного возмездия, применения в жизни права мести, до обдуманной манипуляции во имя разных личных и общественных целей. Согласно научной ориентации в общественных науках, наказание должно служить корректировке человеческих психических предрасположений и моделированию общественного поведения. Антитезой научного подхода стал гуманистический подход, возникший полвека тому назад, согласно которому любое наказание понижает шанс на эффективное личное развитие человека. В свою очередь, постмодернизм дал наказанию новое качество, удалив прежние значения. Рефлексия стала преобладать над объективным значением формально установленных наказаний по сравнению с субъективным значением образа наказания в мыслях человека. В этом значении нельзя недооценивать понимание наказания студентами факультета педагогики – будущими «формальными исполнителями наказаний» в научно-воспитательных учреждениях. Эти студенты выполнили 101 работу по теме применения наказания и возможности наказания своих воспитанников в будущем. Мы также узнали мнение студентов относительно нескольких популярных методов воспитания (включая наказание), которые они понимают как воспитательные манипуляции. Мы получили интересный исследовательский материал. Анализ данных позволил установить, на каком уровне молодые люди, изучающие педагогику, воспринимают традиционную технологическую ориентацию по теме сути и важности наказания и на каком уровне стоят на стороне гуманистической ориентации.

Введение

Суть наказания и его применения связана в основном с дискомфортом, который широко понимается в науке (в основном физический, психический, общественный, душевный). Наказание бывает противопоставлено поощрению, награде, хотя эти понятия не являются простой антитезой. Наказание, в широком смысле этого слова, обозначает саму угрозу наказания или отмену обещания поощрить, наградить. В общественных науках наказание определяется по-разному: как необходимость и ценность, оборонный механизм, воспитательный метод и противоположный ему антивоспитательный метод, способ обеспечения прав и общественного порядка и т.д. В литературе идет спор на темы целесообразности и бессмысленности наказания, пригодности и эффективности этого воздействия на короткое и длительное время.

Традиция применения наказания в истории человеческой цивилизации существует с начала истории человечества, начиная с древних времен. Известно, что интерпретация понятий «казни» и «наказания» в разное время была неоднозначной – начиная с примитивной мести, путем предоставления помощи себе или кому-либо, до соблюдения норм обычного права мести, манипуляции во имя разных личных и социальных целей. Право наказывать было с незапамятных времен атрибутом власти, начиная от античных богов, единоличных правителей разных эпох и заканчивая учреждениями, имеющими право применять наказания во имя исполнения права. Раньше жестокому наказанию сопутствовало всеобщее понимание, в настоящее время наказание должно корректировать психические отклонения, а также моделировать общественное поведение.

Наказание в художественной литературе и искусстве

Наказание почти всегда появляется в культуре и искусстве. В мире культуры наказание находит свое отражение в содержании многих древних греческих мифов (где вина должна быть нейтрализована наказанием, а прощение вообще не берется во внимание). Наказание как способ поведения во многие века появляется в художественной литературе, в пьесах, операх, опереттах, картинах, фильмах и в многочисленных видеоиграх. Наказание широко используется также в политике, что является постоянным элементом идеологической игры. В политике наказание функционирует как манипулирование людьми, принадлежащими к разным общественным структурам, играющими свою роль и занимающими определенное место в обществе. В политике, таким образом, можно подвергать наказанию целые социально-экономические структуры. Наказание также присутствует в мировой экономике. Оно появляется в рекламных роликах, в которых человек наказывает себя покупкой определенных продуктов конкурентов и использованием некоторых услуг. Наказание можно заметить в мире поп-культуры, различных субкультурах (в том числе сектах).

О научном подходе к наказанию

В социальных науках наказание – это способ обучения новым моделям поведения, а также инструментальное обучение. В разных познавательных установках наказание наделяется другими свойствами, другими ценностями, а также другими способами и средствами. В бихевиоризме наказание – это принуждение объекта к определенному поведению с применением позитивных (наград) и отрицательных (наказание) стимулов. С психоаналитической точки зрения – это психический диссонанс между противоборством первоочередных нужд (желаний) и общественным мнением. Наказание – это подверженность временно активируемым защитным механизмам, это манифестация возникших когда-то комплексов. В свою очередь, наказание в когнитивном изложении – это реализация потребностей познания мира и себя безвольно и преднамеренно, по своей воле и под давлением окружающих.

Что касается понимания наказания в гуманитарных науках, это дискомфорт по поводу невозможности реализовать себя как личность. На разных уровнях зрелости люди по-разному подходят к наказанию, имеют разные точки зрения по поводу причин и последствий не только физического наказания. Принимая во внимание личностную ориентацию, стоит изучить концепцию развития нужд А. Маслоу [1], экзистенциальную концепцию К. Домбровского [2]. С вышеприведенной концепцией связана идея наказания, выступающая в трех великих монотеистических мировых религиях (в иудаизме, христианстве и исламе), а также в других философско-религиозных мировых системах (в брахманизме и буддизме). Так, с течением времени наказание воспринимается все более рефлексивно, эмпатически и, соответственно, с все большими позитивными намерениями по отношению к намеченным последствиям: от давления до способствования личному созреванию, от «правильного гнева» до неприменения наказания в состоянии эмоционального потрясения.

Наказание в постмодернистской повседневности

Постмодернизм придает наказанию новое качество, не учитывая предыдущие наработки. Не менее важной является точка зрения о качестве формально установленных наказаний по сравнению с субъективными видениями важности санкций в человеческом уме. В наказании присутствует и относительность, которая зависит от

значения наказания и возбуждаемых эмоций. Соотнося важность наказаний, нельзя оставить без внимания постоянные и временные склонности к принятию решения о наказании. В та-ком случае необходимо рассмотреть условия, важные для диагностики готовности к на-казанию и принятию наказания. Множество очерченных обусловленностей можно легко описать, выделив наиболее часто упоминаемые в литературе сферы человеческого существования (от биологической до духовной). В постмодернистском мире значение имеют не только тип и сила наказания. Все чаще появляется неуверенность в том, кого и как наказывать – все это объясняется ослаблением универсальной иерархии ценностей, распространением гедонизма и безграничной толерантностью.

Если рассматривать это в биологическом, психологическом, социальном, культурном и духовном аспектах, то действие, связанное с принятием решения о наказании и само наказание, в различных кругах имеет неоднозначную оценку, при этом, как правило, игнорируется важность духовного наказания (в смысле трансцендентальном). В некоторой степени это связано с тем, что за последнее столетие резко изменились психическая и физическая стойкость на разного рода наказания себя/других; видение в наказании и применении наказания положительных черт; вера в Бога как важнейшей силы, которой дозволено наказание любым способом – даже сверхчеловеческим; общественная установка на нормы из древних катехизисов, где родители/опекуны, избегают наказания своих воспитанников.

В настоящее время все реже сталкиваемся с согласием на любое наказание, включая также наказание в семье, ограничивается и свобода действий родителей. Эти изменения становятся все более жесткими правилами, которые отражены в законодательстве, а также в решениях учреждений, участвующих в деле защиты прав детей. С другой стороны, современное законодательство недооценивает существующих проблем: баловство детей; так называемая забота, лишенная воспитательных ценностей (воспитание без стресса) и т.д. Все это лишает детей веры в общественный порядок и приводит к непониманию ими универсальных ценностей.

Действенность наказания и награждения в педагогических теориях, наблюдаемых в каждодневной практике, предопределенной реальной жизнью

На протяжении прошедших пятидесяти лет произошли серьезные изменения в подходе к наказанию и поощрению ребенка. Можно утверждать, что в указанный период произошли следующие изменения: от наказания, понимаемого как обусловленность активности объекта и от различных наглядных форм и силы наказания до наказания, понимаемого утонченно, или даже только метафорически, а также понимаемого как «что-то хуже награждения» в различном смысле (праксеологическом, психологическом, социологическом и моральном).

Таблица 1 – Наказание в теории и реальной жизни – попытка категоризации

Наказание в теории и реальной жизни	Сциентическая точка зрения	Гуманистическая точка зрения
Нормативно-желательный подход	Наказание, граничащее с награждением как признанные в данной культуре способы, обуславливающие активность объекта	Наказание как недопустимый способ влияния на личность ребенка, уменьшающий и деформирующий его шансы

	для формирования личности	на всестороннее развитие
Продолжение таблицы 1		
	в меру ожиданий, указанных в проекте изменений, которые базируются на основе избранной идеологии (религии и т.д.)	
Реалистично- дескриптивный подход	Наказание, граничащее с наградением как способы, реально обуславливающие активность объекта; способы, реально применяемые и приносящие фактические изменения	Наказание ребенка, фактически используемое в различных учреждениях и в окружающей среде – с учетом фактического воздействия на возможности развития ребенка

В послевоенные десятилетия в Польше можно выделить следующие периоды в модифицированном понимании наказания:

1) 60–70 годы XX в. Наказание как важный воспитательный метод в образовательной системе, ориентированной на привлечение групп молодых людей страны и ее политических деятелей, которые пополняли структуры государства. Воспитанник настолько представляет ценность, насколько функционирует во благо государства. Идеологическая опора – марксизм, ленинизм. Инспирации: бихевиоризм, сциентизм. Выдающимся представителем этой точки зрения в Польше был Г. Мушинский [3].

2) 70–80 годы XX в. Наказание как периферийный метод дисциплинирования воспитанника – исполнителя общественных заданий. Основной метод – задача. Инспирации: кибернетика, сциентизм. Выдающийся представитель этой точки зрения в указанный период – Ч. Чапув [4].

3) 80–90 годы XX в. Наказание как периферийный метод, связанный с реализацией первоплановой потребности изучения себя и окружающего мира. Инспирации: необихевиоризм, познавательная психология, сциентизм, праксеология. Выдающийся представитель этой точки зрения в Польше – К.Конажевский [5].

4) 90 годы XX в. Наказание как антитеза воспитательного метода, вызывающая затруднения в реализации развития личных потребностей. Инспирации: персонализм, экзистенциализм, феноменология, культурная антропология, гуманистическое течение в общественных науках, антипедагогика и т.д. Выдающиеся представители этой точки зрения в Польше – В. Лукашевский и Б. Сливерский [6–8].

5) Первые годы XXI века. Наказание как гипотетическая антитеза награждения, проверяемая в реалиях определенных учреждений и локальной среды. Инспирации: персонализм, культурная антропология, феноменология и т.д. Выдающиеся представители этой ориентации в Польше – А. Яновский и А. Налясковский [9–13].

План опроса. Мнение студентов 2 курса специальности «Педагогика» по вопросу применения наказания

Аргументы, касающиеся планируемого опроса среди студентов специальности «Педагогика»:

1. Важность понимания сути поощрения и наказания педагогами и учителями – будущими исполнителями поощрения и наказания, которые имеют для использования различные правовые методы, гарантированные принявшими их на работу образовательными и социальными институтами.

2. Сила личного творческого влияния на вверенных им молодых людей. Влияния, которое осуществляется по несколько часов в день, день за днем и год за годом.

3. Значение личного опыта студентов, полученного в родительском доме и в своей локальной среде.

Вопросы для обсуждения и ответа:

1. Как часто будете применять наказание и поощрение?
2. Как часто ваше желание наказания и поощрения будет реальностью?
3. Как часто будете применять традиционные и нетрадиционные методы наказания и поощрения?
4. Как часто будете относиться к наказанию и поощрению поверхностно/стереотипно и обдуманно и мотивированно?
5. Какие факторы оказывают влияние на принимаемые решения, эмоции и на готовность соблюдения правил?

Методы и инструментарий

Было запланировано использование диагностического опроса, т.е. проведение анкетирования по методике Т. Пильха, а также других авторов [14]. Техникой сбора данных была анкета. Для ее проведения составлена образцовая версия анкеты. В нее входили две задачи. Первая из них была открытого типа, и нужно было написать краткую работу на тему: «Собираюсь ли я в зрелом возрасте наказывать своих детей/воспитанников?».

Вторая задача имела количественный характер: необходимо было дать оценку десяти применяемым в повседневной жизни способам поведения с воспитуемыми. Оценки указывались по пятиэлементной шкале (от решительно «за» до решительно «против»).

Анketируемым была дана подсказка, что речь идет об обычных десяти методах поведения по отношению к детям, de facto должны были обратиться к десяти обычно повторяемым ошибкам при дрессировке собак. Таким образом, во втором задании необходимо было определить, на каком уровне участники опроса (будущие педагоги) одобряют непопулярные способы манипулирования другими, включая и поведение по отношению к детям.

Анketируемая группа

Было принято решение провести опрос среди студентов разных специальностей (педагогика перевоспитания, педагогика восстановления трудоспособности, защитно-воспитательная педагогика, педагогика безопасности, культурная педагогика) факультета педагогики Университета в Белостоке, обучающихся на дневном отделении. Опрос проводился в аудитории, участвовало в нем 101 студент. Анketируемая группа студентов 2 курса проживает на территории северо-восточной Польши, для их воспитания характерна деревенская и местечковая традиция. Выходцы они из семей с низким социальным статусом или из первого поколения интеллигенции. Возраст студентов 22–25 лет, пол – женский. Согласно предположениям автора статьи, приведенные характеристики студентов факультета педагогики типичны и для других вузов северо-восточной части Польши, независимо от типа и локализации учебного заведения.

Запланированное место и время опроса

Проведение анкеты было запланировано на вторую половину осени 2011 г., после курсовых занятий. Первый опрос (работа) по оценке 10 избранных способов пове-

дения с воспитуемыми (включая телесное наказание) должен был быть на неделю раньше. Инструктаж планировалось провести во время встреч с группами на занятиях, а обсуждение – индивидуально, в свободное время, в течение недели.

Обсуждение собранного материала

Задание, выполненное студентами, принимавшими участие в анкетировании 8 декабря 2011 г., касалось письменного ответа на вопрос: буду ли я в зрелом возрасте наказывать своих детей/воспитанников? Работы предоставил 101 участник. Были представлены различные мнения о готовности наказывать в будущем своих воспитанников, включая и телесные наказания. Авторы упомянутых работ в разной степени детализировали свои мнения и аргументацию своих мнений. Кроме того, в разной степени подчеркивали свое личное мнение, нередко используя безличные предложения и ссылаясь не столько на свое субъективное мнение, сколько на уровень знаний, известный из литературы предмета и из различного рода СМИ. Каждая их анализируемых работ получила баллы по следующей шкале: 1 – решительный противник наказания, 2 – не склонен наказывать, 3 – декларирующий нерешительность, 4 – склонен наказывать, 5 – решительный сторонник телесного наказания как воспитательного метода.

В результате анализа студенческих анкет выяснилось, что большинство участников декларировали нежелание использовать наказание в будущем и, особенно, несогласие на телесные наказания. Это касалось не только своих детей, но и будущих воспитанников. Средний балл, полученный для всех опрошенных лиц – 1,7.

Таблица 2 – Результаты опроса студентов факультета педагогики и психологии по вопросу применения телесных наказаний в будущей семейной и профессиональной жизни

Шкала	Позиция	Статистика
5	Решительно за наказание	4
4	Возможно, за наказание	13
3	Нет мнения, трудно выбрать	2
2	Протест против наказания	12
1	Решительный протест против наказания	70
Сумма	Итого	101
Среднее	Для всех	1,67

Из таблицы 2 следует, что больше 2/3 участников анкетирования являются решительными противниками наказания – особенно телесного; вместе с менее радикальными противниками наказания они составили 4/5 исследуемых. Удивляет четкая поляризация взглядов: за или против наказания, только двое не определились с выбором. В свою очередь, только каждый пятый определился как сторонник наказания, в разной степени решительности применять эту возможность по отношению к своим воспитанникам. За наказание, включая телесное («по попе»), высказалось лишь четверо: двое мужчин и две женщины.

Больше 2/3 анкетированных студентов не считают наказание воспитательным методом, используя разные аргументы из собственного опыта, повседневной жизни, СМИ, а иногда из психолого-педагогической литературы. Приведем высказывания подобного рода.

Эмилия: «Телесное наказание ослабляет отношения между родителями и ребенком. Оно ослабляет доверие и чувство безопасности, тем самым обижает ребенка. Позитивные примеры действуют намного лучше, чем наказание. Я хотела бы, чтобы мои отношения с ребенком опирались на двухстороннем уважении. Считаю, что родители применяют телесное наказание от бессилия, они не хотят и не могут себя контролировать. Надеюсь, что этого со мной не случится».

Марта: «Физическое наказание детей ни к чему хорошему не приводит. Есть много методов наказания, которые можем использовать, чтобы наказать ребенка за плохое поведение. Мы можем поговорить с ребенком о его поведении. Из-за физического наказания ребенок страдает и учится нежелательному поведению. В будущем может вести себя агрессивно по отношению к своим знакомым и близким в своем окружении».

Эвелина: «Физическому наказанию я говорю «нет», потому что это признак слабости. Наказания не в состоянии изменить поведение ребенка, но оставляют только плохие воспоминания на многие годы. У лиц, применяющих телесные наказания, проблемы с контролем своих эмоций. Они чувствуют себя бессильными и подвержены импульсивности, не думая, какие последствия будут у ребенка. Я хочу избежать этого. Вместо телесных наказаний я собираюсь применять метод не физического наказания и награждения, который, по моему мнению, более эффективен и гарантирует изменения в поведении ребенка».

Следует также обратить внимание на аргументы, которые привели сторонники физического наказания, чтобы закрепить свою позицию. Среди относительно небольшого количества сторонников применения уравновешенных телесных наказаний были лица, решительно подчеркивающие свое мнение. Для подтверждения выше сказанного приведены три категоричных высказывания по этому вопросу.

Анета: «Если у меня будут дети, со всей уверенностью буду использовать телесные наказания. Я считаю, что телесные наказания «с чувством» не обижают ребенка. Мои родители наказывали меня шлепком и я не чувствую себя обиженной. Больше того, в юности я знала границы (что могу, чего нельзя), а страх перед наказанием спасал меня от всякого рода поступков. Всегда, когда буду наказывать шлепком ребенка (оговариваюсь, что нечасто), постараюсь, чтобы ребенок хорошо знал, за что он наказан. По собственному опыту я знаю, что телесные наказания (с умом) не ведут к эмоциональной обиде. Конечно, я не говорю о постоянном физическом наказании или издевательствах. Я хотела бы, чтобы детям не прививали идеала без стрессового воспитания, поскольку такие дети не могут мириться в жизни с поражениями. В наше время, когда уже малые дети подвергаются опасности, важно определить нужные границы».

Марта: «В будущем, при воспитании своих детей, я буду брать пример со своих родителей, которые использовали легкий шлепок как воспитательное средство. Дать понять кто хозяин, таким образом, не так уж плохо. Мне это было нужно, потому что я была иногда непослушная, так же как и другие дети. Если же другие средства воспитания не сработают, думаю, что буду применять «метод шлепка».

Марцин: «Ответ для меня прост, очевиден и однозначен. Конечно, да. Меня так воспитывали, и я стал человеком, не принося проблем в так называемый «период бунта». Дома должна быть легкая атмосфера страха и ребенок должен сознавать, что никакой проступок не будет прощен. Но нельзя издеваться над ребенком – это может привести к непослушанию и бунту. Надо помнить, что существует закон «золотой середины». Случайный шлепок должен остаться в сознании, но не на коже. Благодаря этому сама перспектива наказания должна удерживать ребенка перед шалостью».

Авторы работ о применении ими телесного наказания предоставили тексты различного объема, в размере от 40 до 200 и больше слов, в среднем по 90 слов. Такое количество слов дало им возможность выразить многосторонне отношение к теме, используя последовательные ассоциации.

Во время анализа собранного материала была взята во внимание возможность упоминаний о собственных переживаниях в детстве – были ли они подвержены телесному наказанию. Память об этих событиях в прошлом могла повлиять на взгляды о целесообразности применения различных наказаний родителями. Установлено, что более 10% анкетированных вспомнили о таких происшествиях, а в количественном выражении это было 13 человек. Присутствие наказания в детстве трактовалось как аргумент за применение телесного наказания уже по отношению к собственным детям, применяемого рассудительно и с чувством. Часто использовались оговорки, что «меня не обидели, но мне, ребенку, было легче узнать границы возможных поведений».

Также большинство анкетированных затрагивали в своих высказываниях вопросы о применении наказания и о своей готовности к таким действиям в роли родителей-опекунов и воспитателей. Студенты указали на низкий уровень эффективности наказания по сравнению с другими средствами, на возможную временную пользу и на длительные негативные последствиями применения физического наказания, на отрицательные последствия, особенно психические, на нарушение прав ребенка. В целом ребенок был трактуем как объект, на который надо деликатно воздействовать, ибо такое воздействие не провоцирует конфликтов и содействует сравнительно комфортному дальнейшему его развитию.

Удивляет то, что только шесть студентов, изучающих педагогику, в своих выводах отнесли к иерархии ценностей, как к области вопросов, придающих смысл воспитанию как целевому воздействию на молодого человека. Тут речь шла не столько о воспитаннике, как объекте, подвергаемом более или менее утонченному воздействию, сколько об объекте достойной личной ориентации на собственные цели, которые переплетаются с характерными для общества иерархиями ценностей. Важным является и поощрение подготовки ребенка (будущего взрослого) к выполнению семейных и гражданских обязанностей. Что касается физического наказания, то анкетированные должны были высказать свое мнение на предмет применения этого наказания родителями.

Выводы

На основании обработанного материала, касающегося правомерности наказания и заявлений о применении наказания в отношении к своим подчиненным, можно сделать следующие выводы:

1. Наказание авторами письменных работ отрицалось, как не эффективный метод воспитания.
2. Часто используемым аргументом отрицания наказания были негативные чувства со стороны наказуемого – чувства, приносящие психический и общественный дискомфорт, а главное – осложняющие жизнь.

Собранный материал стал источником для ответа на вопросы, поставленные в плане опроса. По каждому поставленному вопросу можно сформулировать следующие заключения:

Вопрос 1. *Ваша точка зрения на применение наказания?*

Студенты отрицали применение физического наказания, имея внутреннее согласие на использование других методов воспитания, главное – запретов и требований.

Небольшое количество студентов предпочитало сбалансированное применение наказания и поощрения, а еще меньший процент анкетированных заявлял о применении в будущем только поощрения. Особенно акцентировали студенты внимание на бесстрессовом воспитании. Вместо наказания (в любой форме) отдавалось предпочтение разъяснительным беседам, договорам, а также хорошему личному примеру.

Вопрос 2. В какой степени будете сочетать желаемое с реальным?

Большая часть студентов показала хорошие знания педагогики и психологии по теме применения наказания как воспитательного метода по его кратковременным и продолжительным последствиям, а также по причинам применения наказания. Физическое наказание трактовалось студентами как неприемлемое поведение по отношению к детям – больше демонстрирующее бессилие и вспыльчивость, а также подверженность отрицательным эмоциям, чем обдуманное действие, имеющее свое обоснование и неизменное убеждение.

Вопрос 3. В какой степени будете сочетать традиционное и нетрадиционное?

С учетом высказываний студентов о их желании поддерживать хорошие отношения с детьми, понимать их, быть отзывчивыми на потребности ребенка, анкетированных студентов можно охарактеризовать как людей с нетрадиционным мышлением о воспитании и о своей роли в воспитательном процессе.

Вопрос 4. Как будете сочетать поверхностное (стереотипное) с обдуманным (разнообразным)

Упомянутые точки зрения анкетированных студентов о неприменении наказания были поверхностны. Объясняется это тем, что их точки зрения основывались на чисто технической стороне описываемой деятельности, отсутствовали принципиальные точки зрения на вопрос отношений воспитатель – воспитанник. В рассуждениях студентов воспитанник был скорее объектом воздействия, а не личностью, которая имеет свою автономию и право выбора собственного пути развития, даже наперекор юридическим опекунам и формальным жизненным руководителям.

Вопрос 5. Какие факторы повлияли на ваши выводы, эмоции и готовность соблюдать закон?

Определенное значение в различии выводов и рекомендаций студентов имела специфика факультета. Хорошо было бы показать и сравнить ответы по половому признаку, если бы среди анкетированных было бы больше студентов мужского пола. Мужчины чаще высказывались за применение наказания, в том числе и физического. Разное значение имел также личный опыт анкетированных – телесные наказания в детстве. Лица обоих полов, которые в детстве получали «по попе», относительно чаще указывали на возможность использования физических наказаний в отношении к потомству в своих будущих семьях.

Если принять во внимание содержание студенческих точек зрения по вопросу наказания в аспекте пяти вышеизложенных областей человеческого существования, то наиболее подробно были рассмотрены вопросы, связанные с биолого-психологическими аспектами наказания и его восприятия.

Относительно меньше рассмотрены вопросы, связанные с общественным мнением, еще меньше с культурной оценкой наказания, больше всего игнорировались вопросы, связанные с духовной оценкой такого поведения. Упомянутые особенности высказываний участников опроса приведены в таблице 3.

Таблица 3 – Типы точек зрения о сущности наказания, часто встречающихся в анкетах

Наказание в теории и в реальной жизни	Сциентическая точка зрения	Гуманистическая точка зрения
Желаемый подход – нормативный	Неэффективно; ничему не научит; не дает ребенку понять ошибку; не рекомендуется авторами книг; родитель не будет авторитетом для ребёнка	Оставит в ребенке чувство обиды на всю жизнь; разрушит доверие к родителям; вызовет нечестность в семейных отношениях; приведет к жизненным комплексам
Реалистичный подход – описательный	Является выражением беспомощности родителей; применяется импульсивно, без контроля за своим поведением; вызывает в ребёнке агрессию; ребенок может перенести агрессию на других; ребенок может обратиться в бегство	В собранном материале анкетированных отсутствуют часто повторяемые точки зрения, относящиеся к этой категории

Студенты использовали различные взгляды при определении своей точки зрения на применение наказания в процессе воспитания, а также в будущем. Однако чаще и охотнее воспринимали истину, основанную на жизненном опыте, меньше воспринимали истину, связанную с реалистическим подходом.

Высказанные студентами точки зрения и аргументы были чаще всего односторонними (против наказания), а тон выводов напоминал идеологию. При этом большинство точек зрения имело технический характер, время от времени они относились к миру ценностей, а также к возможностям индивидуального развития молодых людей.

Заключение

Сегодня наказание в воспитании не является тенденцией, а становится преступлением. Отсутствие опоры на неизменные фундаментальные жизненные принципы и отказ от универсальных ценностей усиливает явление глобального старческого слабоумия. В итоге лишённые морального компаса взрослые полагаются на влечения и моду, начинают думать и говорить как дети. Появляется необходимость получать удовольствие на уровне влечений. Дети, в свою очередь, из-за нехватки моральных ценностей подвергаются давлению влечений, мимолетной красоте и диктату СМИ.

Обе стороны избегают трудностей и самопожертвований, ассоциируемых с наказанием, а наказания (особенно суровые) – со злом. С другой стороны, только трудности и самопожертвования дают возможность для настоящего созревания, если исходить из теории положительной дезинтеграции Казимежа Домбровского. В свою очередь, установка на примитивное влечение, без ориентации на высшие ценности, согласно Стефану Куновскому, приводит к власти первоначальные силы, существующие в каждом человеке [16, с. 210–212]. Это порождает агрессию или уход от действительности как в личном, так и в общественном плане.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Maslow, A. Motywacja i osobowość (Motivation and Personality w 1954) / A. Maslow. – Warszawa : PWN, 2006.
2. Dąbrowski, K. Dezintegracja pozytywna / K. Dąbrowski. – Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1979.
3. Muszyński, H. Zarys teorii wychowania / H. Muszyński. – Warszawa : PWN, 1976.
4. Czapów, Cz. Wychowanie resocjalizujące: elementy metodyki i diagnostyki / Cz. Czapów. – Warszawa : PWN, 1978.
5. Konarzewski, K. Podstawy teorii oddziaływań wychowawczych / K. Konarzewski. – Warszawa : PWN, 1987.
6. Łukaszewski, W. Czynniki decydujące o powodzeniu w wychowaniu / W. Łukaszewski // Społeczeństwo wychowujące. Rzeczywistość i perspektywy / B Suchodolski (red.). – Warszawa Wrocław : Ossolineum, 1983.
7. Śliwerski, B. Wyspy edukacyjnego oporu / B. Śliwerski. – Kraków : Wyd. Impuls, 1993.
8. Śliwerski, B. Edukacja pod prąd / B. Śliwerski. – Kraków : Wyd. Impuls, 2001.
9. Janowski, A. Uczeń w teatrze życia szkolnego / A. Janowski. – Warszawa : WsiP, 1989.
10. Nalaskowski, A. Nauczyciele z prowincji u progu reformy edukacji / A. Nalaskowski. – Toruń : Wyd Adam Marszałek, 1997.
11. Nalaskowski, A. Przestrzenie i miejsca szkoły / A. Nalaskowski. – Kraków : Wyd. Impuls, 2002.
12. Nalaskowski, A. Dzikość i zdziwienie jako kontekst edukacji / A. Nalaskowski. – Kraków : Wyd. Impuls (tłumaczenie na j. rosyjski i ukraiński w 2007) 2006.
13. Nalaskowski, A. Pedagogiczne złudzenia, zmyślenia, fikcje / A. Nalaskowski. – Kraków : Wyd. Impuls, 2009.
14. Pilch, T. Strategie ilościowe i jakościowe w badaniach pedagogicznych / T. Pilch., T. Bauman. – Warszawa : PWN, 2001.
15. Kunowski, S. Podstawy współczesnej pedagogiki / S. Kunowski – Łódź : Wydawnictwo Salezjańskie, 1981.

Gurnikevich J. The punishment of children: pros and cons. Thu port I. (The opinion of student of psychology-pedagogical faculty of Belostok's university)

Punishment is closely related to the history of mankind and since the dawn of human civilization is constantly present in our culture and science. Penalty and punishment were interpreted differently over the years: as a primitive revenge, a relief, an enforcement of customary law of revenge, or the manipulation in the name of a very different personal and social purposes. According to the scientific orientation of the social science punishment shall serve as an adjustment of human mental states and modeling of their social behaviors. Humanistic approach initiated half a century ago in the world according to which any kind of punishment reduces the chances of human personal development became an antithesis to the scientific approach. On the other hand, postmodernism has given punishment new aspects, taking away the other meanings. Reflection of the objective value of formally established penalties became more important than the validity of punishment's subjective vision in the human mind. Therefore, it is important not to take for granted the student's perception of punishment, as they will be responsible for punishment in educational institutions in the future. These students presented 101 essays on the merits of the application of penalties and possibility to punish their pupils or students in the future. Furthermore, their opinions on several, popular ways of discipline, including punishment that were suggested as educational manipulation were diagnosed. Original research material was obtained. Analysis of collected data allowed to determine the extent to which young people studying pedagogy continue to take the traditional approach on the nature and validity of punishment and to what extent they opt for the humanistic approach.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 16.04.2012

УДК 372.016:53

А.В. Демидчик

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕПОДАВАНИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ «ОСНОВЫ ЭНЕРГОСБЕРЕЖЕНИЯ»

В статье рассмотрена методика проведения лекционных и семинарских занятий по дисциплине «Основы энергосбережения», которая преподаётся практически на всех факультетах университета. Отдельно предложены рекомендации по ведению занятий для студентов естественнонаучного и гуманитарного профилей ввиду специфики их учебного процесса и выбранной специальности.

Закон РБ «Об энергосбережении» № 190-З от 15.07.1998 года (в редакции 31.12.2009 г. – далее Закон) предлагает помимо прочих следующие направления государственной политики в области энергосбережения (статья 5 Закона):

- создание и широкое распространение экологически чистых и безопасных энергетических технологий, обеспечение безопасного для населения состояния окружающей среды в процессе использования топливно-энергетических ресурсов;
- реализация демонстрационных проектов высокой энергетической эффективности;
- информационное обеспечение деятельности по энергосбережению и пропаганда передового отечественного и зарубежного опыта в этой области;
- обучение производственного персонала и населения методам экономии топлива и энергии;
- создание других экономических, информационных, организационных условий для реализации принципов энергосбережения.

Высшие, средние специальные и профессионально-технические учебные заведения, а также учреждения повышения квалификации и переподготовки кадров в программах по обучению и подготовке специалистов в области энергообеспечения должны предусматривать соответствующие курсы по энергосбережению (статья 16 Закона).

Информационное обеспечение деятельности по энергосбережению может быть осуществлено путём:

- 1) обсуждения республиканских и региональных программ энергосбережения;
- 2) координации работ по созданию демонстрационных проектов высокой энергетической эффективности;
- 3) создания на территории отдельных административно-территориальных единиц специальных энергоэффективных зон;
- 4) организации выставок энергоэффективных технологий и оборудования;
- 5) представления пользователям и производителям топливно-энергетических ресурсов информации по вопросам энергосбережения;
- 6) пропаганды эффективного использования топливно-энергетических ресурсов через средства массовой информации.

В рамках данного Закона дисциплина «Основы энергосбережения» или «Основы экологии и энергосбережения» (в зависимости от факультета) преподаётся практически на всех специальностях университета. Данный факт означает то, что предмет изучают как студенты естественнонаучного профиля, так и гуманитарии, поэтому методика преподавания дисциплины должна быть разной, но в тоже время иметь общее основание. Так, на физическом факультете на изучение данной дисциплины отводится 30 лекционных часов, 8 семинарских и как форма контроля знаний – экзамен, на математиче-

ском, філолагічным, псіхалогічна-педагагічным, геаграфічным факультэтах – 10 часоў лекцый і 8 часоў семінарскіх занятых (форма кантроля знаньняў – зачэў), на біялагічным факультэце – 18 лекцыйных часоў для днёвага абучэня і 4 часа – для заочнага (форма кантроля знаньняў – зачэў), на історычным – 14 часоў лекцый і 4 часа семінарскіх занятых для днёвага абучэня і 6 часоў лекцый для заочнага абучэня, у якасьце формы кантроля знаньняў – зачэў, на юрыдычным факультэце – 16 часоў лекцый і 14 часоў практычных занятых (форма кантроля знаньняў – зачэў).

Асноўная цяжкасьць у прэпадаваньні дысцыпліны – гэта не толькі слабая падрыхтоўка студэнтаў па прадметах эстэственнаауначнага цыкла, но і тое, што прадмет прэпадаецца на ўсіх факультэтах, акрамя біялагічнага (2 курс) і юрыдычнага (4 курс), на выпускном, пятом курсе, у апошнюю сэсію, што не можа не адкладываць свой адпечатак на працэс абучэня. Апыт паказывае, што студэнт, уідев у распісаньні названьне прадмета, палагае, што асноўная яго цэль – наўчыцца выключачь за сабой электрычэства, вуду і газ, а ўсё астальнае – нэнужная і непрактычная інфармацыя, каторой, к тому же, адводіцца так многа часоў на ізучэньне.

Начало любой акадэмічнай дысцыпліны прэдастаўляе сабой фармуліроўку ёй цэляў і задач, апрадэляньняў. Ужэ на гэтым этапе ўмэстна ввэстві міжпрадметныя сувязі ізучаемай дысцыпліны са спэцыяльнасьцю (ілі родствэннымі спэцыяльнасьцямі), на каторой прэпадаецца прадмет. Цэнтральнае паньняце здэсь – энэргія, ёй вуды, адннцы ізумэраьня. Ізучае дысцыпліну, нэобходзімо апэрыраваць знаньнямі, палучэннымі ў шкале на ўроках па фізыке, хіміі, біялагіі, геаграфіі і т.п.

Студэнтам эстэственнаауначных спэцыяльнасьцяў, у каторых фізыка прэпадаецца ў ВУЗе (фізычэскі, матэматычэскі, біялагічэскі, геаграфічэскі факультэты), цэлясаобразна напамніць фармулы для расчэўта разлнчных вудов энэргіі: мэханнчэ-

скай $(K = \frac{mv^2}{2}, P = mgh)$, электрычэскай $(Q = I^2 Rt)$, тэпловай

$(Q_{тэпл} = cm\Delta t, Q_{плав} = \lambda m, Q_{сгор} = qm)$ і т.д. Для студэнтаў-гуманітарыяў дастаточна аграьнічэцца перэчнслэньнем вудов энэргіі і фактараў, ад каторых можа завнсэть тот ілі нннй ёй вуд. Прнмэры:

1. Мэханнчэская энэргія – энэргія двнжэньня і взуаьмодэствія тэла. Падраздэляэцца на кннэтычэскую энэргія і пэтанцнальную. Двнжущэе тэла абладает запасам энэргіі (кннэтычэскай энэргіяй), каторый завнсэть ад масы тэла, скорастн ёго двнжэньня (прнмэр: двнжущнсья аўтамобнль і вэлаоснпед прн внэзапной астанавкэ нмэют разлнчныя тормаэзные пуьы; чэм большэ скорасть двнжэньня аўтамобнля, тэм сложнэе ёго астанавнть прн внэзапном паявлэньнн прэпятствія на дароге і т.п.). Тэла, пэднятое на некотараю вусоту над пэврхнасьцю зэмлі, абладает запасам энэргіі (пэтанцнальной энэргіяй), каторая завнсэть ад масы тэла і вусоты, на каторую ёго пэднялн (прнмэр: большэ масснвное тэла упадэть бнстрэе, чэм тэла мэнъшэй масы, еслн нх сброснть с адной вусоты; чэм большэ вусота пэдьёма, с каторой на зэмлю падаеь камень, тэм большнй вуд он можа нанэствн і т.п.). Студэнт, наवरное, вспомнят школьннй апыт па фізыке, нллюстрнрующнсья свободное падэньне – апыт с мэнзуркой, в каторой находнтья дрэбннка, кусочек дэрева і пэро.

2. Тэпловая энэргія – энэргія хаотнчэскаго двнжэньня атомаў і молекул. Апрадэляэцца массой тэла, нмэющэго запас энэргіі (прнмэр-аналогія: пэлносьцю запэлнаенная вудой каструля остываеь мэдленнэе, чэм наполовнну запэлнаенная і т.п.).

При изучении видов энергии, их классификации, возникает вопрос о переходе одного вида энергии (формы) в другой вид (форму). Целесообразно здесь вспомнить закон сохранения энергии, который универсален для физики, химии, биологии, и студенты, обучающиеся на данных специальностях, как правило, знакомы с ним. Студенты-гуманитарии испытывают затруднения, поэтому необходимо привести ряд примеров, которые наглядно будут демонстрировать переход энергии из одной формы в другую. Так, химическая энергия превращается в электрическую энергию в аккумуляторах, электрическая – в механическую в вентиляторах, электрическая – в тепловую в утюгах, нагревателях, электрическая – в световую в лампах освещения и т.д. и т.п.

Помимо формул для различных видов энергии не лишним будет ввести формулу для расчёта КПД, ибо этот коэффициент упоминается в изучаемой дисциплине довольно часто, например, при изучении традиционной и нетрадиционной энергетики (видов электростанций, характеристик технических агрегатов и промышленных установок):

$$\eta = \frac{A_{\text{полезн}}}{A_{\text{затрач}}} 100\% .$$

Изучение видов топлива начинается с их классификации по агрегатному состоянию. Вводится часто упоминаемое в специальной литературе понятие условного топлива. При изучении данного вопроса мало привести примеры каждого из видов топлива, необходимо указать, какой из видов топлива наиболее пригоден, например, для целей отопления. Естественнонаучному профилю уместно привести таблицу.

Таблица – характеристики разных видов топлива

Вид топлива	Удельная теплота сгорания топлива, МДж/кг
<i>Твёрдое топливо</i>	
Дрова сухие	8,3
Бурый уголь	9,3
Торф, древесные чурки	15
Каменный уголь	от 16 до 25
Древесный уголь	31
<i>Жидкое топливо</i>	
Спирт	27
Мазут	40
Дизельное горючее	42
Керосин	44
Бензин, нефть	46
<i>Газообразное топливо</i>	
Природный газ	35

Лекционный материал, посвящённый бытовому энергосбережению, энергосбережению в отопительный период, как правило, не вызывает у студентов особых трудностей, они сами готовы поделиться рекомендациями по экономному расходу электро- или тепловой энергии. На практических (семинарских) занятиях студенты выступают с подготовленными в домашних условиях рефератами, краткими сообщениями, которые они берут из СМИ (социальные, рекламные или агитационные ролики, циклы передач на телевидении), сети Интернет и других источников. Указанная информация воспроизводится не только вербально, но и с помощью мультимедийного проектора,

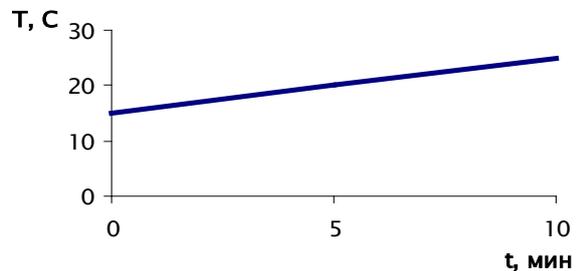

когда найденной информацией студент может поделиться со своими коллегами (реализация принципа наглядности).

Студентам физического факультета, помимо указанных выше форм работы на практических занятиях, будет полезно решение задач по энергосбережению, так как это позволит закрепить пройденный при изучении курса общей физики материал, относящийся к тому же к разным его разделам (механике, молекулярной физике, электричеству). Чтобы не упрощать задачи, не придумывать их, проведём анализ заданий, которые были представлены в различные годы на олимпиадах в нашей стране (олимпиадный уровень – уровень, требующий более высокой подготовленности учащихся и студентов, будущих школьных учителей). Этот факт будет ещё одним свидетельством актуальности выбранной для исследования тематики.

Районная олимпиада, г. Минск, 2006 год, 8 класс.

В котёл налили воду и включили нагреватель. Зависимость температуры воды от времени нагревания представлена на графике. Определить массу мазута, сжигаемого за каждую минуту, если КПД нагревателя 20%, объём воды в котле 1600 л, плотность воды 1 г/см^3 , удельная теплоёмкость $4,2 \text{ кДж/(кг град)}$, удельная теплота сгорания мазута 42 МДж/кг .

Школьная олимпиада, СШ № 51 г. Минска, 2007 год, 8 класс.

От электростанции к потребителю электроэнергия подаётся под напряжением 110 кВ, при этом потребитель получает мощность 800 кВт. Определить сопротивление линии электропередачи, если потери в ней составляют 2% передаваемой от электростанции мощности.

Районная олимпиада, г. Минск, 2007 год, 9 класс.

Электрический нагреватель представляет собой длинный провод круглого сечения в тонкой изоляции, свёрнутый в плоскую плотную спираль радиуса r с числом витков N . Определить полезную мощность нагревателя, если его КПД равен η , напряжение на клеммах источника – U , удельное сопротивление металла спирали – ρ .

Одно из заданий для 9 класса Республиканской физической олимпиады 2012 г. (3 этап) (авторы А.И. Слободянюк, А.А. Мищук, В.И. Анцулевич, Л.Г. Маркович; здесь задания приведены с некоторой корректировкой), посвящённое производству тепловой энергии, состояло из следующих задач:

1. Рассчитать, сколько тонн воды необходимо, чтобы нагреть её от температуры 20°C до температуры 90°C для производства всей тепловой энергии за год в нашей стране (36 млн. Гкал).

2. Сколько тонн нефти необходимо сжечь, что бы произвести это количество тепловой энергии? Считайте, что КПД нагревательной установки составляет 80%.

3. Допустим, что вся нагретая вода поставляется по трубам, причём средняя скорость течения воды в трубе составляет 10 м/с. Какую работу должны совершить насосы, чтобы разогнать всю нагретую в республике горячую воду до этой скорости? Вязким трением воды в трубах пренебрегайте.

4. Сколько нефти необходимо дополнительно сжечь, что обеспечить работу всех насосных станций? КПД насоса примите равным 40%.

5. Чему равна стоимость (в долларах США) всей этой нефти (и на нагрев воды, и на работу насосных станций)? Среднюю стоимость нефти примите равной 150 долларов/баррель.

6. Оценить площадь поперечного сечения всех труб теплотрасс, по которым горячая вода поставляется потребителю.

Анализ приведённой выше информации показывает, что дисциплина «Основы энергосбережения» актуальна в наше время – время, когда одни источники получения энергии устаревают морально и физически, истощаются, на смену им приходят другие, ещё мало изученные, но также истощаемые со временем, и лишь от человека зависит, с какой скоростью будет происходить это истощение и вред или пользу эти источники будут приносить. В названии статьи «Основы энергосбережения» названы академической дисциплиной, хотя те мероприятия, которые она «проповедует», скорее стиль и образ нашей жизни. Положения и тезисы, изучаемые дисциплиной, носят, конечно, рекомендательный характер: можно не знать определения энергии, в чём она измеряется, её виды, способы получения, передачи, использования и утилизации топливно-энергетических ресурсов, но это незнание порождает массу последствий экономического, экологического и природного характеров, с чем неотъемлемо связан человек.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об энергосбережении : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 1998 г., № 190-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2001. – № 2/718.
2. Самойлов, М.В. Основы энергосбережения : учеб. пособие / М.В. Самойлов, В.В. Паневчик, А.Н. Ковалев. – Минск : БГЭУ, 2002. – 198 с.
3. Северянин, В.С. Основы энергосбережения : курс лекций / В.С. Северянин, И.А. Черников, М.Г. Горбачева. – Брест : БрГТУ, 2003. – 54 с.
4. Кравчяня, Э.М. Охрана труда и основы энергосбережения : учеб. пособие для вузов / Э.М. Кравчяня, Р.Н. Козел, И.П. Свирид. – 2-е изд. – Минск : ТетраСистемс, 2005. – 288 с.
5. Регидовский, А.В. Энергосбережение в электроосвещении / А.В. Регидовский // Энергоэффективность. – 2005. – № 8. – С. 12–13.
6. Кембровский, Г.С. Олимпиады по физике (2006 год): 7–11 классы / Г.С. Кембровский, Л.Г. Маркович, А.И. Слободянюк. – Минск : Аверсэв, 2007. – 302 с.
7. Олимпиады по физике (2007 год): 7–11 классы / Г.С. Кембровский [и др.]. – Минск : Аверсэв, 2008. – 313 с.
8. Олимпиады по физике (2008 год): 7–11 классы / Г.С. Кембровский [и др.]. – Минск : Аверсэв, 2008. – 368 с.
9. Олимпиады по физике (2009 год): 8–11 классы / Г.С. Кембровский [и др.]. – Минск : Аверсэв, 2009. – 317 с.
10. Олимпиады по физике (2010 год): 7–11 классы / Г.С. Кембровский [и др.]. – Минск : Аверсэв, 2011. – 416 с.
11. Гладкова, Р.А. Сборник задач и вопросов по физике : учеб. пособие / Р.А. Гладкова, Н.И. Кутыловская. – М. : Высшая школа, 1986. – 320 с.

Demidchik A.V. Some Aspects of the Teaching of Academic Subjects «Fundamentals of Energy-saving»

In this article the technique of lectures and seminars on the subject «Fundamentals of energy-saving» which is taught in almost all faculties. Separately, the recommendations for conducting classes for students of science and humanities profiles due to the nature of their learning process and the chosen speciality.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 19.03.2012

УДК 94(476) «1941/1944»: 619

Е.А. Гребень

ВЕТЕРИНАРНАЯ СЛУЖБА В БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ

В статье на основе ранее значительного массива архивных документов рассматривается такой фактически не изученный аспект экономической политики нацистов в Беларуси как система ветеринарии. Отмечается, что нарушение функционирования довоенных ветеринарных структур, высокая стоимость ветеринарных услуг, хаотичное передвижение домашнего скота вследствие принудительных миграций населения на оккупированной территории приводило к резкому увеличению эпизоотических заболеваний по сравнению с довоенным временем, что сокращало поголовье скота и усложняло суровую оккупационную действительность. Реконструирован механизм функционирования ветеринарных структур в составе органов коллаборационной администрации, на конкретных примерах охарактеризованы меры по борьбе с эпизоотией, показаны масштабы заболеваний скота в период оккупации. Констатируется, что вынужденное внимание немецкой оккупационной к ветеринарным мероприятиям явилось следствием резкого падения поголовья скота на оккупированной территории.

Введение

Нацистский оккупационный режим на территории Беларуси достаточно подробно разработан в отечественной историографии. В то же время колоссальная база источников позволяет более детально исследовать различные аспекты немецкой оккупационной политики. Целью статьи является реконструкция ветеринарной системы периода нацистской оккупации и оценка эффективности ее функционирования.

Нарушение работы довоенных ветеринарных структур, высокая стоимость ветеринарных услуг, хаотичное передвижение домашнего скота вследствие принудительных миграций населения на оккупированной территории приводило к росту эпизоотических заболеваний, что сокращало поголовье скота и еще более усложняло и без того суровую оккупационную действительность.

Формирование ветеринарных структур

Уже осенью 1941 г. в составе коллаборационной администрации были созданы подразделения ветеринарных служб. Документы коллаборационной администрации дают представление о функционировании ветеринарных структур. Например, в Могилеве до весны 1942 г. городской ветеринарный отдел отсутствовал, ветеринарной помощью занимался земельный отдел, в штате которого состоял городской ветеринарно-санитарный врач. С 1.04.1942 г. в составе городского управления был создан ветеринарный отдел как отдельная административная единица со штатом 4 чел.: начальник отдела – ветврач, ветеринарный фельдшер, секретарь-счетовод, кучер-конюх. В подчинении отдела находились две бойни, на которых работало 2 ветврача (они же заведующие боен), 2 убойщика скота и 2 сторожа. Отдел выполнял функции, практически аналогичные довоенным, с той разницей, что в его подчинении не было уже лечебного учреждения как в довоенные годы, ветлечебница подчинялась ветеринарному отделу Могилевской районной управы. Отделу подчинялись две скотобойни со штатом ветврач, забойщик скота и сторож в каждой. Ветеринарный отдел выполнял такие же функции, что и до войны, с той лишь разницей, что городская ветлечебница находилась в ведении районного ветеринарного отдела; специальные мясоконтрольные станции отсутствовали, и осмотр мяса производился на бойнях. В функции отдела входил учет и оборудование кузниц

в городе, проведение туберкулизации, борьба с эпизоотией ящура путем карантина, дезинфекции, лечения и вакцинации, периодическая проверка состояния пригородных хозяйств, гужевого транспорта, заготовительных и мясных складов, столовых. Работа ветеринарного отдела курировалась ветеринарным отделом фельдкомендатуры [1, л. 48].

С момента организации первыми мероприятиями ветотдела были: учет всех кузниц и их оборудования; проведена проверка на туберкулез всего крупного рогатого скота в городе путем туберкулезаии; борьба с эпизоотией ящура путем введения карантина, лечения заболевших животных, дезинфекции помещений. Работники ветотдела периодически проводили проверку ветеринарного состояния пригородных хозяйств, гужевого транспорта, складов Заготскот, шерсти и пушнины, мясных складов и столовых городского управления. Все мероприятия проводились в контакте и под наблюдением ветеринарного отдела Полевой и местной комендатур [1, с. 48].

Лепельский район обслуживала ветеринарная лечебница в Лепеле и 7 ветеринарных пунктов в местечках Камень, Пышно, деревнях Несино, Ляховичи, Волосовичи, Свяда, Воронь. В 1942 г. в районе фиксировались такие заболевания скота, как рожа свиней (Лепель, Лепельская, Каменская и Полянская волости), чесотка лошадей (Несинская, Каменская, Пышнянская, Лепельская, Стайская волости), энцефало-миелит лошадей (Волосовичская волость), чума свиней (Полянская волость) и чесотка овец (Сушанская волость) [2, с. 136–137].

Многие граждане не могли обращаться в ветеринарные службы из-за высокой стоимости услуг. В качестве иллюстрации можно привести расценки на ветеринарные услуги в Гомельском округе, утвержденные на период с 1.09.1941 г. по 1.01.1942 г. Первичный прием ветеринаром крупного рогатого скота и лошадей стоил 15 руб., повторный – 5 руб., мелкого рогатого скота и свиней – 10 и 2 руб. соответственно, птиц и кроликов – 3 и 1 руб., собак и кошек – 10 и 2 руб.; вызов на дом ветеринара к животным всех видов стоил 30 руб., экспертиза на предмет определения трудоспособности – 25 руб. (на дому – 50 руб.); кастрация – 10–30 руб. (на дому – 15–50 руб.); туберкулизация и маллеинизация – 5 руб. [3, с. 92]. 3.01.1944 г. было издано распоряжение начальника Борисовского округа о порядке взимания сборов с населения за ветеринарную помощь. Частная ветеринарная практика временно воспрещалась, оплата ветперсонала производилась по установленным окладам с возможностью компенсации дополнительного вознаграждения в случае лечения животного вне места жительства ветеринарного работника (10 руб. за каждые 3 км.), при оказании помощи во время действия комендантского часа и ночное время (от 50 до 100% от установленных сборов). Амбулаторное лечение в лечебнице или фельдшерском пункте мелких животных составляло 10 руб., крупных животных 20 руб.; стационарное лечение крупных и мелких животных стоило 10 руб., причем питание предоставлял владелец животного; исследования во время беременности – 20–40 руб., помощь при родах мелким животным – 30–60 руб., крупным – 60–150 руб.; кастрация и прочие хирургические действия оценивались в 10–200 руб. в зависимости от возраста и размера животного; лечение ран стоило 15 руб., лечение внутренних заболеваний – 10–50 руб.; уничтожение паразитов в газовой камере – 25–40 руб., инъекции и вакцинация – 10–30 руб.; обследование убитого скота – 15–30 руб.; выдача ветеринарного свидетельства – 5 руб.; выдача свидетельства о состоянии здоровья животного для судебных целей или подтверждения временной нетрудоспособности – 50 руб. [4, с. 1–2].

К концу оккупации вследствие возрастающей важности сохранения конского поголовья, которое катастрофически сокращалось, могла практиковаться бесплатная по-

мощь владельцам лошадей. Приказом начальника Березинского окружного управления от 21.04.1944 г. в целях борьбы с эпизоотией чесотки отменялась оплата за лечение лошадей в газокамерах. Как и прежде владельцы лошадей были обязаны приводить животных на лечение; за уклонение от лечения или нарушение установленного курса лечения полагался штраф до 2 000 руб. с возможной заменой его принудительными работами сроком на месяц [5, с. 26].

Профилактика

Ветеринарные подразделения коллаборационной администрации постоянно осуществляли мониторинг эпизоотической ситуации и проводили профилактические мероприятия. Вспышки эпизоотии фиксировались уже осенью 1941 г. В декабре 1941 г. в Браславском районе наблюдалась чесотка коней. Крестьянам рекомендовалось обращаться за ветеринарной помощью (платной), заболевшие кони могли использоваться только на территории своего хозяйства (карантинная мера) во избежание дальнейшего распространения инфекции. Районный ветеринарный врач сообщил всем ветеринарным пунктам разработанный проф. Демьяновичем способ (характеризуется как простой и эффективный) лечения чесотки у лошадей: в остриженную и вымытую мылом кожу животного рекомендовалось втирать 60% раствор гипосульфита (серноватисто-кислого натрия), после высыхания кожи через 3–3,5 часа водный раствор соляной кислоты, повторяя процедуру дважды в день, после чего лошади давался 2–3-дневный отдых и усиленное питание. В случае тяжелого заболевания процедура повторялась [6, с. 18].

Для предотвращения эпидемий проводился обязательный осмотр скота. На основании приказа Могилевского городского управления № 66 от 2.10.1941 г. предписывалось провести поголовное обследование крупного рогатого скота на бруцеллез по реакции Райта в срок с 27.10 по 29.10.1941 г. 27.10 планировалось обследование скота, владельцы которого проживали в поселке и станции Луполово, поселке Броды, Авторемонтного завода и торфозавода Гребенево, 29.10 – граждане, проживавшие в остальной части города. За взятие пробы и исследование в Облветлаборатории взималась плата 10 руб. за голову, за уклонение от доставки скота предусматривался штраф в размере 50 руб. и принудительная доставка скота полицией на осмотр [7, с. 98А]. Начальник Клецкой районной управы предписывал волостным бургомистрам организовать 3.05.1943 г. прививки против рожи свиней старше двух месяцев и присутствовать при вакцинации. Устанавливалась плата за прививку: для государственного ветеринарного фельдшера – 0,2 марки за голову скота, для ветврача – 0,3 марки, для частнопрактикующих ветфельдшера и ветврача – 0,3 и 0,4 марки соответственно [8, с. 126]. Оршанское районное земельное управление 4.05.1943 г. поручило бургомистру Орши обеспечить доставку поголовья коз для осмотра к 9.00 11.05.1943 г. на площадь возле бывшего кинотеатра [9, с. 203].

В рамках профилактических мероприятий проводилась маллеинизация скота (метод диагностического обследования животных на заболевание сапом). На основании приказа № 5 от 1.06.1943 г. по Осиповичскому окружному управлению предписывалось провести ряд мероприятий в целях предохранения домашних животных от заразных заболеваний: провести дезинфекцию в подозрительных хозяйствах; провести 100-процентную туберкулизацию крупного рогатого скота (с оплатой по 20 руб. за голову); с целью предотвращения распространения заболевания сапом (поскольку лошади поступали в округ из разных мест) провести маллеинизацию всех лошадей (с оплатой по 25 руб. за голову) начиная с двухлетнего возраста. Ответственность возлагалась

на начальников районов и волостей, которые также должны были обеспечить лошадей сеном на одни сутки. Владельцы должны были иметь при себе документы на лошадь, в которых ставилась отметка о маллеинизации. За уклонение от процедуры или отсутствие отметки высказывалась угроза конфискации лошади [10, с. 23]. Данное мероприятие в округе проводилось ежегодно. С 10.03 по 21.03.1944 г. в Осиповичской райветлечебнице планировалось провести маллеинизацию конского поголовья из 9 волостей Осиповичского района и г. Осиповичи [11, с. 196].

Приказом по Глусской городской управе от 26.05.1943 г. жителям г. Глусска предписывалось 29.05.1943 г. к 7.00 привести в городскую ветлечебницу лошадей для проверки (выявление чесотки и т.д.). В случае опоздания владельца лошадь задерживалась на двое суток, а за уклонение от осмотра грозил штраф 1 000 руб. или 3-месячное заключение в трудовом лагере. Аналогичный приказ ранее издала и Глусская районная управа [12, с. 154, 183]. В марте 1943 г. аналогичные мероприятия по инициативе сельскохозяйственной комендатуры проводились на территории Клецкого района. Коневладельцы были обязаны с 4.03 до 23.03.1943 г. привести в Клецк лошадей для осмотра, имея при себе свидетельство об осмотре за 1942 г. [13, с. 16].

Рейхскомиссар Украины в своем циркуляре генеральным комиссарам от 5.03.1942 г. требовал принять меры по борьбе с болезнями овец (парши и др.), поскольку в будущем регион предназначался для разведения овец, для чего планировалось привезти из Германии необходимые средства. В приложении пересылались инструкции на русском языке относительно борьбы с паршой, в которых регламентировался производить обследования поголовья (отмечалось, что в реальности заболеваний значительно больше, нежели указывается в статистических отчетах), организовывать стационарные и переносные купальни для овец [14, с. 28].

Несмотря на профилактические мероприятия эпизоотическая обстановка в годы оккупации оставалась сложной, что признавали местные власти различных территориально-административных единиц. В отчете о деятельности Осиповичского окружного управления за ноябрь 1943 г. отмечался рост заболеваний домашних животных, в первую очередь, заболеваний органов пищеварения, причиной чему, по мнению администрации служило неправильное питание и дефицит кормов, а также небрежное обращение с животными [15, с. 51]. В аналогичном отчете об эпизоотической ситуации в Пинском Западном районе за 1-ый квартал 1943 г. отмечалось заболевание лошадей лимфогонитом, случаи свиной чумы в двух населенных пунктах (часть свиней пала или была зарезана). В районе работал следующий ветеринарный персонал: ветврач, заведующий районной ветлечебницей в Жабчицах, ветфельдшер, санитар-дезинфектор. За 1-ый квартал 1943 г. было осмотрено 216 животных (102 лошади, 68 голов крупного рогатого скота, 41 свинья, 5 животных других видов), за предоставление ветеринарных услуг было получено 1 589,5 карбованцев: 498,5 за медикаменты и 1091 за осмотр и консультацию. Ветперсонал провел 90 служебных выездов. Состояние скотомогильника оценивалось как удовлетворительное [16, с. 5–5 об.].

В докладной записке начальника Холопеничского района Березинскому окружному управлению и Холопеничской ортскомендатуре от 17.02.1944 г. констатировалось, что после проверки конского поголовья был установлен рост чесотки на 243 головы вместо имевшихся ранее 400 заболевших лошадей, что объяснялось прибытием на территории, подконтрольные оккупационным властям, лошадей из партизанских зон (очевидно, как результат проведенной карательной операции). В районе функционировало 3 противочесоточные газокамеры. За прошедший месяц в районе были зафиксиро-

ваны 3 случая заболеваний свиней чумой, 1 случай заболевания бациллярной рожей и 2 случая пироплазмоза у крупного рогатого скота, причем констатировалось, что препаратов, необходимых для лечения данных заболеваний, не имелось. На фоне неблагополучной эпизоотической ситуации районная управа ходатайствовала перед фельдкомендатурой о выделении значительного количества медикаментов, биопрепаратов и инструментов [17, с. 56].

Аналогичную ситуацию констатировала и Бобруйская городская управа. В распоряжении бургомистра Бобруйска от 13.01.1944 г. «О борьбе с чесоткой лошадей» отмечалось значительное увеличение количества лошадей, пораженных чесоткой, причем, по данным городской администрации, их владельцы не только не подвергали их лечению, но и использовали на работах вместе со здоровыми лошадьми, распространяя болезнь. Бургомистр предупреждал владельцев лошадей о наказании в случае обнаружения ветнадзором чесоточных лошадей и обязывал в течение 24 часов подать заявление о болезни животного в домоуправление. Домоуправлениям вменялось в обязанность составить списки больных лошадей, передав копию городскому ветврачу; на воротах дворов, в которых имелись чесоточные лошади, необходимо было вывешивать объявление на немецком и русском языках [18, с. 23].

С осени 1941 г. и на протяжении всего периода оккупации неоднократно издавались распоряжения относительно содержания собак. В целях профилактики борьбы с бешенством их владельцам предписывалось держать всех собак (а в некоторых случаях и котов!) на привязи. Полиции приказывалось отстреливать свободно бегущих животных. Немедленному уничтожению подлежали также животные, больные бешенством и с подозрением на заболевание бешенством, трупы животных следовало глубоко закапывать. Исключение составляли служебные и охотничьи собаки и сельскохозяйственные животные, которые ввиду своей ценности могли быть подвергнуты предохранительным прививкам и 6-месячному ветеринарному наблюдению [19, с. 74; 20, с. 350].

Наличие животных, больных бешенством, в ряде случаев наносило урон людям и домашним животным. В административной переписке коллаборационной администрации фиксировались случаи укусов бешеными собаками домашнего скота, который приходилось забивать [21, с. 9]. Могилевский бургомистр 6.09.1943 г. предписал начальнику уголовно-розыскной полиции немедленно изъять у двух граждан теленка и свинью, покусанных бешеной собакой, и доставить их на бойню; городскому ветврачу произвести осмотр мяса [22].

Был регламентирован порядок отлова бродячих животных. В распоряжении Слонимской городской управы от 29.09.1942 г. отмечалось, что специально назначенный городской собаколов обязан производить отлов собак ежедневно с 7.00 до 9.00 и с 18.00 до 19.00. Пойманную собаку надлежало держать двое суток, после чего она уничтожалась. Если владелец желал забрать животное, он уплачивал 2 марки собаколову. Шкуры и жир убитых животных поступали в распоряжение городской управы [23, с. 55]. Полевая комендатура в письме к бургомистру Могилева 5.01.1942 г. отмечала, что изданный им ранее приказ о борьбе с бешенством и уничтожении всех бродячих собак не выполняется. Главе городской администрации предлагалось назначить специального ловца собак (как это практиковалось до войны) с оплатой 1 марка за каждую пойманную собаку. Шкуры убитых собак с целью контроля надлежало сдавать в комендатуру [24, с. 21].

Коллаборационная администрация предпринимала попытки взять на ветеринарный контроль систему общественного питания и торговли. На основании приказа № 104 по Лепельскому окружному управлению от 16.11.1943 г. в целях контроля за выпускае-

мыми и продаваемыми продуктами питания предписывалось установить ветеринарно-санитарный надзор за скотобойней, складами мясной продукции, столовыми и рынками округа. Районные ветеринарные лечебницы были обязаны осматривать и клеймить мясо, идущее на продажу. Надзор осуществляли районные ветврачи, а в г. Лепеле окружной ветврач, который совместно с полицией осуществлял общий контроль за выполнением приказа [25, с. 174–174об]. Практика ветеринарного осмотра продаваемого на рынках мяса вводилась повсеместно, но не всегда давала эффект. Например, санитарный врач Бобруйска в марте 1944 г. жаловался городскому ветеринарному врачу на частое отсутствие сотрудника в ветлаборатории, которого продавцы не могут застать на месте [26, с. 69].

Обязательному ветеринарному осмотру подлежал павший скот. Ветеринар или глава местной администрации, составляли специальный акт. Староста дер. Нивки Тереховского района 13.05.1943 г. составил акт в том, что принадлежавшая жителю этой деревни кобыла трех лет пала по причине воспаления кишечника [27, с. 13]. Брестская городская ветеринарная лечебница 5.11.1942 г. выдала гражданину справку о том, что принадлежавший ему конь 22 лет пал в результате хронической болезни (катар желудка и кишечника) [28, с. 4]. В акте ветврача Березинского района от 26.07.1942 г. отмечалось, что переданная районной Заготбазе корова заболела злокачественной катаральной горячкой тяжелой формы. Предписывалось безотлагательно произвести убой животного, а мясо использовать в пищу только после предварительного ветеринарно-санитарного осмотра [29, с. 117–117об].

Оккупационные власти пытались рационально использовать павших животных. Согласно приказу Барановичского гебитскомиссара, опубликованном в Листке правительственных объявлений комиссара Барановичского округа от 28.12.1941 г. предписывалось все трупы павших коней после ветеринарного осмотра доставлять на лисью ферму в Новой Мыши в качестве корма для разводимых там лис. Самостоятельное захоронение трупов павших животных не разрешалось [30, с. 1]. Аналогичная практика существовала в рейхскомиссариате «Украина». На основании распоряжения начальника Лунинецкого района Пинского округа от 22.01.1944 г. местному населению предписывалось сдавать павший в результате инфекционных заболеваний скот на салотопку, а шкуры животных после освидетельствования ветеринара сдавать в Заготконтору. Животных, павших от острых инфекционных заболеваний, надлежало сжигать в поле, немедленно сообщая о факте болезни местной администрации [31, с. 2].

Поскольку владельцы лошадей были обязаны исполнять гужевую повинность, в случае болезни лошади граждане обращались к ветврачу за получением свидетельства, в котором указывался срок освобождения от работы. Так, житель Клецкого района 13.05.1943 г. получил свидетельство районного ветврача о болезни лошади с освобождением от тяжелых работ до 1.12.1943 г. [32, с. 40]. 29.09.1942 г. жителю Пинского района старшим ветеринаром района была выдана справка в том, что принадлежавшая ему кобыла больна воспалением слизистой оболочки, на основании чего лошадь освобождается от работы на три дня [33, с. 9].

Карантинные мероприятия

На основании распоряжения Пинского гебитскомиссара в 1942 г. по причине распространения ящура был введен карантин в Лунинецком районе. До полной ликвидации эпизоотии предусматривались следующие ветеринарные мероприятия: запрещался перегон скота за пределы района и выпас его на пастбищах вне района, убой скота без надзора ветперсонала, поставка молока больных коров на маслозаводы, вывоз

из района поставка государству мяса и фуража. Молоко для нужд населения предписывалось употреблять только в переработанном виде, на въездных дорогах устанавливались таблички на украинском языке с информацией об эпидемии, организовывалось дежурство сторожей, в охваченных эпизоотией хозяйствах проводилась дезинфекция едким натром [14, с. 103].

После введения карантина составлялся специальный акт. 10.12.1942 г. ветврач Лемешевского ветпункта Пинского района ввел карантин в госимении Бижеревичи по причине падежа свиней от рожи. К моменту составления акта (29.12.1942 г.) после поголовной термометризации и осмотра оставшегося поголовья констатировалось, что животные здоровы, карантинные мероприятия сняты. В процессе карантинных мероприятий был вывезен и сожжен навоз, проведена дезинфекция [14, с. 100].

В Ленинском районе Пинского округа в 1942 г. был определен порядок действий на случай вспышки эпизоотии. Владелец заболевших животных был обязан сообщить об этом старосте деревни или напрямую ветеринару. Староста пересылал заявление в волостную управу и обеспечивал до прибытия ветврача изоляцию заболевших животных, перевод здоровых животных в другое помещение. Запрещалось выводить скот из данного хозяйства на пастбище и приводить сюда скот из других хозяйств, входить сюда посторонним лицам. Труп павших животных необходимо было сохранять до прибытия ветврача, запрещалось снимать шкуру [34, с. 1]. Иллюстрацией функционирования карантинных мероприятий служит вспышка эпизоотии в дер. Запросье Микашевичской волости Ленинского района в июне 1942 г. В Запросье в двух хуторских хозяйствах скот заболел ящуром. Заведующий ветеринарным фельдшерским участком оповестил Микашевичское волостное управление о случившемся и предложил принять следующие меры: изолировать больных животных, здоровый скот из этих хозяйств не выпасать на общинном пастбище, а пасти около домов, не допускать сюда скот с соседних хуторов, прекратить сдачу молока из этих хозяйств, воспрепятствовать жителям зараженных хуторов выходить за пределы хозяйств, а также запретить посещение Запросья населению из-за Припяти, поскольку, по его мнению, эпизоотия перекинулась с территории Столинского района [34, с. 9].

Карантинные мероприятия могли охватывать как целые районы, потерпевшие от эпизоотии, так и отдельные деревни или дворы. Согласно приказу Могилевского городского управления от 20.02.1942 г. в целях предотвращения распространения ящура дворы двух жителей были подвергнуты карантину. Карантинные мероприятия предусматривали ограничение доступа во дворы посторонних лиц и животных, восприимчивых к эпидемии. Граждане, ухаживающие за животными, должны были иметь отдельные галоши и халат, обязательно дезинфицировать руки и обувь. Дезинфекционные средства размещались при входе во двор и в помещения, в которых находился больной скот. Молодняк предписывалось изолировать от остального скота. Молоко и сливки, полученные от зараженных животных, разрешалось использовать только внутри хозяйства в пищу людям и скоту только после обработки (кипячение или подогрев до 80 °С в течение 30 мин.). Хозяева зараженных животных получали предписания, как заботиться о них. Больных животных ежедневно было необходимо обеспечивать чистой подстилкой, достаточным количеством чистой воды и специальным питанием (болтушка из отрубей и сена). Скотный двор, загоны и предметы ухода ежедневно необходимо было очищать и раз в три дня дезинфицировать двухпроцентным раствором едкого натрия, поилки и кормушки обрабатывались трех-пятипроцентным раствором бельевой соды; дезинфекционные средства выдавала ветлаборатория [20, с. 88]. Согласно распо-

ряжению Могилевского бургомистра 26.05.1942 г. начальнику городской полиции предписывалось установить два заградительных поста (по направлению Луполово и на стыке Гомельского и Оршанского шоссе) с целью избежать проникновения в город животных, больных ящуром [35, с. 290].

Заклучение

Вынужденное внимание немецкой оккупационной и местной вспомогательной администрации к ветеринарным мероприятиям явилось следствием резкого падения поголовья скота на оккупированной территории Беларуси. Испытывая острый дефицит гужевого транспорта и заинтересованные в регулярных поставках мяса для нужд вермахта, оккупационные власти пытались минимизировать урон для постоянно сокращающегося поголовья скота, страдавшего от эпидемических заболеваний. Тем не менее оккупационные власти не смогли взять ситуацию под контроль. Сокращение поголовья скота вследствие эпизоотии еще более осложняло возможность выживания гражданского населения в тяжелейших условиях оккупационной повседневности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Могилевской области (ГАМО). – Фонд 259. – Оп. 1. – Д. 23.
2. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Фонд 2088. – Оп. 2. – Д. 2.
3. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Фонд 1318. – Оп. 1. – Д. 1.
4. ГАВО. – Фонд 2074. – Оп. 2. – Д. 178.
5. ГАМО. – Фонд 260. – Оп. 1. – Д. 163.
6. ГАВО. – Фонд 2848. – Оп. 1. – Д. 9.
7. ГАМО. – Фонд 260. – Оп. 1. – Д. 15.
8. Государственный архив Минской области (ГАМинО). – Фонд 1566. – Оп. 1. – Д. 5.
9. ГАВО. – Фонд 2074. – Оп. 2. – Д. 51.
10. ГАМинО. – Фонд 1604. – Оп. 2. – Д. 3.
11. ГАМО. – Фонд 845. – Оп. 1. – Д. 9.
12. ГАМинО. – Фонд 1613. – Оп. 1. – Д. 7.
13. ГАМинО. – Фонд 1538. – Оп. 1. – Д. 69.
14. Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Фонд 2734. – Оп. 1. – Д. 17.
15. ГАМО. – Фонд 847. – Оп. 2. – Д. 1.
16. ГАБО. – Фонд 2735. – Оп. 1. – Д. 74.
17. ГАМинО. – Фонд 1039. – Оп. 1. – Д. 49.
18. ГАМО. – Фонд 858. – Оп. 1. – Д. 20.
19. ГАВО. – Фонд 2134. – Оп. 1. – Д. 8.
20. ГАМО. – Фонд 260. – Оп. 1. – Д. 156.
21. ГАГО. – Фонд 1336. – Оп. 1. – Д. 4.
22. ГАМО. – Фонд 259. – Оп. 1. – Д. 26.
23. Государственный архив Гродненской области (ГАГрО). – Фонд 660. – Оп. 1. – Д. 2.
24. ГАМО. – Фонд 259. – Оп. 1. – Д. 22.
25. ГАВО. – Фонд 2088. – Оп. 2. – Д. 1.
26. ГАМО. – Фонд 858. – Оп. 3. – Д. 4.

27. ГАГО. – Фонд 1336. – Оп. 1. – Д. 22.
28. ГАБО. – Фонд 192. – Оп. 1. – Д. 32.
29. ГАМино. – Фонд 1039. – Оп. 1. – Д. 225.
30. ГАБО. – Фонд 684. – Оп. 1. – Д. 4.
31. ГАБО. – Фонд 2149. – Оп. 1. – Д. 43.
32. ГАМино. – Фонд 1540. – Оп. 1. – Д. 48.
33. ГАБО. – Фонд 2734. – Оп. 1. – Д. 19.
34. ГАБО. – Фонд 2733. – Оп. 1. – Д. 49.
35. ГАМО. – Фонд 259. – Оп. 1. – Д. 20.

Greben E.A. Veterinary Service in Belarus During the Nazi Occupation

On the basis of a great amount of archival documents it is examined such unexplored aspect of Nazi economical policy in Belarus as veterinary service in the article. It is pointed out the breaking of prewar veterinary structures functioning, high cost of veterinary services, chaotic movement of domestic animals after forced migration of population on the occupied territory increased epizootic diseases dramatically in comparison with the prewar situation. This fact decreased flocks of livestock and made severe occupation more difficult. The mechanism of veterinary structures functioning of the occupation authorities is reconstructed. Measures against epizooty are characterized on the concrete examples. It is stated that forced attention of German occupation authorities is a result of the dramatic decline of livestock on the occupied territory.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 21.09.2012

УДК 271.2(470+571)-9(075.8)

М.С. Корзун

О НЕОБХОДИМОСТИ ДИАЛОГА МЕЖДУ ХРИСТИАНСКИМИ ЦЕРКВАМИ В СВЕТЕ «ОСНОВ СОЦИАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ РПЦ»

Цель тезисов – показать нарушение просвещенческой и миролюбивой заповедей Христа христианами партиями и правительствами, архиерейскими центрами христианских церквей, допустившими внутрицерковный, межцерковные разделения и расколы. Ряд исследователей, характеризуя это, даже не пытаются обращаться к Новому завету в качестве критерия христианской истины, отождествляют сложившиеся теологии христианских церквей с их использованием в политических целях, не замечают верности большинства мирян своим религиозным убеждениям в переписных листах населения СССР 1937 года, включая нехристианские.

Просвещенческая заповедь выражена в Евангелии: «Идите и научите все народы, крестя их во имя Отца, Сына и Святаго Духа»; миролюбивая запрещает применять меч даже в защиту Иисуса – «возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечем погибнут» [Мф. 28, 19, с. 1053; 26, 52, с. 1 049].

Способ показать нарушение и составляющие любой современной ветви христианства сформулировал апостол Павел, кратко раскрыв содержание веры для говорящих на незнакомом языке: «Итак, что же, братия? Когда вы сходитесь, и у каждого из вас есть псалом, есть поучение, есть язык, есть откровение, есть истолкование (*hermeneian*, в переводе на латинский – *interpretationem*)» [Кор. I, 14, с. 1 258]. Это определение проливает свет на новозаветно-философское определение веры, данное Павлом в Послании к евреям: «Вера же (*pistis*) есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» [12, с. 1 320]. Неупоминание Бога в этом кратком определении позволяет трактовать *pistis* и в светском смысле. Теологическое же содержание её раскрывается во всей главе. Теологический смысл имеет вставка в текст эпизода об обращении ангела к богородице: «Радуйся, Благодатная! Господь с тобою: благословенна Ты между женами» [Лк. 1, 28, с. 1 082]. В основном тексте на древнегреческом языке штуттгартского издания 1937 года отсутствует фраза «Благословенна ты между женами». В латинский и русский переводы она введена из другого списка. Она есть в примечании. Толкование её – обязанность богословов-источниковедов.

Перевод любого религиозного положения в социальную сферу – интерес и светских исследователей. В начале 2011 года от рождения Христа актуальность идеи запрета им войн возросла настолько, насколько древние мечи уступают по силе разрушения атомным бомбами США. В 2005 г. на Свято-Михайловских чтениях Минской епархии БПЦ руководительница православной видеостудии Москвы Е.Ю. Козенкова сформулировала определение информационной войны за Россию: «Это комплекс информационных операций, которые воздействуют на систему государственную, на руководство, что уже в мирное время приводило бы к тем решениям, которые хочет видеть противодействующая сторона» [5, с. 160]. Примерами такой войны Козенкова считает события в Югославии, Грузии, Украине. Мировоззренческие оппоненты современных православных мирян России во главе с руководителем фракции КПРФ Госдумы РФ Г.А. Зюгановым и их единомышленники назвали свой круглый стол «Русская, советская культура как объект духовной войны». Г.А. Зюганов определил основную причину этой войны в сфере образования и культуры: уменьшение финансирования, вызванного тем, что российский валовой продукт в 10 раз уменьшился по сравнению с американским.

В результате 1 сентября 2 миллиона детей не пошли в школу из 140 миллионов оставшегося в России населения.

Автор двухтомного сочинения «Советская цивилизация» С.Г. Кара-Мурза предложил оппозиции «вернуть в лоно нашей культуры» тех, кто отшатнулся от разрушения СССР, работать, как ранние христиане, триста лет в катакомбах. Они «потом вышли, и, можно сказать, завладели миром» [6]. Участник «круглого стола» С.А. Небольсин, предложил идею возрождения всемирного движения за мир между народами: «В советское время Россия совершила самое православное дело изо всех, какие были совершены в мире и в нашей собственной истории, – Победу в величайшей войне, где кровь миллионов была отдана за други своя» [6, с. 4–5]. Очевидна попытка участников современного коммунистического движения России вести диалог с мировоззренческими оппонентами. Они не обсуждают 13-й пункт программы РКП (б) о допущении в партию верующих, если они работают «в пользу революции». Однако Небольсин забыл оценить вклад в Победу православных граждан Беларуси, Украины, Грузии и приверженцев других религий. Кровь миллионов принадлежала тем православным и исповедующим другие религии, которые в 1937 году, в разгар несправедливых сталинских репрессий на впервые поставленный вопрос в Российской Империи и Советском Союзе в переписном листе открыто записались, приверженцами каких религий они являются. По данным «Словаря религий» в СССР, религий, их ветвей, толков, общин и прочих единиц насчитывалось 470. Записали себя православными 41 621 572 старше шестнадцати лет. Они вместе с неучтёнными до 16 лет и составляли церковь в широком смысле слова. Необъективность исследователей состоит в том, что они не показывают рост населения в 1937 г. на 15 001 555 человек по сравнению с его количеством в 1926 г. (162 039 470 – 147 027 915).

С.Ю. Куняев процитировал высказывания двух авторов. Писатель Б.Л. Пастернак сказал, что великая русская революция «естественно вытекала из всего русского многотрудного, святого и духовного прошлого» [6, с. 5]. Ю. Куняев противопоставил оценке революции Пастернаком вывод ренегата КПСС: «Большевизму не уйти от ответственности перед народом за насильственный и незаконный переворот 17-го года» [6, с. 5]. Необходимо заметить, что раскол КПСС последнего десятилетия XX века, который продолжается и в 21 веке, похож на расколы христиан.

Признанное единое христианское вероучение за 1 786 лет разделено, примерно на 500 трактовок независимыми христианскими церквями, а марксизм за 87 лет разделён партиями на 76 трактовок. После политической ликвидации СССР компартия повторила разделение. Христиане и коммунисты, разберитесь в своих домах.

Куняев, ссылаясь на митрополита Вениамина (Федченкова), возражает Патриарху Кириллу, который заботится о преодолении богооступничества: «Но ведь богоотступничество возникло не в 1917 году, а гораздо раньше...» [6, с. 5]. Правильно, но частично, потому что и при Советской власти верных только православию (цифры указаны выше), более чем в шестнадцать раз, оказалось больше численности членов и кандидатов в члены партии (2 477 000), представленной на её съезде 1939 года. Так что и Патриарх, и поэт не могут (или не хотят?) понять, что 41 621 572 взрослых православных даже в разгар несправедливых репрессий остались верными и православию, и большевистской программе индустриализации и культурной революции. Патриарх Тихон принял политическое увлечение большинства народа большевизмом во время тайной встречи в сентябре 1918 г. с министром Временного правительства А.В. Карташевым: «Тихон уже тогда чувствовал силу и длительность народного увлечения большевиз-

мом» [3, с. 26]. Но 13 (26) октября 1918 г. Патриарх возлагает ответственность за «кровь братьев наших» на правительство, в которое входили «левые» эсеры и меньшевики, поэтому большевики даже не упоминаются. Комиссары, разожгли войну, но собираются «праздновать годовщину Октябрьской революции». Послание начинается и заканчивается изъятой из процитированного Завета Иисуса фразы «все, взявшие меч, мечом погибнут». Патриарху понадобилось девять месяцев «антихристианской вражды и злобы... организованного взаимоистребления» участниками гражданской войны, чтобы в послании от 8 (21 июля) 1919 г. истолковать тот же завет в противоположном направлении: «Для христианина – идеал Христос, не извлекавший меча в свою защиту» [8, с. 163]. 25 сентября (8 октября) 1919 г. патриарх призвал уклоняться «от участия в политических партиях и выступлениях», которые оправдывают «подозрительность Советской власти» [8, с. 166].

Волинский епископ Антоний (Храповицкий) оправдал расстрел демонстрантов 9 января 1905 г. Он писал члену «Союза русского народа», что надо было войска одушевлять, чтобы в течение одного месяца смести революцию. 32 православных священника (позже их количество увеличилось вдвое) безрезультатно обращались к царю с просьбой созвать церковный Поместный собор. Царь, глава Церкви, дождался решения Временного правительства о своём «добровольном» отказе от светской власти и благословения Синодом этого политического деяния православной христианской формулой «свершилась воля божия». Возведённого уже в архиепископы Антония прихожане потребовали удалить из Харьковской епархии. Патриарх Тихон, верно охарактеризовавший «ужасы кровавой расправы враждующих между собой лагерей» перенёс их вместе с верующими на Родине, в том числе и покушение на убийство. Убийца принял за Патриарха его келаря. Об ответственных церковно-державных взглядах Патриарха, равно как и о сторонниках В.И.Ленина из среды православных, свидетельствуют слова Тихона: «Хотя мы идейно расходились с Лениным, я имею сведения о нём, как о человеке добрейшем и поистине христианской души».

Поэт Куняев в связи с выступлением Патриарха Кирилла по телевидению считает несправедливым «объявлять гитлеровское нашествие божьей карой народу за революцию и Советскую власть» [6, с. 5]. Ещё раз заметим, что 41 621 572 взрослых и сознательных православных никакого богоотступничества не совершали! Ответ непримиримым диспутантам дал Патриарх Сергей, который развил и провёл в жизнь просоветскую православно-социальную концепцию Тихона. Местоблюститель Сергей, в первый день Великой Отечественной войны в послании к народу провозгласил: «С божьей помощью и на сей раз он (русский народ – М.К.) раздавит в прах фашистскую вражескую силу» [10, с. 92]. «Бог судил нам, – писал митрополит Ленинградский Алексей, – испить горькую чашу временного порабощения фашистскими злодеями» [10, с. 98].

Некорректно, не сделав оговорки об инициаторах политической и экономической ликвидации СССР, каковые представлены М.С. Горбачёвым и его компанией, упрекать главу Московской патриархии. Президент России, предавший КПСС, повторно предал и Верховный Совет, расстреляв его уже в отделившейся Российской Федерации. Коммунисты, разберитесь в собственном доме в причинах разделения единой партии на многие. Исторической истиной является и положительное деяние Б. Ельцина о Союзном государстве Беларусь–Россия. Не все архиерейские структуры извлекли уроки гражданской войны, как Патриарх Тихон и его Местоблюститель. Расстрел так называемого Белого дома, полномасштабная война против чеченского, русского и других народов, финансово-спекулятивная и антикультурная война, как и другие её составляю-

щие, явились очевидными причинами разделения и Церкви. По телеканалу СНГ «Мир» показали достаточно продолжительный отрывок пасхальной службы 2011 года в храме Киевского патриархата, разделившего Украинский Экзархат Московской Патриархии. Диалог прерван во вред не только православным, но и приверженцам всех религий. Архиереи христианских церквей, в том числе христианских православных, разберитесь в причинах продолжающегося разделения Вселенской церкви и Логоса Христова, чтобы легче было найти общий стратегический интерес не только для христиан, но и для приверженцев непримиримых мировоззрений и политических взглядов, как это сделал Патриарх Тихон. Недопущение войн – поистине общенародный, земной и небесный интерес. Тихон завещал: «Деятельность православных общин должна быть направлена не в сторону политиканства совершенно чуждого Церкви Божией, а на укрепление веры Православной, ибо враги Святого Православия – сектанты, католики, протестанты, обновленцы, безбожники и им подобные – стремятся использовать всякий момент в жизни Православной Церкви во вред Ее». Проведено неоспоримое различие между православием и политиканствующим его использованием, которое следует обобщенно называть православно-социальной концепцией. Католические христиане и прочие христиане в одном ряду с безбожниками названы врагами. Сразу же в качестве примера враждебного отношения Патриарх приводит результат гонений против православного духовенства в Польше – закрытие, обращение в костёлы 300 церквей из 350. Все это восходит к постановлению Городельского сейма 1413 г. Привилегиями могут пользоваться «почитатели христианской религии Римской церкви подвластные, не схизматики или другие неверующие» [14, с. 68]. Какое же большевистское правление было на этом сейме и в Польше при Пилсудском и в период между ними, на протяжении пятисот лет? Забывшие завет Иисуса Христа о равенстве всех народов перед Богом, не задумываясь взаимно обвиняют схизматиков, то есть православных христиан, неверующими, или католических христиан – безбожниками. Вот где находится прозрение Патриарха Тихона: его враги Православия, обозначенные религиозными понятиями, – политиканы, использующие христианство в политических целях. Даже современное теократическое государство Ватикан отказалось от завета Христа не применять меч, сыграв вместе с Германией ведущую роль в агрессии стран НАТО против Югославии. О разрушении православных храмов Косово-Метохии под наблюдением «миротворцев» опубликована статья [9]. Когда Патриарх осознал ужасы гражданской войны и призвал верующих «принять все происшедшее как выражение Воли Божией ... не питать надежд на возвращение монархического строя и убедиться в том, что Советская власть – действительно Народная рабоче-крестьянская власть», он обеспечил переход на свою сторону большинства обновленческих приходов уже к 1938 году. Не учли силу православной и других религиозных традиций гитлеровские оккупанты, переоценив перегибы сталинского правительства в отношениях с религиозными организациями.

Превзошёл православно-радикальную непримиримость к Московской Патриархии Российской Православной Церкви и к православному народу митрополита Антония (Храповицкого) М.П. Касцюк: «Аднаўленне патрыяршаства на Саборы Рускай праваслаўнай царквы, які адбыўся ў 1917–1918 гг., мела на мэце падпараткаванне праваслаўнай канфесіі бальшавіцкаму праўленню» [4, с. 76]. В.И. Ленин предлагает организовать судебный процесс, который должен закончиться расстрелом «очень большого числа самых влиятельных и опасных черносотенцев ... представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии». Акцентируем внимание на том, что организатор революции предлагает Тихона «не трогать, хотя он несомненно стоит во главе мя-

тежа рабовладальцаў» [8, с. 174–177]. Если бы так подчиняли большевизму и реакционное духовенство, как Патриарха, то революция была бы такой же малокровной, как свержение Временного правительства.

Во время экономического кризиса 1929 г. Антоний (Храповицкий), папа Римский Пий XI поддержали империалистический призыв «на борьбу с врагами христианства – большевиками и прочими богоборцами», осуждённый Патриаршим Местоблюстителем Сергием и его Синодом. Развязав Вторую мировую войну, при молчаливом бездействии ведущих европейских держав и США гитлеровско-нацистская Германия напала на СССР под лозунгами «Союза борьбы с большевизмом» и «Бог с нами». Указ одного из бывших ведущих деятелей КПСС Б. Ельцина и его команды о запрете КПСС открыл возможность искажённой трактовки этих лозунгов и истории Великой Отечественной войны. Тайные планы нацистов Германии, воспринимаемые в СССР как фашистские, раскрылись в первые месяцы войны: геноцид народов под лозунгом уничтожения большевиков и евреев, всех сопротивляющихся. Независимо от национальности, пола, возраста и политических взглядов, богатства и бедности. Осуществление планов геноцида в БССР привело к уничтожению четверти или даже трети населения. Ни слова о необходимости духовной связи между всеми христианами вообще и между православными особенно. Главное белорусский язык и никакой дружбы народов: «Царква перастане быць аружжам у руках нашых ворагаў дзеля русіфікацыі або паланізацыі народа». Кубэ заботіўся о беларусізацыі народа: «На пэўныя ўступкі справе аўтакефаліі мітрапаліт Панцеляймон заўжды ішоў з вялікім нежаданнем і пад прымусам беларускага нацыянальнага актыву, на баку якога стаяў Генеральны камісар Генеральнай акругі Беларусь Вільгельм Кубэ». Как это Леонид Михайлович не оценил значения благодарственной телеграммы собора Гитлеру за освобождение Беларуси от московского большевистского ига и установление фашистской свободы. Осталось только доказать, что нацистское понятие Бог с нами – христианское понятие, а Рузвельт и Черчилль ошиблись, заключив союз с СССР, а не с нацистской Германией.

Образцом преодоления межрелигиозной разобщённости является международная научная конференция (9–11 ноября 2009 г.) в Миске: «Христианско-иудейский диалог: религиозные ценности как основа взаимоуважения в гражданском обществе в условиях глобального экономического кризиса». Патриарх Экзарх всея Беларуси Филарет плодотворно воспользовался опытом проведения и связями с религиозными центрами разных стран В 1982 г. в Москве он выступил с докладом на Всемирной конференции «Религиозные деятели за спасение священного дара жизни от ядерной катастрофы». Свременные конференции способствуют росту оптимистических настроений в обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета / по благословению Святейш. Патриарха Московского и всея Руси Пимена. – М. : Изд. Москов. Патриарх., 1988. – 1371 с.
2. Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги / редкол. Ю.А. Поляков, Я.Е. Водарский [и др.]. – М. : Ин-т истор. АН СССР, 1991. – 239 с.
3. Карташёв, А.В. Временное правительство и Русская церковь // Из истории христианской церкви на родине и за рубежом в XX столетии. – М. : Крутицкое Патриаршее подворье, 1995. – С. 6–98.

4. Касцюк, М.П. Узаемаадносiны Савецкай улады i праваслаўя i iх уплыў на духоўнае жыццё Беларусi (1917–1941 гг.) / М.П. Касцюк // Православие в духовной жизни Беларуси : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., 25–26 апреля 2007 г. / [редкол. М.Э. Чесновский, А.А. Горбацкий]. – Брест : Изд-во БрГУ, 2008. – С. 75–81.
5. Козенкова, Е.Ю. Информационная война за Россию / Е.Ю. Козенкова // Свято-Михайловские чтения «Православие и современность». 10–20 ноября 2005 г. : в 3 ч. – Минск : Братство в честь Св. Архистратига Михаила в г. Минске Минской епархии Белорусской Православной Церкви, 2006. – Ч. 1. – С. 160–167.
6. Комоцкий, Б.О. Русская, советская культура как объект духовной войны / Б.О. Комоцкий [и др.] // Правда. – № 24 (29 654). – 2011. – С. 4–5. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.gazeta-pravda.ru, www.kprf.ru.
7. Корзун, М.С. В защиту Патриаршего местоблюстителя и Патриарха Московского и всея Руси Сергия (1925–1944) / М.С. Корзун // Гiстарычная навукa i гiстарычная адукацыя ў Рэспублiцы Беларусь: стан i перспектывы развiцця : матэрыялы II Усебеларус. канф. гiсторыкаў. – Мiнск : БДУ, 1999. – С. 418–423.
8. Корзун, М.С. История русской православной церкви (X век – 2000 г.) / М.С. Корзун. – Минск : БГУ, 2009. – 259 с.
9. Корзун, М.С. Уничтожение христианских православных святынь в Косово-Метохии – результат агрессии стран НАТО против Югославии / М.С. Корзун // Вестник Брестского гос. технического ун-та. Гуманитарные науки. – 2010. – С. 14–17.
10. Корзун, М.С. Русская православная церковь, 1917–1945 гг.: изменение социально-политической ориентации и научная несостоятельность вероучения / М.С. Корзун. – Минск : Беларусь, 1987. – 111 с.
11. Лыч, Л.М. Праваслаўная царква ў Беларусi: калi яна скiне путы Масквы? // Народная воля. – 24 кастр. – 2008. – [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа : [http // www.nv-online. Info.](http://www.nv-online.info) – Дата доступа : 12.03.2009.
12. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви / приняты Архиерейским собором 13–16 авг. 2000 г. – Минск : Центр православного просвещения преп. Евфросинии Полоцкой, 2000. – 59 с.
13. Послание Священного Синода Русской Православной Церкви «О войне и мире в яденыи век» // Журнал Московской Патриархии. – 1986. – № 6. – С. 2–20.
14. Уния в документах : сб. статей // сост. В.А. Теплова, З.И. Зуева. – Минск : Лучи Софии, 1997. – 520 с.
15. Христианско-иудейский диалог : религиозные ценности как основа взаимоважания в гражданском обществе в условиях глобального эконоического кризиса // Сайт теологического факультета им. Свв. Мефодия и Кирилла БГУ [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа : <http://inst.by/node/236>. – Дата доступа : 20.03.2010.

Korzun M.S. On the Necessity of a Dialogue between Christian Churches in the Framework of «The Basis of Social Concept RPC»

The aim of the article is to show the violation of inlightening and peace-loving of Christ's commitments by Christian parties and governments, bishopric centers of Christian churches permitting inner-church, inter-church divisions and controversies; a number of researchers, even characterizing this, don't try to address to New Testament as a criterion of Christian message, they identify customary theologies of Christian churches with the use of them for political purposes, they don't see the loyalty of the majority of lay people to their religious beliefs in population census lists in USSR in 1937 including non-Christian.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 03.09.2012

УДК 572.028+9330.85

А.А. Горбацкі

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В ПОЛЬШЕ

Статья задумана как введение в основное понятие культурной антропологии. Эта работа не отвечает на все вопросы, рассматриваемые в культурной антропологии, так как последняя имеет широкий предмет, каким есть человек во всех аспектах его существования. Рассмотренные в статье вопросы являются традиционными. Эти вопросы представлены на фоне исторического развития культурной антропологии в Польше. Поднятые в статье проблемы являются предметом пристального внимания, а результаты, которые тут достигнуты, будут элементом конкретных знаний о культуре людей и ценным источником информации.

Введение

Первоначально антропология изучала биологическую природу человека, используя при этом методы антропометрии, т.е. измерение частей человеческого тела. В середине XIX в. исследования скелетов и черепов неандертальцев натолкнули ученых на мысль о том, чтобы воссоздать историю возникновения, развития человека и его творения, т.е. культуры. В составе общей антропологии появляется новое научное направление – социальная этническая антропология, которая занялась изучением особенностей этнических групп как носителей различных культур и традиций. Позже появляется культурная антропология, которая занялась изучением культурных разнообразий народов.

Изучение общества и культуры в XX в. перешло из области академического познания в область практического применения. В последнее время все развитые государства включают в программы по совершенствованию общества разработки, достигнутые в социальной и культурной областях.

При организации производств учитываются особенности поведения людей, межличностные связи. Применяются социальные технологии, способные оказать влияние на активизацию участия трудящихся в выработке и реализации важных постановлений и решений. При этом учитывается, например, уровень религиозности, особенности территории, наличие инфраструктур, уровень образования. В последнее время появились культурная, социальная, педагогическая, психологическая, политическая и религиозная антропологии.

Такой подход вполне оправдан. Человек всегда стремился иметь знания о том, что его окружает, и организовывать свою деятельность с учетом этих знаний. И всегда вопрос заключался в том, каково качество этих знаний. Понятным стало и то, что личного опыта теперь становится недостаточно. Восполнить этот недостаток могут социальные науки, которые должны быть включены в государственную образовательную политику.

Современный человек, а особенно руководитель не могут быть хорошо адаптированы в динамичной и сложной социокультурной жизни, не имея представления, в каком социуме они проживают и осуществляют свою разноплановую деятельность.

Целью данной статьи является показ развития культурно-антропологической мысли в Польше, определение и краткий анализ наиболее актуальных направлений исследования, показ того, как культурные единицы и формы могут передаваться и изменяться в историческом времени.

Культурная антропология признана сегодня как важная академическая дисциплина не только в Северной Америке и в Англии, где развивалась особенно активно и давно, но также в других местах Европы, в Латинской Америке, в Японии, Индии, в большей части Африки, в последнее время в России и Беларуси.

В Польше само название культурная антропология (как и институциональные рамки для этой дисциплины), появляется относительно недавно (в 70 – е годы XX в.), хотя развитие этнографии и этнологии, из которых позже возник более современный антропологический подход, имеет в этой стране долгую историю. Разделение знаний о человеке на области этнография, этнология утратило сегодня свое значение, так как все эти ветви вошли в одну науку – культурную антропологию. Предмет культурной антропологии определяется очень широко: исследование человечества в различных проявлениях и условиях существования, как совокупность эмпирических и теоретических знаний о человеке и о его культуре. Антрополог больше будет исследовать как биологическую эволюцию человека и физическое дифференцирование человечества, культуры умерших и давно исчезнувших людей, культуры живущих сегодня так называемых племенных объединений, так и последствия индустриализации и урбанизации в современных обществах, а также формы совместного проживания в больших городах. И хотя культурная антропология и прежние этнография и этнология, породнились первоначально как науки о так называемых примитивных обществах, то сегодня, однако, их предмет понимается значительно шире, а о своеобразии и особенности дисциплины свидетельствует особенная комбинация теоретических предпосылок, касающихся культуры человека, как и своеобразия и сложности методологических подходов.

Центральным понятием антропологии есть концепция культуры как разнообразие человеческих форм приспособления к окружающей среде, а также занятие уникальной позиции в животном мире. Человек это не только *homo sapiens* или биологический вид, наделённый определёнными анатомическими чертами, дающими ему специфические приспособления к окружающей среде, но и человек *homo creator* или творец вторичного, искусственной среды, называемой культурой. А больше он есть *homo faber* или производитель орудий труда и материальных продуктов, удовлетворяющих его различные потребности, есть он также *animale social* – или творец сложных общественных структур, основанных на сотрудничестве и взаимопомощи, от которых может быть больше зависим, чем какое-нибудь другое живое существо. Здесь также уместно определение *zoon politicon* – создатель политических систем. Человек – это также *homo loquens*, существо, пользующееся языком, позволяющим ему взаимопонимание и аккумуляцию знаний и экспериментов, а также результатов постоянного прогресса. Человек также *homo religiosus* – творец магическо – религиозных систем, исполняющих определённые познавательные и моральные функции, удовлетворяющих также его эмоциональные потребности там, где недостаточно знаний и науки. Человек – это, наконец, *homo ludens* – разряжающий (разгружающий) свои стрессы и напряжения, а также удовлетворяющий свои потребности посредством игр и искусства. Такие определения можно было бы продолжить – указывают они на то, каким сложным явлением есть сам человек и создаваемая им культура.

Когда делаем попытку выделить отдельную научную дисциплину, во внимание берем три момента: обоснование отдельного названия и отдельного предмета исследования, а также принятые исследовательские методики, характерные только этой дисциплине. Предмет этнографических исследований был определён первым и давно. Уже в древней Греции и Риме задумывались над такими вопросами, как: влияние среды

на культуру, человеческую натуру и т.п. Однако систематические описания общих культур начались в XIX веке. Термин «этнология» впервые был использован в названии парижского этиологического общества, взявшего под защиту людей, которым угрожало физическое уничтожение (1839 г.). Кроме того, своеобразная исследовательская методология этнологии связана с именем поляка Бронислава Малиновского, который выработал принципы т.н. методологии интенсивных исследований территорий. Его методология дала прекрасные плоды в исследовании первобытных культур и стала эффективным примером для других гуманитарных и общественных дисциплин. Основывалась она на продолжительном пребывании среди выбранного общества и исследовании его с помощью техник социологического исследования и непосредственного наблюдения. Окончательной целью такого исследования было проникновение в то, чем исследуемые люди живут, к чему стремятся, какие у них представления о счастье, какие взгляды на мир. Методология интенсивных территориальных исследований тесно соединялась с постулатом подхода к культуре как к определённой целостности взаимосвязанных и взаимосвязанных элементов. Соединялся также с методологией интенсивных территориальных исследований постулат функционального исследования культуры, а точнее определение роли, какую каждый элемент культуры исполняет в её совокупности, способствуя удовлетворить какую-то людскую потребность или потребности. Малиновский сделал известные описания территорий. Эти исследования дали возможность поместить Малиновского в списке передовых антропологов мира. Его функциональная теория и методология были предметом личных исследований. Функциональная теория и методология Малиновского получили много критических замечаний. Тем не менее, были приняты решения о формировании нового образа антропологии, пополнены составляющие исторической и сравнительной методологий, которые были использованы при формулировке выводов о теоретических достижениях, а также в методологических разработках культурной антропологии. Кроме того, этнография и этнология в Польше формировалась, в некоторой степени, параллельно с мировыми исследованиями антропологии. В первом послевоенном периоде среди польских исследователей, возникли острые споры. В истории польской этнографии Александр Посерн-Желеньский отмечал, что если будем применять к очередным этапам развития этнографии наши современные критерии и оценки её научных достоинств и роли, то сразу может оказаться, что на узком научном пути эта дисциплина окажется в периоде жизни последнего поколения. По этому поводу Людвик Крывицкий в 1893 г. писал о том, что вследствие несистематических исследований и непостоянности наблюдений, этнография представляет беспорядок при описании. Есть она свалкой мусора, на которую сбрасывают всё, с чем неизвестно что делать. Сам Крывицкий первым ввёл в научный оборот термин «антропология» как широкое определение науки о человеке и его культуре. При этом он подчеркивал, что дарвиновская доктрина ещё больше способствует развитию движения, которое вскоре достигло таких размеров, что пытается в антропологии охватить не только совокупность науки о физических особенностях человека, но также о психических и общественных, дать объяснение его действиям, наконец, установить принципы рационального общественного устройства. Крывицкий указывал на то, что этнография консервативным способом развивает науку о человеке, антропология же – свободно мыслящим и прогрессивным способом.

Естественно, такая оценка этнографии является большим упрощением. Польским этнографам довоенного и межвоенного раннего периодов были не чужды все важнейшие достижения западных этнологических направлений (Станислав Цигевский,

Ян Карлович, Людвиг Кшивицкий, Станислав Понятовский, Ёзеф Овэрэнбский). Внесли они также, без сомнения, свой личный оригинальный вклад в мировую этнографию (Людвиг Кшивицкий, Ян Чекановский, Евгений Франковский, Станислав Понятовский, Казимир Мошыньский, Адам Фисхер, Стефан Чарновский, Станислав Цишевский, Казимир Добровольский). Непосредственное участие в исследованиях за границей государства принимали участие Ян Чекановский, Мария Чаплицкая, Станислав Климек, Станислав Понятовский, а в послевоенный период Андрей Валигорский.

В послевоенный период, при сохранении традиционного названия этнография, началось расширение теоретического круга и рамок этой дисциплины. Казимир Добровольский отбросил догматическую концепцию этнографии, ведущую до узкого обособления среди других дисциплин, и принял концепцию реалистично-развивающуюся, которая приемлет развитие сферы и методов этнографии, а также изменчивости связей с потребностями общественной жизни. В этом контексте расширенного понятия этнографии и антропологии заслуживают внимания современные работы Познаньской культурологической школы Ежы Кмиты, а также работы варшавского антрополога Андрея Верцинского.

Андрей Верцинский является автором антропологической дефиниции культуры, целью которой является введение большего порядка и унифицирования в понимании культуры в отношении к господствующему в этом очертании хаосу и крайним неоднократным разногласиям, с которыми встречаемся в антропологической литературе.

История этнографии и антропологической мысли не является предметом данной статьи, так как этот вопрос с разных точек зрения является отдельным и находится на стадии научной разработки. В этом месте можно только в общем отметить, что в польской этнологии наблюдается отход от функциональных и генетически-интегральных подходов к анализам структурально-семиотическим (Збигнев Пёткевич, Чеслав Роботыцкий, Людвиг Стомма, Рычард Томицкий, Ежы Василевкий и др.

Следует, однако, подчеркнуть, что выше отмеченная тенденция не характерна для всех польских этнологических центров и что традиция классического функционализма Бронислава Малиновского и генетическо-интегрального подхода Казимера Добровольского являются постоянным предметом живого внимания и дискуссий (например, в Краковском центре).

В сегодняшнем понимании этнография – часть *исторической науки*, изучающая народы-этносы и другие этнические образования, их происхождение (*этногенез*), состав, расселение, культурно-бытовые особенности, а также их материальную и духовную культуру. Этнология – наука, изучающая процессы формирования и развития различных *этнических групп*, их идентичность, формы их культурной самоорганизации, закономерности их коллективного поведения и взаимодействия, взаимосвязи личности и социальной среды. Термин этнология иногда используется как синоним с термином этнография.

В большей степени эти дефиниции, приближенные к тем, которыми очерчена сегодня антропология. Термины культурная антропология и общественная антропология употребляют или как синонимы (чаще в обыденном языке) или как автономные термины, обладающие особыми значениями черт, или как подчинённых себе – тогда же общественная антропология признаётся как часть культурной антропологии. Однако когда эти названия употребляются как автономные, тогда термин культурная антропология означает широкое историко-сравнительное исследование разных культур народов, общественная антропология – синхронное социологическое исследование образцов

взаимодействия личностей и групп. Исторически термин культурная антропология вышел из США, а термин общественная антропология из Англии.

Американские антропологи часто предлагали своим английским коллегам непереводимые значения изменчивости культур, с упущением психологического измерения культурной действительности, исключали из сферы интересов такие аспекты культуры, как технология, искусство, воспитание или язык.

Те предложения прежде всего касались типа исследований, разработанного Альфредом Регинальдом, в меньшей степени антропологии, разрабатываемой Брониславом Малиновским, который всегда делал упор на роль личности в сознании культуры, на её биологические и общественные потребности.

Независимо от указанных выше различий имеется ряд существенных сходств между антропологами культуры и общественными антропологами. Прежде всего, между ними есть общая тенденция к целостному пониманию культуры, есть общая концепция культуры, а также концентрирование на исследовании культур, определённых раньше как примитивные и первоначальные. Остальные культуры чаще трактовались как племенные, причём, термин «первоначальное общество» или «племенные» трактовался как идеальный тип. В целом смотрели на первобытных людей, как на тех, у которых общественная культура и структура недостаточно разработана, недостаточно расширена, проста и унифицирована.

Как известно, это является сильным упрощением, когда отдельные аспекты т.н. первобытных культур могут остаться без исследования, а кроме того наши критерии, которые привели к их оценке, являются часто этноцентрическими и не способствуют пониманию общей культуры. Для члена племени его культура может быть так же богата, как и для нас наша собственная. Тем не менее, в первобытных культурах общественная связь основывается на малых группах (клан, селение), безличные связи не существуют, вся экономика зависит только от личного участия и эффективности деятельности, что создаёт прочность взаимных контактов, а также идущих следом за этой общностью обычаев.

Общественные отношения (в которые люди вступают между собой в процессе удовлетворения потребностей) совпадают в принципе с сетью психических связей (возникающих из родства, соседства или связей локальных), основанных исключительно на половом различии – все там исполняют различные действия, связанные с повседневным существованием. Эти вышеупомянутые черты первобытных обществ, относительная простота их культуры и общественной организации, создают учёному особенно полезную лабораторную ситуацию, в которой намного легче уловить в целом права и принципы функционирования объединения людей. Поэтому Малиновский и другие исследователи с точки зрения антропологии могли составить достаточно много важных и связывающих обобщений, касающихся хозяйственной деятельности, принципов общественной организации, функционирования права, генезиса и функций общественной магии и религии, источников и функций общественного искусства, связей между культурой и личностью.

В начале XXI в. в культурно-антропологических исследованиях Польши были определены новые направления исследований. Их можно разделить на научно-практические и научно-теоретические. Что касается научно-практических, то это подготовка, в первую очередь, учебных пособий. В 2003 г. под авторством Януша Гайды выходит первая часть учебного пособия под названием «Культурная антропология» [1]. Первая часть имеет свое название «Вступление к знаниям о культуре».

Первые два раздела «Содержание и пределы понятия культура», «Основные понятия культуры» носят теоретический характер. Автор останавливается на таких вопросах, как генеалогия понятия культура и цивилизация; соотношение понятий натура – культура, цивилизация – культура; основные составляющие культуры; широкое и узкое понимание культуры, различные подходы в определении дефиниций; категории и типы культуры; элементы культуры; системы культуры и процессы в культуре. Такой подход оправдан. Читатели (в первую очередь студенты) имеют возможность осмыслить теоретические размышления автора, познакомиться с широким спектром направлений культурной деятельности человека и (что важно) разобраться в категориях и типах культуры.

Третий и четвертый разделы «Отдельные концепции развития и исследований культуры», «Традиция и результаты в развитии культуры» имеют научно-исторический подход. Януш Гайда характеризует эволюционизм, диффузионизм, функционализм, холизм, структурализм, марксизм, а также останавливается на вопросе «Культура в современной католической мысли».

В четвертом разделе в хронологической последовательности показаны главные факторы, определяющие развитие культуры, обусловленность развития культуры и роль постоянного вклада человека в наследство эпох.

Пятый и шестой разделы «Культура в жизни человека» и «Культура в жизни народов» посвящены показу роли человека в развитии культуры. Здесь автор рассматривает культуру, исходя из реалий конкретной территории или целых континентов. Человека Януш Гайда показывает и как произведение культуры, и как творящего культуру. Обращает внимание на такую проблему современности, как коммерциализация культуры, а также на стиль и качество жизни человека в современной культуре.

Автор пытается рассмотреть в культуре и самого человека, т.е. его внутренний мир. С этой целью в пятом разделе показаны функции культуры в жизни человека. Затронута также важная проблема современности – одиночество. Эту проблему Януш Гайда рассматривает как новое явление в соотношении человек – культура.

В последнее время антропологи и культурологи в своих исследованиях уделяют много внимания такому вопросу, как столкновение и противостояние культур. На конкретных примерах автор показывает контакты культур и характеризует те проблемы, которые возникают сегодня в результате этих контактов. Затронут автором и практический вопрос, как формировать отношение современного человека к культуре и воспитывать его через культуру.

В 2008 г. под авторством Януша Гайды выходит вторая часть учебного пособия «Культурная антропология» [2]. Эта часть получила название «Культура обычаев начала XXI в.». Во вступлении даются дефиниции и типология нравов, обычаев, обрядов и ритуалов.

В первом разделе «Обычаи, касающиеся телесности человека» автор рассматривает актуальные вопросы, касающиеся как молодежи, так и взрослого населения: культ тела, молодости и старость; доминирующие образы женщины и мужчины; практика, связанная с гигиеной и красотой; модная одежда. Затрагиваются вопросы, касающиеся татуировок и пирсинга.

В других разделах Януш Гайда рассматривает вопросы, относящиеся к весьма актуальным проблемам сегодняшнего дня: обычаи, связанные с бытовыми потребностями человека; обычаи, касающиеся жизненных потребностей (здоровье и секс); общественный облик светских обычаев; современные обычаи религиозно-светского характе-

ра; обычаи молодого поколения как поиск собственной дороги жизни; обычаи артистической, научной, политической и религиозной жизни.

Знакомство с перечисленными разделами позволяет в полном объеме понять описание перемен в обычаях начала XXI в. как процесса изменения и непрерывности культуры, сущности ее обусловленности и выполняющих функций.

В начале XXI в. в Польше на высоком уровне проводились и научно-теоретические исследования. К этому времени складывается несколько антропологических школ. Одна из них заявила о себе на польско-белорусском пограничье. Эту школу по праву можно назвать белостокской. Основными направлениями исследования стали проблемы многокультурного мира и культуры пограничья. Среди представителей белостокской антропологической школы видное место занимают Ежы Никиторович и Андрей Садовский.

В 2010 г. вышла монография Ежы Никиторовича «Этнические группы в многокультурном мире» [3]. Монография содержит два раздела: «Мировая этничность в истории и в современности» и «Национальные и этнические меньшинства в Польше». Во вступлении автор подчеркивает, что, если предположить, что многокультурность является объективной общественной действительностью, в которой с различными результатами контактов (реакции и интеракции) совместно выступают отличающиеся в культурном плане группы, возникает главный вопрос об определении политики в этом направлении. Совместное выступление не означает понимания в области совместного существования, разрешения неизбежных конфликтов, понимания или совместной деятельности, на что должны мы обратить пристальное внимание. Поэтому, продолжает автор, философия многокультурности обращается к принципам сбалансированного развития, демократического строя и равных прав, принадлежащих каждой группе, уважает ценности каждой культуры и способствует ее развитию. Многокультурность – это не нахождение возле себя различных культур, что чаще всего определяется плюрализмом, она является публичным пространством, в котором различные общества могут входить в интеракции, взаимно обогащаться, а также создавать новые общества без отказа от исконной тождественности [3, с. 9].

В первом разделе Ежы Никиторович описывает этнические группы, проживающие на континентах, при этом, обращает внимание на их историю и современность, критерием же анализа стал язык, расы, религия и мифология.

Во втором разделе автором представлены национальные и этнические меньшинства в Польше и проблемы их существования. Дается определение понятия меньшинство, показывается история происхождения меньшинств, определяются критерии их различия. Давая общую характеристику меньшинствам в Польше, Ежы Никиторович отмечает, что в государстве проживают представители 13 национальных и этнических меньшинств, в количественном выражении они насчитывают около миллиона человек, что составляет 3% от общего количества проживающих в крае. Часть представителей национальных и этнических меньшинств проживает компактно, остальные разбросаны по всему государству [3, с. 272].

Много усилий для исследования культуры белорусско-польского пограничья прикладывает Андрей Садовский. Из-под его пера вышло много интересных работ, посвященных этой проблеме. С точки зрения Андрея Садовского, восточное пограничье не будет постоянным. Напротив, оно будет предметом длительных переговоров об улучшении пересечения границы, об изменении культурных границ, об изменении форм и сфер участия в польской и европейской культурах.

Андрей Садовский является ответственным редактором журнала «Пограничье», который издается в Белостокском университете. На страницах издания печатается большое количество статей, касающихся культурного развития Беларуси и Польши. Например: «Народные стереотипы в разнородном этническом обществе на примере Белостока», «Образование и проблемы стигматизации польских цыган», «Тожественность эмигранта в новом обществе и государстве: между постоянством и изменением», «Формирование тождественности в перспективе развития и образования».

На страницах журнала печатаются статьи и белорусских авторов. В 2004 г. была опубликована статья Евгения Бабосова «Изменения в экономических, общественных и культурных ожиданиях жителей Беларуси вдоль оси Восток – Запад в условиях Евросоюза».

Историография культурно-антропологической мысли в Польше обширна и разнопланова. Дать ее полный анализ в одной статье не представляется возможным. Автор данной статьи выбрал наиболее актуальные проблемы, касающиеся современного общества и попытался показать, как они отражались и отражаются в исследованиях польских антропологов и культурологов.

Заклучение

В настоящее время перечисленные исследования становятся в известной степени системой отношений, бесценным источником информации для современного антрополога, культуролога, социолога, экономиста, политолога, религиоведа, историка искусства, психолога и представителей многих других общественных гуманитарных дисциплин. Эти ценные и вдохновлённые констатации пробуждают заинтересованность каждого современного человека, которому культурная антропология открывает взгляд на то, чем есть человек, как единое в мире существо, обладающее способностью создания и сохранения культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Gajda, J. Antropologia kulturowa. Część 1. / J. Gajda. – Toruń : Wyd-wo Adam Marszałek, 2003. – 237 s.
2. Gajda, J. Antropologia kulturowa. Część 2. / J. Gajda. – Kraków : Wyd-wo «Impuls», 2008. – 201 s.
3. Nikitorowicz, J. Grupy etniczne w wielokulturowym świecie. / J. Nikitorowicz. – Łódź : Wyd-wo «Sopot», 2010. – 440 s.

Gorbatski A.A. From the History of Cultural and Anthropological Thought in Poland

The article is intended as an introduction to the basic concept of cultural anthropology. This work does not answer all the questions discussed in cultural anthropology, because the last has a broad subject, what is man in all aspects of its existence. Problems discussed in the article are traditional. These questions are presented on the background of the historical development of cultural anthropology in Poland. Problems raised in the article are the subject of scrutiny and the results that are achieved here will be an element of specific knowledge about the culture of people and a valuable source of information.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 05.05.2012

УДК 943.8.081

Р.Р. Лазько

«ЦІСКІ» ЗМЫКАЮЦА: ПОЛЬСКАЕ ЗВ'ЯНО ВЕРСАЛЬСКОЙ СІСТЭМЫ ПАМІЖ ГЕРМАНІЯЙ І СССР ВЯСНОЙ – ЛЕТАМ 1939 г.

Польска-германскі палітычны канфлікт, выкліканы адхіленнем Польшчай прапанаванай ёй Берлінам ролі сатэліта германскага рэйха, стаў цэнтральным кампанентам міжнароднага палітычнага крызісу, у якім Еўропа апынулася вясной 1939 г. З самага пачатку гэты канфлікт меў тэндэнцыю перарасці ў ваенную барацьбу, паколькі адзін з бакоў – Германія – не толькі не шукала яго вырашэння мірнымі сродкамі, але і абвастрала яго менавіта дзеля таго, каб у зручны момант выкарыстаць для развязвання вайны за сваё панаванне ў Еўропе. Гісторыя перарастання польска-германскага канфлікта ў барацьбу дзвюх ваенна-палітычных груповак сусветнага маштабу мае вялізную гістарыяграфію, якая працягвае інтэнсіўна развівацца. Аднак азнамленне з беларускай літаратурай па гэтай праблеме дае падставы канстатаваць выпадзенне большасці публікацый беларускіх гісторыкаў з рэчышча развіцця сусветнай гістарыяграфіі. Імі не асвойваецца ні база крыніц, на якую абапіраецца сусветная гістарыяграфія, ні яе канцэптуальныя здабыткі (прадстаўленыя ў тым ліку ў найбольш даступных беларускім гісторыкам працах іх расійскіх калег). Такі стан айчынай гістарыяграфіі стаў адным са стымуляў у выбары аўтарам тэмы гэтага артыкула. Пад «ціскамі» разумеецца прынцыпова негатыўнае стаўленне двух вялікіх суседзяў Польшчы як да польскага кампанента Версальскай сістэмы, так і да гэтай сістэмы ў цэлым. Пры гэтым выходзім з таго, што змыканне савецка-германскіх геапалітычных ціскоў не было забяспечана аўтаматычна, яно было магчымае толькі ў пэўнай сітуацыі, абумоўленай як станам Версальскай сістэмы разам з яе польскім кампанентам, так і здольнасцю ціскоў дзейнічаць сінхронна, змыкацца.

Сутыкнуўшыся з грубым ціскам з боку Германіі ў сакавіку – красавіку 1939 г., Польшча не спыніла сваіх намаганняў вярнуць двухбаковыя адносіны на грунт раўнапраўнага абмеркавання існуючых спрэчных праблем. Важна пры гэтым адзначыць, што намаганні ў гэтым накірунку былі абмежаваны патрабаваннем, пастаўленым дзяржаўным кіраўніцтвам перад дыпламатыяй, каб пошукі міру з Германіяй не прывялі да капітуляцыі Польшчы [29, s. 529], як гэта адбылося з Чэхаславакіяй. Ілюзорнасць адпаведных спадзяванняў у польскім кіраўніцтве зразумелі занадта позна і дзейнічалі адпаведна з імі.

Аднак неабходна прызнаць, што аб'ектыўная сітуацыя пакідала Польшчы шанс на тое, каб пазбегнуць вайны. Справа ў тым, што хоць А. Гітлер у пачатку красавіка прыняў прынцыповае рашэнне аб нападзенні на Польшчу з мэтай яе разгрому, але ўмовы, у якіх фюрэр лічыў магчымым прыступіць да яго рэалізацыі, яшчэ неабходна было стварыць. Галоўнай з гэтых умоў, па меркаванні А. Гітлера, была ізаляцыя Польшчы. Падчас нарады з кіраўнікамі вермахта 23 мая фюрэр аргументаваў рашэнне пачаць вайну з нападения на Польшчу дзвюма акалічнасцямі: неабходнасцю падрыхтаваць у выніку яе захопу эканамічную і стратэгічную апору для барацьбы з Захадам і прагназуемай ім актыўнай пазіцыяй Польшчы ў выпадку вайны на Захадзе. Паводле яго сцвярджэнняў, Польшча пастараецца не дапусціць перамогі Германіі над заходнімі дзяржавамі, бо бачыць у ёй небяспеку для сябе. На гэтай аснове рабілася прынцыповая ўстаноўка, адпаведна якой нападзенне на Польшчу «прывядзе да поспеху толькі ў тым выпадку, калі Захад застанеца па-за гульнёй» [5, с. 134].

На гэтай жа нарадзе А. Гітлер ставіў пытанне і аб пазіцыі СССР у будучай еўрапейскай вайне: «Не выключана, – заявіў ён, – што Расія пакажа сябе незацікаўленай у разгроме Польшчы». Гэтая фраза – «не выключана» – сведчыць, што больш верагоднай фюрэр лічыў іншую, супрацьлеглую пазіцыю СССР. Гэты яго асцярожны, але ап-

тымістычны прагноз абавіраўся на аналіз ідэйнай эвалюцыі сталінскага рэжыму ў накірунку расійскага вялікадзяржаўнага нацыяналізму, што стварала падставу для супадзення яго інтарэсаў у знешняй палітыцы з інтарэсамі Германіі – па меркаванні А. Гітлера, падставу больш трывалую, чым існаваўшая ў адносінах СССР з заходнімі дэмакратыямі [2, с. 37; 28, s. 12]. Роля СССР у будучай вайне цікавіла А. Гітлера яшчэ і з меркаванняў мабілізацыі эканамічных рэсурсаў для гэтай вайны [1, с. 25–26; 21, с. 72]. А «эканамічныя адносіны з Расіяй, – як было для яго відавочна, – магчымыя толькі пры паляпшэнні палітычных адносін» [5, с. 134]. Такім чынам, германская дыпламатыя мусіла накіраваць свае намаганні на ізаляцыю Польшчы як на Захадзе, так і на Усходзе.

Дзейнасць германскай дыпламатыі, накіраваная на ізаляцыю Польшчы ад яе саюзнікаў, добра вядомая з літаратуры. Гэта дазваляе нам абмежавацца канстатацыяй няўдачы прыкладзеных ёю вялізных намаганняў на заходнім накірунку. На працягу вясны – лета 1939 г. Англія і Францыя неаднойчы папярэджвалі Германію, што не адмовяцца ад саюзніцкіх абавязацельстваў перад Польшчай [18, с. 228, 232, 410], хоць і не страцілі надзеі пасадзіць абедзве дзяржавы за стол перагавораў аб Гданьску і польскім «калідоры». Германскае кіраўніцтва недацаніла першы элемент пазіцыі заходніх дзяржаў і значна перацаніла другі, спадзеючыся на тое, што Англія задаволіцца падзелам сфер уплываў (вядома, часовым) і не ўступіць у вайну ў абарону Польшчы. Размаўляючы ў пачатку чэрвеня з камісарам Лігі нацый у Вольным горадзе К. Буркхартам, І. Рыбентроп выказаў прапанову, каб разглядаць гданьскую праблему ў шырокім кантэксце, але адрасаваў яе не Варшаве, а Лондану. «Цяперашняя сітуацыя, – гаварыў ён, – з'яўляецца, пасутнасці, вынікам барацьбы за сферы ўплываў; гэта барацьба стала б беспрадметнай, калі б Германіі далі сваю руку на Усходзе. Са свайго боку, Германія гатова даць Англіі сваю руку у яе ўласнай сферы інтарэсаў» [27, s. 201]. 11 жніўня гэтую заяву таму ж К. Буркхарту паўтарыў А. Гітлер [27, s. 239–243]. Кожны раз яна своечасова даходзіла да адрасатаў: англійскага і французскага ўрадаў, – аднак спакусіць іх А. Гітлеру не ўдалося.

Вопыт, набыты кіруючымі коламі і грамадствам Англіі і Францыі да вясны 1939 г., сведчыў, наколькі небяспечна давяраць слову германскага канцлера. «Свабода рук» для Германіі на Усходзе пагражала падарваць пазіцыі Англіі як сусветнай дзяржавы, а непазбежным наступствам гэтай яе дэградацыі было б з'яўленне германскіх войскаў на берагах Ла-Манша. Знаўца праблемы германскі пасол у Лондане Г. фон Дзірксен, 18 жніўня папярэджваў свой урад, што Англія не застаецца нейтральнай, калі Германія пачне ваенныя дзеянні, пры гэтым яна будзе кіравацца не інтарэсамі Польшчы, а імкненнем захаваць сваё становішча ў свеце [7, с. 312–313]. Праз тыдзень, у самы крытычны момант германа-польскіх адносін, англійскі ўрад пацвердзіў слушнасць гэтай ацэнкі, падпісаўшы з Польшчай дагавор аб узаемнай дапамозе. У гэты ж дзень і французскі пасол Кулондр ад імя свайго ўрада папярэдзіў Гітлера, што Францыя выканае свае саюзніцкія абавязацельствы [31, p. 313–314].

У апошнія дні жніўня А. Гітлер працягваў дыпламатычныя маневры, аднак не спыніўся перад рашэннем уступіць у вайну, нягледзячы на тое, што не набыў упэўненасці ў тым, што ваяваць даведзецца з адной Польшчай. «Прадказаць з поўнай выразнасцю» пазіцыю Англіі і Францыі, – гаварыў ён на нарадзе з вышэйшым генералітэтам 22 жніўня, – «немагчыма». Аднак «знішчэнне Польшчы застаецца на першым плане, нават калі пачнецца вайна на Захадзе» [5, с. 384]. Гітлер відавочна перамяніў сваю ацэнку англійскага і французскага фактара ў сваім рашэнні напасці на Польшчу за тры месяцы, што прайшлі пасля майскай нарады. Тады, як мы бачылі, ён разглядаў неўмя-

шанне Англіі і Францыі як неабходную ўмову для развязвання агрэсіі супраць Польшчы. А ў канцы жніўня перспектыва вайны адначасова супраць Захаду і Польшчы яго ўжо не спыніла.

Натуральна ўзнікае пытанне: чым была выклікана такая перамена? Асобныя расійскія і заходнія аўтары [18, с. 359–360] падтрымліваюць версію, адпаведна якой Гітлер праігнараваў папярэджанні Англіі і Францыі, атрымаўшы звесткі, што Францыя не будзе весці наступальных дзеянняў, пакуль на яе тэрыторыю не ўступіць брытанскі экспедыцыйны корпус. Аб яго стварэнні дзве дзяржавы дамовіліся вясной 1939 г., а яго першыя 7 дывізіі Англія планавала ўвесці ў дзеянне вясной 1940 г. Гэта версія не выглядае пераканаўчай, хаця, безумоўна, прымаючы рашэнне аб развязванні вайны, Гітлер улічваў гатоўнасць Англіі і Францыі да наступальных дзеянняў. Аднак 23 мая, калі ён абумовіў сваё рашэнне аб нападзенні на Польшчу яе ізаляцыяй ад заходніх саюзнікаў, брытанскага экспедыцыйнага корпуса наогул не было, а сухапутныя войскі Англіі складаліся ўсяго з 5 дывізіяў, што мелі задачу абароне вострава. Што ж да Францыі, то з часоў будаўніцтва «лініі Мажыно» прынятая ёю абарончая стратэгія не мянялася, што пацвердзілі англа-французскія штабныя перагаворы вясной 1939 г. [34, с. 44; 33, с. 281]. Калі Гітлер на працягу лета 1939 г. атрымаў звесткі, што Францыя не збіраецца весці наступальных дзеянняў без удзелу ў іх англійскіх войск на французскай тэрыторыі, то тым самым ён атрымаў пацвярджэнне, што Францыя не змяніла сваю ранейшую, усім вядомую абарончую стратэгію, а яе абяцанне Польшчы, зафіксаванае на штабных перагаворах у маі 1939 г. – простая фікцыя [25, с. 176–179; 35, с. 437]. Аднак гэтая інфармацыя не давала падстаў разлічваць на тое, што Англія і Францыя наогул не ўмяшайцца ў вайну. Яна сведчыла толькі аб тым, што гэтыя дзяржавы арыентуюцца на працяглую вайну. Калі Гітлер баяўся яе ў маі 1939 г. (хаця і не выключаў), то чаму ж перастаў баяцца ў канцы жніўня?

Адказ знаходзім у гітлераўскай трактоўцы пытання аб пагрозе блакады Германіі яе заходнімі праціўнікамі. На нарадзе 23 мая ён патлумачыў, што не можа прыняць ад заходніх дзяржаў «падачкі» ў выглядзе калоній, бо валоданне імі не здымае гэтай пагрозы [5, с. 133]. Да 22 жніўня сітуацыя змянілася: пасля падпісання гандлёва-крэдытнага пагаднення з СССР было абвешчана, што І. Рыбентроп у бліжэйшы час адправіцца ў Маскву, каб падпісаць дагавор аб ненападзенні. Сэнс гэтага дагавора, у кантэксце інтарэсаў Германіі, А. Гітлер патлумачыў так: «Я ў бліжэйшыя тыдні на (будучай! – Р. Л.) савецка-германскай граніцы падам руку Сталіну і разам з ім прыступлю да новага падзелу свету...» Пагроза блакады ўжо не палохала яго: «Няшчасныя чарвякі – Даладзье і Чэмберлен... не змогуць ажыццявіць блакады. Наадварот, у нас ёсць наша аўтаркія і руская сыравіна». Фюрэр далей удакладніў: «Мы не павінны баяцца блакады. Усход пастаўляе нам збожжа, жывёлу, вугаль, свінец, цынк» [12, с. 91–96; 20, с. 281–282]. Гэта было галоўнае, бо нягледзячы на здэклівыя характарыстыкі Чэмберлена і Даладзье, Гітлер атакі з Захаду не выключаў, аб чым сведчыць і яго дырэктыва №1 на вядзенне вайны ад 31 жніўня [5, с. 385–386].

Такім чынам, падпісанне савецка-германскіх пагадненняў кардынальна мяняла стратэгічную сітуацыю – паляпшала яе для Германіі і адпаведна пагаршала для Польшчы. Гэты паварот быў настолькі важны для ажыццяўлення гітлераўскіх планаў, што на працягу вясны – лета 1939 г. Гітлер неаднойчы ставіў іх у залежнасць ад магчымасці здзяйснення названага павароту. Гэта важна падкрэсліць, бо ў беларускай гістарыяграфіі выказваюцца меркаванні, у якіх выключаецца альтэрнатыўнасць развіцця палітычнай сітуацыі ў Еўропе пасля зацвярджэння Гітлерам 11 красавіка Дырэктывы

аб адзінай падрыхтоўцы да вайны, якая ўключала план «Вайс». Гітлер імкнуўся дасягнуць паразумення з СССР, бо вымушаны быў прыслухоўвацца да меркавання сваіх генералаў – Кейтэля, Браухіча. Апошні, напрыклад, сказаў фюрэру, што Германія пацярпіць паражэнне, калі СССР выступіць на баку Польшчы і заходніх дзяржаў [15, с. 273]. Пад уплывам інфармацыі аб польска-англійскім часовым пагадненні, падпісаным у пачатку красавіка, Гітлер заявіў у эмацыянальным парыве, што наступным яго крокам будзе афіцыйны візіт у Маскву [26, с. 27], – натуральна, дзеля таго, каб перахапіць СССР, які стаў на шлях перагавораў з Англіяй і Францыяй. Гэтыя перагаворы вельмі трывожылі фюрэра. Дзяржсакратар МЗС Э. Вайцзекер, іншыя супрацоўнікі МЗС – Э. Кордт, В. Хевель (прадстаўнік І. Рыбентропа пры рэйхсканцлерах), начальнік штаба сухапутных войск генерал Гальдэр, спасылаючыся на інфармацыю, што ішла непасрэдна ад Гітлера, сцвярджалі, што фюрэр збіраўся адмовіцца ад нападения на Польшчу ў выпадку заключэння дагавора паміж СССР, Англіяй і Францыяй [15, с. 273–274]. Такое ж перакананне склалася ў паслоў Англіі і Францыі ў Берліне [14, с. 123; 15; 26]. У сярэдзіне лета Гітлер сцвярджаў, што калі будзе заключаны саюз паміж Захадам і СССР, то ён адмовіцца ад выступлення супраць Польшчы і чарговы партыйны з’езд у верасні правядзе пад лозунгам міру. Калі ж англічане і французы вернуцца з Масквы з пустымі рукамі, то ён разаб’е Польшчу, не баючыся канфлікту з Захадам [26, с. 27].

Характэрна, што ў Крамлі ўжо ў другой палове мая зарыентаваліся ў тым, якое рашаючае значэнне Гітлер надае пагадненню з СССР пры падрыхтоўцы агрэсіі супраць Польшчы. Тут па каналах разведкі з гданьскага сената і германскага пасольства ў Варшаве былі атрыманы звесткі па гэтым пытанні. Старшыня гданьскага сената А. Грэйзер, які меў пастаянныя кантакты з германскім кіраўніцтвам у Берліне, сказаў свайму супрацоўніку, што «для ваеннага вырашэння канфлікту з Польшчай Гітлер выбера такі час, калі знешнепалітычнае становішча Германіі будзе спрыяльным. Зараз гэта не так... Для нас рашаючае значэнне мае ў першую чаргу пазіцыя Савецкага Саюза» [16, с. 400, 415]. Гэтая інфармацыя дазволіла І. Сталіну зразумець, наколькі высока ўзняліся палітычныя акцыі СССР у падзях, якія разгортваліся ў Еўропе. Ключавая сітуацыя СССР давала яму магчымасць весці перагаворы з абодвума бакамі, што рыхтаваліся да вайны, праяўляючы стрыманасць і патрабавальнасць, каб у адпаведны момант зрабіць свой выбар. Безумоўна, выбар няпросты, бо з тых жа данясенняў разведкі было відавочна, што на трэцім этапе, пасля разгрому Польшчы і вайны на Захадзе, Гітлер збіраецца напасці на СССР. Але ж гэты этап мог і не наступіць пры ўмелай палітыцы савецкай дзяржавы, якая абапіралася на сфармуляваны яшчэ У. Леніным дактрынальны прынцып аб выгаднасці для Савецкай Расіі сутыкненняў паміж капіталістычнымі групамі, аб неабходнасці нават правакаваць іх, каб у зручны момант «схапіць капіталізм за каўнер» [11, с. 58–59, 61, 66; 10, с. 389]. Гэтай пазіцыі няўхільна трымаліся ўсе спадкаемцы Леніна. Яшчэ з часу сваёй барацьбы за лідарства ў гэтай групе Сталін пастаянна даводзіў сваім таварышам, што СССР уступіць у вайну, але ўступіць апошнім, «каб кінуць вырашальную гіру на шалі» барацьбы. А да таго моманту яго задача – падштурхоўваць капіталістычныя групы адна супраць другой, «каб добра пабіліся [17, с. 14; 19, с. 18]». У Варшаве не зразумелі гатоўнасці СССР у крызіснай сітуацыі 1939 г. дзейнічаць адпаведна з гэтым прынцыпам і не заўважылі яго вырасшай здольнасці дзейнічаць менавіта гэтакім чынам. Захаванню Польшчай да апошняга моманту яе палітыкі «раўнавагі» паміж Германіяй і СССР садзейнічала тая дыпламатычная гульня, якую павёў у адносінах да яе савецкі ўрад. У свой час у наркама замежных спраў СССР М. Літвінава існавалі падазрэнні, што міністр замежных спраў Польшчы Ю. Бек,

атрымаўшы англійскія гарантыі, зможа дасягнуць «здзелкі» з А. Гітлерам па пытанні аб Данцыгу і калідоры за кошт Літвы і (магчыма) іншых краін Прыбалтыкі [3, с. 371]. Аднак далейшае абвастрэнне польска-германскіх адносін выявіла неактуальнасць гэтых падазрэнняў. Новы савецкі наркам В. Молатаў 8 мая 1939 г. перадаў праз польскага пасла В. Гжыбоўскага віншаванні Ю. Беку ў сувязі з яго цвёрдым патрыятычным выступленнем у сейме, якое было адказам на разрыў Германіяй дэкларацыі аб непрымяненні сілы 1934 г. Тым самым наркам як бы запрашаў падтрымліваць кантакты паміж дзвюма дзяржавамі ў антыгерманскім духу. Бек адгукнуўся, выказаўшы жаданне сустрэцца з намеснікам наркама Пацёмкіным, які вяртаўся з Турцыі і Румыніі праз Варшаву. Молатаў дазволіў Пацёмкіну гэту сустрэчу і вызначыў яе мэту: «Галоўнае для нас – даведацца, як у Польшчы ідуць справы з Германіяй» [6, с. 352]. Характэрна, што савецкага кіраўніка цікавіла толькі гэтае пытанне, хаця ў размове з Гжыбоўскім 8 мая ён дамагаўся тлумачэнняў негатыўных адносін польскага ўрада да асобных пунктаў савецкіх прапаноў урадам Англіі і Францыі ад 17 красавіка, вакол якіх ішлі перагаворы трох дзяржаў. Меліся на ўвазе пажаданні савецкага ўрада, каб англійскі ўрад дакладна зарыентаваў супраць Германіі абвешчаныя ім гарантыі Польшчы, і каб польска-румынскі дагавор 1921 г. быў накіраваны супраць любой патэнцыяльнай агрэсіі або быў адменены як антысавецкі [16, с. 336–337, 379–380].

Гісторыкамі з краін на ўсход ад Польшчы пры разглядзе пытання аб сустрэчы Пацёмкіна з Бекам звычайна цытуецца адзін дакумент – кароткая тэлеграма намесніка наркама ў Маскву аб выніках гэтай сустрэчы. Пацёмкін «атрымаў некаторую інфармацыю аб стане польска-германскіх адносін. Шляхам падрабязнага аналізу суадносін сіл у Еўропе і магчымасцей эфектыўнай франка-англійскай дапамогі Польшчы прывёў Бека да прамога прызнання, што без падтрымкі СССР палякам сябе не адстаяць». Адпаведна з даручэннем Молатава Пацёмкін таксама «падкрэсліў, што СССР не адмовіў бы ў дапамозе Польшчы, калі б яна гэтага пажадала» [16, с. 389].

Паколькі вынікі перагавораў Пацёмкіна ў Варшаве сталі адной з істотных асноў для фарміравання курсу савецкай палітыкі адносна Польшчы ў наступныя месяцы, звернемся да польскіх дакументаў, якія даюць аб іх больш поўнае ўяўленне. У справаздачы з польскага боку пазіцыя намесніка наркама на перагаворах выглядае не такой цвёрдай, як у яго тэлеграме. Ён «праяўляў тэндэнцыю» схіліць Польшчу да прыняцця дагавора з СССР, але адначасова «выказваў разуменне» польскіх контраргументаў супраць яго. Такія контраргументамі былі адсутнасць у Польшчы магчымасцей аказаць СССР дапамогу на аснове ўзаемнасці і яе нежаданне паўтараць «памылкі» мінулага года, калі гвалтоўным дзеяннем Германіі проціпастаўляліся толькі дэкларацыі. Пацёмкін зразумеў і заяву аб нежаданні псаваць адносіны з Венгрыяй як аргумент Польшчы супраць расшырэння саюза з Румыніяй. Важнейшым момантам у ходзе перагавораў быў яго адказ на пытанне, пастаўленае Бекам – аб пазіцыі СССР у выпадку агрэсіі Германіі супраць Польшчы. Пацёмкін, са спасылкай на атрыманыя ад урада паўнамоцтвы, заявіў, што яна будзе «прыязнай» [24, 1. 79–80]. Ён нічым не абгрунтаваў гэтую пазіцыю.

Ю. Бек зразумеў вынікі перагавораў як цалкам станоўчыя для Польшчы. Яго задаволілі і вынікі чарговай размовы Гжыбоўскага з Молатавым (11 мая), у якой пасол перадаў афіцыйную трактоўку польскай пазіцыі адносна савецкіх прапаноў ад 17 красавіка. У гэтай трактоўцы паўтараўся тэзіс, выказаны Пацёмкіну, аб прымальнасці для Польшчы толькі пагадненняў на аснове ўзаемнасці і выказвалася заўвага, што польскі ўрад не даручаў ураду Францыі весці перамовы з савецкім урадам па пытаннях савецка-польскіх адносін, якія могуць вырашацца толькі непасрэдна паміж Масквой

і Варшавай [24, л. 82; 16, с. 393–394]. На падставе гэтага высвятлення пазіцый 13 мая Ю. Бек разаслаў дыпламатычным прадстаўніцтвам цыркуляр, у якім пісаў, што «савецкі ўрад выказвае разуменне нашага погляду на польска-савецкія адносіны, якія цяпер развіваюцца цалкам нармальна. Саветы разумеюць, што ўрад Польшчы не схільны ўдзельнічаць у якім-небудзь дагаворы з адным з вялікіх суседзяў Польшчы, накіраваным супраць другога, і разумее карысць, якая выцякае з такой яго пазіцыі». Далей міністр паведамляў аб заяве Пацёмкіна, зробленай па даручэнні савецкага ўрада, аб прыязным стаўленні СССР да Польшчы ў выпадку германскай агрэсіі супраць яе [24, л. 77]. Такім чынам, у разуменні Бека, савецкі ўрад падтрымаў тагачасную лінію польскай знешняй палітыкі. Польскі міністр не зразумеў галоўнага – савецкі ўрад пакідае ў сваіх руках ключ да рашэння Германіі аб нападзенні на Польшчу і яе разгроме дзякуючы майскім (1939 г.) кантактам Молатава і пацёмкіна з іх польскімі калегамі савецкім кіраўніцтвам было бяспрэчна ўстаноўлена, што Польшча не вядзе і не збіраецца весці капітуляцыйскія перамоў з Германіяй, яна не мяняе сваёй пазіцыі адносна супрацоўніцтва з СССР, хаця і не выключае яго ўмацавання ў будучым. «Польшча, – адзначаў В. Молатаў, – не хоча ў цяперашні момант звязваць сябе якім-небудзь пагадненнем з СССР або згодай на ўдзел СССР у гарантаванні Польшчы, але не выключае апошняга ў будучым» [16, с. 393].

Тым часам 20 мая 1939 г. германскі пасол у Маскве граф Шуленбург прыступіў да выканання даручэння Гітлера аб падрыхтоўцы гунту для савецка-германскага палітычнага пагаднення [20, с. 149–150, 156–158]. Гэта азначала, што Масква атрымала другі канал (пасля лонданска-парыжскага) палітычных перагавораў, звязаных з агрэсіўнымі планамі Германіі. У гэтай сітуацыі савецкі ўрад вырашыў яшчэ раз празандзіраваць пазіцыю Польшчы, заахвочваючы яе да перагавораў аб верагоднай савецкай дапамозе. Гэтая новая спроба магла застацца звычайным зандажам, але ў выпадку яе поспеху яна была здольнай у пажаданым накірунку паўплываць на перагаворы СССР з заходнімі дзяржавамі. Яе ажыццявіў новы савецкі пасол у Варшаве Шаронаў у час першай сустрэчы з Бекам 25 мая, калі напамніў яму аб гатоўнасці СССР дапамагачь. «Каб дапамагчы заўтра, – заявіў пасол, – трэба быць гатовымі сёння, гэта значыць, загадзя ведаць аб неабходнасці дапамагачь» [8, с. 111–112]. В. Гжыбоўскі, не называючы дакладнай даты, таксама сведчыць, што недзе ў той жа час В. Молатаў перасцярог яго аб тым, што польскі ўрад можа спазніцца са сваім зваротам да СССР за дапамогай. Гжыбоўскі паслаў у Варшаву ваеннага аташэ з рапартам аб гэтай размове і атрымаў адказ: «Будзьце спакойныя, час яшчэ не наступіў, рашэнне мы прыемм своечасова» [30, с. 97].

Адзінай прыкметай (хоць, безумоўна, істотнай) змянення польскай усходняй палітыкі было даручэнне Ю. Бека В. Гжыбоўскаму дамагацца заключэння пагаднення з СССР аб транзіце з Захаду ваенных матэрыялаў праз савецкую тэрыторыю. Аднак ужо 9 чэрвеня перагаворы былі спынены савецкім урадам, нягледзячы на тое, што Гжыбоўскі стараўся падкрэсліць значэнне іх паспяховага завяршэння для арганізацыі Польшчай адпору агрэсару. Пацёмкін заявіў паслу, што пытанне аб транзіце польскім урадам пастаўлена заўчасна, бо яшчэ не ясная перспектыва заключэння дагавора «міралюбівых дзяржаў» аб супрацьдзеянні агрэсіі [6, с. 451; 32, с. 105]. Відавочна, што савецкае кіраўніцтва ў гэтым выпадку адхіліла спробу Польшчы вывесці пытанне аб транзіце і пастаўцы ваенных матэрыялаў па-за межы англа-франка-савецкіх перагавораў у сферу чыста гандлёвых адносін. Гэта азначала таксама, што савецкі ўрад не прыняў ролю як бы зарэзерваванай да часу тылавай базы, якая адводзілася СССР у польскай палітычнай стратэгіі, і захаваў вольныя рукі ў адносінах з Германіяй.

Савецкае кіраўніцтва разлічвала на больш значную ролю ў наспяваўшых падзеях. Маючы дастатковую інфармацыю аб развіцці польска-германскага канфлікту і звязаных з ім пазіцыях заходніх дзяржаў, яно мела магчымасць цвёрда патрабаваць ад сваіх партнёраў уліку інтарэсаў СССР у еўрапейскім крызісе. Як заявіў В. Молатаў 31 мая на сесіі Вярхоўнага Савета, «СССР цяпер не той, якім ён быў, скажам, у 1921 г.» і нават 5–10 гадоў назад: «сілы СССР узмацніліся». «Даводзіцца аб гэтым напаміць, – падкрэсліў наркам, – бо да гэтага часу нават некаторыя нашы суседзі, мабыць, не могуць гэтага зразумець» [3, с. 530].

Летам 1939 г. савецкае кіраўніцтва ўпэўнілася, што задаволіць інтарэсы СССР, у сталінскім іх разуменні, магчыма дзякуючы супрацоўніцтву з германіяй, а не з дэмакратычнымі дзяржавамі – саюзнікамі Польшчы. Сярод гэтых інтарэсаў на адным з першых месц было ўстанаўленне кантролю СССР над Прыбалтыкай. Сталін пазней прызнаў, што перагаворы з урадам Чэмберлена «праваліліся якраз на пытанні прыбалтыйскіх краін і Фінляндыі» [9, с. 23]. Ён спадзяваўся ў ходзе перагавораў з Англіяй і Францыяй атрымаць згоду гэтых дзяржаў на самастойныя дзеянні СССР адносна ўсходнееўрапейскіх краін у выпадку як прамой, так і ўскоснай агрэсіі супраць іх. Ускосная агрэсія разумелася як «унутраны пераварот або паварот у палітыцы (гэтых краін – Р.Л.), каб дагадзіць агрэсару» [7, с. 130]. На практыцы гэта азначала б, што «дапамога» названым краінам з боку СССР магла быць аказана нават без іх згоды. Не дзіўна, што на такую дапамогу не згаджаліся ні краіны Прыбалтыкі [6, с. 449, 505–506, 545–546; 13, с. 4, 43, 47, 51], ні Польшча [8, с. 120–121].

Не падтрымалі СССР у гэтым пытанні і яго заходнееўрапейскія партнёры па перагаворах. У той жа час гітлераўскае кіраўніцтва Германіі, не абмежаванае якімі-небудзь маральнымі комплексамі, і зыходзячы з імкнення адасобіць СССР ад заходніх дзяржаў, прапанавала Сталіну праграму, якая ішла значна далей таго, што ў геапалітычных адносінах СССР спадзяваўся атрымаць пры супрацоўніцтве з краінамі Захаду. Гэта была праграма тэрытарыяльных змен ва Усходняй Еўропе на карысць СССР і Германіі. 3 жніўня І. Рыбентроп заявіў часоваму паверанаму ў справах СССР у Германіі Г. Астахаву, што «супярэчнасцей паміж нашымі краінамі няма на ўсёй прасторы ад Чорнага мора да Балтыйскага. Па ўсіх гэтых пытаннях можна дамовіцца» [4, с. 158]. Перагаворы хутка набылі характар абмеркавання канкрэтных пытанняў. Не хаваючы таго, што яны ставяцца ў сувязі з намерам Германіі развязаць вайну, гітлераўскі ўрад заяўляў аб незацікаўленасці лёсам Прыбалтыкі (акрамя Літвы), былой «рускай Польшчы», Бесарабіі, Украіны. Адпаведна з рашэннем Палітбюро ЦК УКП(б) 11 жніўня Молатаў паслаў Астахаву тэлеграму, у якой даручыў паведаміць аб жаданні савецкага ўрада весці перагаворы па ўсіх пытаннях, а месцам іх правядзення прапанаваў Маскву [4, с. 180, 184] (англа-франка-савецкія перагаворы ваенных місій пачаліся толькі на наступны дзень). 15 жніўня Шуленбург уручыў Молатаву памятную запіску германскага ўрада з просьбай далажыць яе Сталіну, у якой намячаліся контуры будучай дамовы і выказвалася прапанова аб прыездзе ў Маскву Рыбентропа для яе падпісання [4, с. 232–233]. Праз два дні Германія павысіла плату за неабходны ёй дагавор, згадзіўшыся аказаць уплыў на Японію дзеля нармалізацыі савецка-японскіх адносін [4, с. 230–231, 271].

Вынікам інтэнсіўных савецка-германскіх перагавораў з'явіўся дагавор аб ненападзенні ад 23 жніўня 1939 г. з сакрэтным дадатковым пратаколам як яго арганічнай часткай. У пратаколе фіксаваўся падзел сфер інтарэсаў паміж СССР і Германіяй, што разумелася як падзел сфер тэрытарыяльнай экспансіі. Лінія размежавання інтарэсаў на тэрыторыі Польшчы праводзілася па рэках Нараў, Вісла і Сан. Канчатковы лёс

польскай дзяржавы Германія і СССР дамовіліся вырашыць пазней на аснове «дружалюбнай узаемнай згоды» [4, с. 321].

Згода савецкага ўрада на падпісанне дагавора з Германіяй зрабіла беспрадметнымі англа-франка-савецкія перагаворы аб супрацьдзеянні агрэсару. 21 жніўня адбылося апошняе пасяджэнне ваенных місій. Асобныя беларускія гісторыкі і сёння следам за савецкай гістарыяграфіяй тлумачаць зрыў перагавораў нязгодай Польшчы на пропуск савецкіх войск праз яе тэрыторыю для барацьбы з агрэсарам. Але ж савецкаму ўраду гэта пазіцыя Польшчы была вядомая задоўга да таго, як у Маскве 12 жніўня пачаліся перагаворы ваенных місій, яшчэ з часу перагавораў аб стварэнні сістэмы калектыўнай бяспекі ў сярэдзіне 1930-х гадоў. Тым не менш, да пачатку маскоўскіх перагавораў ён не ставіў гэта пытанне перад сваімі партнёрамі, нягледзячы на тое, што яно патрабавала свайго абмеркавання менавіта ў палітычнай плоскасці – і як пытанне, якому сам жа савецкі ўрад надаваў кардынальнае значэнне для поспеху перагавораў, і як пытанне, што адносілася да суверэнітэта суседняй дзяржавы. Упершыню ад пачатку крызісу 1939 г. пытанне аб праходзе савецкіх войск праз тэрыторыю Польшчы і Румыніі было сфармулявана 4 жніўня ў дакуменце савецкага генеральнага штаба, у якім разглядаліся варыянты магчымых дзеянняў савецкіх узброеных сіл у выпадку агрэсіі супраць Англіі, Францыі, Польшчы або Румыніі. На аснове гэтага дакумента І. Сталін 7 жніўня зацвердзіў інструкцыю савецкай дэлегацыі для вядзення ваенных перагавораў. У абодвух дакументах згода на пропуск савецкіх войск праз тэрыторыю Польшчы і Румыніі разглядалася як папярэдняя ўмова паспяховага правядзення перагавораў [4, с. 168–174; 6, с. 386–387, 584]. Аднак нават у апошнія дні перад іх пачаткам адпаведнае пытанне не было накіравана ні ўрадам Англіі і Францыі, ні тым болей польскаму ўраду. Такім чынам, патрабаванне пропуску савецкіх войск было зарэзервавана савецкім кіраўніцтвам для выкарыстання ў залежнасці ад акалічнасцей у адной з двух яго патэнцыяльных функцый: як сродак рашучага націску на Англію і Францыю або як сродак магчымага зрыву перагавораў. Фактычна яно было ўжыта дзеля гэтай другой мэты, тады, калі стала ясна, што Германія гатова далёка пайсці насустрач СССР у задавальненні экспансіянісцкіх планаў сталінскага кіраўніцтва.

1 верасня 1939 г. польска-германскія «ціскі» былі прыведзены ў дзеянне. Пачалася вайна, якую былі няздольныя перажыць ні Версальская сістэма ў цэлым, ні Польшча ў яе статусе звяна гэтай сістэмы. Польскі ўрад намагаўся прадухіліць уцягванне краіны ў вайну, аднак яго намаганні ішлі толькі ў заходніх накірунках і па гэтай прычыне былі недастатковыя для дасягнення мэты. Летам 1939 г. пагроза змыкання германа-савецкіх геапалітычнай «ціскоў» не была заўважана ў Варшаве.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Безыменский, Л.А. Советско-германские договоры 1939 г.: новые документы и старые проблемы / Л.А. Безыменский // Новая и новейшая история. – 1998. – № 3.
2. Гинцберг, Л.И. Советско-германский пакт: замысел и его реализация / Л.И. Гинцберг // Отечественная история. – 1996. – № 3.
3. Год кризиса, 1938–1939 : Документы и материалы : в 2 т. – Т. 1: 29 сентября 1938 г. – 31 мая 1939 г. / М-во иностр. дел СССР. – М. : Политиздат, 1990.
4. Год кризиса, 1938–1939 : Документы и материалы : в 2 т. – Т. 2: 2 июня 1939 г. – 4 сентября 1939 г. / М-во иностр. дел СССР. – М. : Политиздат, 1990.

5. Дашичев, В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы / В.И. Дашичев. – М. : Наука, 1973. – Т. 1.
6. Документы внешней политики. 1939 год. – М. : Междунар. отношения, 1992. – Т. 22. – Кн. 1.
7. Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937–1939. – Т. 2: Янв.–авг. 1939 г. / М-во иностр. дел СССР. – М. : Политиздат, 1981.
8. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. – Т. 7: 1939 – 1943 гг. – М. : Наука, 1973.
9. Запись переговоров между министром иностранных дел Великобритании Антони Иденом и (г-ном И.В.) Сталиным ночью 17 декабря (1941) // Родина. – 1991. – № 6–7.
10. Ленин, В.И. Неизвестные документы. 1891–1922 / В.И. Ленин. – М., 1999.
11. Ленин, В.И. Полн. собр. соч. / В.И. Ленин. – Т. 42.
12. Откровения и признания: нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. – М. : «Терра», 1996.
13. От пакта Молотова–Риббентропа до договоров о базах. Документы и материалы. – Таллинн, 1990.
14. Семиряга, М.И. Ещё раз о кризисном годе, 1939... // Мировая экономика и международные отношения. – 1989. – № 12.
15. Сиполс, В.Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны / В.Я. Сиполс. – М. : Междунар. отношения, 1979.
16. СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. Сентябрь 1938 г. – август 1939 г. – М. : Политиздат, 1971.
17. Сталин, И.В. Сочинения / И.В. Сталин. – М., 1947. – Т. 7.
18. 1939 год. Уроки истории. – М. : Мысль, 1990.
19. Фирсов, Ф.И. Архивы Коминтерна и внешняя политика СССР в 1939–1941 гг. / Ф.И. Фирсов // Новая и новейшая история. – 1992. – № 6.
20. Фляйшхауэр, И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938–1939 г.; пер. с нем. И. Фляйшхауэр. – М. : Прогресс, 1990.
21. Фолькман, Г.-Э. Польша в политико-экономических расчётах «третьего рейха» / Г.-Э. Фолькман // Вторая мировая война. Дискуссион. Основные тенденции. Результаты исследований. – М. : Весь мир, 1996.
22. Цительман, Р. К обоснованию мотива «жизненного пространства» в мировоззрении Гитлера / Р. Цительман // Вторая мировая война. Дискуссион. Основные тенденции. Результаты исследований. – М. : «Весь ми», 1996.
23. Ширер, У. Взлёт и падение Третьего Рейха / У. Ширер. – М. : Воениздат, 1991. – Т. 1.
24. Archiwum Akt Nowych (Warszawa). MSZ. Wydział Wschodni. – Sygn. 6652A.
25. Bellona. – L., 1958. – Zesz. 2–4.
26. Bregman, A. Najlepszy sojusznik Hitlera. – Warszawa, 1997 (Сведчанне супрацоўніка германскага МЗС Э. Кордта, пачутае ад генерала Браўхіча).
27. Burckhardt, C.J. Moja misja w Gdańsku. 1937–1939 / C.J. Burckhardt. – Warszawa : Pał, 1970.
28. Dębski, S. Pakt Ribbentrop–Mołotow a sowiecka agresja na Polskę 17 września 1939 r. / S. Dębski // Radziecka agresja 17 września 1939 r. i jej skutki dla mieszkańców ziem północno-wschodnich II Rzeczypospolitej. – Białystok, 2000.
29. Diariusz i teki Jana Szembeka (1935–1945) : w 4 t. / Polski osrodek naukowy. – L., 1972. – Т. 4.

30. Diariusz i teki Jana Szembeka (1935–1945). Uzupełnienia od 1 września do 31 grudnia 1939 r. // Niepodległość. – N.-Y.; L., 1987. – Т. XX.

31. Documents diplomatiques. 1938–1939. – Paris : Imprimerie Nationale, 1939.

32. Grzybowski, W. Byłem świadkiem / W. Grzybowski. – B. m., 1984.

33. Karski, J. Wielkie mocarstwa wobec Polski. 1919–1945 / J. Karski. – Warszawa : PIW, 1992.

34. Kowalski, W.T. Zachodni sojusznicy Polski wobec niemieckiej agresji na Polskę / W.T. Kowalski // Wojskowy przegląd historyczny. – 1989. – № 3.

35. Zgórnjak, M. Europa w przededniu wojny / M. Zgórnjak. – Krakow : Księgarnia Akademicka, 1993.

Lazko R.R. «Grips» are Tightening: Polish Section of Versailles System between Germany and USSR in Spring-Summer of 1939

Assessing the position of Poland between two anti-Versailles states- fascist Germany and the USSR – in the situation of geopolitical «grips», the author considers the conditions in which their linking turned out to be possible in early autumn of 1939.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 03.10.2012

УДК 27-9(476)+37

Е.В. Морозько

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОНАСТЫРЕЙ МИНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЕПАРХИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)

«Автор статьи проанализировал направления деятельности православных монастырей Минской епархии во второй половине XIX в. в контексте социальной жизни Беларуси. Выявлены особенности функционирования православных монастырей Минской епархии (источники доходов, помещения). Охарактеризован состав монахов и послушников (опытные священнослужители с высшим духовным образованием от 52 до 64 лет, выходцы из семей духовенства). Раскрыты направления деятельности православных монастырей как религиозных и социальных центров Минской епархии (распространение грамотности, открытие школ-приютов, организация помощи больным), что позволило определить их вклад в социальную жизнь Беларуси.

Введение

Особым видом социального служения церкви является монашеское служение, история и традиции которого относятся к малоизученным феноменам отечественной истории. Эта скрытая от обычного взгляда человека форма жизни православной церкви всегда оказывала значительное влияние на духовную культуру белорусских земель. Не являются исключением и православные монастыри, которые в настоящее время активно восстанавливаются и начинают играть заметную роль в жизни общества. Для их материального и, еще в большей степени, духовного возрождения, необходимо тщательное изучение истории православных обителей. Познание исторического опыта монастырей на различных этапах его развития позволит современному обществу использовать богатые традиции православных обителей, накопленные в течение многих веков.

Целью данного исследования является характеристика деятельности монастырей Минской епархии в контексте социальной жизни Беларуси. Поставленная цель предполагает решение следующих задач: выявление условий функционирования монастырей; характеристика состава братии монастырей; раскрытие направлений социального служения монастырей.

В качестве объекта исследования избран феномен монастырской социальной деятельности Минской епархии второй половины XIX в., рассматриваемый в наиболее характерных типических чертах. Общая картина социальной деятельности монастырей Беларуси во второй половине XIX в. вырисовывается в образе Минской православной епархии. Несмотря на определенные особенности, Минская православная епархия – особый регион, который наиболее полно отражает общую сущность изучаемой проблемы. Этот регион позволяет на примере географически сравнительно небольшого объекта исследования показать практически все основные аспекты процессов, происходивших на территории Беларуси в целом. Центральный характер Минской епархии во многом определял ее лидирующее положение во многих процессах церковной и общественной жизни. Общие тенденции социальных изменений в белорусских епархиях сохранялись на протяжении второй половины XIX в.

Методология исследования определяется спецификой объекта исследования, его целью и совокупностью поставленных задач. Взятые за основу методологии принципы системности, объективности и историзма позволяют подойти к рассмотрению такого многостороннего феномена как монастырь. Применяется метод системного анализа, позволивший исследовать монастыри Минской епархии как целостную систему.

Условия функционирования монастырей Минской православной епархии

Монастыри Минской православной епархии являлись церковными учреждениями, в которых проживала и осуществляла свою деятельность мужская или женская община из православных братчиков и сестёр, добровольно избравших монашеский образ жизни для духовного и нравственного совершенствования и совместного исповедания православной веры. Во второй половине XIX в. в Полоцкой, Могилевской, Литовской и Минской епархиях количество православных монастырей уменьшалось. Как указывает В.В. Яновская, их количество резко сократилось с 60 до 37 [2, с. 85]. В Минской православной епархии их количество менялось незначительно – действующими были 5–6 монастырей. В 1860-е гг. в Минской православной епархии функционировали первоклассный Слуцкий мужской Свято-Троицкий, второклассный Пинский мужской Богоявленский, Грозовский мужской, Ляданский мужской Благовещенский, Пинский женский Варваринский и Вольнянский женский Свято-Троицкий монастыри [20, с. 168; 28, с. 2–4]. В 1870-е гг. Пинский женский Варваринский и Вольнянский женский Свято-Троицкий монастыри перевели в первоклассный Минский женский Преображенский, а Слуцкий мужской Свято-Троицкий монастырь в Минский мужской первоклассный Свято-Духов монастырь [29, с. 4об; 34, с. 3]. Его место в Слуцке занял Грозовский третьеклассный монастырь [29, с. 4об].

Политика российского государства в отношении разных христианских конфессий содействовала тому, чтобы практически все монастыри епархии занимали здания, которые принадлежали католическим и униатским монашеским орденам. Минские мужской Свято-Духов и женский монастыри были перестроены из бернардинских монастырей [1, с. 375; 29, с. 3об]. Ляданский монастырь получил в наследство дом униатского ордена базилиан [3, с. 1; 22, с. 113об; 29, с. 376]. Только Слуцкий монастырь существовал как православный с 1455 г. [1, с. 377]. Точное время основания Пинского мужского Богоявленского монастыря неизвестно, но в конце XVI в., по свидетельствам источников, он был православным [4].

Во все исторические периоды важной для монастыря была экономическая составляющая. Православные обители епархии размещались в каменных корпусах, где находились кельи, столовая, кухня, просфоропекарня. Монастырский комплекс также имел в своём распоряжении хозяйственные постройки, тёплую и холодную церкви, колокольни, сады, огороды [22, с. 3, 125–125об; 23, с. 118; 34, с. 18]. Некоторые монастыри не имели полноценного собственного помещения, что осложняло их функционирование. Например, Пинскому мужскому монастырю принадлежала только $\frac{1}{3}$ часть здания, остальная площадь принадлежала духовному училищу [8, с. 1; 27; 33]. Пинская женская община располагалась в действовавшей половине монастыря, остальная его часть пришла в негодность. Такое состояние женского монастыря в значительной степени обусловило передачу его здания городской больнице [23, с. 25об].

Во второй половине XIX в. финансирование монастырей изменялось: в 1860-е гг. государственные ассигнования в пользу некоторых монастырей выросли в 1,5 раза, а в 70-е гг. XIX в. они были урезаны в 2,7 раза [5, с. 256; 7, с. 11; 11, с. 3; 15, с. 7; 21, с. 3; 22, с. 2об]. Такое финансовое положение обусловило расширение хозяйственной деятельности монастырей. Большая часть земель, а также принадлежавшие монастырю торговые лавки, пристройки и прочие «оброчные статьи» сдавались в аренду и приносили немалый доход [17]. Источником доходов были также добровольные приношения на церковные и приходские нужды, продовольствие, процент с капиталов, которые хранились в кредитных учреждениях – кружечные и кошелевские сборы [19]. Помимо

этого, монастыри имели самостоятельный заработок (прибыль от продажи свечей, венчиков и листов разрешительной молитвы, сдача в аренду причтовых помещений) [10, с. 2–2об; 14; 19, с. 2–3об; 24, с. 11–12об].

Основной статьёй расходов были затраты, связанные с ремонтом монастырей, а также продовольствием для общины. Кроме этого, для ведения хозяйства необходимо было содержать скот, закупать хозяйственные принадлежности, нанимать рабочих на обработку монастырских угодий. Командировочные, налоговые и страховые выплаты строго регистрировались как расходная статья общего капитала. К тому же, монастырское начальство следило за здоровьем монахов и оплачивало посещение фельдшера. В числе прочих были издержки на выпуск периодических изданий, необходимых для повышения образовательного уровня общины [18, с. 2об–3].

В соответствии с примечаниями финансового расписания для православных монастырей Минской православной епархии, суммы, которые оставались от ремонтных работ, должны были сохраняться на дальнейшее строительство [9, с. 8–8об]. Другие финансовые средства с разрешения епархиального архиерея обращались на иные нужды монастыря: награждение монахов, приобретение книг и др.

Состав монастырской братии

Мотивационное разнообразие пополнения монашества было связано, в первую очередь, с тем, что после ослабления сословных ограничений монастыри стали значительно более доступны для представителей низших слоёв. Представителей низших слоёв они привлекали не только по религиозным, но и по житейским причинам. Обитель давала им работу, жильё, одежду, питание, в то время как в пореформенной деревне и городе выжить представителям этих сословий было значительно тяжелее. В Минской православной епархии пострижение в монашество допускалось в зависимости от наличия вакансий. Согласно уставу духовной консистории, желавшие постричься в монашество должны были сами представить епархиальному начальству на рассмотрение документы и ожидать ответного решения о принятии в обитель [12].

Учитывая особенности биографий монашествующих, по нашему мнению, можно выделить 3 типа мотивационных путей, которые приводили братчиков Пинского Богоявленского монастыря в обитель: а) «традиционный» – здесь важную роль играет набожное воспитание, мнение близких людей, подпадающих под категорию авторитетных, доверенных лиц; б) «трагический» – связан с личной трагедией в миру, а вместе с этим и утратой смысла жизни (вдовство); в) «ищущий» – присущ образованным лицам, которые осознанно предпочитают семье любовь к Богу.

Большое влияние на внутреннюю жизнь монастыря оказывал настоятель: понимание настоятелем своей роли и своих задач по управлению общиной, харизматические свойства личности, пастырские качества, организаторские, административные способности оказывали воздействие на общность интересов внутри общины, понимание своих задач, своего статуса. Если настоятель оказывался в зависимости от синодальной практики частых переводов с одного места на другое, то неизбежным был упадок духовной жизни обители. Аскетические же идеалы сохранялись и становились образом жизни в тех обителях, где настоятель ставил цели духовного роста братии или усиления влияния монастыря на мир и имел достаточно времени для достижения поставленных целей.

Все настоятели монастырей Минской епархии прошли долгий путь служения церкви. Например, настоятель Грозовского монастыря, игумен Геронтий, служил священником в приходе Киевской епархии, экономом при Киевской духовной семинарии, монахом Киевского монастыря. Настоятель Ляданского монастыря архимандрит Нико-

лай Трусовский был ректором, профессором богословских наук Минской духовной семинарии, учителем в Новгородской духовной семинарии, инспектором новгородских и минских училищ, благочинным монастырей Минской православной епархии. Карьера настоятеля Пинского мужского монастыря архимандрита Самуила (Стефана Васильевича Зубаревского) была связана с преподавательской деятельностью в Киево-Подольском и Пинском духовных училищах. Остальные члены братии имели солидный опыт служения в различных монастырях епархии [13, с. 68-69, 89об-93]. Все они в равной степени заботились как о внешнем благолепии вверенных обителей, так и о нравственном климате внутри монашеских общин.

Важным являлся «административный ресурс» общины, т.е. наличие способных и активных монахов. Несмотря на расширение доступа в православные обители, в числе монахов были, в основном, опытные священнослужители с высшим духовным образованием (Минская, Орловская, Литовская духовная семинарии, Киевское и Жировицкое духовное училища). Иеродиакон и послушники, в основном, закончили разные учебные заведения (Смоленскую гимназию, Севское духовное училище и др.), а некоторые получили образование в школе грамоты или дома [13, с. 69об-71].

В монастырской общине, особенно среди иеромонахов, преобладали старшие духовные: от 52 до 64 лет. Молодыми были только послушники (в возрасте от 19 до 26 лет). Однако и в их числе были 40- и 48-летние служители. Многие монахи совмещали своё пребывание в церковном учреждении с преподаванием. Большая часть общины были выходцами из семей духовенства. Исключением являлись мещане и ремесленники. Значительная часть монахов являлась белорусами. Однако в их рядах встречались и представители других национальностей (русские, украинцы, евреи) [13, с. 75-76, 81об-82об].

По сравнению с Полоцкой, Могилевской, Литовской епархиями, где в среднем в монастырях находилось 5 чел., в Минской православной епархии в рассматриваемый период количество монахов колебалось от 3 до 22 чел. [16; 20, с. 168; 23, с. 2об]. В женских монастырях численность сестёр составляла 10-90 чел. Так ая разница монашества мужских и женских монастырей объясняется открытием Минского женского монастыря [13, с. 35об-36]. Число его монахинь и послушниц выросло в 9 раз в связи с тем, что работа, которой они занимались, была очень востребованной.

Состав женских монастырей был похожим на мужские братские организации. Монахини были женщинами в возрасте 52-80 лет, из разных социальных групп, в основном, священнических семей. Как правило, многие из них служили в Вольнянском, Слуцком и Оршанском монастырях [13, с. 42об-44; 34, с. 35]. Послушницами в монастырях являлись дочери и жёны священно- и церковнослужителей, как молодые девушки (16 лет), так и женщины в возрасте (64 года). В большинстве своём они были белорусками (35-40%), некоторые родились в Тульской, Орловской, Курской, реже – Могилёвской, Смоленской, Черниговской, Калужской, Рязанской, Казанской, Таврической губерниях. Сёстры в монастырях в основном владели грамотой [13, с. 36об].

Сила монашеского духа в Минской православной епархии была высокой. Монастыри и их жизнь были примером для монастырей Могилевской, Полоцкой и Литовской епархий в силу выше перечисленных примеров (количество, уровень образования, время и опыт служения монашествующих).

Деятельность монастырей Минской епархии

Отношения монастыря с миром во второй половине XIX в. развивались по трем направлениям. Православный монастырь, во-первых, выступал как объект религиозного почитания верующих, как центр (региональный) духовно-религиозной жизни наро-

да; во-вторых, монастырь был субъектом экономических связей региона; и, наконец, каждая обитель осуществляла социальное служение миру (благотворительная, миссионерская, просветительская деятельность).

Православные монастыри епархии выполняли функцию просветительских центров. Представители различных слоёв населения получили образование в школах при Ляданском, Слуцком и Пинском женском монастырях [22, с. 125об]. Преподавателями Закона Божия в них являлись священники, церковного пения – псаломщики, чтения, письма и рукоделия – монахи и послушницы [26, с. 20; 34, с. 11]. В Минском мужском монастыре кроме собственно церковной школы, функционировала ещё и ремесленная, где воспитанники обучались столярному и переплётному ремеслу [25, с. 21а; 31, с. 4об; 32, с. 19]. Православные монастыри епархии занимались также обучением причетников. Учебный курс продолжался в среднем около двух месяцев, до тех пор, пока правление не сообщало духовной консистории об успехах церковнослужителей [5, с. 367 –368об]. Во время обучения монастырское управление получало за содержание в обители жалованье причетников [6, с. 8].

Сестричество Минского женского монастыря давало приют женщинам-нехристианкам, преимущественно иудейкам, которые готовились к таинству крещения посредством изучения молитв [32, с. 18об]. Им предоставлялось помещение и содержание в среднем на два месяца, а в случае задержки документов – 5–7 месяцев. Одна из сестёр обучала женщину молитвам, Символу веры, знакомила с учением и богослужением в Православной Церкви. С 1874 по 1899 г. в обители находилось около 200 представительниц других конфессий, которые приняли православие [34, с. 43–44].

Ещё со времени открытия Минского женского монастыря планировалось организовать при нём больницу, но из-за отсутствия средств и помещения эта идея так и не осуществилась. Вместе с тем некоторые сёстры в случае необходимости ухаживали за больными вне пределов монастыря в качестве сестёр милосердия [34, с. 46].

Монастыри епархии имели социально-ориентированную направленность. Слуцкий, Минский женский, Вольнянский и Пинские мужской и женский монастыри открыли приюты [13, с. 46об–48об; 22, с. 11; 30, с. 16; 31, с. 5об; 34, с. 10]. Цель приютов – дать образование круглым сиротам или детям бедного православного духовенства Минской епархии, а также в некоторых случаях детям бедных родителей других сословий. В них содержались в основном дети из семей православного духовенства от 7 до 22 лет, которые изучали грамоту, пение, истины веры, рукоделие [13]. Всем необходимым (одеждой, питанием, учебными пособиями) их обеспечивал монастырь на собственные средства [34, с. 39].

Создание приютов при монастырях имело важное социальное значение, т.к. духовные и народные училища не обеспечивали в полной мере образованием всех желающих. Школа при монастыре в определённой степени оказывала помощь в деле образования детей духовенства епархии. В приюте при Минском женском монастыре находилась школа, занятия в которой проходили с 1 сентября по 15 июня. Преподавателем Закона Божия был монастырский священник, остальные предметы (чтение, письмо, чистописание, рисование, арифметика, русская история, география, церковное пение, рукоделие) вела учительница. До 1899 г. учительницы избирались из сестёр, а в 1899 г. из-за отсутствия подходящего лица, вынуждены были принять наставницу из другого учреждения с оплатой труда в 100 руб. в год. Учебный день состоял из трёх уроков: двух до обеда и одного после. Первый утренний урок рукоделия продолжался 2 часа, остальные второй и третий – по 1¼ часа каждый (по расписанию). В течение 25-летней

деятельности приюта полный курс обучения прошли 250 воспитанниц. Некоторые из них стали сёстрами монастыря, остальные вернулись в деревни и вышли замуж [34, с. 41 –42].

Заклучение

История монастырей Минской православной епархии во второй половине XIX – начале XX вв. показывает, что именно в этот период перед обителями, как религиозными учреждениями традиционного общества, встали многочисленные проблемы их существования в новых политических, социально-экономических и культурных условиях на белорусских землях, которые необходимо было решать.

Монастыри Минской православной епархии (первоклассный Слуцкий мужской Свято-Троицкий, второклассный Пинский мужской Богоявленский, Грозовский мужской, Ляданский мужской Благовещенский, Пинский женский Варваринский, Вольнянский женский Свято-Троицкий, Минский женский Преображенский, Минский мужской первоклассный Свято-Духов) являлись церковными учреждениями, которые проводили просветительскую и благотворительную деятельность. Они занимали помещения бывших католических и униатских обителей. Некоторые монастыри не имели полноценного собственного помещения, что осложняло их функционирование. Источником монастырских доходов были государственные ассигнования и добровольные приношения, процент с капиталов в кредитных учреждениях. Помимо этого, монастыри имели самостоятельный заработок (прибыль от продажи свечей, венчиков и листков разрешительной молитвы, сдача в аренду причтовых помещений). Основной статьёй расходов были затраты, связанные с ремонтом монастырей, а также продовольствием для общины.

Во второй половине XIX в. доступ в православные монастыри епархии расширился. Представителей низших слоёв они привлекали не только по религиозным, но и по житейским причинам. Несмотря на расширение доступа в православные обители, в числе монахов были в основном опытные священнослужители с высшим духовным образованием от 52 до 64 лет, выходцы из семей духовенства. Состав женских монастырей был похожим на мужские братские организации (монахини в возрасте 52–80 лет, из семей священников).

Православные монастыри епархии выполняли функции просветительских центров. В созданных при них школах и приютах население епархии получало начальное образование. Сестричество Минского женского монастыря давало приют женщинам-нехристианкам, которые готовились к крещению. Вместе с тем, некоторые монахини ухаживали за больными за пределами монастыря в качестве сестёр милосердия. Благотворительная, просветительская, образовательная и иная социальная деятельность обителей стала особенно востребованной в условиях реформ и контрреформ на белорусских землях. Монастыри Минской епархии второй половины XIX в. как субъекты историко-культурной среды реагировали на важнейшие «вызовы» социального развития на территории Минской епархии. В качестве же носителей религиозных ценностей монастыри проявили себя как носители статики, укрепляя православные традиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Денисов, Л.И. Православные монастыри Российской империи: полный список всех 1105 ныне существующих в 75 губерниях и областях России (и 2 иностр. государствах) мужских и женских монастырей, архиерейских домов и женских общин / Л.И. Денисов. – М. : Тип. А.Д. Ступина, 1908. – 984 с.

2. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII–XX ст.) / В.В. Грыгор’ева [і інш.] ; навук. рэд. У.І. Навіцкі. – Мінск : Экаперспектыва, 1998. – 337 с.
3. Ляданское духовное училище. – СПб. : Тип. С.А. Некрасова, 1905. – 35 с.
4. Морозько, Е.В. Пинский мужской Богоявленский монастырь: исторический аспект (втор. пол. XIX – нач. XX вв.) / Е.В. Морозько // Весн. Беларус. дзярж. ўн-та. Сер. 3. Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 2010. – № 2. – С. 6–10.
5. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 95. – Оп. 1. – Д. 158. Указы Минской духовной консистории, рапорты благочинных о зачисление и содержание в монастыре на время учёбы причетников, ведомости прихода и расхода денег.
6. НИАБ. – Фонд 96. – Оп. 7. – Д. 606. Дело о высылке денег за обучение причетников в Ляданском Василианском монастыре.
7. НИАБ. – Фонд 96. – Оп. 7. – Д. 637. Указы Минской духовной консистории об увеличении размера пенсий епархиальному духовенству, о внесении 2% жалованья в пользу Паричского училища девиц духовного звания, расписание выплаты пособий духовенству и ведомости лиц, которым положено добавочное жалованье.
8. НИАБ. – Фонд 129. – Оп. 1. – Д. 11. Об учреждении при Пинском монастыре училища для девиц духовного звания.
9. НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 29736. Дело о ремонте крыши дома Пинского Богоявленского монастыря.
10. НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 30128. Дело по указу Сената о порядке разграничения церковных земель в помещичьих имениях.
11. НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 30347. Ведомости о суммах, ассигнованных на штатное содержание и другие расходы по епархии на 1863 г.
12. НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 30378. Указы Синода за 1863–1875 гг.
13. НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 30599. Ведомости и послужные списки настоятелей, монашествующих и послушников монастырей епархии за 1863 г.
14. НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 33198. Дело о проверке отчётов о приходе и расходе экономической суммы Слуцкого Троицкого монастыря за 1866–1869 гг.
15. НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 34659. Дело о получении денег на выдачу жалованья духовенству епархии на 1875 г.
16. НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 34926. Ведомости о монашествующих и послушниках монастырей епархии за 1875 г.
17. НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 35662. Дело о представлении настоятелем Пинского Богоявленского монастыря ведомостей о приходе и расходе денег, сбора пожертвований и арендной платы за 1879–1880 гг.
18. НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 35662. Дело о представлении настоятелем Пинского Богоявленского монастыря ведомостей о приходе и расходе денег, сбора пожертвований и арендной платы за 1879–1880 гг.
19. НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 35662. Дело о представлении настоятелем Пинского Богоявленского монастыря ведомостей о приходе и расходе денег, сбора пожертвований и арендной платы за 1879–1880 гг.
20. НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 35982а. Отчёт о приходе и расходе церковной суммы Минского женского монастыря за 1885 г.
21. НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 36021. Дело о проверке отчёта о приходе и расходе экономической суммы Пинского Богоявленского монастыря за 1885 г.

22. НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 36579. Сведения о состоянии епархии за 1895 г.
23. НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 37114. Дело о получении консисторией денег на выдачу жалованья духовенству епархии на 1905 г.
24. НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 37240. Ведомости о состоянии церквей, земельных владениях, послужные списки настоятелей, монашествующих и послушников монастырей за 1905 г.
25. НИАБ. – Фонд 299. – Оп. 1. – Д. 6670. Дело о занятии части женского Варваринского монастыря под лазарет в связи с ремонтом помещения Пинской городской больницы.
26. НИАБ. – Фонд 299. – Оп. 1. – Д. 7440. Дело по жалобе казначея правления Минского Свято-Духова монастыря за неправильное обложение монастырского имущества налогом.
27. НИАБ. – Фонд 461. – Оп. 1. – Д. 1. Описание документов лиц, назначаемых на учительские должности в церковно-приходские школы Минской епархии в 1893–1907 гг.
28. НИАБ. – Фонд 461. – Оп. 1. – Д. 8. Проект и смета на постройку школы при мужском монастыре в г. Минске.
29. НИАБ. – Фонд 1567. – Оп. 1. – Д. 29. Дело о ревизии духовных учебных заведений епархии.
30. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1895 год. – Минск : Мин. губерн. стат. ком., 1894. – 225 с.
31. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Фонд 796. – Оп. 442. – Д. 1845. Отчёт о состоянии Минской епархии за 1900 г.
32. РГИА. – Фонд 796. – Оп. 442. – Д. 378. Отчёт о состоянии Минской епархии за 1870 г.
33. РГИА. – Фонд 796. – Оп. 442. – Д. 637. Отчёт о состоянии Минской епархии за 1875 г.
34. РГИА. – Фонд 796. – Оп. 442. – Д. 883. Отчёт о состоянии Минской епархии за 1880 г.
35. Товаров, А.В. Историко-статистическая справочная книга Минской епархии / А.В. Товаров. – Минск : Тип. С.А. Некрасова, 1903. – 200 с.
36. Хвалебнов, А. Минский Спасо-Преображенский женский монастырь / А. Хвалебнов. – Минск : Типо-литогр. Б.И. Соломонова, [1889]. – 46 с.

Morozko K.V. The Social Activity of the Monasteries of Minsk Orthodox Diocese (the second half of the 19th century)

The author analyzed the activities of the Orthodox monasteries in the diocese of Minsk in the second half of 19th century in the context of the social life in Belarus. The features of the functioning Orthodox monasteries of the Minsk diocese (sources of income, facilities) were revealed. The composition of monks and novices (experienced clergy with higher spiritual education from 52 to 64 years, coming from families of the clergy) was characterized. Activities of the Orthodox monasteries as religious and social centers of the Minsk diocese (literacy, opening schools, shelters, the organization of care for patients) was disclosed, which allowed to determine their contribution to the social life in Belarus.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 05.05.2012

УДК 63 (091) (476)

Л.І. Ермаковіч

СЕЛЬСКАЯ ГАСПАДАРКА ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ Ў ПЕРАДВАЕННЫ ПЕРЫЯД (1939–1941 гг.)

У артыкуле аўтар паспрабаваў вылучыць і прааналізаваць асноўныя накірункі аграрнай палітыкі савецкай улады ў Заходняй Беларусі ў перадваенны перыяд: вынішчэнне аграрнай спадчыны польскай дзяржавы і заможнай часткі сялянства, мерапрыемствы па задавальненню эканамічных інтарэсаў вясковай беднаты, пачатак калгаснага будаўніцтва. У кантэксце тэмы таксама разглядаецца змест масава-палітычнай работы сярод сялянства з мэтай змянення яго псіхалогіі і стварэння прывабнага іміджу савецкай улады. На думку аўтара, аграрная палітыка савецкай улады першапачаткова з'яўлялася безальтэрнатывнай, пазбаўляла селяніна эканамічнай свабоды, абмяжоўвала яго гаспадарчую самастойнасць. Яна мела стратэгічную мэтай стварэнне адпаведных умоў для развіцця сельскай гаспадаркі па калгаснаму шляху, які абвясчаўся адзіна правільным шляхам працоўнага сялянства да сацыялізму.

Уводзіны

Састаўной часткай народнагаспадарчага комплекса нашай краіны з'яўляецца аграрны сектар. Яго развіццю ў савецкія часы надзялялася вялікая ўвага. Такая ж увага яго развіццю і ўдасканаленню надаецца дзяржаўным кіраўніцтвам і на сучасным этапе. Гэта тлумачыцца тым, што прыродна-кліматычныя ўмовы ў спалучэнні з традыцыйнай для беларусаў працавітасцю і цягай да працы на зямлі, выкарыстаннем сучасных навукова-тэхналагічных дасягненняў дазваляюць за кароткі час рэзка павялічыць аб'ёмы вытворчасці сельскагаспадарчай прадукцыі і на гэтай аснове па ўсіх паказчыках поўнаасцю задаволіць не толькі ўнутраны попыт на яе, але і яшчэ істотна нарасціць экспартны патэнцыял сельскай гаспадаркі. Таму паспяховае развіццё аграрнага сектара з'яўляецца важнай умовай росту грамадскага багацця і матэрыяльнага дабрабыту народа. Пры ажыццяўленні аграрнай палітыкі заўсёды важна ўлічваць гістарычны вопыт сельскагаспадарчага развіцця, як пазітыўны, так і негатыўны. Асабліва, калі гэты вопыт датычыцца ўзаемаадносін дзяржавы з галоўнай фігурай у сельскай гаспадарцы – селянінам, адносіны якога да працы прадвызначаюць канчатковы вынік гаспадарання на зямлі.

У дадзеным артыкуле разглядаюцца і аналізуюцца першасныя мерапрыемствы савецкай улады ў галіне сельскай гаспадаркі Заходняй Беларусі пасля яе ўз'яднання з БССР восенню 1939 года ўключна да пачатку Вялікай Айчыннай вайны. Якраз гэтаму перыяду ў развіцці аграрных адносін у айчыннай гістарычнай навуцы нададзена найменш увагі. Гэтая акалічнасць таксама спрычынілася да выбару тэмы артыкула.

Мерапрыемствы савецкай улады ў галіне сельскай гаспадаркі Заходняй Беларусі ў 1939 – 1941 гг.

Да 25 верасня 1939 г. Чырвоная Армія цалкам заняла тэрыторыю Заходняй Беларусі. Услед за ёю сюды для ўсталявання савецкай улады былі накіраваны на партыйную работу 1 500, на камсамольскую, савецкую і гаспадарчую – 1 200 камуністаў і камсамольцаў, сотні супрацоўнікаў Народнага камісарыята ўнутраных спраў. Асноўная частка насельніцтва (85%) Заходняй Беларусі пражывала ў вёсцы і займалася сельскагаспадарчай працай. У вёсках і мястэчках органамі новай улады з'яўляліся сялянскія камітэты. У іх склад выбіраліся прадстаўнікі беднякоў, сярднякоў і парабкаў. Не чакаючы заканадаўчых актаў гэтыя камітэты дзялілі памешчыцкую і царкоўную зямлю сярод беззямельных і малазямельных сялян, якія за кароткі час атрымалі 431 тыс. га

зямлі і сенажацей. Ім таксама было перададзена 14 тыс. коней і 33,4 тыс. кароў, выдавалася зерне на пасеў [1, с. 255–256]. У выніку ужо восенню 1939 г. было істотна падарвана польскае памешчыцкае землеўладанне.

Важнае значэнне для працэса аграрных пераўтварэнняў мела прынятая Народным сходам Заходняй Беларусі Дэкларацыя аб канфіскацыі памешчыцкіх зямель. У ёй абвяшчалася канфіскацыя без ўсякага выкупу зямель памешчыкаў, манастыроў, буйных дзяржаўных чыноўнікаў з усім інвентаром, жывёлай і сядзібнымі пабудовамі. Уся зямля з яе нетрамі, лясамі і рэкамі абвяшчалася ўсенародным здабыткам, або дзяржаўнай уласнасцю.

Ліквідавалася таксама асадніцкае землеўладанне. Рашэнне аб гэтым звычайна прымалася сялянскімі камітэтамі і пастановамі агульных сходаў сялян па месцы іх жыхарства. Як гэта адбывалася, нагляднае ўяўленне дае пастанова агульнага сходу сялян вёскі Явар Слонімскага ўезда Баранавіцкай вобласці. На сходзе 11 лістапада 1939 г. сяляне пастанавілі: выдаліць польскіх асаднікаў з дзялянак, атрыманых ва ўзнагароду за заслугі ў барацьбе супраць Чырвонай Арміі ў 1918–1920 гг. Зямельныя надзелы разам з пабудовамі, а таксама буйную рагатую жывёлу, коней з вупражжу, сельскагаспадарчы інвентар, хлеб і корм канфіскаваць [2, с. 260]. Колькасць асаднікаў была даволі значнай. Толькі ў Пінскай вобласці са снежня 1939 г. па лістапад 1940 г. было выселена 1 135 асадніцкіх гаспадарак з колькасцю 6 127 чалавек [3, с. 19]. З Брэсцкай вобласці толькі ў лютым 1940 г. было выселена 1 585 асаднікаў і работнікаў лясной аховы. Усім выселеным з вобласці асаднікам належала наступная ўласнасць: коні – 1 267 галоў, буйная рагатая жывёла – 3 772 галавы, авечкі – 1 893 галавы, свінні – 2 814 галоў, хатняя птушка – 13 504, вуллі з пчоламі – 1 198, збожжа – 7 318 цэнтнераў, бульба – 33 457 цэнтнераў, жылых дамоў – 1 034, гаспадарчых пабудоў – болей 3 тысяч [4, с. 202]. Пасля высялення маёмасць асаднікаў бязвыплатна перадавалася калгасам і сялянам, часткова раскрадалася.

Падчас падзелу памешчыцкіх і асадніцкіх маёнткаў зімой–вясной 1940 г. сяляне атрымалі 1 млн. га ворыўнай зямлі, 33,4 тыс. кароў, 15,7 тыс. свіней, 14 тыс. коней [5, с. 38]. Гэта садзейнічала стварэнню значнай сацыяльнай апоры савецкай улады з ліку батрацка-бядняцкай часткі сялянства, а таксама прывяло да павелічэння праслойкі сялян-сераднякоў. Разам з тым неабходна адзначыць, што заходнебеларуская вёска паранейшаму заставалася малазямельнай. Больш за 40% сялянскіх двароў мелі да 5 га зямлі, што не стварала ўмоў для росту прадукцыйнасці сельскагаспадарчых і забеспячэння годнага ўзроўню дабрабыту сялян. Да таго ж культура гаспадарання была ў большасці выпадкаў прымітыўнай. На тое існавалі розныя прычыны: адсутнасць сучасных агра-тэхнічных ведаў, інвентару, востры недахоп цяглавай сілы, гатунковага насення, пародзістай жывёлы, фінансавых сродкаў.

Разам з тым надзяленне сялян зямлёй сведчыла пра задавальненне іх галоўнага эканамічнага інтарэсу. Тым самым была створана галоўная умова для паступальнага (эвалюцыйнага) уздыму сельскагаспадарчай вытворчасці, росту яе прадукцыйнасці і адпаведна – росту дабрабыту самога сялянства і ўсяго грамадства. Натуральна, што патрэбны былі многія іншыя крокі новай улады па ўмацаванню гаспадарчай самастойнасці, асабістай матэрыяльнай зацікаўленасці селяніна-гаспадара ў плённай працы на зямлі. У прыватнасці, гэтыя крокі вымагалі прававога забеспячэння гаспадарчай самастойнасці селяніна, увядзення ашчаднай падатковай сістэмы, развіцця розных форм кааперацыі ў вёсцы, стварэння спрыяльнай крэдытнай сістэмы і многага іншага.

Зразумела, што такі шлях развіцця сельскай гаспадаркі азначаў захаванне і развіццё індывідуальнай сялянскай гаспадаркі, якая грунтавалася на гаспадарчай самастойнасці селяніна, яго эканамічнай свабодзе, развіцці рыначных адносін. Аднак гэта супярэчыла ідэалогіі кіруючай бальшавіцкай партыі з яе прынцыпамі татальнага абагульнення ўласнасці і безумоўнага падпарадкавання асобы і грамадства дзяржаве. Гэтыя прынцыпы былі поўнасцю ўвасоблены ў СССР і БССР падчас будаўніцтва сацыялізму ў 1920–1930-я гг., састаўной часткай якога стала калектывізацыя сельскай гаспадаркі, у выніку чаго быў ліквідаваны клас сялянства. Партыйна-дзяржаўнае кіраўніцтва не жадала ў гэтай сувязі рабіць нейкага выключэння для народа Заходняй Беларусі, ствараць нейкі новы вопытны ўзор сацыяльна-эканамічнага развіцця, які б складаў альтэрнатыву ўжо апрабаванаму і рэалізаванаму на практыцы сацыяльскаму ўзору развіцця грамадства.

З пачатку 1940 года бальшавікі актыўна распачынаюць вытворчае каапераванне ў заходнебеларускай вёсцы, гэта значыць, стварэнне калектывных гаспадарак на аснове абагульнення галоўных сродкаў вытворчасці селяніна – зямлі, рабочай жывёлы, прылад працы. Пры гэтым яны абапіраліся на бяднейшую частку вёскі, якая падтрымлівала ліквідацыю памешчыцкага і асадніцкага землеўладання, дэпартацыю часткі польскага насельніцтва і складала аснову сялянскіх камітэтаў, а затым – мясцовых Саветаў дэпутатаў працоўных. Менавіта батрацка-бядняцкія слаі сялянства былі галоўнай сацыяльнай апорай бальшавікоў у калгасным будаўніцтве, бо ім не было чаго губляць, акрамя свайго беспрасветнага жабрацтва і часта непаважлівых адносін больш заможных суседзяў, якія лічылі галоўнай прычынай іх беднасці безгаспадарлівасць і гультайства. Што да сярэднякоў і заможнай часткі сялян, то яны да палітыкі калектывізацыі ставіліся непрыхільна.

З самага пачатку калектывізацыі мясцовымі партыйнымі і савецкімі органамі была шырока разгорнута агітацыйная і прапагандысцкая праца. Увесь час падкрэслівалася, што калгасы – гэта адзіны сродак дасягнуць заможнага жыцця, і тыя, хто супраць калгасаў, з'яўляюцца ворагамі савецкай ўлады і самога сялянства. Увогуле агітацыйна-прапагандысцкая дзейнасць мела яскравую ідэалагічную афарбоўку. Скарыстоўваўся адпаведны набор ідэалагічных штампаў тыпу: «усё вакол калгаснае – усё вакол маё», «калгасны двор – заможны двор», «кулак – вораг селяніну», «савецкая ўлада як *любая* маці» і іншыя. Цікава звярнуць увагу на адну важную акалічнасць: любыя крокі ўлады ў вёсцы выдаваліся за клопат савецкай дзяржавы аб селяніне-працаўніку, нават калі яны датычылася абкладання сялянскіх гаспадарак сельгаспадаткам, увядзення абавязковых натуральных паставак сельгаспрадукцыі дзяржаве, падпіскі сялян на дзяржаўную пазыку ў фонд трэцяй пяцігодкі (на 1940 і 1941 гг.). Тыя сяляне, якія свядома ці бяздумна адабралі мерапрыемствы ўлады, уключаліся ў стан «свядомых» і «перадавых». У сваёй абсалютнай большасці гэта былі людзі непісьменныя, гаспадарча не ўгрунтаваныя, не аўтарытэтныя ў сялянскім асяроддзі. Яны першымі станавіліся ахвярамі і адначасова носьбітамі бальшавіцкай прапаганды. Гэтая прапаганда ўздымала іх на палітычны шчыт, усяляк усхваляла, штучна рабіла лідэрамі грамадскай думкі, выдала іх думкі за погляды ўсяго працоўнага сялянства. Адначасова ўсіх тых, хто меў альтэрнатыву думку, крытычна ставіўся да ажыццяўляемых мерапрыемстваў у вёсцы ў лепшым выпадку прылічвалі да «несвядомых», а ў горшым – навешвалі ярлыкі падкулачнікаў, класава чужых элементаў, ворагаў працоўнага сялянства. Пры гэтым прыхарошвалася жыццё калгаснікаў ва ўсходняй частцы Беларусі.

Частка сялян успрымала бальшавіцкую прапаганду і падштурхоўваемая цяжкімі жыццёвымі абставінамі сама звярталася да партыйных і савецкіх уладаў з просьбай

аказаць дапамогу ў арганізацыі калгасаў. Вось што пісалі сяляне вёскі Казённыя Лычыцы Любчанскага раёна Баранавіцкай вобласці 27 сакавіка 1940 г. у сваім звароце ў выканкам раённага савета: «Ведаючы, як хораша і культурна жывуць калгаснікі ў Савецкім Саюзе і параўноўваючы наша жыццё з іх жыццём, мы ... пастанаўляем: прасіць савецкую ўладу дапамагчы нам арганізаваць у сваёй вёсцы калгас. Абрыдла нам, беззямельным і малазямельным, доўгія гады працаваць паўгалоднымі і раздзетымі на сваіх вузенькіх палосках... Часта з усходу разам з цёплым вясеннім ветрам да нас даляталі дзівосныя матывы вольных, радасных песень, якія калгаснікі спяваюць падчас працы на сваіх шырокіх палях. А мы ў гэты час старым плугам аралі свае палоскі і плакалі. Не хоча цягнуць плуг галодны конь. Няма чым абсемянiць зямельку. Голадна і холадна ў хаце, плач дзяцей і горкія слёзы жанок раздзіралі душу. Не, хопіць ужо. Мы не жадаем далей так жыць» [2, с. 260]. Аднак многія сяляне недаверліва ставіліся да прапаганды, бо баяліся адважыцца на глыбокія зрухі ў сваім жыцці з непрадказальнымі наступствамі. Акрамя таго, пэўная частка сялян была знаёма з негатывнымі наступствамі калектывізацыі ва ўсходніх абласцях Беларусі ў 1920–1930-я гг. Усё гэта разам істотна зніжала эфектыўнасць працы па прапагандзе калектывных формаў гаспадарання ў вёсцы. Паколькі агітацыйна-прапагандысцкая праца не прыносіла патрэбных вынікаў (большасць сялян не ішла ў калгасы), то пры правядзенні калектывізацыі, як і ў свой час ва Усходняй Беларусі, шырока парушаўся прынцып дабраахвотнасці ўступлення ў калгасы. Шырока практыкаваліся прымусовае абагульненне жывёлы, насення і інвентару, пагрозы і запалохванне, навешванне палітычных ярлыкоў, пазбаўленне выбарчых правоў, ігнараванне палажэнняў існуючых законаў і Прыкладнага статута сельскагаспадарчай арцелі.

Важным сродкам прымусовай калектывізацыі з'яўлялася падатковая палітыка дзяржавы. Усе аднаасобныя гаспадаркі павінны былі выплачваць адзіны сельгаспадаток і выконваць натуральныя дзяржаўныя пастаўкі сельгаспрадукцыі. Велічыня падатку залежала ад нормы прыбытковасці зямлі, якая адвольна вызначалася і пастаянна карэктывавалася ў бок павелічэння. На памер падатка таксама ўплывала колькасць зямлі і жывёлы ў сялянскай гаспадарцы. Дзяржпастаўкі налічваліся зыходзячы з фактычнай колькасці зямлі, якая мелася ў селяніна-аднаасобніка ў карыстанні, а менавіта: ворыва, сенажаці, пашы, хмызнякоў, пустэчы. Абавязковыя дзяржаўныя пастаўкі пазбаўлялі сялян значнай часткі вырабленай імі прадукцыі, якая прадавалася па мізэрных цэнах. Яны былі значна больш нізкімі, чым рыначныя і нават не пакрывалі сабекошту пастаўляемых дзяржаве мяса, малака, воўны, як і іншай сельскагаспадарчай прадукцыі.

Такая палітыка падштурхоўвала сялян да ўтойвання часткі сваіх пасяўных плошчаў, скарачэння хатняй жывёлы, яе забою, перадзелу і пераразмеркаванню гаспадарак паміж блізкімі сваякамі і суседзямі каб зменшыць падатковы ціск. З-за вялікага падатковага прэсу сяляне часта звярталіся ва ўладныя органы з просьбай зменшыць памеры дзяржпаставак. Вось толькі адзін прыклад: сялянка Хідрынскага сельсавета Кобрынскага раёна Лазарчук Г.А. у снежні 1940 г. звярнулася з просьбай аб вызваленні яе ад дзяржпаставак бульбы ў сувязі з неўраджаем. Змест заявы наступны: «Бульба не ўрадзіла, калі ўсю здам, то не застанецца насення для вясновай сяўбы. Запасычана сьць складае 257 кг. Мясца здала 80 кг. Жыта здала ўсё. Грашовага падатку засталася за мной 80 рублёў... Жыву вельмі бедна... Коней не маю – пара невялічкіх бугаёў. Кароў 2 шт. Адну зараз прадам на выплату падатка. Свіней, авечак і іншай жывёлы не маю. Сям'я ў складзе 4-х чалавек. Да працы здольная я адна, але слабая, маю болей 40 гадоў. Бацьку мужа 85 гадоў, да працы няздольны, зараз хворы. Муж да працы няздольны, калека, дзіцяці 14 гадоў, вучань, таксама зараз ляжыць хворы... Гаспадарка мая ў заняпадзе...

Прашу райвыканкам уважыць маю просьбу, інакш я не змагу болей існаваць» [6]. Г.А. Лазарчук было афіцыйна паведамлена, што ёй дазваляецца пакрыць запазычанасць бульбы шляхам здачы мяса ў суадносінах 1 кг мяса за 10 кг бульбы [7]. Аднак шматлікія просьбы падобнага кшталту задавальняліся толькі ў выключных выпадках, да якіх, у прыватнасці адносіліся страта маёмасці ў выніку стыхійных бедстваў, поўная адсутнасць працаздольных членаў сям'і.

Пад уздзеяннем эканамічнага і пазаканамічнага прымусу колькасць калгасаў паступова павялічвалася. Аднак яны у сваёй большасці былі маламоцнымі і нізкарэнтабельнымі, паколькі пераважна складаліся з сялянскіх гаспадарак, у якіх не мелася цяглавай сілы і буйной рагатай жывёлы. Таму вялікую ўдзельную вагу складала ручная праца. Акрамя таго, членамі калгасаў з'яўляліся многія сяляне, якія ніколі не былі добрымі гаспадарамі на зямлі.

Не стымулявала плённую працу калгаснікаў і такая форма ўліку іх працы, як працадзень, у якой раствараліся такія галоўныя складаемыя працы, як яе колькасць і якасць. Эканамічнага абгрунтавання кошту розных відаў працы не існавала. Таму працадні часта налічваліся адвольна без вызначэння рэальнага ўкладу кожнага калгасніка ў агульную справу. Па гэтай прычыне кіраўніцтва калгасаў і нярэдка самі калгаснікі былі схільныя да ўраўнілаўкі ў налічэнні працадзён, што таксама падрывала стымулы калгаснікаў да плённай працы. На працадні калгаснікі амаль нічога не атрымлівалі і пражыць на іх не маглі. Напрыклад, у трох створаных у Кобрынскім раёне калгасах у 1940 г. было выдадзена авансам на працадні: у двух калгасах – па 2 кг збожжа, у адным – па 0,5 кг збожжа, гру-рых кармоў для жывёлы – ад 0,5 кг сена да 2-х кг саломы. Гэтым авансам і абмежаваліся [8]. Затое калгасы раёна ў 1940 г. поўнасю выканалі план абавязковых збожжавых паставак дзяржаве. У распачы калгаснікі жартавалі: «Што з гэтымі працадзямі рабіць: у печы ва-рыць ці сырымі есці?». У гэтых умовах галоўнай крыніцай самазабеспячэння калгаснікаў прадуктамі харчавання была асабістая падсобная гаспадарка, на якой яны карпелі пасля працы на калгасных палетках.

Разам з тым партыйная прапаганда актыўна і настойліва імкнулася распаліць працоўны энтузіязм калгаснікаў, уцягваючы іх у розныя формы сацыялістычнага спаборніцтва па нарошчванню аб'ёмаў вытворчасці сельскагаспадарчай прадукцыі. У прыватнасці, быў разгорнуты стаханаўскі рух у гонар гадавіны ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР. Так, газета «Зара» у сваім нумары ад 21 жніўня 1940 г. з вялікім імпэтам паведамляла аб стаханаўскай працы калгаснікаў вёскі Казловічы Брэсцкага раёна ў гонар уз'яднання Беларусі. Паведамлялася, што калгаснікі працуюць з утроенай сілай, паказваюць узоры стаханаўскай працы, і што ўсенароднае 17 верасня яны вырашылі сустрэць поўным выкананнем усіх абавязачельстваў перад сацыялістычнай дзяржавай [2, с. 262]. Праўда, газета забыла паведаміць, што атрымалі на свае працадні калгаснікі-стаханаўцы і на які страўнік яны будуць святкаваць – поўны ці пусты?

Не палепшылі стан калгасаў і створаныя ў 1940 годзе машынна-трактарныя станцыі (МТС). Меркавалася, што яны стануць інструментам тэхнічнай рэканструкцыі сельскай гаспадаркі і сродкам дапамогі сялянству. Аднак гэтага не адбылося. Па-першае, МТС было вельмі мала. У 1940г. яны мелі ўсяго 951 трактар, 193 машыны, 843 трактарныя плугі, 438 культыватараў, 300 сеялак [9, с. 121]. Па-другое, іх паслугі калгасам і асабліва сялянам-аднаасобнікам былі вельмі дарагімі. Таму калгасы і сяляне нярэдка адмаўляліся ад іх паслуг. Аднак калгасам зрабіць гэта было амаль немагчыма, што яшчэ больш спусташала калгасную касу.

Аграрная палітыка таксама прадугледжвала ліквідацыю хутароў. Тым самым у спалучэнні з вышэй акрэсленымі антысялянскімі мерамі наносіўся моцны ўдар па зможнаму сялянству. Аднак масавае раскулачванне вёскі ў перадваенныя гады не праводзілася. У гэтым не было неабходнасці, бо заможная праслойка сялян-беларусаў была нязначнай па прычыне аграрнай палітыкі польскіх уладаў, якая была арыентавана на насаджэнне ў Заходняй Беларусі польскага памешчыцкага і асадніцкага землеўладання.

Пераход да калектывізацыі выклікаў супраціўленне часткі сялян. Яно ў асноўным вялося на ўзроўні антыкалгаснай агітацыі. Сяляне пастаянна падкрэслівалі, што яны чакалі савецкую ўладу, якая павінна была вызваліць іх ад польскага прыгнёту, а атрымалі іншае: не вызваліла і «пачала піць апошнюю кроў з сялян». Яны ў роспачы гаварылі, што «прыйшлі бальшавікі, ды мусіць не тыя, якіх чакалі».

Сяляне-калгаснікі выказвалі сваю незадаволенасць калгасным кіраўніцтвам, якое ў многіх выпадках складалася з людзей, не карыстаўшыхся іх павагай. Яны падкрэслівалі, што нельга давяраць кіраўніцтва людзям, якія пры польскай уладзе «валяліся пад плотам», былі лайдакамі і злодзеямі. На калгасных сходах сяляне абураліся тым, што яны шмат працуюць, а за працадні нічога не атрымліваюць, бо калгасы павінны выконваць вялікія дзяржпастаўкі збожжа. На сходзе сяляне калгаса «17 верасня» Жабінкаўскага раёна заявілі, што «мы ўступілі ў калгас у ботах, а цяпер засталіся без ботаў». Рэзкай крытыцы было падвергнута праўленне калгаса, якое «складаецца з адных дурняў», не абараняе іх інтарэсаў і «танцуе пад дудку» раённага начальства. Члены калгаса гаварылі, што яны працуюць дзень і ноч і не бачаць хлеба, а аднаасобнікі працуюць менш і кожны дзень ядуць хлеб [10, с. 201–281].

Да пачатку Вялікай Айчыннай вайны ў Заходняй Беларусі было створана 1 115 калгасаў, якія аб'ядноўвалі 49 тыс., або каля 7% сялянскіх гаспадарак. Надзеі большасці сялянства на лепшае жыццё з усталяваннем савецкай улады ў перадваенны перыяд не спраўдзіліся. Неўзабаве яго напаткалі яшчэ больш суровыя выпрабаванні – пачалася вайна.

Заклучэнне

Праведзенае даследаванне аграрных пераўтварэнняў у Заходняй Беларусі ў перадваенны перыяд дазваляе зрабіць наступныя высновы і абагульненні:

1. Мерапрыемствы па ліквідацыі польскага памешчыцкага і асадніцкага землеўладання і надзяленні сялян зямлёй садзейнічалі задавальненню галоўнага эканамічнага інтарэсу сялянства і прыцягненню яго батрацка-бядняцкай часткі на бок савецкай улады.

2. Надзяленне сялян зямлёй стварыла больш спрыяльныя ўмовы для развіцця індывідуальнай сялянскай гаспадаркі. Аднак неўзабаве пачаў ажыццяўляцца курс, накіраваны на падрыў гэтай гаспадаркі шляхам яе абцяжэння вялікімі падаткамі і абавязковымі сельскагаспадарчымі пастаўкамі дзяржаве. Яшчэ большыя падатковыя абцяжэнні і розныя крыўды ў адносінах да заможных сялян прывялі да іх знішчэння як асобнага сацыяльнага слоя і ураўнавалі іх па маёмаснаму стану з сялянамі-беднякамі.

3. Масава-палітычная праца ў вёсцы пераважна не стасавалася з інтарэсамі і настроямі большасці сялянства, была накіравана на фарміраванні пэўных стэрэатыпаў мыслення і сацыяльных паводзін, неабходных уладзе. Сярод іх галоўны стэрэатып: сельгасарцель – адзіны шлях да заможнага і шчаслівага жыцця.

4. Ствараемы уладай эканамічны фон і сацыяльны настрой у вёсцы меў галоўную мэту – стварэнне, а калі больш дакладна – насаджэнне калгаснага ладу па тым узоры, які быў апрабаваны ў канцы 1920-х – 30-я гг. у СССР і БССР.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Нарысы гісторыі Беларусі : у 2 ч. / М.П. Касцюк, І.М. Ігнаценка, У.І. Вышыньскі [і інш.] / Ін-т гісторыі АН Белпрусі. – Мінск : Беларусь, 1995. – Ч. 2. – 560 с.
2. Хрестоматія по истории БССР (1917–1983) / Сост. А.П. Игнатенко, В.Н. Сидорцов, П.З. Савочкин, А.И. Сидоренко. – 2-е изд. перераб. и доп. – Минск : Изд-во «Университетское», 1984. – 453 с.
3. Бодак, А.Ю. Первичные мероприятия советской власти в аграрной сфере Западной Беларуси в 1939–1940 гг. / Осень 1939 года: коренной перелом в судьбе белорусского народа : материалы регион. науч.-практ. конф., посвящённой 70-летию воссоединения Западной Беларуси с БССР, 24–25 сент. 2009 г. / Ред. Ковалёва Н.Н., Малыхина Л.Ю. – Брест : БрГТУ, 2009. – С. 18–22.
4. Толочко, Д.М. Роль БССР в материально-техническом обеспечении объединения республики. / Осень 1939 года: коренной перелом в судьбе белорусского народа : материалы регион. науч.-практ. конф., посвящённой 70-летию воссоединения Западной Беларуси с БССР, 24–25 сент. 2009 г. / Ред. Ковалёва Н.Н., Малыхина Л.Ю. – Брест : БрГТУ, 2009. – С.198–204.
5. Белазаровіч, В. Асаблівасці калектывізацыі ў заходніх абласцях Беларусі ў 1939–1941 гг. // Беларус. гістар. часопіс. – 1999. – № 1. – С. 36–45.
6. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБВ). – Фонд 282. – Воп. 1. – Спр. 57. – Арк. 299. Заява грамадзянкі в. Хідры Хідрынскага сельсавета Кобрынскага раёна Лазарчук Г.А. па пытанні вызвалення яе ад дзяржпаставак бульбы ў сувязі з неўраджаем.
7. ДзАБВ. – Фонд 282. – Воп. 1. – Спр. 57. – Арк. 297. Афіцыйны адказ гр. в. Хідры Хідрынскага сельсавета Кобрынскага раёна Лазарчук Г.А. па пытанні вызвалення яе ад дзяржпаставак бульбы ў сувязі з неўраджаем.
8. ДзАБВ. – Фонд 282. – Воп. 1. – Спр. 72, Арк. 2. Дакладная запіска аб стане калгасаў і падрыхтоўкі да веснавой пасяўной кампаніі 1941 г.
9. Белазаровіч, В. Правядзенне калектывізацыі ў прадваенны час / В. Белазаровіч // Назаўсёды разам : Да 60-годдзя ўз’яднання Заходняй Беларусі з БССР. – Мінск : БелЭН, 1999. – С. 116–124.
10. Ермаковіч, Л.І. Калектывізацыя сельскай гаспадаркі на Брэстчыне (1939–1941 гг.) / Актуальныя праблемы гісторыі Беларусі: стан, здабыткі і супярэчнасці, перспектывы развіцця : матэрыялы рэспуб. навук. канф. : у 4-х ч. – Гродна, 2003. – Ч. 4. – С. 279–282.

Ermakovich L.I. The Agriculture of Western Belarus in the Prewar Period (1939–1941)

The author of the article tried to determine and analyze the main direction of the agricultural policy of the Soviet power in Western Belarus in the prewar period: the destruction of the agricultural legacy of the Polish state and of the wealthy part of peasantry, the actions aimed to satisfy the economic interests of the poorest part of peasantry and the beginning of the collective farms construction. In the context of the subject the essence of the political labor among the peasantry directed to the change of its world outlook and psychology and the creation of the positive image of the Soviet power are examined in the article. From the author’s point of view the agricultural policy of the Soviet power from its very beginning had no any alternative because it restricted the economic freedom and independence of the belarusian peasantry. This policy had its strategic goal aimed to create the conditions necessary for the development of agriculture based on the collective farms and this way was declared as a unique right way moving to socialism.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 03.09.2012

УДК 943.088.3(075.8)

В.В. Фрольцов

ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ В ОТНОШЕНИИ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН В ИСТОРИОГРАФИИ ФРГ

Рассматривается освещение политики ФРГ на постсоветском пространстве в современной немецкой историографии. Подчеркнут интерес германских авторов к российской проблематике, которой посвящена значительная часть работ. Особое внимание уделяется исследованиям о взаимодействии Германии со странами Прибалтики, Беларусью и Украиной, Молдовой, государствами Закавказья и Центральной Азии. В результате определена степень исследованности отношений ФРГ с каждой из этих стран в современной немецкой историографии, что позволяет расширить представление о значении отдельных постсоветских государств или их групп для германской внешней политики в этом регионе в целом.

Изучение освещения взаимодействия Германии с отдельными постсоветскими странами или их группами в современной германской историографии является актуальным в силу целого ряда причин. Важнейшей из них представляется необходимость определить степень интереса современных немецких политологов и историков к особенностям внешнеполитического курса ФРГ в отношении каждой из этих стран, которая и обозначила цель этой статьи. Ее осуществление поможет также составить более полное впечатление о значении этих стран для германской внешней политики в этом регионе в целом.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что наибольший интерес у немецких исследователей вызывали отношения Германии с Россией, которые уже осенью 1991 г. вышли на стратегический уровень. В «восточной политике» ФРГ конца XX – начала XXI вв. Российская Федерация прочно заняла место СССР, став для Германии привилегированным партнером в Восточной Европе. Именно эта причина обусловила очевидное смещение интереса немецких исследователей к изучению и различных аспектов развития России в 1990-е – 2000-е годы, и ее взаимодействию с ФРГ. Этой проблематике посвящена большая часть публикаций германских исследователей, которые касались изучения постсоветского пространства в целом и немецких интересов в этом регионе. Исходя из этого внимание в этой статье уделяется освещению политики ФРГ в отношении остальных постсоветских государств: стран Прибалтики, Украины и Беларуси, Молдовы, государств Закавказья и Центральной Азии. Это позволяет определить степень интереса немецких исследователей к каждой из этих стран или их группам, обозначить ту проблематику в рамках взаимодействия Германии с ними, которая представлялась наиболее актуальной и значимой для немецких исследователей в конце XX – начале XXI вв.

Характеризуя степень освещения политики ФРГ в отношении Литвы, Латвии и Эстонии, немецкий политолог и эксперт в области германо-прибалтийских отношений Х. Даухерт справедливо отметила, что до середины 1990-х годов три прибалтийские республики оставались своеобразной «терра инкогнита» для европейских исследователей. Однако уже в 1994 г. активные усилия этих государств по скорейшей интеграции в ЕС и НАТО привлекли внимание к изучению различных аспектов и особенностей их политического развития после восстановления независимости [1, с. 38–43]. Большинство работ о Литве, Латвии и Эстонии затрагивали различные аспекты их политического развития, включая проблему русскоязычного населения и сложные отношения с Россией. Весьма детально описывались также усилия руководства трех рес-

публик Прибалтики по сближению с ЕС и подготовке к вступлению в НАТО. Среди немецких исследователей необходимо прежде всего назвать таких, как Х. Бедарфф, Д. фон Берг, Х. фон Вистингхаузен, М. Гарлефф, М. Гёгеле, В. Ишингер, Г. Клёкер, Д. Краа, П. Ланге, Х.Д. Лукас, Б. Мейсснер, С. Нис, Г. Фёренбах, К. Циммер, В. Шёнфельдер, Т. Шмидт и др.

Германский политолог П. Ланге, в свою очередь, дал развернутый анализ места и роли трех прибалтийских стран в европейской политике 1990-х годов. Он, в частности, обратил внимание на второстепенное значение взаимодействия с этими государствами для политики ФРГ на постсоветском пространстве, где основным партнером Германии являлась Россия, но при этом воздержался от оценки эффективности такого подхода [2, с. 273]. А немецкий исследователь М. Рэнч прямо указал на отсутствие у ФРГ концепции развития отношений с Литвой, Латвией и Эстонией [3, с. 31]. Тем самым он признал правоту германского политолога А. Крона, который в 1999 г. констатировал, что у Германии не было особого подхода к реализации своей политики в регионе Балтийского моря [4, с. 113]. Сомнения относительно готовности ФРГ исходя из собственных геополитических интересов поддержать три прибалтийские республики, как и другие новые независимые страны, в их конфликте с Россией, выразил немецкий автор Р. Розе. По его мнению, помощь этим государствам могла осуществляться лишь очень осторожно, с максимальной оглядкой на Россию и в рамках совместных действий с партнерами по ЕС и НАТО [5, с. 105–106].

Краткий обзор отношений ФРГ с Литвой, Латвией и Эстонией был подготовлен в августе 2010 г. немецкими исследователями А.М. Кляйном и Г. Херрманн при поддержке зарубежного бюро Фонда им. К. Аденауэра в Риге [6]. Этим авторам удалось в сжатой форме дать достаточно точное и объективное описание мотивов, которыми руководствовалось германское правительство, выстраивая отношения с тремя прибалтийскими республиками и одновременно стараясь не ухудшить взаимодействие с Россией. Отдельные, но достаточно важные особенности политики ФРГ в отношении стран Прибалтики удалось отразить и немецким исследователям М. Отте и Ю. Греве [7]. Интерес вызывало также сравнение политики США и Германии в отношении трех республик в контексте расширения ЕС и НАТО на Восток [8].

Особое место среди публикаций занимала монография уже упомянутой Х. Даухерт, которая была подготовлена на основе защищенной ею в 2006 г. в Берлинском университете им. Гумбольдта диссертации, посвященной рассмотрению политики ФРГ в Прибалтийском регионе. В ней политолог рассмотрела интересы Германии в отношении стран Прибалтики и обратила внимание на особенности формирования этого направления немецкой политики в контексте функционирования институтов власти ФРГ, определения национальных интересов и современной политической культуры Германии. Автор выдвинула собственную гипотезу, согласно которой многочисленные заявления федерального правительства о готовности стать «защитником» («адвокатом») трех прибалтийских стран, в первую очередь, определялись историко-моральными мотивами. По мнению Х. Даухерт, они были присущи «внешнеполитической культуре» ФРГ, которая понималась ею как составная часть политической культуры, совокупность субъективных представлений и ценностных ориентаций, относящихся к сфере внешней политики [1, с. 32]. Вместе с тем, ряд важных аспектов внешнеполитического курса Г. Коля в отношении Литвы, Латвии и Эстонии остались в работе Х. Даухерт без должного внимания. Кроме того, ею была несколько недооценена значимость для Германии ряда серьезных внешнеполитических проблем, которые возникали в рам-

ках взаимодействия с этими республиками, к примеру, в ходе борьбы их руководства за восстановление независимости в 1990–1991 гг. Для правительства ФРГ эти проблемы, которые были рассмотрены в книге лишь в самых общих чертах, все же представлялись более значимыми, нежели упомянутые Х. Даухерт историко-моральные обязательства.

Диссертация Г. Гарбе, защищенная в Университете им. Христиана Альбрехта (Киль) в 2002 г., была посвящена изучению политики ФРГ в отношении Российской Федерации и роли всего региона Балтийского моря в этой связи. Такой широкий предмет исследования обусловил перенос основного акцента на определение характерных особенностей германо-российского взаимодействия в период пребывания у власти правительства Г. Коля. Отношениям с Литвой, Латвией и Эстонией уделялось меньше внимания с учетом того, что основным партнером ФРГ в исследуемом этим политологом регионе, который охватывал все прилегающие к Балтийскому морю государства, была Российская Федерация [9].

В университете им. Людвиг-Максимилиана (Мюнхен) в 2000 г. была защищена диссертация, посвященная внешней политике стран Прибалтики. В 2003 г. ее автор Т. Шмидт выпустил монографию, в одном из параграфов которой была дана краткая характеристика отношений всех трех республик с Германией в 1990-е годы. Свою страну немецкий политолог традиционно обозначил в качестве защитника их интересов, высоко оценив эффективность такой политики и подчеркнув большое влияние ФРГ на принятие решений руководящими структурами ЕС и НАТО [10, с. 201].

В целом же можно констатировать, что именно прибалтийское направление политики Германии на постсоветском пространстве было наиболее детально изучено и в самой этой стране, и за ее пределами. Вместе с тем, гораздо меньше внимания в немецкой историографии уделялось определению интересов, задач и характерных особенностей реализации внешнеполитического курса ФРГ в отношении Литвы, Латвии и Эстонии.

В рамках изучения политики ФРГ в отношении Украины немецкие эксперты, прежде всего, уделяли внимание рассмотрению особенностей политического развития этого государства, реформированию украинской экономики и социальной сферы, взаимоотношениям с Россией и другими соседними государствами, а также проблемам, связанным с преодолением последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Ситуация в Украине сравнивалась с положением в других постсоветских республиках, странах Центральной и Восточной Европы такими авторами, как Р. Гётц, Ф. Колер, Р. Линднер, Е. Мачков, У. Хальбах, Э. Шнайдер и др. Немецкий исследователь М. Юнг, в свою очередь, посвятил монографию проблеме вывода с украинской территории советского ядерного оружия [11]. Среди германских авторов, занимавшихся изучением отдельных аспектов отношений ФРГ и Украины в 1990-е годы, следует указать С. Бока, И. Кемпе, Й. Поста, У. Штера, Х-Г. Эрхарда и др.

Интерес представляло и исследование «Внешняя политика и политика в области безопасности ФРГ и США: стратегическая конвергенция или дивергенция». Оно было подготовлено группой германских и американских экспертов для Фонда им. К. Аденауэра и опубликовано в декабре 1994 г. В нем констатировалось совпадение интересов двух стран Запада в отношении отказа Украины от ядерного оружия. В работе также отмечалось, что Германия была в большей степени заинтересована в экономическом сотрудничестве с Украиной, как и в решении проблемы этнических немцев на ее территории.

Авторы исследования полагали, что ФРГ была больше, чем США, заинтересована и в ее сохранении в качестве «потенциального буфера» против России, но при этом предпочитала, чтобы эта постсоветская республика не предпринимала никаких шагов

с целью вызвать конфронтацию с Российской Федерацией. Эти же эксперты разработали семь сценариев дальнейшего развития украинского государства. Оптимистичным был лишь один, который подразумевал вывод с территории Украины ядерного оружия и сохранение ее независимости. Во всех остальных случаях речь шла или об экономическом коллапсе этой страны с последующим вмешательством России или о присоединении Украины к ней полностью либо отдельными частями. «Ночным кошмаром» для Запада был назван вариант, который предусматривал сохранение этой страной ядерного потенциала в условиях ее дипломатической и военной конфронтации с Российской Федерацией [12, с. 68–69, 72–86]. Следует отметить, что построение этих сценариев, безусловно, свидетельствовало о стремлении экспертов рассмотреть все допустимые варианты развития этого государства. Тем не менее, данные предположения все-таки заставляют несколько усомниться в детальном знакомстве авторов с реальной политической ситуацией и в Украине, и в России к середине 1990-х годов.

Между тем политика самой Германии в отношении Украины, ее мотивы, ключевые задачи и инструменты для их реализации затрагивались в публикациях немецких авторов в гораздо меньшей степени.

Как и в случае с украинским государством, интерес немецких исследователей, занимавшихся изучением взаимодействия ФРГ с Республикой Беларусь, был, прежде всего, направлен на изучение особенностей политического и социально-экономического развития белорусского государства. Им занимались такие авторы, как Д. Бейро, У. Вайссенбургер, Х.-Г. Вик, А. Зам, Р. Линднер, Х. Тимерманн, Ф. Умбах, Х.Л. Фёрстер, К. Хартман, М. Хоф, Е. Шнайдер, М. Штаак, Р. Шютте и др. В их работах затрагивались различные аспекты развития белорусской государственности в конце XX – начале XXI вв. Перспективы двусторонних отношений при этом, как правило, оценивались в зависимости от готовности и способности Беларуси заимствовать опыт политического и экономического устройства стран Запада, включая саму Германию. Интерес для таких немецких авторов, как Й. Аренс, А. Зам, Р. Линднер, Р.А. Марк, Х. Тимерманн, К. Шмидт, Е. Шнайдер и др. в этой связи представляло и сопоставление политических процессов в Беларуси и других постсоветских республиках. Достаточно критический подход к ситуации в белорусской экономике присутствовал в публикациях Института мировой экономики в Киле. Сходные оценки социально-экономической ситуации содержались и в совместных публикациях этого института и других научно-исследовательских центров Германии, работавших в сфере экономики.

В 2001 г. в Берлинском университете им. Гумбольдтов А. Лоренц защитила диссертацию, в которой было рассмотрено развитие белорусских политических институтов в 1990-е годы [13]. В 1998 г. она совместно с А. Зам и другими немецкими политологами организовала выпуск ежеквартального бюллетеня «Беларусь-Ньюс». Определенное представление об основных направлениях исследования белорусской тематики в ФРГ можно было также составить с учетом перечня наиболее заметных публикаций немецких авторов, изданных после 1998 г., на регулярно обновляемом сайте Германско-белорусского общества [14]. Оно было основано 22 октября 1999 г. в Берлине [15, с. 34–35].

В середине 1990-х годов актуальность для немецких экспертов приобрела также тематика, связанная с процессом белорусско-российской интеграции, ее причинами и перспективами. Ей занимались такие исследователи, как А. Рар, Х. Тимерманн и др. Эта проблематика была также рассмотрена в вышедшей в 2000 г. книге С. Шпан, посвя-

щенной политике России в отношении Беларуси и Украины в 1991-1998 гг. Ее работа была основана в большей степени на изучении публикаций российских авторов [16].

В целом немецким исследователям удалось дать достаточно полную и обобщенную характеристику развития отношений двух стран в 1990-е – 2000-е годы, представив свои оценки и его итогов, и ситуации в Республике Беларусь в этот период. Тем не менее, как и в случае с Украиной, политика самой Германии в отношении белорусского государства, ее основные задачи и инструменты рассматривались лишь фрагментарно.

В наименьшей степени в современной германской историографии присутствовала проблематика, связанная с политическим и социально-экономическим развитием Республики Молдова, стран Закавказья и Центральной Азии. Эти государства в силу многих причин занимали не такое значимое место в политике ФРГ на постсоветском пространстве, нежели Украина или Беларусь. Так, следует указать на отсутствие заметных публикаций немецких авторов, посвященных взаимодействию Германии с Молдовой. Лишь отдельные ее аспекты затрагивались в работах таких авторов, как Р. Гётц, И. Кэмпе, В. ван Мойрс, Т. Паульсен, У. Хальбах, У. Хольц, Э. Штельтинг и др. Интерес для немецких исследователей представляли, прежде всего, сложные внутривнутриполитические процессы в Республике Молдова, а также политика сопредельных государств в отношении этой страны. Политолог Ш. Трёбст, к примеру, занимался изучением конфликта в Приднестровье [17].

Как и в случае с Республикой Молдова, политика ФРГ в отношении государств Закавказья: Азербайджана, Армении и Грузии – была рассмотрена в работах немецких исследователей лишь фрагментарно. Такие авторы, как Д. Вольтер, Ф. Мюллер, О. Трэнерт, Р. Фрайтаг-Вирмингхаус, Х.-Г. Эрхарт и др., уделяли внимание различным аспектам изменения места и роли стран Закавказья в мировой политике и экономике, а также их взаимодействию с ЕС, НАТО и ОБСЕ. Вполне объяснимый интерес вызывали и региональные конфликты в Закавказье, в частности, нагорно-карабахский, а также гражданская война в Грузии.

Значение стран Центральной Азии определялось немецкими авторами в целом для всех стран Запада – союзников ФРГ по ЕС и НАТО. Интересы самой Германии не выделялись. В большой степени внимание таких авторов, как Х. Беккер, Р. Гётц, М.-К. фон Гумппенберг, Ф. Мюллер, Г. Федтке, Р. Фрайтаг-Вирмингхаус и др., привлекала специфика развития государств этого региона. В начале 1990-х годов заметной темой являлась и дальнейшая судьба немецких общин в Казахстане и Кыргызстане.

В заключение следует подчеркнуть, что отсутствие в немецкой историографии развернутых публикаций, посвященных интересам и задачам германской политики относительно всех перечисленных постсоветских стран, свидетельствовало не только о традиции, прочно укоренившейся среди ее исследователей еще в 1990-е годы. В ее рамках особое внимание уделялось характерным чертам и специфике общественно-политического и социально-экономического развития бывших республик СССР в этот период, а также их отношениям друг с другом, соседними государствами и странами Запада. Типичным при этом являлся достаточно критический подход к их развитию, что в значительной степени препятствовало всесторонней и объективной оценке германских интересов в этом регионе. Кроме того, определить их, как и обозначить задачи политики ФРГ на постсоветском пространстве, было весьма непросто с учетом отсутствия значительного числа публичных заявлений германского правительства по этому поводу или документов программного характера. Их изучение могло бы существенно облегчить работу исследователей и в самой Германии, и в постсоветских государствах, и в других

странах. Вместе с тем проведенный обзор историографии помог составить более полное представление о значимости отдельных государств постсоветского пространства для германской политики в целом, исходя из интереса к ним со стороны немецких исследователей и экспертов, который в значительной степени отражен в количестве и направленности научных публикаций по изучаемой теме. Данные публикации также в определенной степени могут выступать в качестве своеобразного индикатора места и роли постсоветских стран в рамках внешнеполитического курса правительства ФРГ.

Исходя из этого, можно констатировать, что наибольшее внимание в Германии уделялось в первую очередь странам Прибалтики, которые активно претендовали на вхождение в ЕС и НАТО, т.е. на роль союзника Германии в рамках этих двух организаций. Украина и Беларусь, в свою очередь, в силу ряда факторов также входили в число важных партнеров ФРГ на постсоветском пространстве. Интересы же Германии в отношении Молдовы, стран Закавказья и Центральной Азии носили, скорее, второстепенное значение, что и предопределило периферийный характер взаимодействия с ними для германской дипломатии в конце XX – начале XXI в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Dauchert, H. «Anwalt der Balten» oder Anwalt in eigener Sache? Die Deutsche Baltikumpolitik 1991–2004 / H. Dauchert. – Berlin : Berliner Wissenschafts-Verlag, 2008. – 371 S.
2. Lange, P. Das Baltikum / P. Lange // Europa-Handbuch / W. Weidenfeld [u.a.]; W. Weidenfeld (Hrsg.). – Bonn : Bundeszentrale fuer politische Bildung, 1999. – S. 263–274.
3. Raentzsch, M. The German Interests towards Lithuania: a Dilemma of the Zwischenraum [Electronic resource] / M. Raentzsch // Lithuanian Foreign Policy Review. – 2008. – № 20. – Mode of Access : www.lfpr.lt/uploads/File/Current/No19_Rantzsch_ENG.pdf. – Date of access : 11.05.2008.
4. Krohn, A. Germany's Security Policy in the Baltic Sea Region / A. Krohn // Stability and Security in the Baltic Sea Region: Russian, Nordic and European Aspects / O.F. Knudsen [etc.]; O. F. Knudsen (ed.). – London; Portland : Frank Cass, 1999. – P. 113–128.
5. Rose, R. Deutsche Aussenpolitik / R. Rose. – Amsterdam : GIB Verlag Fakultas, 1996. – 207 s.
5. Klein, A. M. Die Beziehungen Deutschlands zu den Baltischen Laendern seit der Wiedervereinigung / A. M. Klein, G. Herrmann // KAS Auslandsinformationen. – 2010. – № 9. – S. 65-80. – Mode of Access : http://www.kas.de/wf/doc/kas_20708-1522-1-30.pdf?101002073120. – Date of access : 08.01.2012.
6. Otte, M. A Rising Middle Power? German Foreign Policy in Transformation, 1989–1999 / M. Otte, J. Greve. – New York : St. Martin's Press, 2000. – 324 p.
7. Arnswald, S. German and American Policies towards the Baltic States: the Perspectives of EU and NATO enlargement / S. Arnswald, M. Wenig (eds.). – Baden-Baden : Nomos, 2000. – 120 p.
8. Garbe, G. Deutsche Russlandpolitik und das Baltikum: 1990–98. Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophischen Fakultat der Christian-Albrechts-Universität zu Kiel [Electronic resource] / G. Garbe. – Kiel : Christian-Albrechts-Universität, 2002. – Mode of access deposit.ddb.de/cgi-bin/dokserv?idn=969924003&dok_var=d1&dok_ext=pdf&filename=969924003.pdf. – Date of access : 10.05.2008.
9. Schmidt, T. Die Aussenpolitik der baltischen Staaten: Im Spannungsfeld zwischen Ost und West / T. Schmidt. – Wiesbaden : Westdeutscher Verlag, 2003. – 324 S.

10. Jung, M. Die nukleare Abrüstung der Ukraine 1991–1996 / M. Jung. – Baden-Baden : Nomos Verlagsgesellschaft, 2000. – 301 S.
11. Brenner, M. German and American Foreign and Security Policies: Strategic Convergence or Divergence / M. Brenner, W.F. Schloer, P. Williams. – Sankt Augustin : Konrad-Adenauer-Stiftung, 1994. – Interne Studien № 98. – 136 p.
12. Lorenz, A. Vorwaerts in die Vergangenheit? Der Wandel der politischen Institutionen in der Republik Belarus' seit 1991. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doctor philosophiae (Dr. phil.) eingereicht an der Philosophischen Fakultät III der Humboldt-Universität zu Berlin [Electronic resource] / A. Lorenz. – Berlin: Humboldt-Universität, 2001. – 394 S. – Mode of access : <http://edoc.hu-berlin.de/dissertationen/lorenz-astrid-2001-05-09/PDF/Lorenz.pdf>. – Date of access : 26.02.2012.
13. Literatur zu Belarus // Deutsch-belarussische Gesellschaft, dbg online [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.dbg-online.org/literatur?page=8>. – Date of access : 15.02.2012.
14. 10 Jahre Deutsch-Belarussischen Beziehungen. Eine Bilanz / 10 лет германо-белорусских отношений. Итоги развития. – Berlin, Minsk : Deutsche Botschaft Minsk, Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2002–2003. – 126 с.
15. Spahn, S. Die Aussenpolitik Russlands gegenueber der Ukraine und Weissrussland von 1991–1998 / S. Spahn. – Herne : Schaefer, 2000. – 266 s.
16. Troebst, S. Staatlichkeitskult im Pseudo-Staat. Identitätsmanagement in Transnistrien / S. Troebst // Osteuropa. – 2003. – № 7. – S. 963–983.

Froltsov V.V. German Policy Toward the Post-soviet Countries in the Historiography of the FRG

In this article the coverage of the German foreign policy on the post-soviet space in the modern historiography of the FRG was considered. A significant interest to Russia's problems, which were analyzed in the biggest part of the research papers, was emphasized. A particular attention was paid to the studies of the German authors, devoted to an interaction of this country with the Baltic States, Belarus and Ukraine, Moldova, the countries of Transcaucasia and Central Asia. As a result the level of coverage of the Germany's relations with each of these countries in the modern historiography of the FRG was defined. It could expand a conception about an importance of several post-soviet States or their groups for the German policy in this region as a whole.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 27.07.2012

УДК 658.310.8

Н.А. Йохна

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

В статье обоснована необходимость усовершенствования методологического обеспечения управления технологическим развитием современного промышленного предприятия. Рассмотрены основные отличия между технологическим обновлением и технологическим развитием предприятия. Предложена модель согласованного технологического развития предприятий, интегрированных в цепочку создания потребительской ценности. Сформирован терминологический аппарат управления таким развитием и разработан алгоритм обоснования вовлечения поставщиков в процесс согласованных технологических изменений и стратегического партнерства на новой технологической основе.

Введение

Потенциал роста современных социально-экономических систем во многом зависит от уровня развития их промышленного сектора. Однако сегодня многие традиционные отрасли производства исчерпали не только экстенсивные, но и интенсивные возможности своего развития. Поэтому во многих странах на первый план выходят отрасли, основанные на использовании инновационных технологий. Именно они, как показывает мировой опыт, является тем мощным рычагом, с помощью которого страны не только преодолевают экономический спад, но и осуществляют структурную перестройку экономики, насыщая промышленный сектор ресурсосберегающими и экологически безопасными технологиями, повышая уровень конкурентоспособности национальных экономик.

Для украинской экономики проблема технологического обновления производственного сектора является чрезвычайно важной, поскольку основные фонды большинства отраслей почти полностью исчерпали свой ресурс. Согласно официальным статистическим данным, изношенность основных средств украинских промышленных предприятий сейчас достигла критического уровня (в зависимости от отраслей – от 63 до 66,7%) [10]. И в настоящее время уровень технического обновления промышленности Украины очень низкий: коэффициент ликвидации основных фондов промышленности составляет 0,93% при предельном значении этого коэффициента не менее 2,5% [2]. К тому же в экономике Украины до сих пор интенсивно используются технологии, относящиеся к третьему-четвертому технологическим укладам, которые ориентированы в основном на первичную переработку исходного сырья [5; 16; 17].

Продолжает деградировать внутренний рынок научно-технологической продукции – не только из-за низкой платежеспособности отечественных потребителей, нуждающихся в высокотехнологичной продукции, но и вследствие ориентации большинства производителей на достижение конкурентных преимуществ за счет дешевизны ресурсов. И даже инновационные по своему характеру продукты чаще всего производятся на имеющемся технологически устаревшем оборудовании – это ухудшает их функциональные характеристики, делает их менее конкурентоспособными не только на внешнем, но и на внутреннем рынке.

Все это делает крайне важной проблему управления технологическим развитием промышленных предприятий, которая не может быть решена без соответствующего методического инструментария, позволяющего надлежащим образом обосновывать технологические решения – начиная с выбора направления и масштабов технологических изменений

и заканчивая эффективной организацией трансфера технологий. Актуальность данной проблемы и обусловила основные цели и задачи данного исследования – определить основные методологические подходы к совершенствованию процесса управления технологическим развитием современных промышленных предприятий.

Основные результаты исследований

Согласно основным постулатов теории экономического развития, в любой экономической системе необходимые изменения (в том числе технологические) должны происходить для поддержания динамического равновесия между ее внешней и внутренней средой [1]. Исследователи состояния промышленного комплекса Украины не перестают подчеркивать, что его разрушение приобрело катастрофический характер, достигнув той критической черты, за которой наступает потеря способности создавать конкурентоспособную наукоемкую продукцию [4; 6; 7; 15–18]. В подтверждение этого приводятся факты, что мировому уровню в Украине сегодня соответствует лишь четвертая часть технологий [15]. Некоторые ученые констатируют как неоспоримый факт, что Украина сейчас неспособна обеспечить опережающее развитие технологий и высокотехнологичных отраслей, поскольку параметры ее инновационно-технологического развития уже давно находятся за пределами граничных интервалов [4; 5; 7]. В Украине средний возраст оборудования составляет более 20 лет (таблица 1), тогда как в ведущих странах мира практикуется ежегодное обновление технологического оборудования в объеме 10–12% [10].

Таблица 1 – Состояние активной части основных производственных фондов в Украине

Наименование групп оборудования	Производственный ресурс, %		Возраст оборудования, %			
	отработанный	остаточный	до 5 лет	5–10 лет	10–25 лет	больше 25 лет
Литейное	75	25	до 10	–	до 45	больше 45
Кузнечно-прессовое	75	25	до 5	до 5	до 40	больше 50
Термическое	80	20	–	до 10	до 60	больше 30
Сварочное	70	30	до 5	до 10	до 60	больше 25
Металлорежущее	80	20	до 5	до 15	до 40	больше 40
Подъемно-транспортное	80	20	до 5	до 5	до 50	больше 40

К тому же мировой финансово-экономический кризис для многих промышленных предприятий обусловил существенное снижение объемов реализации продукции, а значит – уменьшение их финансовых возможностей, что отрицательно повлияло и на решение задач технологического развития. Особенно сложным был период 2009–2010 гг. для машиностроения. Под влиянием мирового финансово-экономического кризиса (затронувшего всего те сферы экономической деятельности, связанные с инвестиционными процессами) машиностроительные предприятия Украины резко ухудшили показатели своей деятельности. В 2009 г. индекс производства машиностроительной продукции составил 54,9% против предыдущего года (в то же время в промышленности в целом – 78,1%) [8]. То есть уменьшение объемов производства и реализации продукции в машиностроении было почти вдвое больше, чем в промышленности. Стоит при этом подчеркнуть, что именно предприятия машиностроительного комплекса производят продукцию для технико-технологического обновления производственных систем других предприятий. Учитывая требования времени, для сохранения своей конкурентоспособности они должны производить наукоемкую продукцию, быть инновационно активными. Однако

их инновационная активность в основном касается собственного технологического обновления, а выпуск инновационной продукции с каждым годом уменьшается.

В настоящее время, по данным Института экономики и прогнозирования НАНУ, большинство подотраслей машиностроения Украины переживают период промышленной зрелости или спада. Как отмечает Е. Кузнецов, таким подотраслям присущи: снижение роста спроса, опытность потребителей и их чувствительность к ценам, обострение конкуренции за долю рынка, в конкуренции смещение акцентов на снижение издержек и сервисе покупателей; оценки привлекательности зрелой отрасли для инвестора как средней [9]. Это означает, что инвестиции в технологическое обновление производственных предприятий не носят системный характер и не способствуют решению основной задачи – повышению способности предприятий создавать новую продукцию в соответствии с тенденциями изменения потребительского спроса. Так, доля инновационной продукции в общем объеме промышленного производства в последние годы уменьшается (с 6,7% в 2005–2006 годах до 3,8% в 2010–2011 гг.). Особенно существенным стало уменьшение в период кризиса количества образцов новой техники (с 881 единиц в 2007 г. до 641 ед. в 2009 г. или почти на 30%). В 2010–2011 гг. ситуация несколько улучшилась – количество технических инноваций возросло до 669 ед. в 2010 г. и до 897 ед. в 2011 г. При этом их доля в общем числе продуктовых инноваций также увеличилась – с 23,8% в 2009 г. до 27,8% в 2011 г.) [12]. Это могло бы улучшить процесс технологического обновления промышленности, повысить уровень его инновационности.

Однако анализ процессов инвестирования технологического обновления показывает, что технологическое обновление в большей степени осуществляется на старой технологической основе – в 2010 г. соотношение инновационных расходов в общей сумме инвестиций в приобретение машин и оборудования составляло 1: 11,8. Несколько улучшилось это соотношение в 2011 г. (1:7,9), при этом сумма инновационных расходов возросла почти вдвое. Однако все равно этого недостаточно для придания технологическому обновлению инновационного характера. На рисунке 1 показана сравнительная динамика затрат на инновации технико-технологического характера (сумма затрат на приобретение машин, оборудования и программного обеспечения и расходов на приобретение новых технологий) и общей суммы капитальных инвестиций, которая направлялась на приобретение машин и оборудования в Украине в течение 2002–2011 годов (источники: [8; 12], собственные расчеты).

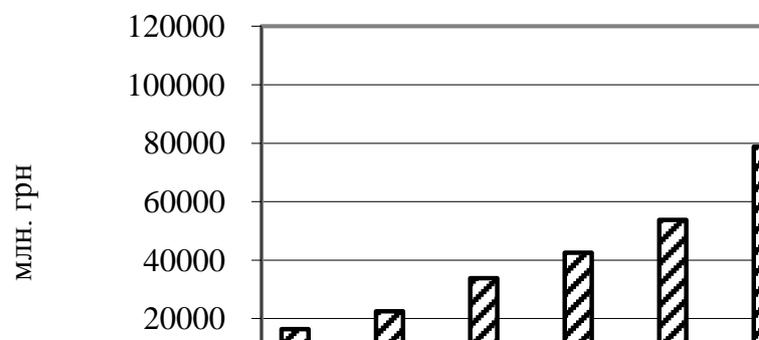

Рисунок 1 – Сравнительная динамика капитальных инвестиций на приобретение машин и оборудования и затрат на инновации технико-технологического характера

Причем расходы на новые технологии (ресурсосберегающие, малоотходные) в десятки раз меньше, чем затраты на приобретение технических инноваций. Так, если в 2010 г. инновационные затраты украинских предприятий на приобретение машин, оборудования и программного обеспечения составили 5 051,7 млн. грн., то на приобретение новых технологий – всего 141,6 млн. грн. В 2011 г. сумма затрат на приобретение новых технологий возросла в 2,3 раза (до 324,1 млн. грн.), при этом она составила всего лишь 2,2% от общего числа инновационных затрат, что ничтожно мало для технологического обновления на инновационной основе.

Вместе с тем, можно предположить, что менеджмент тех отечественных предприятий, которые внедряют новые технологии, предоставляет приоритет технологиям ресурсосберегающим, видя именно в них наибольшие возможности роста конкурентоспособности производственных систем. Об этом свидетельствует достаточно высокая доля таких технологий в общей их совокупности, внедряемой в течение последних десяти лет – более 20%. Однако в целом процессы технологического обновления украинских предприятий не предусматривают радикальных технологических изменений в производственных системах (рисунок 2) (источники: [12], собственные расчеты).

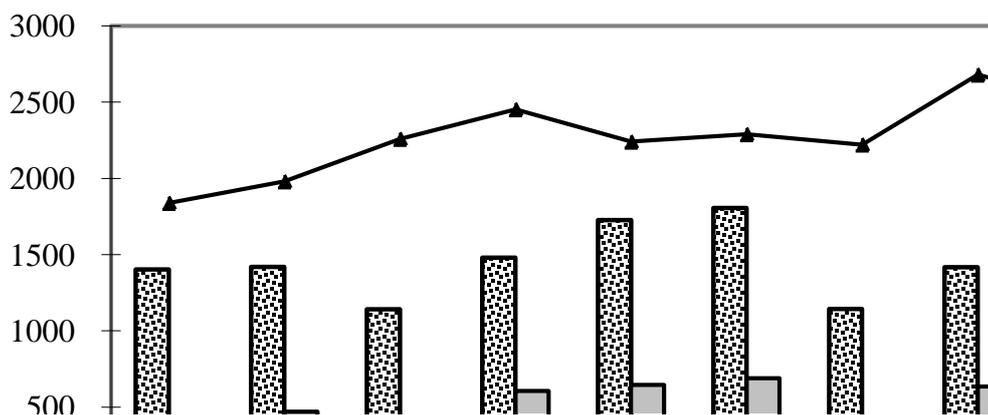

Рисунок 2 – Сравнительная динамика показателей внедрения инновационных технологий в Украине

Так, по результатам проведенного в 2009 г. обследования процессов технологического обновления промышленных предприятий Украины (обследовано 2 407 предприятий, из них 31,5% отметили, что такое обновление состоялось), было обнаружено, что почти четверть предприятий только осуществили усовершенствование действующей технологии, почти 50% ответили, что приобретали готовое оборудование для выпуска новой продукции. Разработкой и внедрением качественно новых технологий занималось небольшое количество предприятий, причем 10,5% осуществляли это самостоятельно, а 6,2% – совместно с другими предприятиями или организациями. 5% предприятий приобрели лицензии. Среди тех, кто отдал предпочтение приобретению нового оборудования, 25,5% – производители продовольственных продуктов и 11,2% – машиностроительные предприятия. Причем этот метод внедрения техники используют в основном предприятия, осуществляющие модернизацию производства [13].

Таким образом, анализ статистических данных о процессах технико-технологического обновления промышленных предприятий в Украине показывает их недостаточную инновационную направленность, что косвенно свидетельствует о том, что такое обновление не обеспечивает их технологического развития. Однако очевидно, что такое развитие промышленных предприятий необходимо, поскольку только в этом случае

можно преодолеть их технологическую отсталость, обуславливающую низкую конкурентоспособность выпускаемой продукции. Также очевидно и то, что управление процессом технологического развития необходимо осуществлять обоснованно, используя методологию системного подхода.

Управление развитием предприятий как экономических систем предполагает, что любые организационные изменения в них должны осуществляться с целью улучшения их способности удовлетворять определенные общественные потребности. Значительную роль в этом на промышленных предприятиях играет технология, являющаяся основой производственной составляющей экономической системы. Учитывая стремительные темпы НТП в настоящее время и соответствующее этому развитие общественных потребностей, можно утверждать, что в основу управления технологическим развитием сложных производственных систем должно быть положено требование обеспечения их технологической гибкости.

Однако следует принимать во внимание то, что большинство современных промышленных предприятий являются интегрированными участниками технологических цепочек по изготовлению сложных технических продуктов. Выбор этих участников в период построения действующего производства осуществлялся с учетом весомости их вклада в создание потребительской ценности. Поэтому представляется целесообразным утверждать, что системный подход к управлению технологическим развитием таких предприятий должен охватывать методические основы обоснования технологических изменений производственных систем тех участников этой цепочки, которые вносят определяющий вклад в создание потребительской ценности.

Традиционно при обосновании направления технологического развития предприятия его менеджмент опирается на результаты стратегического анализа рынка (например, SWOT- или PEST-анализа) [5; 9; 14] и принимает решения, отталкиваясь от технологической составляющей продуктовых инноваций, коммерциализация которых планируется исходя из тенденций бизнес-контекста предприятия и его возможностей создать или приобрести лицензию на инновационный продукт. *Технологическая составляющая продуктовых инноваций* показывает, какая технология обеспечивает их производство в соответствии с проектными функциональными характеристиками. При этом принимаются во внимание и требования ресурсосбережения и природосбережения. В некоторых случаях достижение ресурсосберегающих целей может быть основной целью технологических изменений – но только тогда, когда они относятся к ключевым факторам конкурентоспособности предприятия.

И в том, и в другом случае достигается некоторое повышение технологического уровня производственной системы, увеличивается ее возможность создавать потребительские ценности в соответствии с новыми требованиями бизнес-среды. Но этот процесс скорее можно назвать технологическим обновлением, а не развитием. На наш взгляд, эти понятия необходимо различать. Под *технологическим обновлением* предлагается понимать процесс, результатом которого является улучшение технологической составляющей действующего производственного процесса. Оно может быть как простое (замена физически изношенного оборудования на новое той же марки) или расширенное. Последнее позволяет: 1) увеличить производственную мощность предприятия (тиражируя количество установленного оборудования); 2) улучшить параметры производственной системы предприятия по ресурсосбережению (в том числе производительности); 3) обеспечить более высокое качество выпускаемой продукции благодаря улучшению управляемости производственных процессов и стандартизации операций;

4) повысить экологическую чистоту производства, например, путем модернизации составляющих очистительных систем и т.п.

Более сложные задачи решаются при планировании технологического развития предприятия. На наш взгляд, под *технологическим развитием* следует понимать такое изменение технологической составляющей производственной системы предприятия, которое существенно улучшает качество производственного процесса и обеспечивает расширение рыночных возможностей предприятия, в том числе – через производственную диверсификацию. Качество производственного процесса может оцениваться совокупностью некоторых параметров (как экономического, так и социального характера), в частности:

1) экономической выгодностью (как результатом реализации ресурсосберегающей функции технологии); 2) способностью обеспечивать достижение заданных функциональных характеристик продукции, определяющих ее конкурентоспособность; 3) безопасностью эксплуатации и эргономичностью; 4) высокой управляемостью, позволяющей в автоматическом режиме поддерживать стабильность параметров производственного процесса; 5) экологической чистотой (безотходное или малоотходное производство).

Расширение рыночных возможностей предприятия обеспечивается гибкостью новой технологии, которая проявляется в первую очередь тем, насколько быстро она может быть перенастроена для производства другого вида продукции. Требование гибкости, как подчеркивалось раньше, должно обязательно приниматься во внимание при обосновании технологических изменений. Поэтому соответствующие решения не могут приниматься без *технологического аудита*, в ходе которого и можно определить производственный потенциал новой технологии. Под *производственным потенциалом новой технологии* (ППНТ) предлагается понимать ее возможность быть использованной для производства целой совокупности продуктов, имеющих потребительскую ценность, что обеспечивает способность предприятия гибко реагировать на изменение рыночной конъюнктуры и расширять свое присутствие на рынке, в том числе – выходить на другие его сегменты. Чем больше ППНТ, тем выше отдача от вложенных инвестиций за период жизненного цикла технологии, тем длительнее она может использоваться без морального устаревания.

На наш взгляд, предварительное исследование ППНТ с использованием методов технологического аудита, сопоставление его с трендами на рынке и требованиями целевых аудиторий, а также масштабами и ресурсными затратами, необходимыми для приведения производственной системы предприятия в качественно новое состояние, обеспечивает более высокий уровень обоснования решений относительно трансфера альтернативных технологий. Тем самым можно будет создать условия не просто для технологического обновления, а для технологического развития предприятия.

Технологическое развитие предполагает глубокие технологические изменения на предприятии, а как отмечалось выше, машиностроительные предприятия в своем большинстве являются участниками некоторой технологической цепочки по изготовлению продукции. Поэтому, с позиции системного подхода, необходимо планировать технологические изменения в производственных системах и других участников цепочки создания потребительской ценности. Это особенно касается тех партнеров, с которыми сложились длительные взаимовыгодные отношения и которые могут быть потеряны из-за планируемых технологических изменений на основном производстве. Процесс обоснования таких изменений, логически вплетаемый в процедуру отбора потенциальных поставщиков для стратегического партнерства на новом технологическом уровне целесообразно представить в виде алгоритма (рисунок 3) (источник: собственная разработка).

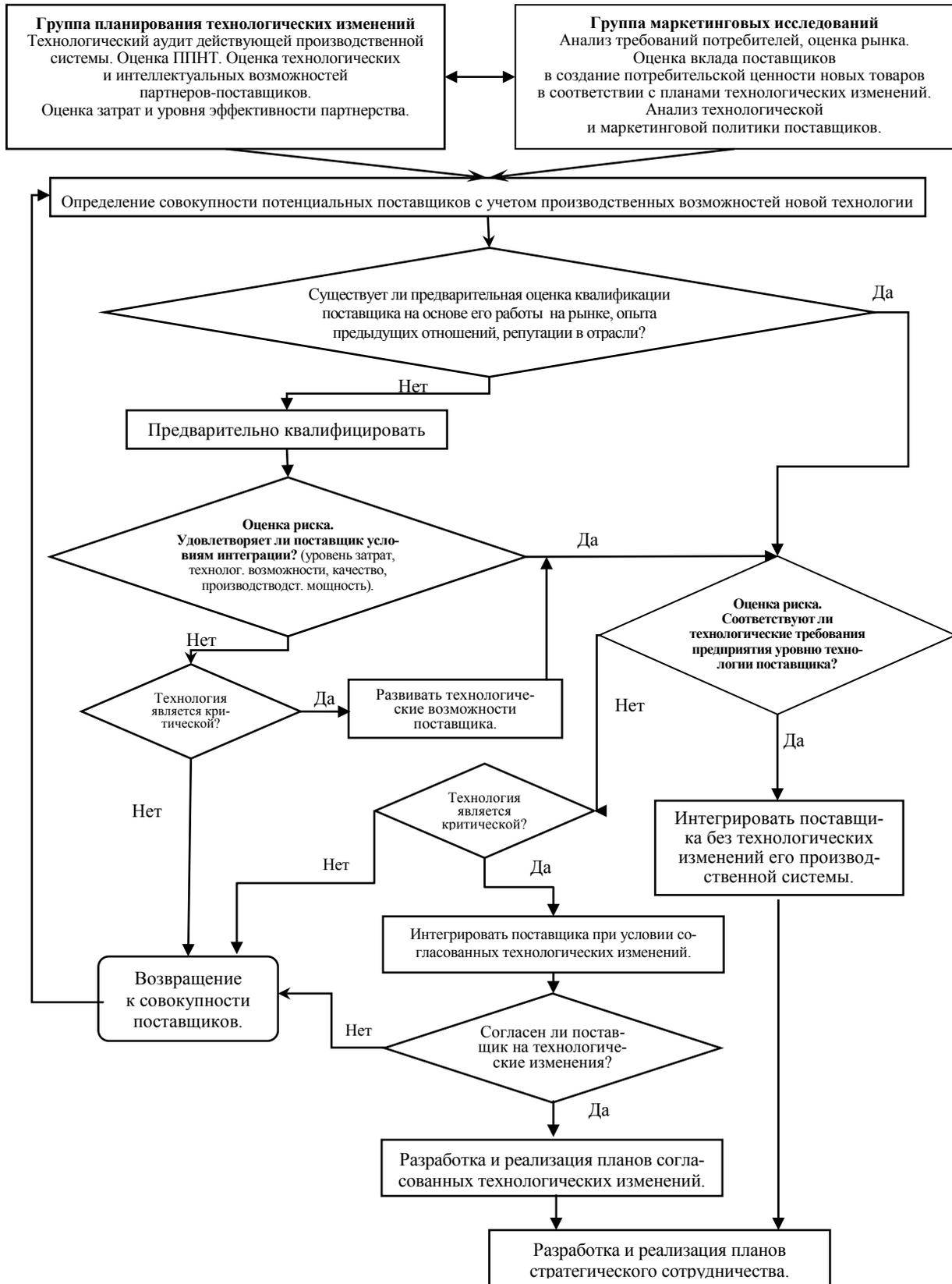

Рисунок 3 – Алгоритм обоснования вовлечения поставщиков в процесс согласованных технологических изменений

В этом случае, на наш взгляд, необходимо оценить технологическую целесообразность сохранения действующих интеграционных связей с поставщиками комплектующих, в частности, путем вовлечения некоторых из них в процесс оценки ППНТ и определения возможности их участия в процессе создания продуктовых инноваций (касательно своей специализации на производстве соответствующих комплектующих). *Технологическая целесообразность* интегрирования поставщика в процесс технологических изменений обуславливается повышением общего технологического уровня производства новой машиностроительной продукции, что, в свою очередь, способствует улучшению функциональных и эксплуатационных характеристик новой продукции и повышению ее конкурентоспособности. Именно эта целесообразность диктует необходимость *согласования* технологических изменений в производственных системах партнеров – поставщиков комплектующих.

Предлагаемый нами подход в планировании и управлениями технологических изменений корреспондируется со взглядами современных немецких исследователей, которые подчеркивают особенности современных промышленных корпораций относительно планирования инноваций. Специалисты Института системных и инновационных исследований (Фраунхофер, Карлсруэ) и Института исследований по инновации и интернационализации (Бранденбург) сделали следующие выводы относительно изменений, важных с точки зрения управления НИОКР и технологиями [3]: 1) инновационный процесс стимулируется и осуществляется вследствие действий не одного или нескольких участников, а все в большей степени благодаря множеству участников (сети и т.п.); 2) согласно новой, интегративной, исследовательской модели факторами инновации являются не результаты науки или спрос, взятые отдельно, а высокий уровень их взаимодействия; 3) технологическое развитие и инновационный процесс должны быть составляющей корпоративной стратегии; 4) новые технологии повышают производительность инновационного процесса.

Выводы

Таким образом, предлагаемый нами подход дает возможность достигать мультипликационного эффекта, способствуя согласованным технологическим изменениям многих предприятий, являющихся участниками технологической цепочки. Такие изменения будут позволять продолжать стратегическое сотрудничество с существующими партнерами, давая возможность им поднимать свой технико-технологический уровень в соответствии с трендами научно-технического прогресса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бажал, Ю.М. Економічна теорія технологічних змін : навч. посіб. / Ю.М. Бажал. – К. : Заповіт, 1996. – 240 с.
2. Економічна політика України [Електронний ресурс] : Міністерство економіки України. – Режим доступу : <http://www.me.gov.ua/control/publish/category> (19.07.2011).
3. Edler, J. Changes in the strategic management of technology: Results of a global benchmarking study / J. Edler, F. Meyer-Krahmer, G. Reger // R & D management. – Oxford, 2002. – Vol. 32, N 2. – P. 149–164.
4. Жежуха, В.Й. Оцінювання інноваційності технологічних процесів машинобудівних підприємств : автореф. дис. ... канд. екон. наук: 08.00.04 / В.Й. Жежуха. – Львів, 2011. – 25 с.

5. Захаркіна, Л.С. Перспективна оцінка технологічних рішень у стратегічному плануванні інноваційного розвитку машинобудівних підприємств України / Л.С. Захаркіна // Економіка та управління підприємствами машинобудівної галузі: проблеми теорії та практики : зб. наук. праць. – 2010. – №4 (12). – С. 72–87.
6. Йохна, М.А. Трансфер технологій: форми і методи ефективного здійснення : моногр. / М.А. Йохна, П.Г. Іжевський, В.В. Стадник. – Хмельницький : ХНУ, 2007. – 230 с.
7. Карачина, Н.П. Машинобудування України: сучасний стан, тенденції та перспективи розвитку за умов економічної кризи / Н.П. Карачина [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://www.nbu.gov.ua/portal/natural/VNULP/Management/2009_647/11.pdf.
8. Капитальные инвестиции за 2002–2011 гг. [Электронный ресурс] : Государственный комитет статистики Украины. – Режим доступа : http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2010/ibd/kinv/kinv_u/kinv_u04_10.htm (19.07.2011)
9. Кузнецов, Э.А. Стратегии для предприятий, переживающих период промышленной зрелости или упадка / Э.А. Кузнецов, А.Г. Балог // Економіка. Менеджмент. Підприємництво. – 2009. – № 21. [Электронный ресурс] –. Режим доступа : http://www.nbu.gov.ua/portal/Soc_Gum/Emp/2009_21/29KuzBal.htm.
10. Машинобудування в Україні: тенденції, проблеми, перспективи / Під. заг. ред. чл.-кор. НАН України Б.М. Данилишина. – Ніжин : Аспект-Поліграф, 2007. – 308 с.
11. Наличие и состояние основных средств в 2010 г. [Электронный ресурс] : Государственный комитет статистики Украины. – Режим доступа : http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2011/ibd/nsoz/nsoz10_u.htm (12.08.2012).
12. Научная и инновационная деятельность (1990-2011 гг). [Электронный ресурс] : Государственный комитет статистики Украины. – Режим доступа : http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2005/ni/ind_rik/ind_u/2002.html (12.08.2012).
13. Обстеження потенціалу виробництва високотехнологічної промислової продукції за період 2005–2007 рр. [Электронный ресурс] / Режим доступа : <http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2008/ibd/obstej.htm>
14. Федулова, Л.І. Стратегія технологічного розвитку: мікроекономічний підхід / Л.І. Федулова // [Электронный ресурс] / Режим доступа : http://www.nbu.gov.ua/portal/natural/Vnulp/Ekonomika/2008_628/109.pdf.
15. Федулова, Л. Науково-технологічний та інноваційний процес в Україні : тенденції в кризових ситуаціях / Л. Федулова // Економіст. – 2011. – №1. – С. 24–28.
16. Цихан, Т.В. О концепции технологических укладов и приоритетах инновационного развития Украины [Электронный ресурс] / Т.В. Цихан // Центр политических технологий. – [Электронный ресурс] / Режим доступа : <http://www.politcom.ru>.
17. Черномазюк, А.Г. Сучасні тенденції розвитку вітчизняного машинобудування та його ресурсні детермінанти / А.Г. Черномазюк, В.В. Стадник // Вісник Запорізького національного університету. Економічні науки. – 2010. – № 2(6). – С. 91–99.
18. Шапуров, О.О. Стан і тенденції розвитку машинобудування / О.О. Шапуров // Актуальні проблеми економіки. – 2009. – № 3 (93). – С. 57–63.

Yohna N.A. Methodology Perfection of Management of Technological Development of Industrial Enterprises

The necessity of perfection of methodological provision of management of technological development of modern industrial enterprise is stipulated in the article. The main differences between technological renewal and technological development of an enterprise are considered. The model of adjust technological development of enterprises integrated into the chain of setting-up of customer's value is offered. Terminological management

body for such development is formed and the algorithms of grounding of suppliers' involvement into the process of adjust technological changes and strategic partnership on a new technological basis is elaborated.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 29.09.2012

УДК 338.48

О.Я.Седель, А.Ф.Займист

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ИНДУСТРИИ ТУРИЗМА НА РЕСПУБЛИКАНСКОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

В статье рассмотрены особенности развития индустрии туризма в Республике Беларусь и в Брестской области. На сегодняшний день туризм является одной из самых высокодоходных отраслей мировой экономики. Развитие туризма является одним из приоритетных направлений социально-экономического развития Республики Беларусь. Природные комплексы и историко-культурное наследие Беларуси позволяют разработать диверсифицированный конкурентоспособный национальный туристский продукт, включающий различные виды туров для иностранных посетителей: экологические, этнические, охотничьи, сельские и др. Брестская область также обладает необходимыми предпосылками для развития туризма. К их числу можно отнести: географическое положение, природное и историко-культурное наследие, уровень развития туристической инфраструктуры и предложение дополнительных услуг. В статье рассмотрены также прогнозные показатели развития туризма в Республике Беларусь и ресурсные возможности развития туризма в Брестской области.

Введение

Индустрия туризма многогранна. Множество предприятий, фирм и организаций участвует в обслуживании туристов. Среди туристских организаций выделяются туроператоры, занимающиеся производством туристского продукта, а затем реализующие его через туристские агентства, представляющие собой обширную сеть розничной торговли. На сегодняшний день туризм является одной из самых высокодоходных отраслей мировой экономики. Развитие туризма является одним из приоритетных направлений социально-экономического развития Республики Беларусь. Наиболее перспективными направлениями развития туристической отрасли Республики Беларусь, способствующими наращиванию экспорта туристических услуг и развитию туризма, являются: транзитный и трансграничный туризм; деловой туризм; культурно-познавательный; спортивный туризм; рекреационный и оздоровительный; агроэкотуризм; водный туризм; религиозный туризм.

Особенности развития индустрии туризма в Республике Беларусь

Туристскую деятельность на территории Республики Беларусь осуществляют более 600 предприятий, из которых 90% являются частными. Все они имеют лицензии Министерства спорта и туризма Республики Беларусь. Важность туризма для оздоровления населения и формирования здорового образа жизни, воспитания подрастающего поколения на познании историко-культурных ценностей, все это и обуславливает то значительное внимание, которое руководство Беларуси уделяет вопросам развития туризма.

Ежегодно с 2002 г. в Республике Беларусь проводится Республиканский туристический конкурс «Познай Беларусь». Он призван содействовать развитию внутреннего и въездного туризма в Беларуси, консолидировать усилия государственных органов, организаций и всех, кто работает на благо отечественного турбизнеса, а также поощрить достижения в деле развития туристической индустрии.

Республика Беларусь – молодое государство с богатой древней историей, расположенное в центре европейского континента на пересечении оживленных транзитных путей. Природные комплексы и историко-культурное наследие Беларуси позволяют разработать диверсифицированный конкурентоспособный национальный туристский про-

дукт, включающий различные виды туров для иностранных посетителей: экологические, этнические, охотничьи, сельские и др. Однако возможности привлечения иностранных посетителей осложняются в связи с отсутствием благоприятного туристского имиджа страны, рекламно-информационной поддержки туристской деятельности, неразвитостью туристской инфраструктуры и специализированных программ обслуживания.

Развитие туризма в любой стране, регионе зависит от целого комплекса факторов, условий и ресурсов. В явном выигрыше те страны, которые имеют море и горы. Несмотря на то, что Беларусь не располагает этими знаковыми для туризма ресурсами, она имеет ряд преимуществ по сравнению с другими странами. Среди них:

- 1) близость к Западной Европе, Скандинавии – туристскому рынку с очень высоким финансовым потенциалом;
 - 2) соседство со странами Балтии, России, Польши является серьезным ресурсом к развитию приграничного туризма;
 - 3) древняя и богатая история, самобытная культура (15 тыс. объектов, имеющих историческую, культурную и архитектурную значимость);
 - 4) богатый природный потенциал (старейший в мире лес – Беловежская пуца и т.д.).
- Все эти преимущества дают возможность для развития сферы туризма в Республике Беларусь на должном уровне.

С 2008 г. по 2010 г. значительно увеличилась численность иностранных граждан, посетивших Республику Беларусь: 5 674 тыс. чел. в 2010 г., но также увеличивается число граждан нашей страны, выехавших за границу, – 7 464 тыс. чел. в 2010 г.

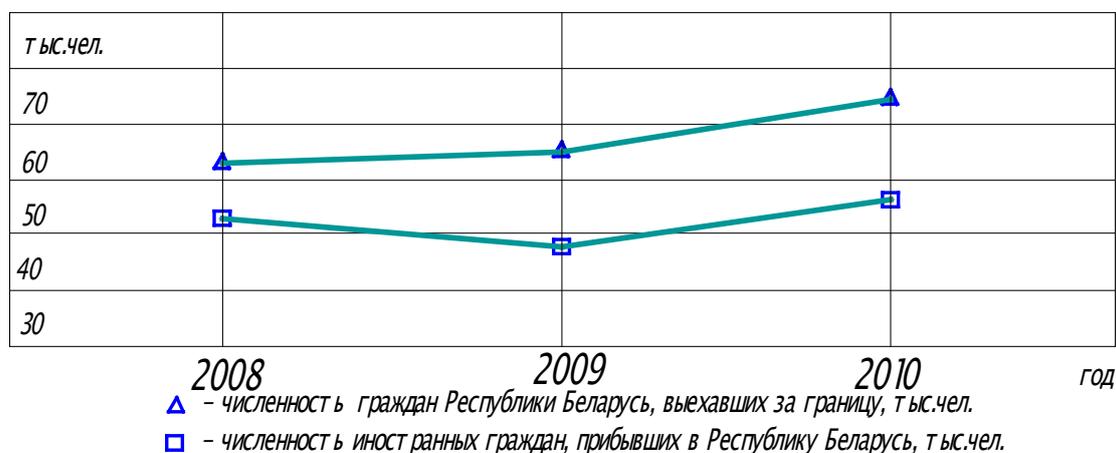

Рисунок 1 – Структура туристических потоков за 2008–2010 гг.

без учета выехавших на ПМЖ и военнослужащих (данные Госпогранкомитета РБ)

В таблице 1 приведена структура данных развития туризма в Республике Беларусь за 2008–2010 гг.

Таблица 1 – Структура развития туризма в Республике Беларусь за 2008–2010 г.г.

Структура развития туризма в Республике Беларусь	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Численность граждан РБ, выехавших за границу, тыс. чел.	6 323	6 440	7 464
Число иностранных граждан, прибывших в РБ, тыс. чел.	5 262	4 872	5 674
Экспорт услуг, млн. долл. США	411	370	363
Импорт услуг, млн. долл. США	572	588	668

Продолжение таблицы 1

Численность населения, занятого в сфере туризма, тыс. чел.	9,0	9,8	9,9
Число гостиниц и средств размещения	310	330	360

Основными факторами, сдерживающими развитие въездного туризма в Республику Беларусь, в настоящее время являются: 1) отсутствие практики создания субъектами Республики Беларусь благоприятных условий для инвестиций в средства размещения туристов и иную туристскую инфраструктуру; 2) невысокое качество обслуживания во всех секторах туристской индустрии из-за низкого уровня подготовки кадров и отсутствия опыта в условиях рыночной экономики, в том числе вследствие длительного периода эксплуатации курортно-туристских средств размещения через систему социального страхования.

Учитывая важное географическое положение Республики Беларусь, большое внимание уделяется развитию придорожного сервиса. В настоящее время на автомобильных дорогах функционируют свыше 400 кафе, ресторанов, баров. Актуальным является и развитие сети предприятий быстрого питания, позволяющих при относительно небольших материальных затратах решить проблему предоставления услуг питания с минимальными затратами времени на получение и прием пищи. В республике насчитывается 1,8 тыс. предприятий быстрого питания.

Как и любая иная отрасль экономики, туризм не может, развиваться без надлежащей нормативно-правовой базы, без координации со стороны государства. В Республике Беларусь развитию туризма со стороны государства всегда уделялось повышенное внимание. На 2011–2015 гг. принята государственная Программа развития туризма. Согласно прогнозам развития туризма уже в 2015 г. Республику Беларусь посетят 6,5 млн. человек, значительно возрастет экспорт туристических услуг – 510 млн. долл. США, а выручка от оказания туристических услуг субъектами туристической деятельности должна будет составить в 2015 году 1 230 млрд. руб.

Цель Государственной программы – создание благоприятных условий для формирования эффективного конкурентоспособного туристического рынка, способного обеспечить широкие возможности удовлетворения потребности белорусских и иностранных граждан в туристических услугах [1]. В таблице 2 представлены прогнозные показатели развития туризма в Республике Беларусь на 2011–2015 гг., согласно государственной Программе развития туризма [1].

Таблица 2 – Прогноз развития туризма в Республике Беларусь на 2011–2015 гг.

Показатели	Год				
	2011	2012	2013	2014	2015
Общее число туристов, прибывших в РБ, млн. чел.	4,46	4,90	5,40	5,90	6,50
Количество организованных туристов, посетивших РБ, тыс.чел.	130	145	160	175	190
Экспорт туристических услуг, млн. долл. США	175	210	265	380	510
Выручка от оказания туристических услуг субъектами туристической деятельности, млрд. руб.	700	800	900	1 100	1 230

Задачами Государственной программы развития туризма являются:

- 1) совершенствование системы подготовки кадров в сфере туризма, создание конкурентоспособных туров и туристических маршрутов;
- 2) продвижение национальных туров и экскурсий по Беларуси на мировом и внутреннем туристических рынках;
- 3) развитие объектов туристической индустрии;
- 4) повышение качества туристических и сопутствующих услуг, их реализация по конкурентным ценам.

Также, согласно данной Программе, в перспективе одним из основных направлений развития въездного туризма в Беларуси должно стать упрощение визового режима для граждан стран Евросоюза, Японии и США. С упрощением визового режима однозначно возрастет число иностранных туристов, выбирающих Беларусь в качестве места для отдыха.

Экологический туризм является для Беларуси наиболее перспективным направлением. Спрос на экологический туризм увеличивается практически во всех странах мира (в среднем на 15–20%). Беларусь не станет исключением. Тем более что для этого есть все условия: уникальная природа, туристические базы, сельские усадьбы.

Вторым перспективным направлением является транзитный туризм, который в Беларуси все еще используется недостаточно. Однако, учитывая, что в 2010 г. Беларусь посетило 4,1 млн иностранцев, развитие этого направления будет иметь успех.

Еще одна многообещающая разновидность туризма в Беларуси – санаторно-курортное лечение. В 2010 г. белорусские санатории начали активно рекламироваться как внутри страны, так и на зарубежных выставках, что позволило увеличить число отдыхающих.

Также в Беларуси набирают популярность зимние виды туризма. Увеличивается число посетителей горнолыжных комплексов, а в ближайшие годы в Беларуси появятся новые центры зимнего отдыха и лыжероллерные трассы.

В 2010 г. Беларусь посетили 4,1 млн иностранцев, что примерно на 20% больше, чем в 2009 г. По линии туристических организаций в Беларуси побывали более 102 тыс. туристов. При этом за январь–ноябрь 2010 г. объем платных туристических и экскурсионных услуг населению составил 447 млрд руб., что на 35% больше, чем за аналогичный период 2009 г.

Выполнение намеченных Программой мероприятий внесет значительный вклад в социально-экономическое развитие Республики Беларусь. Главный социальный эффект Программы будет состоять в создании благоприятных условий для обеспечения иностранных граждан и граждан Республики Беларусь туристско-рекреационными услугами. Это должно быть достигнуто за счет увеличения поступлений в доходную часть бюджета, укрепления материальной базы туризма, потока инвестиций, увеличения числа рабочих мест, профессиональной подготовки и повышения квалификации специалистов для работы в индустрии туризма.

Реализация Программы также будет стимулировать развитие таких отраслей экономики, как сфера услуг, сельское хозяйство, транспорт, связь, торговля и общественное питание, строительство и реконструкцию автодорог, благоустройство городов и населенных пунктов, производство сувенирной продукции, подготовка и переподготовка кадров, что поможет решить проблему занятости населения, в первую очередь молодежи.

Разработанные в Программе меры будут способствовать дальнейшему увеличению потока туристов как внутри страны, так и из-за рубежа и, в конечном итоге, приве-

дут к значительному повышению привлекательности национального турпродукта как сферы международного предпринимательства и делового сотрудничества.

Особенности развития индустрии туризма в Брестской области

Брестская область также обладает необходимыми предпосылками для развития туризма. К их числу можно отнести: географическое положение, природное и историко-культурное наследие, уровень развития туристической инфраструктуры и предложение дополнительных услуг, доступность инвестиционных ресурсов, степень разработанности нормативной правовой базы туристической деятельности, обеспеченность туристическими кадрами и уровень их квалификации, туристический имидж и пограничные формальности.

Рекреационно-географическое положение области в целом можно охарактеризовать как выгодное, что определяется соседством с европейским рынком, на который приходится 58% мирового спроса на услуги международного туризма.

Расположением на пересечении оживленных транзитных путей, отсутствием ярко выраженных социально-политических конфликтов и природных бедствий внутри страны и на сопредельных территориях.

Только по трансъевропейскому коридору Париж – Берлин – Варшава – Брест – Минск – Москва территорию области пересекают около 10 млн человек, в том числе 5,5 млн – на автотранспорте и 4,5 млн – по железной дороге, что свидетельствует о значительном потенциале транзитного туризма – до 1,5–2,5 млн человек ежегодно.

Перспективы трансграничного въездного туризма связаны с возможностью туристско-экскурсионного обслуживания жителей соседних стран и посещающих их иностранных туристов.

Туристические ресурсы, включающие элементы природного и историко-культурного наследия, являются одним из важнейших факторов производства туристических услуг. Природные комплексы и историко-культурное наследие Брестской области по своей ценности, запасам и другим характеристикам позволяют разработать диверсифицированный конкурентоспособный туристический продукт, включающий различные виды туров для иностранных посетителей: экологические, сельские, охотничьи, этнические, фольклорно-этнографические, программы кратковременного обслуживания транзитных и трансграничных потоков и др.

Область обладает значительным культурно-историческим потенциалом (на территории области учтено около 2 тыс. памятников истории и культуры). Сохранившийся потенциал традиционной материальной и духовной культуры является предпосылкой создания фольклорно-этнографических туров.

В отношении природной среды следует отметить относительно высокую степень сохранности естественных ландшафтов по сравнению со среднеевропейским уровнем, что свидетельствует о наличии конкурентных преимуществ в ресурсном потенциале развития экологического туризма. Отдельные природные комплексы уникальны и имеют международное значение («Беловежская пуца»). Ресурсную основу развития экологического туризма, определяющую его территориальную организацию, составляет сеть особо охраняемых природных территорий.

В Брестской области имеются предпосылки для развития агротуризма в экологически чистых сельских районах. Помимо природной основы (возможности отдыха в сельской местности с сохранившейся естественной природной средой, сбор грибов, ягод, лекарственных средств, рыбалка, охота и др.), ресурсную базу агротуризма со-

ставляет возможность знакомства с традиционным укладом жизни сельских жителей, народными ремеслами и промыслами, региональным фольклором.

Однако имея естественно-ресурсные предпосылки развития сельского и экологического туризма, область, и республика в целом, заметно уступает Польше, Литве и другим странам Центрально-Восточной Европы в плане их освоения.

Ресурсные предпосылки развития имеет международный охотничий туризм. В Брестской области расположено 14 лесных хозяйств, 12 из которых арендуют охотничьи угодья, общая площадь которых составляет 565 тыс. га.

Для Брестской области большое значение имеет Государственная программа социально-экономического развития и комплексного использования природных ресурсов Припятского Полесья на 2010–2015 гг. С учетом всех вышеназванных документов в области решением областного исполнительного комитета приняты мероприятия по развитию туризма в Брестской области на 2011–2015 гг., а городскими и районными исполнительными комитетами соответствующие региональные мероприятия [4]. В рамках данных мер предполагается развитие индустрии туризма по различным направлениям. Так, областные мероприятия включают такие подразделы, как: кадровое, научное и учебно-методическое обеспечение в сфере туризма; маркетинг туристических услуг; развитие объектов туристической индустрии на территории туристических зон.

В целях презентации туристических возможностей Брестчины, привлечения иностранных туристов и наращивания экспорта туристических услуг Брестским областным исполнительным комитетом организован и проведен целый ряд маркетинговых мероприятий [4].

Принято участие в международных выставках в Германии, Польше, России, Украине, Чехии проведены обучающие семинары для специалистов, работающих в предприятиях индустрии туризма, созданы туристический сайт управления и разделы «туризм и отдых» на сайтах гор- и райисполкомов, проведены рекламные туры для представителей зарубежных средств массовой информации и туристических предприятий, изданы печатные материалы о туристическом потенциале Брестчины, в т.ч. на иностранных языках, созданы рекламные видеofilмы.

ОАО ТК «Брест-Интурист» в 2010 г. открыл туристско-информационный центр в Варшаве (Республика Польша), для работы которого Брестский облисполкомом передана рекламная продукция о туристическом потенциале области. Также рекламная продукция передана в консульские учреждения Беларуси в городах Белосток, Гданьск, Бяла-Подляска, музея Беларуси в Гайновке, представительства БелТТШ в Санкт-Петербурге и др.

Заклучение

Развитие туризма является одним из приоритетных направлений социально-экономического развития Республики Беларусь. Туристскую деятельность на территории Республики Беларусь осуществляют более 600 предприятий, из которых 90% являются частными. В Республике Беларусь развитию туризма со стороны государства всегда уделялось повышенное внимание. На 2011–2015 гг. принята государственная Программа развития туризма [1]. Главная цель Государственной программы – создание благоприятных условий для формирования эффективного конкурентоспособного туристического рынка способного обеспечить широкие возможности удовлетворения потребности белорусских и иностранных граждан в туристических услугах.

Брестская область также обладает необходимыми предпосылками для развития туризма. К их числу можно отнести: географическое положение, природное и историко-культурное наследие, уровень развития туристической инфраструктуры и предложение дополнительных услуг, доступность инвестиционных ресурсов, степень разработанности нормативной правовой базы туристической деятельности, обеспеченность туристическими кадрами и уровень их квалификации, туристический имидж и пограничные формальности.

Главный социальный эффект Программы и мероприятий по Брестской области по развитию туризма будут состоять в создании благоприятных условий для обеспечения иностранных граждан и граждан Республики Беларусь туристско-рекреационными услугами. Это позволит увеличить поступления в доходную часть бюджета, укрепления материальной базы туризма, потока инвестиций, увеличения числа рабочих мест, профессиональной подготовки и повышения квалификации специалистов для работы в индустрии туризма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственная программа развития туризма в Республике Беларусь на 2011–2015 годы.
2. Национальный статистический сборник «Туризм и туристические ресурсы в Республике Беларусь». – Минск, 2011.
3. Базылев, Н.И. Основы бизнеса / Н.И. Базылев. – Минск : Мисанта, 2003. – 253 с.
4. Официальный сайт Брестского исполкома. – [Электронный ресурс] / Брестский обл. испол. ком. – Брест, 2012. – Режим доступа : www.brest-region.by. – Дата доступа : 05.10.12.

Sedel O.Y., Zaymist A.F. Features of the Development of the Tourism Industry at the National and Regional Level

The article describes the features of the development of the tourism industry in the Republic of Belarus and in the Brest region. At present, tourism is one of the most profitable industries in the world economy. Tourism development is a priority of the social and economic development of the Republic of Belarus. Natural complexes and historical and cultural heritage of Belarus can develop a competitive national diversified tourist products, including various types of tours for foreign visitors: environmental, ethnic, hunting, rural, etc. Brest also has the necessary prerequisites for the development of tourism. These include: geographical location, natural, historical and cultural heritage, the development of tourism infrastructure and offer additional services. The article describes the development of forward-looking indicators of tourism in the Republic of Belarus and the resource potential of tourism development in the Brest region.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 10.10.2012

УДК 339.138: 347.764 (476)

Д.А. Петрукович, О.Я. Седель

МАРКЕТИНГОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РЫНКА СТРАХОВЫХ УСЛУГ БРЕСТСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА БРУСП «БЕЛГОССТРАХ»

В статье рассмотрены маркетинговые исследования рынка страховых услуг г. Бреста и дана оценка потенциальных возможностей предприятий на рынке страховых услуг. Рассмотрены методы проведения маркетинговых исследований и установлено лидирующее положение на рынке страховых услуг Брестского представительства БРУСП «Белгосстрах». В работе даны рекомендации по совершенствованию работы предприятий в сфере услуг.

Введение

Исследование рынка страхования – это процесс сбора информации о страховом рынке (или его отдельных сегментах) и ее количественный и/или качественный анализ, проводимый с целью изучения объема рынка, конкурентной среды, спроса на страховые услуги, предложения страховых услуг, каналов продаж, прогноза развития страхового рынка. Любые маркетинговые исследования, в том числе и рынка страховых услуг, нацелены на получение определенной информации с тем, чтобы в будущем предприятие могло выгодно ее использовать и получить дополнительную выгоду (прибыль, увеличение доли рынка, повышение репутации и т.д.).

Результатом маркетингового исследования является оценка потенциальных возможностей предприятия и его позиций на конкретном рынке или его сегменте. Эта оценка определяется в процессе дальнейшей маркетинговой деятельности при разработке программы маркетинга путем сопоставления сложившейся на определенный момент рыночной конъюнктуры с производственными, финансовыми, трудовыми и иными ресурсами предприятия. Правильно проведенное маркетинговое исследование позволяет выработать рациональные управленческие решения в той или иной области деятельности предприятия, то есть помогает не только решить существующие проблемы, но и выявить потенциальные возможности. Тем самым проведение маркетинговых исследований является неотъемлемой частью успеха предприятия при осуществлении своей деятельности.

В широком понимании термин «исследование рынка страхования» объединяет всю совокупность возможных исследований по теме страхования. В узком понимании «исследование рынка страхования» – это часть бизнес-исследований по вопросам страхования, к которым помимо исследования рынка страхования относятся маркетинговые исследования спроса, страховых услуг (страховых программ) и рекламы страховых услуг и страховых компаний.

Основными задачами маркетинговых исследований являются: идентификация рыночных возможностей и проблем, уточнение и оценка потенциальных рыночных действий, осуществление контроля эффективности маркетинга, совершенствование маркетинга предприятия как процесса [1]. Для исследований страхового рынка присущи общенаучные методы познания: анализ, синтез, индукция и дедукция, аналогия и моделирование, абстрагирование и конкретизация, системный анализ и формализация, гипотетический и аксиоматический методы, создание теории, наблюдение и эксперимент, лабораторные и полевые исследования.

Направления маркетинговых исследований могут быть самыми разнообразными, однако большинство предприятий проводит маркетинговые исследования по направле-

ниям оценки рыночной ситуации, краткосрочного прогнозирования основных параметров рынка, изучения потребителей, конкурентов, их поведения, изучения динамики цен. При этом лучшим вариантом является комплексные маркетинговые исследования, включающие несколько направлений.

Исследования рынка страхования могут быть классифицированы по различным критериям: по объектам исследования, по типу информации, по источнику информации, по методам исследования и по цели проведения исследования.

Коммерческая деятельность страховых организаций включает несколько этапов: информационное обеспечение коммерческой деятельности на основе комплексного исследования рынка, управление ассортиментом страховых услуг, деятельность по организации продажи услуг, рекламно-информационная работа, предоставление комплекса услуг и сервисное обслуживание, разработка стратегии коммерческой деятельности.

Принципиальной и важной особенностью современной коммерческой деятельности в сфере услуг страхования является тот факт, что она может отвечать требованиям рынка только в том случае, если осуществляется на основе маркетинга-менеджмента, то есть на основе теории и практики маркетингового управления процессами, трудовыми, материальными, финансовыми и информационными ресурсами.

Организация коммерческой деятельности на основе маркетингового управления позволяет практически привести потенциальные ресурсы организации в соответствие с намеченными стратегическими целями, которые, в свою очередь, определены с учетом возможностей и требований рынка. Именно поэтому в содержании коммерческой деятельности появился такой этап, как разработка стратегии коммерческой деятельности.

Всю маркетинговую информацию можно поделить на первичную и вторичную. Первичная информация собирается непосредственно для целей конкретного исследования и предполагает сбор данных по определенным вопросам. Одним из наиболее удобных и распространенных видов сбора первичной информации является опрос или анкетирование. Вторичная информация – это данные, собранные ранее для целей, отличных от целей конкретного маркетингового исследования. Процесс проведения маркетинговых исследований в общем случае состоит из пяти основных этапов:

- 1) выявление проблем и формулирование целей маркетинга;
- 2) отбор источников, сбор и анализ вторичной информации;
- 3) планирование и организация сбора первичной информации;
- 4) систематизация и анализ собранной информации;
- 5) представление полученных результатов исследования.

Различают четыре основных метода сбора первичной информации: наблюдение, эксперимент, имитация, опрос. В настоящее время очень распространено применение методов так называемой экономической разведки. Она отличается от промышленного шпионажа тем, что не прибегают к противозаконным методам, а используют поиск и анализ информации из открытых источников, интернета, официальной информации из отчетов и сбора сведений о деятельности фирмы.

Также для изучения рынка страховых услуг, а также занимаемой на нем ниши конкретного предприятия можно использовать PEST-анализ, SWOT-анализ и другие.

PEST-анализ – это маркетинговый инструмент, предназначенный для выявления политических, экономических, социальных и технологических аспектов внешней среды, которые влияют на бизнес компании.

SWOT-анализ – метод стратегического планирования, используемый для оценки факторов и явлений, влияющих на проект или предприятие. Все факторы делятся на че-

тыре категории: сильные стороны, слабые стороны, возможности и угрозы. Метод включает определение цели проекта и выявление внутренних и внешних факторов, способствующих её достижению или осложняющих его.

Результатом маркетингового исследования является оценка потенциальных возможностей предприятия и его позиций на конкретном рынке или его сегменте. Эта оценка определяется в процессе дальнейшей маркетинговой деятельности при разработке программы маркетинга путем сопоставления сложившейся на определенный момент рыночной конъюнктуры с производственными, финансовыми, трудовыми и иными ресурсами предприятия [2].

Результаты маркетинговых исследований используются для:

- 1) стратегического и текущего планирования;
- 2) экономической и социальной деятельности предприятия;
- 3) установления требований к качеству продукции или услуг;
- 4) определения объемов производства и реализации;
- 5) разработки экспортной политики;
- 6) определения стратегии, тактики, методов и средств формирования спроса и стимулирования сбыта.

Маркетинговые исследования рынка страховых услуг Брестского представительства БРУСП «Белгосстрах»

Белорусское республиканское унитарное страховое предприятие «Белгосстрах» – крупнейшая страховая компания Республики Беларусь. Доля Белгосстраха на рынке страховых услуг Республики Беларусь по сумме поступлений страховых взносов по прямому страхованию и сострахованию на 01.01.2011 г. составляет 57%, что говорит о его безоговорочном лидерстве. Работая как с физическими, так и с юридическими лицами, Белгосстрах предлагает своим клиентам более 100 видов добровольного и обязательного страхования.

Прогнозирование страховой деятельности в системе Белгосстраха представляет собой процесс разработки, согласования и утверждения долгосрочных, среднесрочных и краткосрочных прогнозов поступления страховых взносов по видам обязательного и добровольного страхования. Прогноз на год является основой для последующего утверждения плана поступления страховых взносов по видам страхования на год и прогноза поступления страховых взносов по отдельным видам страхования на год.

Прогнозирование осуществляется на основе использования методов экстраполяции, интерполяции (метода коэффициентов), экспертных оценок, метода аналогии, нормативных расчетов и иных, с учетом утвержденных параметров социально-экономического развития Республики Беларусь и развития страхового рынка Республики Беларусь на долгосрочную, среднесрочную и краткосрочную перспективу.

Прогнозы поступления страховых взносов разрабатываются с учетом необходимости выполнения Белгосстрахом показателей, определенных Республиканской программой развития страховой деятельности в Республике Беларусь на 2011–2015 годы. Количество действующих договоров страхования на 01.01.2012 года составило 91 100 договоров.

Так, наибольшую долю среди заключенных в 2011 году договоров добровольного страхования занимает личное страхование (34%), а наименьшую – страхование имущественной ответственности юридических лиц (0,8%). В целом объем заключенных договоров по всем видам страхования ежегодно увеличивается, то есть, потребители страховых услуг хотят страховаться и в качестве своего «поставщика» выбирают именно Белгосстрах, что говорит о его безоговорочном лидерстве на рынке страховых услуг города Бреста.

Финансовое состояние организации определяется множеством показателей. Одним из них является финансовая устойчивость. Важнейшим показателем финансовой устойчивости страховщика, ее надежности, является платежеспособность страховой организации, то есть ее способность выполнить свои страховые обязательства в любой момент времени. Факторы, оказывающие влияние на финансовую устойчивость и платежеспособность страховщика, можно подразделить на две группы – внешние и внутренние. Внешние факторы – это факторы, не зависящие от страховой организации, от эффективности ее работы. К ним относятся различные экономические, политические факторы, законодательная база и т.д. Внутренние факторы зависят от деятельности конкретной страховой компании. Так, рассматривая представительство Белгосстраха по городу Бресту, следует отметить, что за 2011 г. объем поступлений составил 38 млрд рублей.

Еще одним фактором финансового состояния является рентабельность. Можно выделить множество видов рентабельности:

- 1) общая рентабельность – отношение прибыли страховых организаций к размеру уставного фонда (в 2011 году составляет 4,5%);
- 2) рентабельность страховой деятельности – отношение прибыли страховой деятельности к расходам страховой деятельности – (515%);
- 3) рентабельность страховых операций – отношение относительной величины прибыли к сумме поступлений страховых взносов – (65,8%);
- 4) рентабельность продаж – отношение прибыли от продаж к выручке – (67,4%);
- 5) рентабельность собственного капитала – отношение чистой прибыли к среднему за период размеру собственного капитала – (3,6%).

Таким образом, финансовое состояние Белгосстраха можно охарактеризовать как удовлетворительное, однако необходимо оптимизировать и совершенствовать свою деятельность, чтобы надолго оставаться лидером на рынке страховых услуг Республики Беларусь [3].

Для успешного функционирования на рынке страховых услуг необходимо (кроме качественного производства продукции, товаров, услуг) выгодно представлять себя потребителям. Для этого определяется рекламная стратегия, вырабатывается рекламная кампания. У Белорусского республиканского унитарного страхового предприятия «Белгосстрах» существует специально разработанный каталог рекламно-издательских стандартов.

Рынок страховых услуг Республики Беларусь начал свое развитие с начала 1990-х, в период бурного развития предпринимательской деятельности, когда в стране впервые появились рыночные отношения, конкуренция и свобода выбора. Многие страховые компании не выдержали «испытаний на прочность» в условиях развивающейся экономики, отдельные организации не смогли удовлетворить требования лицензирующего органа и обеспечить полноценную защиту своих страхователей. В итоге в настоящее время на страховом рынке Республики Беларусь осуществляют страховую деятельность 25 страховых организаций, три из которых получили статус государственных. Кроме БРУСП «Белгосстрах» это РУП «Белорусская национальная перестраховочная организация» и БРУП «Белэксимгарант» [4].

Для исследования страхового рынка города Бреста использовался PEST-анализ, на основе которого были изучены политические, экономические, социальные и технологические факторы, влияющие на состояние и развитие рынка. Анализ полученных данных показал, что все респонденты отмечают чрезвычайную важность страхования в современной жизни. По 10-балльной шкале (где 10 – наивысшее значение) 64% оценили

его ценность и необходимость в 9 баллов, 8% – 10 баллов, 24% – 8 баллов и лишь 4% – 5 баллов. Практически все члены выборки приобретали когда-либо страховой полис.

Причины покупки страхового полиса (обязательное страхование и желание обезопасить себя и свою семью) примерно равновелики в структуре ответов – 44 и 48% соответственно; 8% ответов пришлось на получение дополнительной прибыли. Наибольшее количество договоров страхования в городе Бресте было заключено по страхованию домашнего имущества, вторым по популярности видом страхования является страхование от несчастных случаев выезжающих за границу.

Среднего потребителя страховых услуг БРУСП «Белгосстрах» можно описать следующим образом: это жители города Бреста (как мужчины, так и женщины) в возрасте 28–45 лет, со среднемесячным доходом \$200–500, т.е. это состоявшиеся граждане, которые хотят чувствовать себя в безопасности, работают и могут оплатить страховку без нанесения ущерба своему кошельку. При выборе той или иной страховой компании потребители руководствуются прежде всего ценой и качеством предоставляемых услуг, а затем уже репутацией фирмы, советами знакомых и другими факторами. Из предложенного респондентам списка страховых организаций наиболее популярными оказались БРУСП «Белгосстрах» (60%), ЗАСО «Белнефтестрах» (18%) и ОАСО «Би энд Би иншуренс Ко» (12%) (рисунок 1).

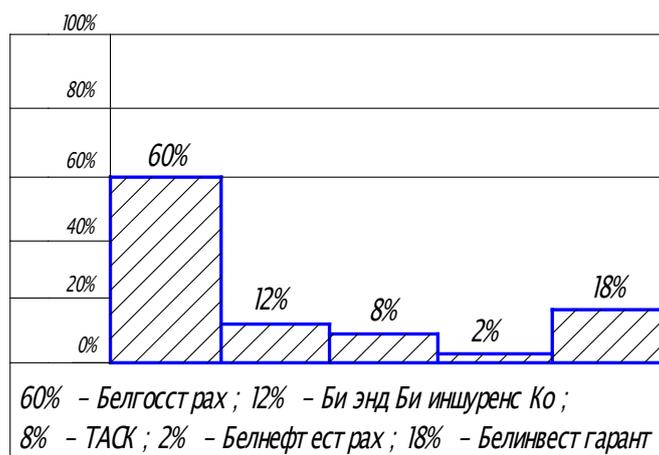

Рисунок 1 – Наиболее популярные страховые компании г. Бреста

При анализе конкурентоспособности действующих на рынке страховых услуг предприятий респондентам предлагалось оценить условия, цены и ассортимент услуг, качество обслуживания, а также репутацию страховых организаций по 5-балльной шкале, где 1 балл соответствует наименьшей степени удовлетворенности, 5 баллов – наибольшей.

Наиболее конкурентоспособным является БРУСП «Белгосстрах» – именно оно набрало наибольшее количество суммарных баллов (1065 баллов). Опрашиваемые особо оценили условия услуг (распространенность торговых точек предприятия и удобство их расположения), ассортимент предлагаемых страховых услуг (возможность подобрать страховой продукт индивидуально к каждому потребителю) и репутацию организации (является государственным предприятием, что вызывает большую степень доверия и защищенности страхователей, практически отсутствуют «громкие дела» с негативными последствиями). На втором месте расположилось ЗАСО «Белнефтестрах» (963 балла), которое набрало наибольшее количество баллов по качеству обслуживания клиентов. Третьим оказалось ОАСО «Би энд Би иншуренс Ко» (908 баллов), у которого,

по мнению респондентов, очень доступные цены на страховые услуги (так же, как у БРУСП «Белгосстрах»). Четвертым и пятым стали ЗАСО «ТАСК» (884 балла) и БРУП «Белэксимгарант» (861 балл).

Для определения сильных и слабых сторон в деятельности БРУСП «Белгосстрах», а также благоприятных возможностей и потенциальных внешних угроз был использован SWOT-анализ.

Заклучение

Несмотря на то, что БРУСП «Белгосстрах» имеет значительное превосходство над своими конкурентами, существуют и недостатки, с которыми необходимо бороться, чтобы на долгое время сохранить за собой лидирующие позиции на страховом рынке. Для этого следует максимально использовать имеющиеся преимущества и потенциальные возможности. Чтобы быть уверенным в том, что новая страховая услуга будет пользоваться спросом у потребителей, необходимо перед ее внедрением провести детальное маркетинговое исследование. Только после этого можно без сомнения сделать вывод о целесообразности создания страхового продукта.

Еще одной проблемой является экономия предприятия на рекламную и исследовательскую деятельность, хотя оно уже не раз убеждалось в том, что на этих сферах лучше не экономить, так как сумма последующего ущерба может быть значительно выше первоначальных затрат. Также, необходимо постоянно анализировать поведение клиентов, чтобы быть готовым к возможным изменениям в их системе ценностей и предпочтений, и своевременно суметь предложить новую услугу, соответствующую их принципам и ожиданиям.

Следует постоянно напоминать о себе с помощью рекламы, чтобы название компании было постоянно «на слуху» у людей. Ведь при выборе страховой организации потенциальный клиент обратится именно к той, чье имя знакомо, так как при этом формируется некая степень заочного доверия.

Постоянное самосовершенствование является залогом успешного функционирования организации на рынке. Если предприятие сможет своевременно и качественно удовлетворять потребности своих клиентов, то никакие конкуренты не смогут негативно повлиять на его деятельность, а позиция лидера будет принадлежать только ему.

На основании проведенных маркетинговых исследований, можно сделать вывод о том, что клиенты страховых компаний города Бреста в большей степени удовлетворены предлагаемыми услугами, однако их потребности подвержены изменениям, и в связи с этим предприятиям необходимо постоянно обновлять свой ассортимент услуг.

В рамках данных исследований установлено, что предприятие предлагает введение нового вида страхового продукта – «страхование от одиночества». Чтобы помочь справиться в сложный период времени, Белгосстрах может предложить воспользоваться новой страховой услугой. Ее объектами являются не только пожилые люди и граждане, потерявшие родных, а также холостые мужчины и женщины, достигшие пенсионного возраста.

По состоянию на 1 апреля 2012 года в Бресте насчитывается 4 289 одиноких пожилых людей и 7 462 незамужних (неженатых) брестчанина. Страховая сумма, которую может получить застрахованный, колеблется от 20 до 60 млн. рублей. Так, предполагается, что 11 751 человек потенциально могут приобретать страховой полис предлагаемой услуги.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багиев, Г.Л. Маркетинг : учебник для вузов / Г.Л. Багиев., В.М. Тарасевич, Х. Анн ; под общ. ред. Г.Л. Багиева. – М. : ОАО «Изд-во «Экономика», 2001. – 703 с.
2. Ванчикова, Е.Н. Маркетинговые исследования : учеб. пособие / Е.Н. Ванчикова. – М. : ВСГТУ, 2005. – 160 с.
3. Крейнина, М.Н. Финансовое состояние предприятия. Методы оценки / М.Н. Крейнина. – М. : ИКЦ «Дис», 2007. – 224 с.
4. Официальный сайт БРУСП «Белгосстрах» [Электронный ресурс] / Режим доступа : www.belgosstrakh.by. – Дата доступа : 25.09.2012 г.

Petrukovich D.A., Saddles O.J. Market Research Insurance Brest Representation BRUSP «Belgstrakh»

In article marketing research of the insurance market in Brest and assess potential companies in the insurance market. The methods of marketing research and established a leading position in the insurance market of the Brest representation BRUSP «Belgstrakh». The paper provides recommendations to improve the operation of enterprises in the services sector.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 29.10.2012

УДК 338.2:681.3

Л.П. Матюшков, Д.А. Петрукович

ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ ДИСТАНЦИОННЫХ РАБОЧИХ МЕСТ В БЕЛАРУСИ

Увеличение количества дистанционных рабочих мест становится с каждым годом более актуальным по мере развития в Республике Беларусь информационного общества и пространства. Трудность решения задачи связана с необходимостью развития новых экономических и правовых механизмов, используемых при выполнении различных дистанционных видов работ, требующих соблюдения гарантий обычных для традиционных путей контактов между людьми и через бумажные носители, удостоверенные подписями и печатями. Нами предлагаются некоторые подходы к решению таких задач для условий Беларуси, взяв за основу правовое обеспечение государством транзакций между заказчиком и исполнителем, включая и необходимые фискальные функции. С этих позиций делается анализ аналогичных действий в других странах и предлагаются соответствующие решения для реализации в тех сферах деятельности в Республике Беларусь, в которых уже есть платформа в виде предшествующих наработок (образование, банковская сфера, государственное управление, информационные технологии, средства связи, реклама и др.).

Введение

На современном этапе развития общества информационные технологии стали оказывать решающее влияние на повышение производительности труда во всех сферах деятельности, обеспечение стабильного качества продукции, сокращение сроков проектирования и производства [1; 2]. Они позволяют также существенно влиять и на формирование новых отношений между производителями и покупателями, что отчетливо видно при изучении динамики учета пожеланий и заказов потребителей, глобализации рекламы, индивидуализации выполнения пожеланий заказчика в рамках серийных моделей продукции, внедрения дистанционной оплаты заказов и бытовых услуг и т.д.

В социальном плане также по иному стали решаться задачи мониторинга и защиты окружающей среды, охраны здоровья, имеется возможность у населения знакомиться с деятельностью государственных органов и генерирования собственных предложений по улучшению их деятельности, внесения поправок в проекты законов и т.п.

Наряду со всеми предложенными эффектами возник и ряд своеобразных проблем политического, технологического, экономического, правового и организационного характера, требующих одновременного комплексного решения. В первую очередь это ярко проявилось в процессах межгосударственного взаимодействия в развитии корпоративных научно-технических исследований и торговли [1; 4; 5; 9].

Экономический кризис стимулирует компании к введению новых форм труда и перевода сотрудников на работу на дому, развивает дистанционный труд на удаленных территориях. Дистанционные формы работы помогли привлекать более дешевую рабочую силу внутри своей страны и привлекать работников из других стран, что стимулирует рынок труда и регулирует его.

Общие проблемы по развитию дистанционных видов работ

Общим элементом дистанционной работы во всех ее проявлениях является использование компьютеров и телекоммуникаций для изменения и расширения принятой ранее географии поиска сотрудников. Этот подход открывает и ряд лазеек для ухода от налогов, в частности, когда используются работники из других стран, за пределами места регистрации фирмы.

Сотрудники, работающие в своей стране, получают возможность делать более сложную работу и участвовать в разработке сложных комплексных проектов. Дистанционная работа способствует замене постоянного штата работников фирмы для выполнения работ ограниченной длительности, производя тем самым аутсорсинг работ на предприятии.

Дистанционный рабочий – это не профессия, а способ выполнения работы и поэтому требуется соответствующая подготовка и возможности обучения таких людей необходимым навыкам труда. Дистанционная работа (телеработа, телекомпьютинг) – децентрализация рабочей деятельности во времени и пространстве и поэтому необходимо использование доказательных средств ее выполнения, авторства и оплаты.

В России, в частности, бизнесом и профсоюзами работников актуализированы проблемы, требующие совершенствования законодательства о труде, регулирующего дистанционный труд в информационной индустрии. Например, в Рунете широко обсуждаются проблемы использования труда несовершеннолетних детей, что запрещено, трудности розыска недобросовестного работодателя, эксплуатирующего труд дистанционного работника, необходимость разработки и внедрения системы компенсации затрат за использование личной техники дистанционным работником и др.

Есть и очевидные положительные эффекты от использования дистанционных работников: снижение нагрузок на транспортную систему, экономия энергоносителей, сокращение затрат на аренду помещения.

В Беларуси и России определен круг первоочередной профессий, пригодных к дистанционной работе: дизайнеры, программисты, наборщики текстов, переводчики, рекламисты, консультанты, педагоги и некоторые другие специалисты. Уже имеется некоторый опыт дистанционного труда, который определил несколько актуальных и проблемных вопросов существования дистанционных рабочих мест. Одними из важных стали вопросы: какими документами подтверждается факт выполнения работы должным образом; какие виды расходов, и в каких пределах можно возместить дистанционному работнику; как подтверждать стаж работы и размер зарплаты?

Очень сложным оказался вопрос о возмещении затрат по эксплуатации оборудования, затратам электроэнергии, так как эти расходы носят двойной характер (для нужд фирмы и иногда для потребностей работника). Способы решения такого рода проблемы рекомендуется предусматривать и отражать в трудовых договорах. При превышении затрат соответствующих нормативов, величину их превышения можно рекомендовать восполнять за счет чистой прибыли предприятия, чтобы избежать соблазна для работодателя скрыть их в более высокой оплате, что может привести к конфликту с обычными работниками.

Потребность в развитии дистанционного вида работ диктуется и более тесной интеграцией между странами Таможенного союза при создании совместных предприятий, выполнении научно-технических разработок, развитии современных схем безналичных расчетов и др. Россия и Казахстан уже активизировали свои действия в этом направлении. В частности, Интернет-компания – резидент инновационного центра «Сколково» планирует выйти в регионы России и создать там около 100 000 дистанционных рабочих мест (со слов генерального директора компании на экономическом форуме в городе Красноярске). Правительством России выделяется грант в размере 27,5 млн российских рублей на реализацию планов компании. Компания обещает, что любой человек может выйти на ее сайт и выбрать одну из понравившихся ему профессий, для которых будут предлагаться работы в крупнейших российских компаниях. При отсутствии опыта дистанционной работы претендент может пройти обучение и по-

лучить сертификат на выполнение дистанционной Интернет-работы. Компании, предоставляющие дистанционные рабочие места, обязуются выплачивать все необходимые налоги, оформлять трудоустройство и его отношения с предприятием будут такими же, как и при обычном трудоустройстве. В Казахстане в операциях с электронными деньгами (электронные кошельки) перешли к использованию цифровой электронной подписи как полноценного дистанционного элемента, документа, делающего электронный документ равноценным бумажному [4].

Подчеркивается особая роль виртуального В поддержку актуальности таких работ высказываются и белорусские экономисты в статье «Человеческий потенциал союзного государства: проблемы выбора стратегического инновационного развития» [2]. В частности, там обсуждаются проблемы современного интеллектуального труда в таких сферах, как экономика знаний, бизнес и др. инжиниринга (дистанционного решения задач на математических моделях), состоящая в проектировании и построении моделей реальных объектов, что на порядок сокращает время подготовки документов и повышает их качество, а также дистанционное обучение с созданием эффекта присутствия обучающегося на занятии.

В этой же статье особо затрагивается и интеллектуальный продукт как востребованная информация, которая должна приносить доход и прибыль всем ее автором и создателям, а также прибыль властным и научным структурам, которые их эффективно поддерживают и финансируют. Ставится задача обеспечить достойной работой трудоспособное население, создать необходимые рабочие места и обеспечить условия для повышения реальных доходов населения [3]. Естественно, что создание дистанционных рабочих мест позволит без перемещения населения (без обострения жилищного вопроса) решить эту задачу по всей Республике Беларусь, а также обеспечит рабочими местами и часть инвалидов, имеющих соответствующую квалификацию или имеющих возможность путем дистанционного обучения ее приобрести. Следует отметить, что обеспечение дистанционного вида работ может быть поддержано соответствующими работниками, так как, по некоторым оценкам, в сфере информационно-коммуникативных технологий в Республике Беларусь сейчас работают 25 тыс. специалистов и ежегодно добавляются за счет обучения в учреждениях высшего образования и повышения квалификации и переподготовки приблизительно 2,5–4 тыс. специалистов.

К общим вопросам совершенствования дистанционных видов работ, на наш взгляд следует отнести необходимость выработки международной терминологии или хотя бы терминологии в рамках таможенного союза России, Беларуси и Казахстана, так как здесь уже созданы условия для перемещения рабочих и специалистов в рамках таможенного пространства. Дистанционный труд – как новый вид деятельности, должен подчиняться общим правилам, так чтобы с позиций прав трудящихся, налоговых и пенсионных органов не появилось не решаемых вопросов.

Специфическими также являются многие аспекты взаимоотношений нанимателя и работника: фиксация качественного выполнения работы и ее должной оплаты; текущее управление работником; оформление документов при зачислении или увольнении (оформлении трудового договора или его расторжении); специфика выполнения, учета и оплаты разовых работ; соблюдение конфиденциальности информации, принадлежащей фирме; защита прав интеллектуальной собственности; доказательство авторства пересылаемых в сети документов; подтверждение факта высылки и получения зарплаты; компенсации расходов за использование личного оборудования для работы на предприятии и т.д.

Особняком стоит вопрос, касающийся рисков использования дистанционных работников, для которых в практике западных стран сформировалось название, так-

называемых фрилансеров (от англ. *freelancer* – *вольный копейщик, свободный копьеносец, наёмник*; в переносном значении – *вольный художник*), а работа такого работника получила название – фриланс.

Использование фрилансеров подвергает риску, как работодателя, так и исполнителя. Для этой категории дистанционных работников в мире не сложилось четких правил. Обычно это какие-то разовые работы краткой продолжительности, с занятостью несколько дней или часов в неделю. Фрилансер получает удовлетворение от выбора работы по вкусу, выгоды в виде удобного для себя режима и места работы, однако он сам обязан вести бухгалтерию и платить налоги. Фриланс нашел распространение среди дизайнеров, программистов, переводчиков, инженеров-проектировщиков, журналистов. В практике Великобритании фрилансом занимаются порядка двух миллионов человек. Такого рода работы и создали расхождение в подсчете количества людей, занятых в системе дистанционной работы, например, в странах Евросоюза (4–12 млн человек) и США (10–20 млн человек).

При работе фрилансера фирма платит только за выполненную работу и, как следствие, имеет возможность привлечь высококлассного специалиста из другого региона или страны. Проблемой для фрилансеров является поиск очередного заказа. Таким образом, в России фриланс приравнен к предпринимательской деятельности, требующей регистрации, отчетности и уплаты налогов, однако при слабом контроле зачастую фрилансеры нарушают законодательство [8].

Поэтому мы пока остановимся на тех видах дистанционной работы, когда трудящийся приравнивается к обычному наемному работнику, хотя многие из рассматриваемых процедур могут встречаться в обеих ее разновидностях.

Основу любых дистанционных операций составляет транзакция. Этот термин широко используют в деловом мире электронной торговли, банковских платежей, обращениях с запросом к банкам данных. Однако пользователи термина могут вкладывать в него несколько отличный смысл, исходя из характера выполняемой операции. Например, транзакция – это сделка, единица коммуникативного процесса или единичное действие, имеющее два состояния – выполнено (1) и не выполнено (0) или минимальная логически осмысленная операция или группа взаимосвязанных операций, которые обладают свойствами атомарности, непротиворечивости, изолированности.

Нами предлагается использовать в дистанционной работе и дистанционных коммерческих операциях термин дистанционная транзакция. В суть термина включается обеспечение не только свершение операций (сделки), но и соблюдение ряда требований к ее наиболее ответственным процедурам, касающимся обеспечения конфиденциальности сделки, обеспечения юридической ответственности за передаваемую информацию, невозможность до завершения процедуры всей транзакции начать другую транзакцию, а при срыве выполнения хотя бы одного этапа возможность всю систему затронутых элементов вернуть в исходное состояние. Похожая схема сейчас реализуется при операциях с базами данных в информационных системах. Примерно такая же схема рекомендуется для сделок между хозяйствующими субъектами с требованиями к неделимости, согласованности, надежности и изолированности транзакции [5].

Причина такого подхода вызвана необходимостью раскрыть термин дистанционная транзакция в соответствии с обеспечением конфиденциальности (современными методами шифрования) и общей надежности, а также решить вопросы юридической ответственности на основе применения электронной цифровой подписи, чтобы обеспечить юридическую силу и надежность сохранения в тайне, циркулирующих в сети документов. Первые шаги в этом направлении в Республике Беларусь уже пройдены:

имеется закон об электронном документе и стандарт на электронную цифровую подпись, а также уже более десяти лет действует положение о коммерческой тайне [9; 10].

Трудность проблемы заключается в том, что обеспечение дистанционной транзакции требует совместной работы специалистов разных профилей (юристов, экономистов, программистов, электронных технологов по банковским операциям, патентоведов и др.).

Возможные пути решения существующих проблем

В прикладной области использования дистанционной работы впереди находятся предприятия, работающие в сфере финансовых услуг, фирмы по автоматизации проектирования, мобильной связи, фирмы, создающие различные информационные технологии, так как их вынуждает технический прогресс не отставать от конкурентов других развитых стран.

По количеству выполняемых дистанционных операций лидируют (прежде всего) банки: прием платежей у населения, выплата заработной платы, безналичные расчеты между предприятиями и странами. Они близки к созданию систем безбумажного документооборота и начали применение электронной цифровой подписи в безналичных расчетах между юридическими лицами. Однако полноценное применение этой схемы расчетов для более широкого круга пользователей пока сдерживается из-за задержки формирования сертификационных центров в стране, обеспечивающих широкое применение электронной цифровой подписи. Банки приближаются к решению еще одной важной задачи по созданию схем расчетов за корпоративное использование оборудования, принадлежащего разным собственникам.

Такую работу впервые начали ОАО АСБ «Беларусбанк» и ОАО «БПС-Сбербанк», когда решили задачу пользования объединенной сетью своих банкоматов для пользователей электронных карт этих банков без комиссионных платежей в любом из банкоматов. На этой основе можно обобщить схемы расчетов, связанные с возмещением «чужих» средств, взятых не из своего банкомата и за транзакцию на «чужом» оборудовании. Развитие электронных связей между банками по волоконным оптическим линиям легко позволяет расширить корпоративное использование банкоматов и другими банками, что дает значительную экономию ресурсов по стране: равномерно и экономно распределять все банкоматы по площади страны, упростит их охрану и самое главное – не только житель любого города сможет пользоваться банкоматом любого банка. Это позволит усилить тягу населения к безналичным расчетам через инфокиоски, платежам по электронным картам в магазинах (магазину также нет смысла вести отношения с несколькими банками). Хорошим примером такого рода является оплата на бензоколонках, принадлежащих разным фирмам, а также переводы денег при помощи мобильного телефона и т.п.

На аналогичных принципах разные ведомства и предприятия могут вести общую корпоративную базу данных с оплатой за информацию, создаваемую разными хозяевами. Формы возможной организации рабочих мест и колебание затрат на их организацию рассмотрены с учетом опыта в ФРГ [1]. Задачи регистрации дистанционных работников, по-видимому, целесообразно решать в едином для страны реестре.

Заключение

Исходя из изложенного материала можно сделать выводы о ближайших задачах, которые полезно решать в условиях Беларуси. Учитывая социальную направленность в развитии страны, разумно в первую очередь поддержать создание рабочих мест с дистанционным типом транзакции, обеспечивать права трудящихся аналогичные с обыч-

ным типом трудоустройства на предприятии, компенсировать в рамках разумного затраты на материалы и износ техники работника, гарантировать выплату зарплаты, налогов и пенсий, конфиденциальность получаемой информации от работодателя и, наоборот, от работника в условиях дистанционной работы.

Ввиду малости рынков страны и преобладания средних и малых предприятий необходимо вести работы по созданию корпоративных систем с участием и без участия государства соблюдая, скорее всего, отраслевой принцип, использующих дистанционный труд для решения общих информационных задач, производства информационных продуктов и услуг за плату от индивидуальных пользователей и предприятий с распределением доходов их создателям в зависимости от источников и количества, полученной по запросу информации.

Больше внимания следует уделить выработке новых и совершенствованию используемых правовых механизмов для условий дистанционной работы. Реализация правовой компоненты дистанционной работы пока сдерживается медленным внедрением в практику эффективных средств защиты информации и электронной цифровой подписи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Матюшков, Л.П. Перспективы информационных технологий в развитии дистанционных рабочих мест и коммерческих операций / Л.П. Матюшков // Вучоныя запіскі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна. – 2006. – Том 2. – Ч. 1. – С. 107–115.
2. Андреев, И.Л. Человеческий потенциал союзного государства: проблема выбора инновационного развития / И.Л. Андреев, П.Г. Никитенко // Проблемы управления. – 2012. – № 3 (44). – С. 111–115.
3. Морова, А.П. Социальная политика государства / А.П. Морова // Проблемы управления. – 2012. – № 2 (43). – С. 75–80.
4. Кучинская, А.А. Операции с электронными деньгами в странах таможенного союза / А.А.Кучинская // Проблемы управления. – 2012. – № 3 (44). – С. 162–166.
5. Балабанов, И.Т. Электронная коммерция / И.Т. Балабанов. – СПб. : Питер, 2001. – 336 с.
6. Гулин, Н.В. Бизнес-офис предприятия / Н.В. Гулин. – Минск : БГЭУ, 2004. – 279 с.
7. Климченя, Л.С. Электронная коммерция / Л.С. Климченя. – Минск : Высш. школа, 2004. – 191 с.
8. Добрянский, Ф. Управление фрилансерами: Методы и практика / Ф. Добрянский. – М. : Альпина Паблишер, 2009. – 132 с.
9. Об электронном документе и электронной цифровой подписи : Закон Респ. Беларусь от 28 дек. 2009 г. № 113-З : текст по состоянию на 1 дек. 2012 г.
10. Предварительный государственный стандарт Республики Беларусь СТБ п. 34.101.25-2008. Информационные технологии. Стандарт электронной цифровой подписи.

Matsiushkou L.P., Petrukovich D.A. Problems of Remote Jobs in Belarus

We suggest some approaches to solving the problems in Belarus, based on legal support of transactions (between the customer and state), including the necessary fiscal functions. From this perspective, is the analysis of similar operations in other countries. It's suggested appropriate solutions to be implemented in those areas of the Republic of Belarus, which already has a platform in the form of previous developments (education, banking, public administration, information technology, communications, advertising and etc.).

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 01.10.2012

УДК 130.2:34

Б.М. Лепешко

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД В ПРАВЕ: СУЩНОСТЬ И ЭВРИСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ

В статье рассматривается сущность аксиологического метода в правовых исследованиях. Характеризуется ценностный подход в целом, диалектика его субъективно-объективных характеристик. Определена категория «ценность», которая понимается как совокупность важнейших компонентов (характеристик, сущностей) различного свойства и характера, например, культуры. Показана связь категории «ценность» с такими дефинициями, как «идеал», «норма». Выявлены эвристические возможности аксиологического метода в правовых исследованиях.

В системе методов, принятых в правовой науке, аксиологический метод занимает подчинённое, второстепенное место, а его эвристические возможности явно занижены. Это связано со многими факторами, среди которых традиционно осторожное отношение исследователей ко всем методам «субъективного» характера, фактическое отсутствие специальных работ, в которых подробно были бы охарактеризованы возможности аксиологического метода в познании, дефицит конкретных научных трудов, которые были бы написаны в рамках применения именно данного метода.

Один из закономерных вопросов, который возникает сразу же: почему наше внимание привлёк именно аксиологический метод? А далее важно уточнить, в чём его специфика, каково его место в системе иных методов исследования, каковы его эвристические возможности, каким образом можно использовать возможности такого подхода в конкретных правовых исследованиях? Ответы следует искать в нескольких смысловых плоскостях.

Во-первых, сегодня все гуманитарные науки и право здесь не исключение испытывают дефицит методологических оснований своего существования, чувствуют потребность в притоке новых идей методологического характера, в рамках применения которых, можно не столько осуществить «прирастание» эмпирического знания, сколько добиться нового качества знания, а здесь без концептуальных прорывов не обойтись.

Во-вторых, в юридическом знании теоретические проблемы самими юристами часто не осознаются, как таковые, мышление преобладающего большинства правоведов всё же не теоретично, хотя многие и полагают, что они теоретики. И далеко не случайно, что более или менее внятных, законченных и полностью признанных правовой наукой содержательно-сущностных концепций юридической эпистемологии пока нет. О ленинской теории отражения предпочитают не говорить вовсе, постмодернистские изыски, связанные с поисками смыслов консервативным академическим большинством отвергаются с ходу и, пожалуй, отвергаются справедливо. Что же касается современных западных эпистемологических поисков, то они традиционно связываются с именами Г. Кельзена, неопозитивистскими установками Г. Харта, онтологической концепцией права Р. Марчича и некоторыми иными идеями. Однако и здесь ощущается неудовлетворённость сложившимся положением дел в сфере методологии права, и потому ожидаются новые мысли и идеи, связанные с методологическими поисками в сфере, прежде всего, антропологического подхода. Как отмечает Норбер Рулан, французский юрист, основатель Французской ассоциации юридической антропологии: «Выйдя из недр социальной антропологии, юридическая антропология имеет своей целью понять

правила поведения в различных обществах, но отдаёт предпочтение юридическому аспекту, заявляя при этом о невозможности изолировать право как таковое, поскольку оно является лишь одним из элементов общей культурной и социальной системы, свойственной любому обществу» [1, с. 9].

В-третьих, существует ясное понимание того, что применение новых методов (или реанимация – на новой основе подзабытых старых) позволит добиться пересмотра уже сложившихся методологических стандартов, по-новому оценить имеющиеся концептуальные идеи, осмыслить накопленный эмпирический материал. Ведь внесение в практику науки качественно новых подходов (методов) позволяет не просто изменить угол зрения на объект познания, в этом случае может трансформироваться сам этот объект, возможно, самое неожиданное «прочтение» уже сложившихся представлений. Предлагаемая статья и обращена к пониманию одного из таких методов – аксиологического.

Сущность

Сразу же следует заметить, что назвать ценностный подход (метод) новым нельзя – его активно начали разрабатывать во второй половине XIX века и на этом пути имеются серьёзные теоретические достижения. Достаточно в этой связи назвать имена таких крупных теоретиков, как Г. Риккерт и в целом баденскую школу неокантианства в Германии. Аксиологический метод сразу же стал пониматься как подход, противоположный тому, который применяется в естествознании. Науки об обществе обладают несомненной спецификой, причём эта специфика столь существенна, что имеет смысл говорить отдельно о «науках о природе» и «науках об обществе». В частности, право является несомненным достижением наук об обществе. Причём право – это несомненная ценность, значение которой трудно переоценить. Право позволило не просто конституировать человеческую жизнь, жизнь общества, оно стало мощным фактором сохранения человечества, придало смысл его существованию и в этом аспекте сложно говорить исключительно о «субъективности» такого рода ценности. То есть сразу же стала апробироваться мысль, согласно которой право, как ценность объективировано и предпосылками возникновения, и самим его характером. Сущность аксиологического метода, как это понимал немецкий философ, заключается в связи изучаемых объектов с определёнными системами ценностей самого разного характера, что предполагает и отбор исследовательских объектов, и их оценку.

Конечно же, этот подход и такое понимание метода вызвали разные мнения и оценки. Стоит заметить, что отношение к аксиологическому методу тогда, на рубеже XIX–XX веков было достаточно критичным, и основания для критики были понятными: угроза субъективизма была слишком реальной. Кроме упреков в субъективизме, аксиологический подход критиковался по нескольким направлениям, например, в рамках невозможности выстроить универсальную систему ценностей (диалектика относительного и абсолютного в аксиологии). Была непонятной связь между такими категориями, как «ценность», «норма», «идеал». Широко известна и критика идей теории ценностей со стороны позитивистски настроенных специалистов.

Оригинальную концепцию предложили марксистские авторы. Здесь ценностный подход был связан с классовой позицией, классовым подходом и основная проблема заключалась в том, что чему подчинено. То есть, ценностный подход и соответствующий метод существует в юриспруденции и иных гуманитарных науках как самостоятельный, или же занимает подчинённое место в иерархии методологических приорите-

тов. Георгий Плеханов, виднейший теоретик марксизма, обратил внимание на теорию ценностей в том виде, как она была представлена в книге Г. Риккерта «Науки о природе и науки о культуре» (русский перевод 1911 г.) и написал соответствующую рецензию. Неоспоримо, заметил он, что каждый исследователь (речь в данном контексте шла об историках) так или иначе сортирует свой материал, выбирает тот или иной подход, оценивает факты, события, нормы, останавливаясь в итоге на тех или иных ценностях. «Весь вопрос в том, какова природа этой ценности. А на этот вопрос совсем нельзя ответить тем утверждением, что в данном случае ценность принадлежит к категории культурных ценностей. Совсем нет! Как человек науки – и в пределах своей науки – историк считает существенным то, что помогает ему определить причинную связь тех событий, совокупность которых составляет изучаемый им индивидуальный процесс развития» [1, с. 515]. Речь идёт о попытке «заземлить» идеальные проблемы (теорию ценностей) путём её связи с причинно-следственными предпосылками принятия решений, которые можно было бы (теоретически) представить «объективистскими». Плеханов полагал важным вывести аксиологию (применительно к истории в данном случае) за узкие пределы субъективности и придать ей более широкий, что подразумевалось, возможно, объективистский характер.

Русская юридическая традиция (вторая половина XIX – начало XX вв) при достаточно широком разбросе мнений всё же склонялась к тому, чтобы принять аксиологическую теорию, не отвергать её как таковую, однако специфика аксиологического метода и соответствующей методологии связывалась, в основном с категорией «нравственность» и категорией «религия». Здесь не место для широких реминисценций по этому поводу, мы обратим внимание на две точки зрения, профессора права Московского университета А.С. Яценко (1877–1934) и профессора права Московского, затем Киевского университетов Б.А. Кистяковского (1868–1920).

А.С. Яценко полагал, что право теснейшим образом связано с религиозными и моральными ценностями, собственно, вне морали и религии право превращается в фикцию. Причём ценности права, религии, морали образуют систему, гармоничную систему, в рамках которой только и возможно комфортное общежитие людей. Причём людей, систему отношений между людьми невозможно представить в форме некой чистой, абстрагированной от действительности форме. «Люди, поведение которых регулируется в праве, могут быть поняты или как отдельные индивиды, простые слагаемые в общей сумме, или как члены общества, органически связанные с социальным целым. Общество, наконец, в котором регулируется правом жизнь людей, может быть понято или как внутренне-психическое явление, существующее реально только в человеческих переживаниях, или как внешне реальное бытие, имеющее своё выражение и вне субъективной психики людей» [2, с. 14]. Речь идёт о гармонизации этих отношений, переосмысления сложившейся системы ценностей с точки зрения учёта всех компонентов, особенно морально-религиозных. На первый план в рамках формирования правовых ценностей выдвигались и интеллектуальная интуиция, и нравственный кодекс, а также социально-психологический опыт конкретной личности, нравственно-религиозный опыт всего народа.

Следует заметить, что А.С. Яценко во многом разделял концептуальные подходы к пониманию права, изложенные блистательным русским мыслителем Владимиром Соловьёвым. Комментируя точку зрения философа и полностью разделяя её, правовед заметил: «Право и государство неразрывно соединяется у него с религиозным началом, с церковью. Именно эта последняя даёт оценки свободы, даёт идеал, даёт определённый

материальный принцип для разграничения свобод. Право и религиозный идеал у него как бы два слитных и нераздельных отблеска одного источника света» [3, с. 27].

Б.А. Кистяковский полагал, что в России сложилась такая ситуация, когда «Право не может быть поставлено рядом с такими духовными ценностями, как научная истина, нравственное совершенство, личная святость. Значение его более, относительно, а относительность значения права даёт повод некоторым теоретикам определять очень низко его ценность» [4, с. 109]. Но то, что речь идёт именно о ценностях – сомнения не вызывает. Однако главный тезис учёного связан с пониманием того факта, что «относительность права», понимание его как «второстепенной ценности» привело к серьёзнейшим, даже катастрофическим последствиям. В статье, опубликованной в нашумевшем сборнике «Вехи» (1909) и названной «В защиту права», учёный защищает положение, согласно которому право не просто является ценностью «первого порядка», пренебрежение правом ведёт к кризису духовной культуры в целом. Критический пафос выступления Б. Кистяковского направлен против пренебрежения правом, против культивирования правового бескультурья, против пренебрежения ценностями права, среди которых на первом месте такие важнейшие понятия, как нравственность, свобода, религиозные ценности. Он замечает, что сотрудники юридических факультетов университетов России за многие десятилетия своей деятельности не дали ничего похожего на этюд Р. Иеринга «Борьба за право», научная работа учёных чрезвычайно узка, а исследуемые проблемы далеки от общественных интересов.

Б.А. Кистяковский ставит вопрос о важности социального идеала и соотносённости теории ценностей с идеалом, нравственным, религиозным, иным. Здесь важен вопрос о правовых интересах личности, не о правах её, а именно об интересах. Эти интересы «завязаны» на проблеме ценностей, поскольку часто вместо истинных интересов на первый план выходят интересы ложные (как обмануть, как уйти от этической ответственности, ложное понимание свободы и т.д.). Причём важно, что «на одной этике нельзя построить общественных форм», то есть, нужна реабилитация, реанимация права как основополагающей ценности. В обществе существует уверенность, что системные проблемы можно решить на основе исключительно систем этики, но это – ложный посыл, поскольку вне правовых форм общежития общество теряет возможности организации и развития.

Обобщая, можно заметить, что возможности аксиологического метода представителями русской классической юридической мысли не отрицались. Однако приоритет отдавался именно *системе* знания, *системе* ценностей, причём иерархия этих ценностей могла выстраиваться по-разному. Скажем, А. Яценко утверждал приоритет этики, а Б. Кистяковский полагал, что этика и право в такого рода иерархии ценностей занимают одинаковое (равноправное) положение. Это – не случайные мысли, не случайные подходы, поскольку и русская правовая мысль, философия права разделяла основополагающие постулаты национальной философии. А здесь базовые категории – соборность, всеединство, симфония, система, этика, религия и т.д.

Самой жёсткой критике аксиологический метод и в целом концепция ценностей была подвергнута теоретиками, представляющими нормативистскую точку зрения (Г. Кельзен). «Чистое право», по сути, было призвано ответить на вопрос, что есть право, чем оно является, но полностью исключало ответ на вопрос, каким оно должно быть, как должно создаваться. Ценность – это точно такая же категория, как и искусство, психология, история и потому право должно быть «очищено» от такого рода дефиниций. Но здесь нам важно подчеркнуть и иной аспект проблемы. Дезавуируя аксиологию (как и иные отрасли гуманитарного знания) нормативизм на первое место

поставил вопрос о возможности юриспруденции как науки и актуализировал проблему метода юридической науки. То есть право – это наука или нет? И если наука, то обладает ли она своими специфическими методами познания? Ответ звучал так: чтобы стать особой наукой, правоведение должно иметь свой собственный объект изучения, объект «чистый» в том смысле, что его существенные характеристики не пересекаются с существенными характеристиками иных, близких праву наук. И, понятное дело, должен быть специфический метод исследования, юридический метод, свои собственные гипотезы (скажем, о приоритете «верховой», «суверенной» нормы). Но что это за метод? В частности, профессор государственного права в Венском (1911–1930) и Кельнском (1930–1933) университетах Ганс Кельзен полагал, что существуют два таких метода: нормативный и догматический. Суть первого в том, что норма изучается как логическое суждение особого рода, определяется логическая природа нормы, образующие её элементы, система норм, связи, которые объединяют элементы в систему. Нормативный метод заключается в интеллектуальной обработке норм, выяснении и выделении их отдельных черт и элементов путём сравнения, анализа, иных логических операций. Основная особенность догматического метода заключается в том, что нормы права рассматриваются как самодовлеющая и замкнутая система, из которой выводятся все основные правовые положения вплоть до юридической справедливости. Заметим сразу же: ценностному подходу здесь вообще не место.

Однако в XX веке существовали и существуют не только «симфонические» или «антиценностные» подходы, ряд крупных учёных юристов вновь обратили позитивное внимание на аксиологию. В частности, Рональд Дворкин, профессор юриспруденции в Оксфорде (1962–1969), отрицая классические позитивистские представления о праве, полагал, что между юридическими и моральными суждениями нет принципиальной разницы. Право, по его мнению, состоит не только из норм, но и из правовых стандартов, то есть, при принятии судебных решений судья, например, может руководствоваться не только нормой, но и своим пониманием сложившихся в обществе ценностей (стандартов). Причём «По отношению к нормам стандарты применяются в зависимости от их относительного «веса», то есть, их относительной ценности». Одному сложному юридическому делу может быть релевантно несколько морально-юридических принципов, подходов и они применяются путём «взвешивания» их ценности в данном конкретном контексте общества, учёта господствующих и подчинённых ценностей и т.д. «Соотношение ценности «принципов» меняется, в зависимости от контекста и потому они не дают судье заранее готового решения, что предполагается при использовании норм» [5, с. 318–319].

Обстоятельства каждого судебного дела уникальны и исключительно «норма», как принцип, как базовая теория здесь может оказать юристу плохую услугу. Стандарты (не нормы) носят естественный характер, они «врастают» в нормативную теорию, они меняются вместе с изменением общества, изменением иерархии ценностей и придают нормам устойчивость и «историчность». Судья не может просто применить закон, используя норму, он всегда толкует закон и даже прецедент даёт ему относительную «ариаднину нить». Важно и понимание «обратной связи». То есть судья, так или иначе толкуя закон, учитывает господствующую систему ценностей. Однако тем самым своим решением он создаёт в обществе более благоприятный климат и способствует «моральной легитимизации». Это значит, что и общество, и правоохранительные органы приходят к определённому консенсусу относительно характера принятых решений.

Французский профессор права Г.А. Шварц-Либерман фон Валендорф полагает, что без оценки позитивных норм мы станем их рабами. Само право характеризуется Валендорфом как «логика ценностей», а законы – как результат соглашения между членами общества. В рамках своего нравственно-ценностного правопонимания юрист говорит о единстве права и морали, их взаимном дополнении друг друга. Его точку зрения разделяют и иные современные специалисты философии и права [7, с. 558–559].

Наверное, мы вправе охарактеризовать аксиологический метод в целом. Это можно сделать при помощи следующих положений:

1. Ключевой категорией здесь является категория «ценность», которую следует понимать как совокупность важнейших компонентов (характеристик, сущностей) различного свойства и характера, но, прежде всего, культуры. Понятие «ценность» связано с такими дефинициями, как «идеал», «норма». Ценность не нейтральна, она априори субъективна, вместе с тем, ценности во многом определяются объективными процессами и потому закономерно, что многие исследователи говорят об объективных предпосылках ценностей. Это значит, например, что та или иная ценность, которая внешне выступает как исключительно *моё* персональное решение и *мой* персональный выбор, объективирована как условиями моей жизни, моим воспитанием и образованием, а также господствующими в данном типе общества отношениями (ценностями). Здесь может быть много конкретных примеров, обратим внимание на отношение общества к проблеме смертной казни или иным, похожим, острым вопросам. Ведь отношение общества к смертной казни есть и констатация сложившихся ценностей, динамики этих ценностей.

2. Возможности аксиологического метода в праве в принципиальном аспекте основаны на понимании гуманитарного (человеческого) характера юриспруденции. «Очистить» права от ценностного аспекта не удалось до сих пор, нет уверенности в том, что это возможно в будущем. Скорее всего, такие попытки (в русле эвристических поисков Г. Кельзена) будут продолжаться и в дальнейшем, но ведь вопрос не только в том, что надо бы добиться «чистоты права», вопрос и в том, надо ли это в онтологическом (бытийственном) смысле? То есть, есть смысл задуматься вот над каким вопросом: а не является ли ценностный аспект права его (права) сущностным признаком? Не превратятся ли в случае реализации принципов «чистого» права правовые коллизии в набор фантазмагорий, где решение принимается на основе неких никому неведомых «чистых» и, по сути, автоматизированных стандартов?

3. В гносеологическом аспекте метод аксиологии фактически не разработан, это связано с тем, что проблемы юридической эпистемологии долгое время находились на «заднем плане» науки, приоритетными их назвать никак нельзя. Полагаю, что в повестке дня научных исследований находятся сегодня такие вопросы, как специфика юридической эпистемологии, её категориальный аппарат, отличие от иных дисциплин в указанном плане.

4. О сознательном применении метода аксиологии и соответствующей методологии мы можем говорить лишь условно, собственно, этой проблеме посвящена вторая часть статьи. Здесь хотелось бы заметить следующее. Расширение методологического инструментария расширяет возможности любой науки, право здесь не исключение. Можно продолжать закрывать глаза на то, что аксиология достаточно давно «просится» в число методов юридического исследования, но мы не должны делать вид, что не слышим такого рода призывы, а разрабатывать соответствующий логико-методологический, междисциплинарный инструментарий, который позволит как «снизить» уровень субъективности, так и предложить ясные и понятные схемы научного поиска.

Эвристические возможности

Эвристические возможности любого метода проявляются на практике, это очевидно. Утверждать, что метод аксиологии активно используется в исследованиях юристов-практиков, что он постоянно указывается в авторефератах диссертаций, а именно в том разделе, где речь идёт о методологии и методах, мы не можем. На наш взгляд, сегодня целесообразно говорить о тех эвристических возможностях, которые открывает перед исследователем данный метод. Вот на них мы и остановимся подробнее.

Первая такая возможность связана с формированием концепций, концептуальным «прочтением» права. Дело в том, что так или иначе выстроенная иерархия ценностей – это и форма методологических предпочтений, это возможность построения той или иной теории. Можно, например, идеализировать нормы, построить иерархию ценностей исходя из обоснования того факта, что общество, не имеющее чёткого свода норм, вообще не имеет права. Можно возвести на вершину иерархии ценностей не норму, а некие модели поведения и обосновать тезис, согласно которому традиционные общества подчиняются не нормам, а именно моделям поведения. Можно, как считал Павел Новгородцев, «дополнить» право нравственностью, поставить право и нравственность рядом в иерархии ценностей. Это естественно, по мнению русского юриста, поскольку «правовые учреждения сами по себе не в силах осуществить действительное преобразование общества и что они должны войти в сочетание с силами нравственными», «для осуществления поставленных задач государство должно было призвать на помощь нравственные факторы» [8, с. 328]. В этом же плане мы можем говорить и о психологической теории Льва Петражицкого, осуществившего синтез права и психологии. Право – психические переживания индивида, субъективные переживания, *мои* переживания. Нормы выступают в форме эмоций – но это осознанные *мною* эмоции. Скажут: нельзя же ценности отождествить с психическими явлениями? Да, это будет явной натяжкой. Но вот что интересно: с нормами-эмоциями связано представление индивида о должном, а это уже сфера аксиологии. Интуитивное право, существующее задолго до права объективного (позитивного) – это регулятор человеческого поведения, основанный на понимании людьми базовых ценностей. Это не естественное право, это именно право интуитивное, поскольку человек бессознательно приспосабливается к социуму на основе сформировавшихся ценностных ориентировок. Скажем, понимание справедливости есть элемент именно интуитивного права, оно (понимание) неодинаково у различных классов, слоёв, страт общества. Но это и закономерно, поскольку «развивается постепенно» (а не вследствие неких одномоментных правовых актов), формируется на основе социальной практики (а не вследствие откровений концептуалистов разного рода), являясь (в тоже время) фактором формирования позитивного права.

Причём важно то, что концептуальное прочтение права при помощи аксиологического метода – не самоцель, суть ведь не заключается в реализации претензий большого числа исследователей на концептуальность. Такого рода подход и такие исследования не могут быть массовыми, концептуальность – товар «штучный». Вопрос в том, что применение аксиологического метода может позволить учёному расширить и обогатить диапазон эвристических средств, приёмы правового исследования – ведь данный метод может применяться и в единстве с иными методами, дополняться, обогащаться в ходе применения системы методов.

Эвристические возможности аксиологического метода связаны и с пониманием собственно ценностей. Можно построить теорию ценностей, совершенно независимую от метафизики и религии. Можно даже исключить этический фактор из ценностных

координат, выбранных исследователем. Как быть с социальным идеалом – здесь теория ценностей может «подсказать» характер этого идеала, впрочем, многие полагают, что аксиология и есть следствие априори сформированного идеала. Правда, сразу же возникает вопрос, как здесь быть с наукой в её классическом понимании – ведь такого рода «игра» с ценностями дезавуирует классические нормы наукописания. Видный русский юрист Н.Н. Алексеев, размышляя об этой проблеме, полагал, что надо, конечно, ограничивать такого рода ценностное своеволие. Но надо видеть и иное: ценности имплицитно заложены не только в нас самих, но и в процессе познания. «Многое мы считаем ценным не потому, что оно чему-либо соответствует, но потому, что оно ценно в себе – самоценно. В наших самодовлеющих оценках и проявляются безусловные ценности. Данность, с которой мы их усматриваем, имеет характер истинной достоверности и указывает на присутствие самого предмета в познавательном акте» [9, с. 97]. В этом аспекте ценности пытаются превратить в нечто подобное «чистой теории», «новому нормативизму», только вместо «чистых» норм на первый план выдвигаются столь же «чистые» (что значит, не зависящие ни от этики, ни от религии) ценности. Но, насколько известно, такого рода попытки не привели к искомому результату и ценности не стали истиной столь же аксиоматичной, как иные – общепризнанные теоретические истины. Ведь всё истинное одинаково истинно, а вот всё хорошее не обязательно хорошо для всех. Смысл же данных реминисценций в том, что полный отрыв от ценностей не может быть оправдан – как не может быть оправдана, попытка представить ценность в виде и форме исключительно объективированной сущности.

Надо учитывать и тот факт, что эвристические возможности ценностного подхода различны в разных правовых системах, они напрямую связаны с тем, что мы называем правовой традицией, менталитетом нации. Скажем, уродство, юридические как феномен национальной традиции совсем по иному «препарируют» систему ценностей, нежели в западном сознании. «Мы уроды Христа ради», – говорил протопоп Аввакум, и попробуйте объяснить этот тезис с точки зрения таких ценностей, как достоинство, гордость и слава западному обывателю. Возникает особое понимание Абсолютного, в результате говорится не столько о «нашем» понимании ценностей, сколько о выходе вообще за пределы ценностей. И какой здесь может быть выход? Н.Н. Алексеев полагает, что «То, что мы называем ценным, ценно потому, что оно фактически и опытно обнаруживает своё жизненное преимущество перед неценным» [10, с. 104]. То есть существование положительных ценностей уже есть положительная ценность.

Но существует ли некая особая правовая аксиология, особые правовые ценности и как они могут быть осмыслены сегодня? Здесь вопрос остаётся дискуссионным, хотя на первом месте традиционно находится личность, её права. То есть, главная ценность правовой науки – персона, личность, причём речь идёт не о личности вообще, как абстрактной идее, а о конкретной личности. Личность не может стоять «по ту сторону добра и зла», она не интересует нас как объект философских спекуляций. Правовая наука может признать определёнными ценностями качества личности – скажем, храбрость на войне, самопожертвование и в этом контексте, скажем, правительственная награда за храбрость – это и правовое признание данного качества как ценного. Те или иные качества личности становятся ценными в определённой системе (правовой, социальной, политической), но личность вообще – не единственная правовая ценность. Теоретически вполне допустимо, что возможно «обожествление» государства, почитание экономических достижений (экономическое благо как правовой, в том числе, идеал), правовое признание ценности науки, искусства и т.д.

Для ряда теоретиков основной правовой ценностью является не отдельное (личность), а некая целостность, совокупность. Скажем, такой целостностью могут выступать общие нормы поведения, только они могут иметь силу наделять свои предписания обязательностью. Одному из немецких юристов XIX века принадлежит интересное сравнение такого понимания права и такого понимания ценностей с кораблём. Корабль, плывущий по морю, создаёт особые условия совместной жизни, которые требуют особого права. Корабль – это государство в миниатюре и право на нём рождено природой вещей, образом существования. Для сохранения целого (корабля), необходимо строгое выполнение приказаний капитана. Право здесь есть понимание приоритета целого, а не персоны. Скажем, при угрозе гибели целого, капитан может пожертвовать частным (багажом, товаром).

Конечно же, в иерархии правовых ценностей на одном из первых мест – понятие справедливости. Эта тема столь обширна, что требует специального освещения. Мы лишь напомним базовое положение, согласно которому справедливость есть элемент иерархии ценностей, причём справедливость выступает как понимание правильного соотношения степеней иерархического совершенства. Если ценности выстроены в определённом порядке и в соответствии с нашим пониманием об их достоинстве и месте, то мы и получим понятие справедливости. Это напоминает известное доказательство Фомой Аквинским бытия Бога, доказательство, связанное с идеей расположения ценностей по степени совершенства. Есть «высшее совершенство», а уже затем – по нисходящей – мы можем говорить об иных степенях совершенства.

Как это ни парадоксально прозвучит, но эвристические возможности правовой аксиологии связаны и с метафизикой, пониманием смысла жизни и нашего мира. Скажем, выбор определённой правовой системы (закон, суд, наказание и т.д.) противоречит утверждению об одномерном смысле истории. Выбор тех или иных социюридических форм означает, что мы выбираем определённые ценности, обусловленные очень большим количеством разнообразных факторов. Каждое общество достаточно самостоятельно для того, чтобы уяснить себе смысл собственной истории, выявить мировоззренческие, духовные приоритеты и определить актуальность именно для себя той или иной правовой системы. Далее, все общества ассоциируют право всё же с добром, справедливостью, но не злом, не наказанием. Мы говорим постоянно о справедливости права, хотя понимаем, что оно, право, во многом определено наличием зла. В каком-то смысле зло явилось источником права – поскольку человечество искало и нашло такую организационную и сущностную форму противодействия злу, которая позволило нам добиться хотя бы ограниченных успехов. Такой формой и стало право.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рулан, Н. Юридическая антропология / Н. Рулан. – М. : Норма. – 1999. – 310 с.
2. Плеханов, Г.В. Избранные философские произведения : в 5 т. // Г.В. Плеханов. – М. : Политиздат. – 1957. – Т. 3. – 784 с.
3. Яценко, А.С. Философия права Владимира Соловьёва. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства / А.С. Яценко. – СПб : Алетейя. – 1999. – 254 с.
4. Яценко, А.С. Философия права Владимира Соловьёва. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства / А.С. Яценко. – СПб : Алетейя. – 1999. – 254 с.

5. Кистяковский, Б.А. В защиту права / Б.А. Кистяковский // Вехи. Интеллигенция в России. Сборники статей 1909–1910. – М. : Молодая гвардия, 1991. – С. 109–136.

6. Жоль, К.К. Философия и социология права / К.К. Жоль. – М. : Юнити-Дана. – 2005. – 415 с.

7. Нерсесянц, В.С. Философия права / В.С. Нерсесянц. – М. : Инфра-М – Норма. – 1997. – 652 с.

8. Новгородцев, П.И. Введение в философию права / П.И. Новгородцев. – СПб. : Университет. – 2000. – 352 с.

9. Алексеев, Н.Н. Основы философии права / Н.Н. Алексеев. – СПб. : Лань. – 1999. – 252 с.

Lepeshko V.M. Axiological Method of Law: Nature and Heuristic Capabilities

The article deals with the essence of the axiological method in legal studies. Value approach and the dialectic of his subjective objective characteristics are characterized in the article. Category of «value», which is understood as a set of key components (features, entities) and properties of different nature, such as culture is defined. The relation between the category of «value» to such definitions as «ideal», «norm» is analyzed. The possibility of axiological heuristic methods in legal studies is revealed.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 30.04.2012

УДК 37.014.54

А.С. Александров

SYMBOLUM «НОВОЙ» ТЕОРИИ СУДЕБНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Вера и Следователь требуют
новых познавательных средств

Ж. Делез, Ф. Гваттари
Что такое философия?

Для того, чтобы читатель составил первое мнение о «новой теории» уголовно-процессуальных (судебных) доказательств, изложим символ веры, на котором она держится. Он включает в себя аксиомы (догматы), которые не подлежат сомнению. Не потому, что они верны, а потому что любое учение нуждается в изначальных, непререкаемых канонах. В них можно верить и использовать их, но нельзя подвергать сомнению. «Истинные и первые положения – те, которые достоверны не через другие, а через самих себя. Ибо о началах знания не нужно спрашивать «почему», а каждое из этих начал само по себе должно быть достоверным» [1, с. 349]. Неклассическая эпистемология использует вместо понятия объективной истины другие: «солидарность», «общепринятость» и т.п. Познание не отражает мир, а конструирует. Конструирование придает действительности вид неразрывного и когерентного целого. Мы тоже трактуем истину прежде всего как внутреннюю согласованность, непротиворечивость знаний. Знание и познание являются самореферентными событиями.

Аксиоматические суждения, принимаемые без доказательств в качестве истинных (допущения), служат основой для построения последующих высказываний. Итак:

1. Не верую во единого Бога Отца Вседержителя. Не верую в его пророков и апостолов, а также в любые «святые писания» (хотя при случае использую их в риторической аргументации).

2. Верую, что вначале был хаос, структура – потом. Знание – это структура (система). Хаос вечен, порядок случаен. Энтропия – определяет состояние системы и знания.

3. Материя объективна и первична; разум вторичен, слаб и лукав; все истины, которых он добивается относительно. Лишь власть способна сделать истину абсолютной.

4. Человек – мера всех вещей, существующих, что они существуют и несуществующих, что они не существуют. Между тем, не существует трансцендентального «Субъекта познания» отличного от «Объекта».

5. Человеческая психика состоит из трех составляющих (эго – суперэго – ид); биологическое и социальное, эгоизм и альтруизм борются в человеке. Превалируют в его поведении эгоистические мотивы: похоть, корысть и пр. Поскольку человек зол, постольку сообществу нужны запреты и институты, поддерживающие их: церковь, мораль, право, правосудие, государство и пр.

6. Язык создан людьми в процессе эволюции, он – альфа и омега знания. Разум – это язык. Сознание имеет языковое устройство. Реальность дана человеку в языковой картине. Знаки отсылают к знакам, а уже потом – к реальным вещам. Когнитивные структуры (символическое, знаковое) делают эмпирический опыт знанием (смыслом). Нет универсальной рациональности, есть лишь различные языковые игры.

7. Все юридическое производно от речи и языка. Право – текст; инстанция права – в означающем. Судебная речь, как один из родов публичной речи, составляет основу жизнеспособности общества (открытой системы).

8. Человека судить может только человек. Правосудие – это игра. При оценке людьми поведения других людей приоритет должен отдаваться морально-этическим, а не рациональным критериям.

9. Диалектика и риторика равноценны при убеждении судей. Психика, эмоции, идеология также убедительны, как факты. Доказать – значит убедить. Доводы бывают сильные и слабые, а не истинные и неистинные.

10. Судебная вероятность доказывается вероятными средствами. В уголовно-процессуальном доказывании используются главным образом индуктивные доказательства, т.е. примерные обобщения фактических данных; принцип восхождения от абстрактного к конкретному менее употребим в судебном доказывании.

11. Судебная истина есть результат судебного разбирательства. Судебная истина должна быть правдоподобной. Судебное доказывание фактов является искусством, и это искусство в основном связано с организацией правосудия, а не с установлением «объективной истины»; скорее сам поиск истины зависит от правил судопроизводства.

12. Теория судебных доказательств более искусство, чем наука. Ее положение в культуре не обусловлено какими-либо рациональными основаниями, она является субкультурой среди других субкультур. Критика существующего составляют императив всякой свободной рефлексии. Апологетика действительности – рабская (свинская) идеология, и потому пафос отрицания действительного лучшая гарантия утверждения разумного. Каждый из 12 членов имеет значение только тогда, когда позволяет действовать в правовой сфере с наилучшим результатом.

Теперь изложим когнитивную составляющую новой теории судебных доказательств. При когнитивном подходе существенно меняется представление о сознании, о восприятии, о познании, о субъекте в целом. Противоречие между идеализмом и материализмом по поводу реальности, если не снимается, то утрачивает актуальность. То, что реальность существует на самом деле – не отрицается: субъект познания имеет дело с реальностью. Вместе с тем познающий субъект «вырезает» из реальности *по определенной модели* только то, что соотносимо с его деятельностью, направленной на приспособление к этой реальности. Знание приобретает не пассивно через органы чувств или средства коммуникации, оно активно строится субъектом, взаимодействующим с объективностью, путем совершенствования когнитивных структур.

Субъект познания и объект его познания составляют единую систему, взаимно детерминируют друг друга. Не существует предметов знания, которые были бы независимы от субъекта. Классическая схема «субъект-объект» приобретает вид «субъект-структура-объект». Новая теория постулирует *когнитивную структуру* и объясняет через нее явления «уголовно-процессуального доказывания». Знание есть порождение понятийных структур и схем восприятия и действия. Все наши знания об окружающем мире носят приблизительный характер, и их достоинство определяется их способностью дать нам лучше приспособиться к условиям существования. Искажение информации в ходе взаимодействия субъекта с реальностью носит объективный характер. Уже в процессе предшествующей осознанию часть информации *неизбежно теряется*, она отсеивается нашим когнитивным аппаратом как излишняя. Это происходит благодаря фильтрам восприятия: нейрофизиологическим, социальным, индивидуальным. Функционирование фильтров восприятия, генерализация, опущение, искажение информации

в ходе формирования когнитивных структур приводит к неустранимому расхождению между «сырой» реальностью и реальностью для субъекта, которая только и имеет смысл для каждого из нас, поскольку именно в ней проходит жизнь человека во всех ее проявлениях. Знание о явлениях реальности – это не их отражение в сознании, а скорее, реконструкция, «понимание» ее адекватно выживанию. Все это справедливо и применительно к уголовному процессу, как одному из сегментов когнитивной деятельности людей.

Нельзя более использовать метафору «отражения», служащую методологическим базисом для теории объективной истины. Познание – это приобретение и осваивание (переработка) человеком по определенным схемам, моделям информации как из внешней, так и внутренней среды с целью *адаптации к реальности*. Адаптация – способность живых организмов активно искать (или создавать) благоприятные для жизни условия, используя информацию о состоянии окружающей реальности и собственного организма. Когнитивные механизмы можно рассматривать как один из значимых факторов адаптации организмов к их среде обитания. Выживание и адекватное поведение человека обеспечивается его постоянной «настройкой» своей системы в ответ на изменение параметров среды (как внешней, так и внутренней). Для адекватного взаимодействия с реальностью человеку важно извлекать из среды не столько исчерпывающую полную информацию, сколько значимую в соответствующем контексте.

Познание реальности осуществляется не путем отражения значимых объектов, связей и отношений между ними, а посредством конструирования полезных моделей реальности, фиксирующих контекстуально значимые ее элементы и структуры. Знание надо рассматривать не с точки зрения дихотомии «правильное – неправильное», а как полезное или вредное для социально-биологического организма, включенного в систему контуров обратной связи с окружающей его средой. Поскольку ценность знания определяется его способностью дать адаптироваться к окружающей среде, постольку и уголовно-процессуальное ценно своей способностью наилучшим образом позволить обществу адаптироваться к реальности.

Замена понятия «истинность» понятием «жизнеспособность» является принципиальным. Целью познания является не объективность, а приспособление. «Полезным» является то знание, которое поддерживает жизнеспособность системы. Такова и «судебная истина» – она инструмент адаптации индивида и общества к окружающей среде. Следует говорить не об истинности судебного решения, а о его способности выполнять функцию урегулирования правового конфликта, стабилизации системы. И если судебный приговор разрушает солидарность общества, раскалывает его, противопоставляет власть народу, то содержащееся в нем знание является неверным. Суду надо стремиться познать не «объективную истину», а найти оптимальное решение в заданных обстоятельствах, такое решение, которое объединяет общество чувством солидарности и укрепляет социальную структуру.

К сказанному нельзя не прибавить того общего соображения, что ни одно знание не является единственным в своем роде. И наш подход не единственно возможный способ разрешения теоретико-познавательных проблем. Это вероятный способ решения проблем теории уголовно-процессуальных доказательств. Достоинство когнитивного подхода в том, что он игнорирует междисциплинарные барьеры и складывается из целого ряда научных областей знания: антропологии, нейрофизиологии, лингвистики, синергетики, психологии, кибернетики. Данные этих наук подтверждают наличие, условно говоря, «когнитивных структур» нашего сознания. Экспериментально установлено, что данные чувственного опыта могут быть восприняты, осмыслены, поняты

благодаря имплицитным структурам сознания, включающим множество априорных знаний о мире. Картирование мозга показывает: мозг принимает решение примерно за 30 секунд до того, как вы об этом узнаете, а решение принимается задолго до того как начинается его обсуждение. В нейронной системе свободы нет. То есть подтверждается тезис о своего рода безсубъектности [2, с. 160–171].

Свобода воли есть иллюзия. Она не является причиной наших действий, но сопутствует им. Так что надо пересмотреть такие понятия, как «внутреннее убеждение», «свобода оценки доказательств», «доказательство» и другие базовые положения доказательственного права, связанные с классическими представлениями о субъекте, о «внешней реальности», о критериях достоверности знания.

Теперь, когда экспериментально доказана несостоятельность локковской «чистой доски», выяснилось, что сенсорные данные «падают» не на чистое сознание, они записываются на сложную «знаниевую» структуру; подтвердилась и огромная роль скрытых, неявных знаний, как выраженных, так и не выраженных в языке, но хранящих в себе опыт. Сенсорная информация неполна и недостаточна для определения поведения индивида и предметного смысла сенсорных данных. Представления субъекта фиксируются знаковыми структурами, именно они позволяют «видеть» невоспринимаемое и вносить определенность при интерпретации чувственных данных.

При выработке нового представления о доказательстве методологически важно определить разницу между такими понятиями как информация, смысл, знание.

Смысл – это оценка, которую дает информации мыслящее существо, обладающее сознанием и волей. Смысл есть результат семантического соглашения. Информация не содержится в сигнале, но под его воздействием возникает у получателя. От состояния и способностей получателя она зависит едва ли не больше, чем от самого сигнала. Аналогично и со смыслом: он не содержится в информации, а создается тем, кто ее оценивает. В процессе когнитивной обработки информации происходит извлечение смысла из воспринимаемых стимулов среды.

Знание – это освоенная субъектом информация, как на уровне понимания, так и на уровне возможности использования. Знание – это осмысленная, социализированная информация, превращенная в общественное достояние. Очевидно, это имеет место и в процессе познания события преступления. Состязательность открывает субъекту дополнительные возможности, чтобы извлечь из информации, записанной на бумаге или переданной речью, нечто, позволяющее реализовать человеческую свободу выбора. Так становится очевидной необходимость учета этической, моральной составляющей судебной истины. Когнитивный подход позволяет внести ясность в эту проблему. Понятие информации безотносительно к ее ценности и смыслу не подходит для объяснения доказательства.

Доказательство – это *процедурное знание*, но не просто информация. Процедурная сторона знаний состоит в их прагматичности, направленности на использование объектов познания. «Просто данные» имеют место тогда, когда представленное не содержит того, что с ними можно или нужно предпринять. Соединение данных с процедурными знаниями позволяет создать новое знание – факт. Когда существенен учет ценности и смысла информации, а не только ее количества, тогда нужно говорить уже о *смыслах*. Поэтому для определения уголовно-процессуального доказательства применимо понятие факт. «Факт» есть информация, преобразованная посредством когнитивных структур, т.е. осмысленная, проинтерпретированная информация. Факт – это знание, в котором неизбежно наличествует искусственный, человеческий, субъективный элемент, вносимый языковыми и другими когнитивными структурами, существенно трансформирующими «исходную информацию».

В иных понятиях следует объяснить природу связи между когнитивным знанием и событием преступления. Вместо принятого в криминалистике понятия «след» предлагается понятие «знак». Субъект познания «считывает» значение знаков по когнитивной программе. В зависимости от того, как понимается структура знака: двоичная или троичная можно трактовать и структуру доказательства. Если исходить из того, что знак составляет двуединство означающего и означаемого, то источник доказательства есть *означающее*, а само доказательство – *означаемое*. Доказательство – результат не только тех последствий, которые произвело событие преступления в мире, но и результат восприятия, переработки, репрезентации в сознании этих последствий субъектом доказывания. Если след характеризует объект-объектную сторону процесса формирования доказательства, то знак – объект-субъектную.

Следует говорить о наличии в процессе «досудебных доказательств» и «судебных», уголовное дело может быть разрешено путем вынесения обвинительного приговора только на основе последних. Встает вопрос о несовершенном статусе «досудебных доказательств». Эти «фактические данные» вполне пригодны, чтобы раскрыть преступление, изобличить преступника, предотвратить совершение нового преступления, но они не составляют полного знания, поскольку не вполне обеспечивают адаптацию общества к окружающей среде: борьба с преступностью не является самоцелью уголовного процесса, и, стало быть – доказывания; не менее важная цель – защита прав личности. Только когда в полной мере доказыванием охватываются обе эти составляющие, достигнутое знание допускается как истинное/справедливое, т.е. способствует единению власти и общества.

Тема дуалистичности доказательства имеет продолжение в вопросе о конструктивном значении понятия «источник доказательства». Источники доказательств (люди, предметы, процессы) представляют собой то, из чего стороны, суд в установленном законом порядке получают факты. Само же доказательство (даже досудебное) – не просто сведение, а *процедурное знание*, т.е. уже отобрано, проинтерпретировано, истолковано согласно «партийности» субъекта доказывания, который использует факт в качестве средства выстраивания своей версии события, т.е. «реальности для себя», в правдоподобии которой он убеждает суд, т.е. стремится сделать ее «реальностью для всех».

Если источник доказательства один, то это еще не означает, что доказательство не является одним и тем же на досудебном и судебном производстве. Содержание доказательства – этот тот смысл, который получен в ходе интерпретации данных, получаемых из документа, от свидетеля и пр. Что касается объяснения причины неопределенности информационного содержимого «источника доказательства», которое распространено на практике (противники нередко интерпретируют одно и то же доказательство противоположным образом), то оно состоит в тех когнитивных структурах, через которые интерпретируют содержимое источников сведений. Сведение, содержащееся в источнике доказательства, существует в контексте позиции субъекта, его аргументации, конкретного довода, а те в свою очередь сильны своими структурными связями, которые задействуются в ходе интерпретации. В состязательном процессе интерпретационный элемент развивается до партийной пристрастности сторон, достигает острой фазы кризиса (при критике) и снимается тем, что суд отдает предпочтение наиболее правдоподобной, сильной интерпретации.

Последовательное движение от данных внешнего опыта к его идеологическому освоению в виде определенной системы смыслов составляет суть формирования из доказательства аргумента. Через диалоговые структуры, заложенные в уголовно-процессуальном праве и воспроизводимые в судебной речи, происходит понимание, реконструк-

ция события, ставшего предметом доказывания, а не снимается калька с реальности. Результатом доказывания является юридический факт, основание уголовной ответственности, т.е. производное знание, являющееся проекцией сложной моделирующей деятельности, несущей на себе печать и личности субъектов, и особенности социально-культурного *контекста*. На восприятии и оценке судом версий сторон о преступлении сказывается некая величина, характеризующая баланс сил в обществе. Получается, что субъекты доказывания доказывают истину фактами, но используют при этом источники доказательств, которые могут быть обоюдоострым оружием в борьбе за истину.

Значение состязательности состоит в том, что она запускает механизм смены контекстов понимания смысла информации, борьбы интерпретаций содержания доказательства. Состязательность более эффективно актуализирует когнитивные структуры модели, схемы: если в следственном процессе это происходит в одностороннем порядке, то состязательный режим судопроизводства позволяет определять сравнительную силу доказательств в контексте как минимум двух позиций: обвинения и защиты.

«Кризис» смысла сообщений дает нам способность воссоздавать инвариант события, достигая тем самым большей объективности в его познании. «Объективное знание» – это не копия в сознании субъекта события действительности, а его модель, которую субъект выстраивает в тесной связи с социокультурными предпосылками, традициями, оно не исчерпывается сенсорной информацией, а апробировано в прошлой практической деятельности. «Истинное знание» – это предположение, наилучшее из доступных нам в данной ситуации. Важнее практическая полезность и перспективность данного знания, а не его адекватность реальности.

Гуманитарная наука, в отличие от естественной, открывает иные когнитивные структуры в их соотношении с языком, психологией и телесностью субъекта. И в свою очередь, для уголовно-процессуального доказывания, несомненно, существуют свои специфические когнитивные структуры. Наверное, *когнитивные структуры* должны составлять особый предмет интереса новой теории доказательств.

В качестве когнитивных структур называют паттерны, репрезентации, конструкты, фреймы, скрипты, сценарии, нозмы, гелштальты, «кванты структурированного знания» и пр. Дело не в названиях когнитивных структур. Главная мысль заключается в том, что мы мыслим схематично: по когнитивным схемам, программам, картам. Когнитивная сфера представляет собой некую динамическую структуру обработки информации. Эта сфера является переходной между миром идей и миром вещей. Именно когнитивные структуры выступают необходимой предпосылкой для осуществления интерпретации исходных чувственных (сенсорных) данных, не являющихся *знанием* до их понимания и истолкования, т.е. до тех пор, пока им не будут заданы предметные смыслы.

О когнитивных структурах уголовно-процессуального доказывания можно сказать следующее. На субъективном уровне структурирование знания происходит посредством *нарративности*. Уголовно-процессуальное доказывание имеет нарративную природу, в подоснове познания и обоснования предмета доказывания лежит схематизм повествования. Рациональность основывается на нарративном понимании, присущего созданию и восприятию нормы, ибо она постоянно заимствует что-то у этого понимания, чтобы конструировать саму себя [3, с. 46].

Под «рассказом» подразумевается то, что дело, содержание доказательства представлено когерентно, а для большинства из нас, когерентность означает «полный рассказ». Полнота рассказа состоит в том, что он должен соответствовать укоренившимся верованиям об обычных причинах и следствиях в человеческих делах, она должна быть

основана на разумных обобщениях относительно развития событий. Рассказ обвинителем или защитником об обстоятельствах дела не является зеркальным отражением реального события. Нарративная структура речевых конвенций, вероятно, выступает как некоторая риторическая и идеологическая модель референции, не имеющая прямого отношения к объективной действительности, но оказывающая влияние на производство истинного знания в суде. Нарратив является форматом, который определяет, к какому виду должна быть приведена информация, чтобы можно было дать ей непротиворечивую интерпретацию; при этом другая информация будет либо игнорироваться, либо вести к бессмысленным результатам. Нарратив – это когнитивная канва доказывания, глубинная структура, предопределяющая логическую структуру, формальную правильность (допустимость), этическую корректность.

Нарративный формат предполагает связь контента с определенным набором стилистических средств. Видимо, в принципиальном плане повествование о преступлении и наказании может быть или *монологичным*, или *диалогичным*. Это основа для жанрового разнообразия. Формат жанра связан с определенными типами построения целого, типичностью композиции, типами отношения говорящего к другим участникам, т.е. можно говорить об определенном тематическом и стилистическом единстве. Типологию можно распространить на сюжетные линии, роли участников процесса, поскольку жанр характеризуется типическими композиционно-жанровыми формами завершения.

Состязательный нарратив – это судебная драма. Следственный нарратив – это следственный протокол, в подоснове монолог власти, которая не нуждается в ответной реакции аудитории. Досудебная драма, драматический эффект в принципе невозможны при следственном нарративе, поскольку он развивается не через диалог, а главное при нем игнорируется аудитория. Между тем, наилучшим средством адаптирования общества и отдельных его членов к условиям существования является спектакль, игра, т.е. судебная драма.

Судебная драма, строящаяся в форме диалога сторон, репрезентирует комментируемый мир в мир, где все собеседники взаимодействуют с рассказываемым содержанием, и сами непосредственно затронуты действием. *Судебная криминальная драма* – это жанр, производный от судебной речи (рода публичной речи). Данный жанр является одним из способов организации знаков (доказательств) в систему, т.е. тематическое единство. Судебная драма есть «расковычивание», архетипического знания о запрете, которое заложено в сознании каждого человека, в ней проговаривается то, что принято за истину о преступлении и воздаянии за него.

Судебным деятелям надо разыграть спектакль, чтобы актуализировать в сознании аудитории те представления о справедливости, правде, добре, которые усвоены каждым сопричастным с повествовательной культурой. Поэтому чтобы быть убедительным юристу необходимо рассказать суду «хорошую историю», связать свою позицию с силами добра, являющимися таковыми в представлении аудитории, задействовать те когнитивные структуры, которые нужно разделить с нею ее представления.

Есть *глобальная* когнитивная структура, управляющая производством знания в масштабах общества, существующего в определенной системе культурно-исторических координат. Мы назвали ее *диспозитив доказывания*. За не имением возможности развить эту тему в рамках данной статьи, ограничимся лишь указанием на то, что его можно уподобить навигационной системе уголовного судопроизводства [4, с. 115; 5, с. 473].

Если уголовный процесс – инструмент адаптации общества к условиям существования, то лингво-социо-психическая система, которая объединяет в единый ансамбль

мозг, тело и внешнее окружение познающего субъекта, определяет общий контур правильности знания. Коллективные организованные системы, состоящие из взаимодействующих агентов и их окружения являются субъектами познания. Вот это когнитивное устройство познания, отвечающее за возможность производство смыслов в уголовном судопроизводстве (чем и является собственно доказывание), предлагается назвать «диспозитивом». Мы думаем, что оцениваем знание в соответствии с действительностью, а на самом деле наше познание детерминировано культурно закрепленными социально-культурными когнитивными паттернами – языком, правовыми, моральными нормами, предрассудками, стереотипами и т.д., составляющими «диспозитив доказывания».

В заключение должен констатировать, что когнитивный подход не может исчерпать проблематику судебного доказывания. Причин этому много. Во-первых, уголовно-процессуальное доказывание нельзя свести к информационным процессам нельзя, поскольку – это борьба, война, где властвуют страсти и аффекты. Когнитивный подход недостаточен для объяснения влияния аффектов, страстей, эмоций, которые неизбежны при расследовании обстоятельств уголовного дела, в ситуации конфликта интересов. Человеческие эмоции, интуиции и креативности далеки от строгой рациональности. Во-вторых, на уголовно-процессуальное доказывание полезно посмотреть, учитывая предпочтения, убеждения, оценки, сформировавшиеся установки конкретного человека, страта, общества. Ценности, идеология оказываются за скобками информационного подхода, а ведь без них уголовно-процессуальное доказывание, как правовой деятельности невозможно. В-третьих, нельзя сводить человеческое к чистой информации потому, что важнейшей чертой человеческого интеллекта является воля. Возможно, с рациональной точки зрения «примеси» в виде идеологии, психологии искажают «объективность» доказывания. Но опыт свидетельствует, что так они есть, и их игнорировать нельзя. Это приводит к необходимости дополнить когнитивный аспект доказывания *риторическим*. Так что помимо тезиса о стереотипах мышления, которые необходимо задействовать субъекту доказывания, надо признать право на существование в теории доказательств в качестве самостоятельного феномена *риторическую аргументацию, где рациональное убеждение сочетается с психическим воздействием*. Психологические фоны, очевидно, не имеют отношения ни к логике, ни и к диалектике. Но они оказываются чрезвычайно способными к тому, чтобы быть вовлеченными (в качестве катализатора или тормоза) в процесс судебного доказывания.

СПІСОК ЛІТЕРАТУРЫ

1. Аристотель, Тописка / Аристотель // Соч. в 4 т. – М., 1978. – Т. 2. – 349 с.
2. Делез, Ж. Фуко / Ж. Делез; перевод с франц. – М. : Изд-во гуманит. лит., 1998. – С. 160–171.
3. Рикер, П. Время и рассказ : в 2-х т. / П. Рикер – М. – СПб. : Университ. книга, 2000. – Т. 2: Конфигурация в вымышленном рассказе. – С. 46.
4. Александров, А.С. Введение в судебную лингвистику : монография / А.С. Александров. – Н. Новгород : Нижегород. правовая академия, 2003. – 419 с.
5. Александров, А.С. Диспозитив доказывания и аргументация в уголовном судопроизводстве / А.С. Александров. // Рос. ежегодник теории права. – № 1. – 2008 / Под ред. д-ра юрид. наук А.В. Полякова. – СПб. : ООО «Университетский издательский консорциум «Юридическая книга», 2009. – С. 473–497.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 30.04.2012

УДК

В.Л. Будников

СЛЕДСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РОССИИ ПЫТАЕТСЯ ОПРЕДЕЛИТЬ МЕСТО СУДА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Следственный комитет Российской Федерации стремится вернуть в уголовно-процессуальный закон объективную истину, под которой понимается обязанность следователя полно, всесторонне и объективно расследовать преступление. При этом суд должен будет «помогать» следователю обеспечивать подобное качество предварительного следствия.

15 марта 2012 г. председатель Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкин на страницах «Российской газеты» заявил о необходимости возвращения в уголовный процесс принципа объективной истины. По его словам, это «позволит обеспечить гарантии конституционного права на справедливое правосудие и повысить степень доверия граждан к правосудию» [1]. На первый взгляд, такое предложение не влечёт за собой ничего предосудительного для российского уголовного судопроизводства. Однако после того, как ознакомишься с его детализацией, становится понятно, что за благими пожеланиями ясно просматривается стремление вернуть следователю положение абсолютного и всевластного хозяина в досудебном уголовном производстве.

Современное предварительное следствие как часть досудебного уголовного производства существенно отличается от своего предтечи – советской процессуальной формы досудебного исследования обстоятельств уголовно-правового события. Главное отличие состоит в том, что из системы процессуальных полномочий следователя изъята обязанность полного, всестороннего и объективного исследования обстоятельств по уголовному делу. Единственной его процессуальной функцией стало осуществление уголовного преследования в рамках соответствующей процессуальной формы, определяемой особенностями досудебного производства: в стадии возбуждения уголовного дела следователь обладает одними процессуальными полномочиями, в стадии предварительного расследования – другими.

Законодатель не стал прикрывать современного следователя «фиговым листком» полноты, всесторонности и объективности предварительного расследования, поскольку отнёс его к стороне обвинения в уголовном судопроизводстве (п. 47 ст. 5 УПК). В соответствии с ч. 2 ст. 21 УПК следователь обязан в каждом случае обнаружения признаков преступления принимать законные меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления. При осуществлении уголовного преследования следователь не вправе отвлекаться на выполнение дополнительных, не свойственных ему действий, которые направлены на обеспечение защиты подозреваемого, обвиняемого, поскольку процессуальная функция защиты возложена на сторону защиты. Подобное функциональное разделение прямо предусмотрено ч. 2 ст. 15 УПК, в соответствии с которой функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо. Трудно понять, каким образом следователь, осуществляя уголовное преследование подозреваемого и обвиняемого, т.е. обвинительную деятельность, сможет добиваться установления так называемой объективной истины, если станет пытаться устанавливать обстоятельства, противоречащие изначально сформулированному им же обвинительному тезису.

Мне могут возразить, что подобная схема действовала в советское время, когда не было состязательности и равноправия сторон, и так называемая объективная истина устанавливалась по большинству уголовных дел. Тот, кто знаком с прошлой действительностью, знает, что, несмотря на требование устанавливать все обстоятельства полно, всесторонне и объективно, следователи работали на заранее запрограммированный результат, а адвокатам оставалось лишь писать жалобы и ходатайства, то есть выступать в роли просителей перед следователем и прокурором, но никак не в качестве равноправных со следователем участников процесса.

Насколько можно понять из упомянутого интервью, А.И. Бастрыкин предлагает вернуться, по сути, к советской модели установления обстоятельств преступления, в рамках которой не было места состязательности и равноправию сторон, следователь являлся абсолютным и полновластным «хозяином» досудебного производства, а суд активно восполнял допущенные им промахи и исправлял ошибки и недочёты. Другое толкование невозможно предложить следующим выражениям председателя СК РФ: «Не способствует установлению истины и реализованная в законе модель состязательности. Она тяготеет к чуждой традиционному российскому уголовному процессу англо-американской доктрине», «Закрепленное в ст. 14 УПК РФ понятие презумпции невиновности предполагает толкование неустранимых сомнений в пользу обвиняемого. Оно может быть применено (в случае принятия данного законопроекта в редакции СК РФ. – В.Б.) лишь в том случае, если невозможно достичь по делу объективной истины и только после принятия исчерпывающих мер к ее отысканию», для устранения неполноты предварительного расследования предлагается наделить суд «обязанностью по ходатайству сторон или по собственной инициативе восполнять неполноту доказательств в той мере, в какой это возможно в ходе суда, сохраняя при этом объективность и беспристрастность и не выступая на стороне обвинения или стороне защиты» [1].

Упразднение равенства прав сторон в состязательном уголовном процессе, нивелирование до ничтожности презумпции невиновности и обязывание суда восполнять неполноту предварительного следствия – вот далеко не полный перечень тех нововведений, которые предлагаются А.И. Бастрыкиным. Сразу хочется спросить: если эти предложения будут приняты, то каким образом суд сумеет сохранить свою объективность и беспристрастность при инициативном восполнении неполноты предварительного следствия, если это следствие осуществляется исключительно стороной обвинения в лице следователя? Очевидно, в случае упразднения из российского уголовного процесса пресловутых англо-американских принципов необходимо будет вменить в обязанность суда и задачу борьбы с преступностью, то есть вернуть в современный уголовно-процессуальный закон положения ст. 3 УПК РСФСР, обязывавшие суд принимать все предусмотренные законом меры к установлению события преступления, виновных в его совершении лиц, и к их наказанию.

Особым изыском, на мой взгляд, отличаются два предложения, сформулированные А.И. Бастрыкиным в развитие предлагаемой им обязанности суда восполнять неполноту предварительного следствия. «Дополнительно вводятся (в проекте нового закона. – В.Б.) два новых основания возвращения уголовного дела:

- 1) неполнота доказательств, которая не может быть восполнена в судебном заседании, в том числе если она возникла в результате признания доказательства недопустимым и исключения из перечня доказательств, предъявляемых в судебном разбирательстве;
- 2) необходимость предъявления обвиняемому нового обвинения, связанного с ранее предъявленным. Либо изменения обвинения на более тяжкое или существенно

отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении» [1].

Неполнота доказательств может стать новым термином в доказательственном праве в случае принятия рассматриваемого законопроекта. Если же неполнота – синоним совокупности доказательств (ст. 88 УПК), то вряд ли целесообразно вводить его в нормативный оборот, поскольку существующий термин вполне понятен и, кроме того, в полной мере раскрывает сущность объясняемого им свойства группы однородных доказательств. Если иметь в виду, что неполнота касается только обвинительных доказательств – скорее всего, это именно так, – то суд будет обязан не только становиться на сторону обвинения, помогая ей в изобличении конкретного обвиняемого, но и сам превратится в государственного обвинителя на субсидиарных началах с прокурором. По моему убеждению, именно такое «новаторское» намерение просматривается и из ситуации с выявляемой судом необходимостью предъявления новых обвинений.

Трудно признать приведённые в интервью А.И. Бастрыкина устремления теми новациями, которые устремлены к достижению действительно объективной истины. При таком построении уголовного процесса её характер будет максимально отражать нацеленность на изобличение и наказание лица, которому предъявлено обвинение. Убеждён, что в изложении интервьюируемого председателя СК РФ подобная «истина» представляет собой ни что иное, как хитроумно завуалированный фасад контрпродуктивных предложений, направленных на дезавуирование и так совсем малых ростков демократизма в этой сфере государственной деятельности.

Применительно к современному досудебному уголовному производству в юридической литературе нередко высказывались опасения по поводу возможной односторонности следователей при таком построении предварительного следствия, когда в их обязанность вменено собирание лишь обвинительных доказательств. С.П. Ефимичев и П.С. Ефимичев называют упразднение нормативного положения о полноте, объективности и всесторонности предварительного следствия грубейшим искажением основных принципов, закреплённых в Конституции РФ [2].

На мой взгляд, подобные опасения совершенно напрасны, поскольку в данном случае отсутствуют даже малейшие противоречия между уголовно-процессуальными принципами и какими-либо конституционными положениями. Напротив, принципы состязательности и равноправия сторон, презумпции невиновности, неприкосновенности личности, уважения её чести и достоинства, законности и др. (ст. 7–19 УПК) в полной мере соответствуют аналогичным конституционным основным правовым положениям (ст. 123, 49, 21, 18 и др.). Кроме того, нельзя синонимизировать односторонность предварительного следствия с его необъективностью.

Осуществляя предварительное следствие по уголовному делу, следователь ориентирован на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 73 УПК). Требование объективности при этом состоит в том, что следователь должен однозначно определить, доказано то или иное обстоятельство по уголовному делу либо не доказано. Если в результате своей доказательственной деятельности он придёт к убеждению о том, что, скажем, событие преступления имеет место, а виновность обвиняемого также не вызывает сомнений и подтверждается достаточной совокупностью проверенных доказательств, то о какой несправедливой односторонности расследования можно вести речь? Такая односторонность есть результат правильной процессуальной деятельности следователя, представляющего в досудебном производстве сторону обвинения.

Следователь может в результате расследования установить отсутствие указанных в ст. 73 УПК обстоятельств и отказаться от уголовного преследования человека, виновность которого он не доказал. В этом случае следователь также действует в рамках выполняемой им функции уголовного преследования, однако это не означает, что он выполняет функцию защиты. Просто в итоге своей доказательственной деятельности по уголовному делу следователь приходит к выводу о необходимости прекращения обвинительной функции. Подобная односторонность, видимо, не будет оспариваться сторонниками всесторонности предварительного следствия, поскольку она также является следствием осуществления функции уголовного преследования.

Любой результат доказательственной деятельности следователя, полученный им в рамках уголовного преследования, должен признаваться правомерным и допустимым, поскольку достигается вследствие должного, то есть объективного отношения к исполнению предоставленных процессуальных правомочий. При соблюдении подобного условия уголовное преследование, осуществляемое в форме предварительного следствия, имеет вполне объективный характер.

Объективность предварительного следствия не исключает, а, напротив, предполагает наличие при этом так называемого обвинительного уклона, к которому необходимо в современном понимании состязательного уголовного судопроизводства и его досудебной части относиться не как к субъективному усмотрению следователя, не основанному на действительной совокупности собранных доказательств, а его стремлению произвести предварительное следствие в строгом соответствии с законом и в рамках функции уголовного преследования. Представляется, что в такой интерпретации обвинительный уклон есть следствие объективности осуществляемого следователем предварительного следствия.

Никто не сомневается в целесообразности существования односторонней линии защиты, осуществляемой всегда с оправдательным (защитительным) уклоном. Предназначение защиты как раз и состоит в том, чтобы правомерно противодействовать обвинительной деятельности следователя, добиваясь реабилитации либо смягчения процессуального положения подозреваемого, обвиняемого. В таком случае и по отношению к обвинительной деятельности следователя термин «уклон» необходимо применять как естественное стремление обвинителя добиться определённого правового результата в строгом соответствии с действующим уголовно-процессуальным законом.

В условиях состязательного уголовного производства нельзя отказывать государству в наделении следователя правом осуществления только обвинительной деятельности, поскольку она является (или, во всяком случае, должна являться) результатом должного реагирования на факт нарушения определённым лицом охраняемых уголовным законом общественных отношений. Следует вполне согласиться с И.С. Дикаревым, что «и прокурорский надзор, и уголовное преследование направлены на защиту публичного интереса, который в данном случае следует толковать не узко, в смысле интересов государства, государственной власти или лиц, ею наделённых, но прежде всего как воплощение интересов общества, всех граждан, живущих в государстве» [3].

При таком построении предварительного следствия, когда следователь и защитник выполняют только те процессуальные функции, которые прямо предписаны им законом, необходимо добиваться подлинного их равноправия в установлении обстоятельств уголовно-правового события, опять же – исключительно в рамках их непосредственных функций. Это позволит придать предварительному следствию корпоративный характер, что означает совместное стремление сторон к единой цели уголовного

судопроизводства посредством решения соответствующих задач, обусловленных для следователя функцией обвинения, а для защитника – функцией защиты.

Суд при этом должен оценивать собранные сторонами доказательства, при необходимости в рамках проверки собирать новые доказательства, но ни в коем случае на него нельзя возлагать несвойственную ему функцию обвинения. Суды и так до сих пор не освободились от своего советского прошлого, не изжили обвинительный уклон в своей деятельности, а, по мнению А.И. Бастрыкина, их вновь нужно направить на службу предварительного следствия. В этом случае защитник из самостоятельного и самодостаточного субъекта доказывания вновь возвратит себе положение просителя, поскольку сможет только ходатайствовать перед следователем о выполнении каких-либо действий либо обжаловать его действия. Активная доказательственная деятельность защитника в таком случае останется в прошлом. Слова руководителя Следственного комитета РФ о возможном расширении процессуальных возможностей других участников уголовного судопроизводства, в том числе защитника, «за счет наделения их правом заявлять ходатайства о производстве следственных и иных процессуальных действий для полноты и объективности предварительного расследования или суда», нужно, на мой взгляд, воспринимать как неловкую попытку прикрыть истинную сущность предложения о возвращении в уголовный процесс так называемой объективной истины [1]. Суть этого предложения – окончательное закрепление государственной монополии на установление обстоятельств уголовно-правового события, устранение защитника из числа самостоятельных субъектов доказывания и превращение суда в орган борьбы с преступностью, а на пути к этому – устранение «вредных» англо-американских принципов, судов присяжных и прочих «не наших» атрибутов уголовного судопроизводства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Козлова, Н. Суть суда. Александр Бастрыкин предлагает вернуть в судебный процесс поиск объективной истины / Н. Козлова // Российская газета (Федеральный выпуск). – 2012. – 16 мар.
2. Ефимичев, С.П. УПК Российской Федерации нуждается в уточнении / С.П. Ефимичев, П.С. Ефимичев // Уголовное право. – 2003. – № 1. – С. 67.
3. Дикарев, И.С. Объективность уголовного преследования как условие реализации назначения уголовного судопроизводства / И.С. Дикарев // Российская юстиция. – 2006. – № 3. – С. 30.

Budnikov V.L. Investigating Committee of Russia Tries to Define the Role of a Court in Criminal Procedure

The investigatory committee of the Russian Federation aspires to return in the criminal and procedural law an objective truth which is understood as a duty of the inspector fully, comprehensively and objectively to investigate a crime. Thus the court should «help» to the inspector to provide similar quality of preliminary investigation.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 13.08.2012

УДК 342.534

A.V. Chmyga

MANDATES OF PARLIAMENTARIANS IN BELARUS AND IN SOME STATES OF EUROPEAN UNION: COMPARATIVE ASPECT

In European legal science a traditional division of the parliamentarian's representative mandate into two types currently prevails: a free and imperative mandate. The type of a mandate determines the character of cooperation of an elected representative with his electorate. The author of the article analyzed the key points of those concepts in Republic of Belarus and in some states of EU in comparative feature. The conclusion is made that the gradual transition to the normative regulation of the Chamber of representatives' deputy status, the member of Republic Council, promoting the establishment of mixed type of parliamentarian's mandate in Republic of Belarus is preferable. A number of progressive characteristics of the mixed type of mandate the parliamentarians are stated.

In European legal science a traditional division of the parliamentarian's representative mandate into two types currently prevails: a free and imperative mandate. The type of a mandate determines the character of cooperation of an elected representative with his electorate. Let us analyze the key points of those concepts.

In its most general form a modern concept of imperative mandate (from the Latin imperatives – authoritative [1, c. 247]) determines the character of relations of a member of Parliament with his electors, when the appropriate powers (mandate) are conferred on him only on condition of obligatory fulfillment of commissions (mandates) of his electors. According to that concept the electors are in close correlation with their elected representative and exercise a constant control of his activity. For non-fulfilment of commissions a parliamentarian bears responsibility towards the electors, its defining form being his early recall by the electors. In constitutional law science there exist various viewpoints concerning the elemental composition of that type of mandate. The analysts traditionally perceive in the parliamentarian's imperative mandate structure the presence of three interconnected elements: electors' orders to their representative, parliamentarian's reporting back to the electoral corps and a recall of a parliamentarian by the electors.

It is noteworthy, that Russian scientists who investigated that category [2, c. 637], have come to a conclusion that in the Soviet period many authors were categorical supporters of the parliamentarian's mandate imperativeness. V.F. Kotok [3, c. 55], L.A. Grigorian [4, c. 182] and S.S. Sartayev [5, c. 41] advanced that idea in their works most consistently. Along with that attitude in the period under review there existed another point of view, opposite in its gist. Many state historians thought that in a socialist society there were no reasons to speak about the imperative mandate. Thus, N.I. Cheliapov wrote at the initial stage of formation of the Soviets: «As our institutions are more and more turning into business institutions, the imperative mandate may become only an obstacle in the way of prompt solution of urgent problems» [6, c. 815, 1 081]. The imperative mandate opponents have been convinced that, firstly, the electors are far from expressing their opinion of all the matters, in solution of which a deputy takes part. Secondly, it is possible that when giving an order or expressing their will in any other form, the electors do not possess information on some real circumstances that influence formation of public opinion. Thirdly, the scientists who share the concept of imperative mandate proceed only from relations between district electors

and a deputy, whereas there exist another relations besides them which are no less lasting: relations between a deputy and a representative body, into which he is elected [7, с. 14].

The author of that article thinks that at the present stage – in the XXI century – the imperative model of parliamentarian's representative mandate has nevertheless a whole number of objective advantages and the following may be attributed to the most important of them: constant close relations between a representative and his electors; political and legal responsibility of a parliamentarian toward his electoral corps; the presence of a possibility for a parliamentarian to solve vital problems not solely at the national level, but at the regional level as well.

It should be mentioned, that at present the democratic communities in a number of developed European countries have recognized the need of normative consolidation of the imperative mandate model and have directly consolidated it in their Constitutions. The Constitution of Spain which contains a provision that «the members of General Cortes are bound by the imperative mandate» (part 2 of article 67), can serve as an example of constitutional consolidation of that type of mandate.

But in the Constitution of Belarus the matter of parliamentarian's mandate nature is not directly solved. However, since article 72 of the Constitution of that state and article 9 of the basic Law directly provide for consolidation of a mechanism of parliamentarians' recall, in our opinion the imperative mandate of the above persons should be discussed. [8; 9]. It means that a deputy, who did not justify the electors' confidence, can be recalled on the initiative of at least 20% of electors of the district, from which he was elected. The initiative is expressed in the form of collection of signatures. For those purposes an action group is formed at the election meeting, and the deputy is obligatory invited to that meeting. Signatures are collected similarly to the procedure applied for nomination. The recall is considered completed, if more than half of persons participating in voting voted for it.

As for the concept of free or facultative mandate (from the French term «*facultatif*», which means «possible, optional»), its essence according to M. Prelo is as follows: 1) the mandate is general; 2) the mandate is not imperative; 3) the mandate is not subject to recall; 4) in the mandate realization the approval of parliamentarian's activity is not required [10, с. 437]. In connection with the foregoing it should be emphasized that the free mandate model is regarded as a priority model in the legal science of many European states. It should also be noted that the parliamentarian's free mandate is consolidated practically in all the states of the European Union: for instance, in the Constitutions of Italy, France, Poland (the Constitution of Germany is rather an exception than a rule in this respect: according to it the free mandate holders are solely the members of Bundestag – the lower chamber of Parliament of that state).

For instance, article 104 of Polish Constitution directly consolidates the free mandate of deputies of Polish Parliament [11]. It is specified in part 1 of that article that deputies are representatives of the people, but they are not bound by the instructions of the electors. Members of Polish Parliament have a right to decide on their own, what according to the deputy's oath is useful «for prosperity of the Motherland and benefit of its citizens».

Yet, realisation of the above duties of Polish parliamentarians is not backed by any legal sanctions, and the consequences of their breach may be of political type only (for example, according to article 104 of Polish Constitution the refusal of adjuration means renunciation of the mandate). In addition, in practice a parliamentarian's party affiliation exerts a considerable influence on the stand taken by him in the Polish Parliament.

Undoubtedly, the model of parliamentarian's free mandate has some merits. One of the most weighty of them is an absolute elimination of a possibility for that person to defend only purely narrow corporate interests, the merit is determined by the fact, that a holder

of that type of mandate represents, as stressed above, the whole nation (people). At the same time, the thesis of «infallibility» of the free mandate concept which is widespread in the constitutional theory of many developed states, gives rise to doubts. We see the main drawback of the above-mentioned theory in the fact, that in allotment of the free mandate to a parliamentarian, that elective person does not in the least represent the whole people or nation in the *objective* reality (as required by the representative mandate model considered by us). *Indeed* he represents a certain social community – a local group of persons invested with the vote, and from a position of the above theory and therefore of the appropriate legislative statutes, he is not obliged to represent it.

A Russian scientist P.A. Astafichev is the opponent of the classification of parliamentary mandates that is widespread in the constitutional law science, that classification including two main models of representative mandate. The analyst negates the model of both free and imperative mandates and sees expediency in construction of levels of relations between a representative and electors by increasing a degree of their cooperation [12, с. 228].

Not negating the above-mentioned position in full, it seems that in the XXI century the freedom of parliamentarian's mandate must not be rendered absolute. At the present stage of development of society and state the theoretical postulates about the representative's free mandate are fully exhausted. We believe that the above concept has a number of other negative moments besides those mentioned before: the absence of juridical links between the electors and their representative; the absence of normative consolidated means of electors' control of parliamentarian's activity; the absence of responsibility of a parliamentarian towards his electors etc.

In our opinion those defects of parliamentarian's free mandate are leveled by the concept of a semi-free mandate, which at present is at the stage of its theoretical formation in the constitutional law science. N.V. Vitruk was one of the first to voice the key moments of that concept in the framework of CIS countries. The Russian scientist thinks that a mandate of deputies of the representative (legislative) bodies of state authority may be regarded as semi-free, if it is not strictly bound by orders of the electors and a possibility to recall a deputy for non-fulfilment of their orders. A deputy recall is possible in pursuance of a deputy's regular culpable non-fulfilment of his deputy's duties, including non-fulfilment by reason of loss of any links with the electors, as well as in pursuance of actions, which tarnish honour and dignity of the deputy [13, с. 5]. Thus, the features of both imperative and free mandates make the essence of the semi-free mandate – hence comes its synonymic name: a mixed (hybrid) deputy mandate.

In the most general form that category is identified with the availability of the following elements: an election program of a Parliamentary candidate; a parliamentarian's reporting to the electoral corps; a recall of a parliamentarian by the electors. The foregoing list indicates that the parliamentarian's semi-free mandate differs from the imperative mandate owing to the absence of only one inherent element: compulsory orders of the electoral corps.

The author of the article thinks that, even if the presence of the institution of electors' orders is possible in the above category, it may be present only as an optional element. The explanation of that attitude is as follows: in a narrow-limited range the electors' orders conform in the large to the principles of a developed democratic state. In our opinion, the electors' orders may be applied only strictly within the competence of the appropriate legislative authority, because in case of expansion of the field of application of the above institution there is a high probability of appearance of mutual non-coordination of electors' commissions, and what is more, of their coming into conflict with the most important state programs. That optional element can well be replaced by its structural part obligatory for the mixed

mandate – an election program of a parliamentarian which is subject to implicit fulfillment on the part of the above person in case of his victory in parliamentary elections. Inclusion of that element as an obligatory one into the mixed mandate structure will make it possible in our opinion to achieve a considerable increase of effectiveness of an elected representative's activity in the Parliament. Moreover, such structure of the representative mandate will predetermine to a large extent a conscious and well thought-out choice of his electorate: in that case a parliamentary candidate can gain a victory in elections not because he promised to fulfil specific commissions of his electors, which are urgent perhaps only for a certain local group of persons guided by their own private interests, but because his election program, his views in whole are approved and supported by his electors.

As follows from the foregoing structural theoretical construction, the semi-free mandate concept provides for the availability of institutions of reports and recalls of parliamentarians, characteristic of the imperative mandate model. That fact is quite understandable, because «preserving the institution of reports and recalls of deputies can be explained by... the presence of persons among the deputies, who by their moral, professional and business qualities are unworthy and incapable of representing the will and interests of the electors. The electors should have a right and a possibility to correct a mistake made by them in the election» [14, c. 93]. Undoubtedly, «the principle of honest election is not only that all the candidates should enjoy equal rights, but also that promises given by a candidate should be rigorously fulfilled. It is difficult for the electors to understand metamorphoses, when a candidate announces his adherence to some strategic idea, but when he is elected, his attitude towards that idea changes by 180 degrees» [15, c. 240].

In the framework of the concept under review a thesis is necessary about *an indisputable* fulfillment of parliamentarian's pre-election promises, ensured by both political and legal responsibility. According to the mixed mandate model the political responsibility of a parliamentarian can be manifested in a possible non-election of that person in the next parliamentary election by the electors, who in the previous election supported him and his promises that he never fulfilled as it subsequently turned out. No doubt, a certain mechanism is required to ensure the electors' control of the activity of their representative. That sought-for mechanism is offered by a well-known Byelorussian scientist G.A. Vasilevich, who believes that «in order that everybody could become familiar with a candidate's election program, a collection of programs of those who have gained the election should be published» [15, c. 240]. In the context of the parliamentarian's mixed mandate model it seems obligatory to have an appropriate legislative consolidation of the specific fixation mechanism of Parliament members' election statements.

On the basis of the foregoing, we think that the direct reception of the parliamentarian's mixed mandate model consolidated in the legislation of a number of developed European states will hardly facilitate solution of the task of taking into account the organization peculiarities of a representative branch of the state power in Belarus. Another important factor should not be neglected: as every theoretical model, the above-mentioned concept of parliamentarian's mandate has not only advantages (to our mind, they prevail in the category under review), but also some negative sides, the most important of them consists in its being in the stage of theoretical and legislative formation. Nevertheless, in order to harmonise the system of relations between a parliamentarian and his electors it seems necessary to carry out a partial implementation of proven, based on the mixed mandate concept works in the field of legislative regulation of the above institution. Also, the above-mentioned arguments will make it possible to draw to a conclusion, that at the present stage of Byelorussian state development it is reasonable to perform a gradual transition to such normative regulation of the status

of Byelorussian Parliament members – Chamber of Representatives deputies, Council of Republic members – that would promote the formation of a mixed model of their representative mandate in Belarus. Hence it follows that some Byelorussian legislative provisions, which regulate the relations making the essence of the nature of the above persons' mandate should as a result of that «reforming» receive a new interpretation and therefore, be subjected to an appropriate revision. The author of that work believes that in this case «at the output» there is a possibility to get a parliamentarian's mandate model which on the one hand will enable a Byelorussian Parliament member to come *objectively* nearer to his electors, to represent *substantially* their interests in the legislative body of our state, and on the other hand – to serve *the most* productively the whole of the Byelorussian people.

LIST OF QUOTED SOURCES

1. Словарь иностранных слов / гл. ред. Ф.Н. Петров. – Изд. 6-е, перераб. и доп. – М. : Совет. энцикл., 1964. – 784 с.
2. Безуглов, А.А. Конституционное право России : учеб. для юрид. вузов : полн. курс : в 3 т. / А.А. Безуглов, С.А. Солдатов. – М. : Профобразование, 2001. – Т. 2. – 831 с.
3. Коток, В.Ф. Наказы избирателей в социалистическом государстве. Императивный мандат / В.Ф. Коток. – М. : Наука, 1967. – 135 с.
4. Григорян, Л.А. Советы – органы власти и народного самоуправления / Л.А. Григорян. – М. : Юрид. лит., 1965. – 235 с.
5. Сартаев, С.С. Строительство социалистической государственности и проблемы высшего народного представительства в Казахстане : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / С.С. Сартаев ; Моск. гос. ун-т. – М., 1970. – 51 с.
6. Энциклопедия государства и права : в 3 т. / под ред. П. Стучка. – М. : Изд-во Коммунист. акад., 1930. – Т. 2. – 1 060 стлб.
7. Безуглов, А.А. Советский депутат. Государственно-правовой статус / А.А. Безуглов. – М. : Юрид. лит., 1971. – 221 с.
8. Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск : Амалфея, 2007. – 48 с.
9. О статусе депутата Палаты представителей, члена Совета Республики Национального Собрания Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 4 нояб. 1998 г., № 196-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 21.05.2012 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
10. Прело, М. Конституционное право Франции / М. Прело ; под ред. А.З. Манфреда. – М. : Изд-во иностр. лит., 1957. – 671 с.
11. Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 2 kwietnia 1997 r. (Dz. U. Nr 78, poz. 483; zm.: Dz. U. z 2006 r. Nr 200, poz. 1471; z 2009 r. Nr 114, poz. 946).
12. Астафичев, П.А. Народное представительство в современной России: проблемы теории и правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / П.А. Астафичев. – М., 2006. – 499 с.
13. Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Н.В. Витрука : [о свобод. мандате депутатов] // Рос. газ. – 1997. – 14 янв. – С. 5.

14. Нудненко, Л.А. Конституционно-правовой статус депутата законодательного органа государственной власти в Российской Федерации / Л.А. Нудненко. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 473 с.

15. Василевич, Г.А. Органы государственной власти Республики Беларусь: конституционно-правовой статус : учеб. пособие / Г.А. Василевич. – 2-изд., доп. – Минск : БИП-С, 1999. – 243 с.

***Чмыга О.В.* Мандаты парламентариев в Беларуси и в некоторых государствах Европейского союза: сравнительный аспект**

В современной европейской правовой науке преобладает деление представительского мандата парламентария на несколько типов: свободный и императивный. Природа мандата во многом предопределяет правовой статус парламентария, является, в определенной мере, предпосылкой его статуса. В работе в сравнительном аспекте проанализированы ключевые моменты данных концепций в Беларуси и в некоторых государствах Европейского Союза. Сделан вывод о предпочтительности постепенного перехода к такому нормативному регулированию статуса депутата Палаты представителей, члена Совета Республики, которое содействовало бы становлению в Республике Беларусь смешанной модели представительского мандата парламентария. Отмечен ряд прогрессивных, по мнению автора, характеристик смешанного мандата парламентария.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 30.08.2012

УДК 340.2

С.В. Шевелева

**ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА,
РЕГУЛИРУЮЩЕГО ИСПОЛНЕНИЕ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ
ЛИШЕНИЯ ПРАВА ЗАНИМАТЬ ОПРЕДЕЛЕННУЮ ДОЛЖНОСТЬ
ИЛИ ЗАНИМАТЬСЯ ОПРЕДЕЛЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ***

Лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью как вид наказания в России не получил должной реализации на практике. Причина непопулярности указанного вида наказания в неэффективных рычагах воздействия на нарушителя, если последний уклоняется от отбывания. В данном случае возможности карательного потенциала Уголовного кодекса РФ и Уголовно-исполнительного кодекса РФ малоэффективны. Концепция развития уголовно-исполнительной системы до 2020 г. ставит одной из задач сокращение тюремного населения за счет расширения практики назначения наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Для решения указанной задачи необходимо более жесткий подход в к вопросу исполнения наказания в виде лишения права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью, в связи с чем ряд статей УК РФ и УИК РФ необходимо подвергнуть редакции.

Введение

В соответствии с целями Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года при реформировании уголовно-исполнительной системы предполагается расширение сферы применения наказаний и иных мер, не связанных с лишением свободы. Указанная цель базируется на общих началах назначения наказания (статья 60 УК РФ), где указано, что более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания. По состоянию на 1 января 2011 г. наказания, связанные с изоляцией от общества отбывало 819,2 тыс. человек. Лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы насчитывалось 491,9 тыс. человек [1]. Несмотря на то, что лишение свободы на определенный срок занимает далеко не первое место в «лестнице наказаний», предусмотренной ст. 44 УК, оно продолжает оставаться самым «работающим» видом наказания.

Каковы же причины «непопулярности» наказаний, не связанных с лишением свободы? Общая проблема – неэффективность воздействия последних на личность осужденного в силу отсутствия действенных регуляторов поведения таких лиц в момент исполнения наказания со стороны контролирующих органов. В рамках данного исследования мы попытаемся выявить проблемы исполнения наказания в виде лишения права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью.

Уголовно-правовая характеристика лишения права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью

Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью как вид уголовного наказания состоит в запрещении приговором суда занимать должности на государственной службе, в органах местного самоуправления либо заниматься определенной профессиональной или иной деятельностью (ст. 47 УК РФ).

*Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ (шифр проекта №6.4488.2011)

Данный вид наказания может быть применен в качестве основного наказания на срок от одного года до пяти лет и в качестве дополнительного наказания – от шести месяцев до трех лет. В случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью устанавливается на срок до двадцати лет в качестве дополнительного вида наказания.

Карательная сущность данного наказания заключается в ограничении права на труд. В ст. 37 Конституции РФ предусмотрено право граждан свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. Осужденный к этому наказанию не лишается права на труд, он лишь ограничивается в нем. Он может выполнять любую оплачиваемую работу, кроме той, которая ему запрещена приговором суда. Как следует из предписаний ст. 47 УК РФ данное наказание может назначаться как в качестве основного, так и дополнительного. По задумке законодателя оно должно было стать реальной альтернативой лишению свободы за совершение ряда преступлений небольшой и средней тяжести. А в случае применения его как дополнительного вида наказания, усиливать карательный потенциал, когда характер и степень общественной опасности совершенного преступления и личность виновного делают невозможным сохранение за виновным право занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью.

С.В. Бородин, С.В. Полубинская, П.Г. Пономарев, Ф.Р. Сундуков и ряд других авторов считают, что рассматриваемое наказание включает в себя два вида наказания: 1) запрет занимать должности на государственной службе или в органах местного самоуправления и 2) запрет заниматься профессиональной или иной деятельностью.

В то же время многие авторы исходят из того, что данное наказание является единым, то есть одним видом наказания. Следует согласиться с Е.С. Крыловой, которая отмечает, что есть все основания считать, что в ст. 47 УК РФ предусматриваются два самостоятельных вида наказания. В пользу этого, по ее мнению, свидетельствует хотя бы то, что применительно к несовершеннолетним в п. «б» ч. 1 ст. 88 УК предусматривается только один из этих видов наказаний – лишение права заниматься определенной деятельностью». В пользу этого вывода свидетельствует и практика многих зарубежных государств. Например, в УК Польши лишение права занимать публичные должности и лишение права заниматься той или иной деятельностью рассматриваются в качестве самостоятельных уголовно-правовых мер.

Дефиниция «должность на государственной службе»

Лишение осужденного права занимать должности на государственной службе, службе в органах местного самоуправления по приговору суда означает запрет занимать любые должности федеральной государственной службы и государственной службы субъекта РФ, а также любые должности на службе в органах местного самоуправления любого уровня (города, района, сельского поселения и т.п.).

Согласно Федеральному закону «Об основах государственной службы Российской Федерации» 1995 г., государственная служба – профессиональная служебная деятельность граждан по обеспечению исполнения полномочий: Российской Федерации, федеральных органов государственной власти, иных федеральных государственных органов; субъектов Российской Федерации; органов государственной власти субъектов РФ и иных государственных органов субъектов РФ; лиц, замещающих должности, устанавливаемые Конституцией РФ, федеральными законами для непосредственного ис-

полнения полномочий федеральных государственных органов (эти лица считаются замещающими государственные должности Российской Федерации); лиц, замещающих должности, устанавливаемые конституциями, уставами, законами субъектов РФ для непосредственного исполнения полномочий государственных органов субъектов РФ (эти лица считаются замещающими государственные должности субъектов РФ).

Таким образом, государственная служба подразделяется на федеральную государственную службу и государственную службу субъектов РФ.

Согласно Федеральному закону «О системе государственной службы Российской Федерации» от 27 мая 2003 г. в ред. от 28.12.10 г., система государственной службы включает следующие ее виды: государственную гражданскую службу, государственную военную службу и государственную правоохранительную службу. Военная и правоохранительная службы являются видами федеральной государственной службы.

Государственная гражданская служба представляет собой профессиональную служебную деятельность граждан на должностях государственной гражданской службы по обеспечению исполнения полномочий федеральных государственных органов, государственных органов субъектов РФ и лиц, замещающих государственные должности РФ. Реестры должностей федеральной государственной службы образуют перечни должностей государственной гражданской службы, перечни типовых воинских должностей и перечни типовых должностей правоохранительной службы. Эти перечни должностей утверждаются Президентом РФ.

Согласно ч. 2 ст. 1 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. в ред. 25.07.11, местное самоуправление в РФ – форма осуществления народом своей власти, обеспечивающая в пределах, установленных Конституцией РФ, федеральными законами, а в случаях, установленных федеральными законами, – законами субъектов РФ, самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения, исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций.

В соответствии с этим законом органы местного самоуправления – это избираемые непосредственно населением и (или) образуемые представительным органом муниципального образования органы, наделенные собственными полномочиями по решению вопросов местного значения. Должностное лицо местного самоуправления – это выборное либо заключившее контракт (трудовой договор) лицо, наделенное исполнительно-распорядительными полномочиями по решению вопросов местного значения и (или) по организации деятельности органа местного самоуправления.

Дефиниция «профессиональная деятельность»

Под профессиональной понимается такая деятельность, для занятия которой установлены определенные квалификационные требования, а именно наличие соответствующей профессиональной подготовки, подтвержденной официальным документом государственного образца (дипломом, сертификатом, свидетельством, удостоверением и т.п.). К профессиональным видам деятельности, например, относятся адвокатская, медицинская, педагогическая и иная деятельность.

Определенные трудности в судебной практике вызывает понимание иной деятельности. В соответствии с ч. 1 ст. 34 Конституции РФ каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. В ч. 1 ст. 37 Конституции РФ

провозглашается, что каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессии. Поэтому под иной деятельностью следует понимать деятельность, для осуществления которой необходимо разрешение соответствующих государственных органов. Так, к иной деятельности следует относить предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность, для занятия которой требуется получение лицензии (разрешения) либо регистрация в качестве индивидуального предпринимателя и постановка на учет в качестве налогоплательщика, лишение права управления транспортным средством, лишение охотничьего билета и т.д. Только при этом условии УИИ сможет проконтролировать исполнение приговора суда, направить приговор в соответствующие государственные органы и органы местного самоуправления, компетентные аннулировать лицензию, регистрацию либо иное разрешение на осуществление конкретной деятельности.

Во всех иных случаях, когда для соответствующей деятельности не требуется получения лицензии, регистрации в качестве индивидуального предпринимателя или постановки на учет в качестве налогоплательщика, запрещать заниматься такой деятельностью нецелесообразно, так как в подобных случаях проконтролировать исполнение приговора затруднительно либо невозможно, а уклонение осужденного от исполнения предписаний этого приговора не может повлечь для него неблагоприятных последствий в виде привлечения к уголовной ответственности за незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ) либо к административной ответственности (стст. 14.1, 14.20 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях).

В приговоре необходимо конкретно указывать должности или вид деятельности, запрещенные осужденному. Наказание может применяться и в отношении должностей (вида деятельности), которые лицо к моменту вынесения приговора не занимает (которого не осуществляет). За одно и то же преступление нельзя одновременно назначить лишение права занимать определенные должности и лишение права заниматься определенной деятельностью. Особенностью рассматриваемого наказания является то, что оно может назначаться как дополнительное и в тех случаях, когда не предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК в качестве санкции за соответствующее преступление, если с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления и личности виновного суд признает невозможным сохранение за ним права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ч. 3 ст. 47 УК). Исходя из положений ч. 3 ст. 47 УК РФ, если преступление, например, было совершено с использованием виновным своего служебного положения, суд должен обсуждать вопрос о лишении виновного права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Причины «непопулярности» рассматриваемого наказания

Наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью не пользуется популярностью в судебной практике, хотя это наказание предусматривается в качестве основного в 38 санкциях статей (либо их частей) Особенной части УК РФ (это 6% от общего их числа) и в 94 санкциях в качестве дополнительного наказания (16,5%). Особенно редко оно назначается в качестве основного наказания.

Выборочное анкетирование, проведенное среди работников уголовно-исполнительных инспекций г. Курска и судей районных судов г. Курска и Курской области показало, что причинами незначительного применения рассматриваемого вида наказания

является, в том числе и систематическое нарушение приговора суда в виду отсутствия действенных механизмов воздействия на нарушителей правил и условий отбывания указанного вида наказания. Так, в случае нарушения лицом требований приговора в соответствии со ст. 38 УИК РФ, представители власти, государственные служащие, служащие органов местного самоуправления, служащие государственных или муниципальных учреждений, коммерческих или иных организаций, злостно не исполняющие вступившие в законную силу приговор суда, решение суда или иной судебный акт о лишении права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, а также осужденные, нарушающие требования приговора, несут ответственность в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, а именно, могут быть привлечены к уголовной ответственности по ст. 315 УК РФ (Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта).

Однако диспозиция ст. 315 УК РФ, оперирующая признаками специального субъекта, не позволяет привлечь осужденного злостно не исполняющего требование приговора к уголовной ответственности по данной статье, в том числе и того, в отношении которого назначено наказание в виде лишения права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью. При этом, следует иметь в виду, что на основании ст. 36 УИК РФ в срок наказания не засчитывается время, в течение которого осужденный занимал запрещенные для него должности либо занимался запрещенной для него деятельностью, т.е. все негативные последствия для осужденного не выполняющего требования приговора *закljučаются лишь в фактическом увеличении срока наказания.*

Предположим, если осужденный лишен права занимать определенную должность (а это может быть только должность в органах местного самоуправления или государственной службе), УИИ под угрозой возбуждения уголовного дела по ст. 315 УК РФ может принудить администрацию указанного органа уволить такого работника. Если же осужденному запрещено заниматься определенной деятельностью, а эта деятельность либо профессиональная, либо та, для занятия которой требуется соответствующее разрешение государственных органов (водительское удостоверение, охотничий билет и т.д.), то кто может «заставить» исполнять осужденного требование приговора?

Представим себе ситуацию. В качестве наказания осужденному запрещено управлять транспортным средством (далее ТС). В ГИБДД на основании извещения уголовно-исполнительной инспекции будут внесены соответствующие изменения в документы, но ведь автомобиль у осужденного не изымается, следовательно, есть вероятность того, что он может пренебречь требованием приговора. Даже если уголовно-исполнительной инспекции станет известно, что лицо продолжало управлять ТС, то инспектор не зачтет только то количество времени, когда виновный фактически не исполнял требования приговора, например, один день (когда нарушитель был остановлен работником ГИБДД).

В случае лишения права управлять ТС на основании решения суда по административному правонарушению, в отношении лица, нарушившего данное решение, будет применен административный арест на срок до пятнадцати суток или наложен административный штраф, если арест применить нельзя в отношении лиц, круг которых определен КоАП РФ в размере пяти тысяч рублей (ч.2 ст.12.7 КоАП РФ). Разумеется, наказание в соответствии с ч. 2 ст. 12.7 КоАП РФ будет наложено и на осужденного, не исполняющего требование приговора, запрещающего управлять ТС на определенный

срок. Получается, что независимо оснований запрета управлять ТС, объем воздействия на нарушителя будет одинаковым. Так, где же принцип справедливости?

Лицо, совершившее административное правонарушение (например, осуществляющее движение во встречном направлении по дороге с односторонним движением (ч.3 ст.12.16. КоАП РФ), и лицо, совершившее уголовно-наказуемое деяние (например, нарушившее правила дорожного движения и эксплуатации ТС (ст.264 УК РФ), оказываются в равных условиях в случае неисполнения запрета управлять ТС. Да, наказание в указанных случаях будет различным, однако последствия неисполнения наказания, абсолютно одинаковыми.

УИК РФ регулирует вопросы, связанные с исполнением уголовных наказаний. Наверное, все же в «арсенале» Уголовно-исполнительного кодекса РФ должны быть собственные «рычаги» воздействия на осужденного, злостно уклоняющегося от исполнения рассматриваемого наказания. Так, в случае злостного уклонения от исправительных и обязательных работ, ограничения свободы (назначенного в качестве основного наказания) осужденному неотбытую часть срока заменяют пропорционально более строгим видом наказания. При злостном уклонении от исполнения штрафа как уголовного наказания, он заменяется на иной, более строгий вид наказания в пределах санкции статьи, по которой лицо было признано виновным (если штраф назначен в качестве основного наказания). В случае злостного уклонения от отбывания ограничения свободы, назначенного лицу в качестве дополнительного наказания, лицо несет ответственность в соответствии с ч.1 ст. 314 УК РФ.

Заключение

Сказанное позволяет сделать вывод о необходимости корректировки уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Считаем целесообразным текст ч.1 ст. 314 УК РФ изложить в следующей редакции:

«Злостное уклонение лица от отбывания наказания в виде ограничения свободы или лишения права занимать определенную должность или наниматься определенной деятельностью – наказывается лишением свободы на срок до одного года».

Примечание к данной статье изложить в следующей редакции:

«Уголовная ответственность за совершение деяния, предусмотренного частью первой настоящей статьи, наступает в случае, когда ограничение свободы или лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью назначено лицу в качестве дополнительного наказания».

Включить в ст. 47 УК РФ часть пятую следующего содержания:

«В случае злостного уклонения осужденного от отбывания наказания в виде лишения права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью суд может заменить неотбытое наказание лишением свободы из расчета один день лишения свободы за три дня лишения права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью».

Включить в ст. 38 УИК часть вторую и третью следующего содержания:

«2. За нарушение осужденным к лишению права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью порядка и условий отбывания наказания уголовно-исполнительная инспекция предупреждает его об ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации.

3. В отношении осужденных, злостно уклоняющихся от отбывания лишения права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельно-

стью, уголовно-исполнительная инспекция направляет в суд представление о замене данного вида наказания другим видом наказания в соответствии с частью пятой статьи 47 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Уголовно-исполнительный кодекс РФ дополнить ст. 38.1 следующего содержания:

«Статья 38.1 Злостное уклонение от отбывания лишения права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью.

1. Злостно уклоняющимся от отбывания лишения права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью признается осужденный:

а) более двух раз в течение полугода нарушивший требование приговора;

б) скрывшийся в целях уклонения от отбывания наказания.

2. Злостно уклоняющийся от отбывания наказания осужденный, местонахождение которого неизвестно, объявляется в розыск и может быть задержан на срок до 48 часов. Данный срок может быть продлен судом до 30 суток».

Итак, как указано в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года должна произойти рационализация политики в области уголовного правосудия, которая предполагает увеличение к 2020 году общей численности лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией осужденного от общества, на 200 тыс. человек за счет применения ограничения свободы и других видов наказаний, увеличения количества санкций, предусматривающих наказания, не связанные с изоляцией от общества, и расширения практики назначения данных наказаний судами. Как сказал экс-глава ФСИН России А. Реймер: «Концепция – это общие слова, так сказать ‘декларация о намерениях’» [2, с. 1, 3]. Необходимы реальные пути воплощения Концепции в жизнь. Изменения в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве возможно дадут реальную возможность реализовать задачи, поставленные данным документом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Официальный сайт ФСИН Российской Федерации. Режим доступа : <http://www.fsin.su/statistics/>.

2. Кузнецова, М. Зона особого внимания [Интервью с А.Б. Столбуновым] / М. Кузнецова // Юридическая газета. – 2010. – № 3.

Sheveleva S.V. Ways of Improving the Legislation Regulating Execution of Punishment of Deprivation of the Right to Occupy Certain Posts or Engage in Certain Activities

Deprivation of the right to occupy certain posts or engage in certain activities as a punishment in Russia has not received the proper implementation on practice. The reason for the unpopularity the indicated form of punishment is inefficient leverage on the offender, if someone avoids the punishment. In this case, the possibility of punitive potential of Criminal code RF and Criminal Executive Code RF are ineffective. The concept of development the penitentiary system before 2020 year puts one of the challenges is reduction of the prison population by expanding the practice appointment of punishment is not associated with isolation from society. To solve this problem required a more rigid approach to the issue of punishment of deprivation of the right to occupy certain posts or engage in certain activities, and therefore number of articles of the Criminal Code RF and the Criminal Executive Code RF should be subjected to amended.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 01.10.2012

УДК

Ю.А. Максимов

**ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВЗИМАНИЯ НАЛОГА
НА ДОБАВЛЕННУЮ СТОИМОСТЬ ПРИ ПЕРЕМЕЩЕНИИ
ТОВАРОВ ЧЕРЕЗ ТАМОЖЕННУЮ ГРАНИЦУ И РОЛЬ НДС
В ФЕДЕРАЛЬНОМ БЮДЖЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

В статье рассматриваются основные направления развития таможенного регулирования и налогообложения внешнеторговой деятельности в современных условиях; проводится анализ применения налога на добавленную стоимость и его роли в федеральном бюджете на современном этапе развития внешнеторговых отношений, а также как инструмента обеспечения экономической безопасности.

НДС является одним из наиболее важных налогов в России – удельный вес этого налога в доходах федерального бюджета составляет более 30%. Этот налог имеет три основных режима: основной со ставкой 18%, льготный со ставкой 10%, а также режим нулевой ставки, под который попадают экспортные операции. Под льготную ставку попадают основные продовольственные товары, товары для детей, медицинские товары и печатная продукция.

НДС является федеральным налогом – ставка устанавливается на федеральном уровне, и весь объем полученного НДС зачисляется в федеральный бюджет. В России действует механизм заявительного порядка возмещения уплаченного входящего НДС при осуществлении экспортных операций, в соответствии с которым налоговые органы обязаны произвести возмещение не позднее 11-го дня с момента подачи налогоплательщиком соответствующего заявления. В случае, если по итогам налогового периода сумма налоговых вычетов превышает общую сумму налога, исчисленную по операциям, признаваемым объектом, то полученная разница подлежит возмещению (зачету, возврату) налогоплательщику из бюджета.

Минэкономразвития завершает работу над долгосрочным прогнозом развития страны до 2030 года, который станет основой для бюджетного маневра и формирования государственных целевых программ. Об этом сообщила на международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества в НИУ «Высшая школа экономики» глава министерства экономического развития и торговли Эльвира Набиуллина. И рассказала, что через 20 лет Россия будет опираться на инновационную модель экономического роста. Переход к ней необходим, в первую очередь потому, что экономика просто не сможет развиваться за счет природных ископаемых. Рост добычи нефти в России в ближайшие 20 лет остановится на уровне 2011 года, при этом мир будет переходить на возобновляемые источники энергии. Доходы российского бюджета от экспорта углеводородов будут снижаться. Будущее госказны окажется в «руках» несырьевого экспорта. И если к 2020 г. его доля повысится в 2,5 раза (с 18 до 30 процентов), то к 2030-му – более чем в 7 раз [1].

Налог на добавленную стоимость является сравнительно молодым налогом. Большинство из ныне действующих налогов были введены в практику в XIX веке. Некоторые налоги, такие как акцизы, земельный налог, известны еще с древних времен. НДС стал применяться лишь в XX веке. Налог на добавленную стоимость был впервые введен в 1919 году в Германии Вильгельмом Фон Сименсом. Однако наиболее широкое распространение этот налог получил в конце 50-х годов после введения его сначала

во французских колониях, а после года опыта применения и устранения замечаний в само Франции. Основу существующей и поныне схемы обложения НДС разработал и законодательно утвердил в 1954 году французский экономист М. Лоре, в тот момент являвшийся директором Дирекции по налогам, сборам и НДС Министерства экономики, финансов и промышленности Франции. Сейчас НДС взимают 137 стран. Из развитых стран НДС отсутствует в таких странах, как США, Япония, где вместо него действует налог с продаж по ставке от 3% до 15%.

Налог на добавленную стоимость относится к так называемым косвенным налогам, которые взимаются не столько с юридических плательщиков, сколько с потребителей конкретного товара, работы, услуги. В нашей стране НДС может являться прямым налогом в случае перемещения товаров через таможенную границу, так как уплата в этом случае возлагается на декларанта. Для косвенных налогов характерна в основном фискальная функция, так как уклонение от уплаты или применение законных схем ухода от уплаты данного налога для плательщика в основном не имеет смысла. Косвенные налоги в настоящее время применяются в связи с возрастанием потребности государства в доходах и ростом расходов. Исторически первой формой косвенных налогов выступали акцизы, которые взимались с отдельных видов товаров, которые являются подакцизными. НДС представляет собой применяемый значительно шире универсальный акциз, так как обложению им подлежат все товары.

В различных странах существуют разные подходы к установлению ставок НДС. В то же время их средний уровень колеблется от 15 до 25%. В некоторых странах применяется шкала ставок в зависимости от вида товара и его социально-экономической значимости: пониженные ставки (2–10%) применяются к продовольственным, медицинским и детским товарам; стандартные (основные) ставки (12–23%) – к промышленным и другим товарам и услугам; и, наконец, повышенные ставки (свыше 25%) – к «предметам роскоши» [2]. Широкое распространение НДС в зарубежных странах с рыночной экономикой создало почву для появления его в России. Налог был введен 1 января 1992 года. Он пришел на смену налогу с оборота, просуществовавшему в стране около 70 лет, и так называемого «президентского» налога с продаж, введенного в декабре 1990 года. Оба предшественника НДС были эффективны только в условиях жесткого государственного контроля за ценообразованием.

Новый налог был более эффективен для государства, так как обложению им подлежал товарооборот на всех стадиях производства и обращения. Можно было ожидать, что с расширением налоговой базы и ставок поступления будут расти. НДС является менее обременительным для отдельного производителя, поскольку обложению подлежит не весь товарооборот, а лишь прирост стоимости, и тяжесть налога может быть распределена по всей цепи товарооборота.

Это являлось немаловажным фактором в достижении равенства всех участников рынка. НДС являлся более простой и универсальной формой косвенного обложения, так как для всех плательщиков устанавливался единый механизм его взимания на всей территории страны.

Первоначально ставка НДС была установлена на уровне 28%. Спустя год она была снижена до 20%, и была введена льготная ставка в размере 10% для продуктов питания и детских товаров по перечню. В январе 2004 года ставка НДС была снижена до 18% [3].

Необходимость введения НДС в Российской Федерации была обоснована [4]:

1) пополнением доходов бюджета, испытывающего острый финансовый кризис и нуждающегося в стабильных налоговых поступлениях;

2) созданием новой модели налоговой системы в соответствии с требованиями рыночной экономики;

3) присоединением к международному сообществу, широко применяющему данный налоговый механизм.

Налог на добавленную стоимость – один из наиболее распространенных в мире налогов. В том или ином виде он входит в налоговые системы более 100 государств. В ряде стран НДС применяется в виде налога с продаж или налога с оборота.

Существуют разные подходы к установлению ставок НДС, но их средний уровень колеблется от 15 до 25%. Наибольшее значение в Дании и Швеции – 25%. Немногим ниже ставка НДС в Исландии – 24,5%. Далее следует еще одна скандинавская страна – Норвегия, ставка НДС в ней – 24%. Примечательно, что самые высокие ставки НДС имеют страны с наиболее высоким уровнем жизни населения в мире. Однако уже следующий уровень ставки – 23% далеко не у самой богатой страны – Уругвая. Далее в рейтинге ставок НДС с уровнем налога в 22% снова расположились европейские страны – Хорватия, Финляндия и Польша. В Беларуси, как и в России, так называемая стандартная ставка НДС – 18%. Это двенадцатый показатель мирового рейтинга по уровню ставок [5]. Уровень собираемости НДС в европейских странах выше, чем в России и достигает на сегодняшний момент 80–90% [6].

Проблема незаконного возмещения НДС существуют во всем мире, но европейская экономика страдает от махинаций не в таких объемах, как в России. Ежегодный объем потерь из-за махинаций составляет более 60 млрд. евро. Это примерно 10% от общей суммы всех транзакций, совершаемых на территории Европы, а в Германии потери бюджета из-за махинаций с НДС составляют 2%, в Австрии – 4% [7; 8].

НДС – один из наиболее сложных в исчислении налогов. Он имеет огромное фискальное значение, являясь значительным источником пополнения доходов бюджета. В то же время налог на добавленную стоимость выполняет регулирующую функцию путем воздействия на механизм ценообразования. Значение НДС для отечественной экономики сложно переоценить (рисунок 1).

Рисунок 1 – Структура доходов по уровням консолидированного бюджета Российской Федерации

НДС относится к федеральным налогам и действует на всей территории РФ. НДС играет важную роль при мобилизации доходов в бюджет. В консолидированном бюджете РФ поступления от НДС уступают только налогу на прибыль и составляют около четверти всех доходов.

В то же время в федеральном бюджете РФ налог на добавленную стоимость стоит на первом месте, превосходя по размеру все налоговые доходы. В консолидированный бюджет Российской Федерации в 2011 году поступило 9 720,0 млрд рублей,

что на 26,3% больше, чем в 2010 году [9]. Формирование всех доходов в 2011 году на 83% обеспечено за счет поступления налога на прибыль – 23%, НДСП – 21%, НДС – 18% и НДС – 18%. В 2010 году совокупная доля указанных налогов составляла 82% (рисунок 2).

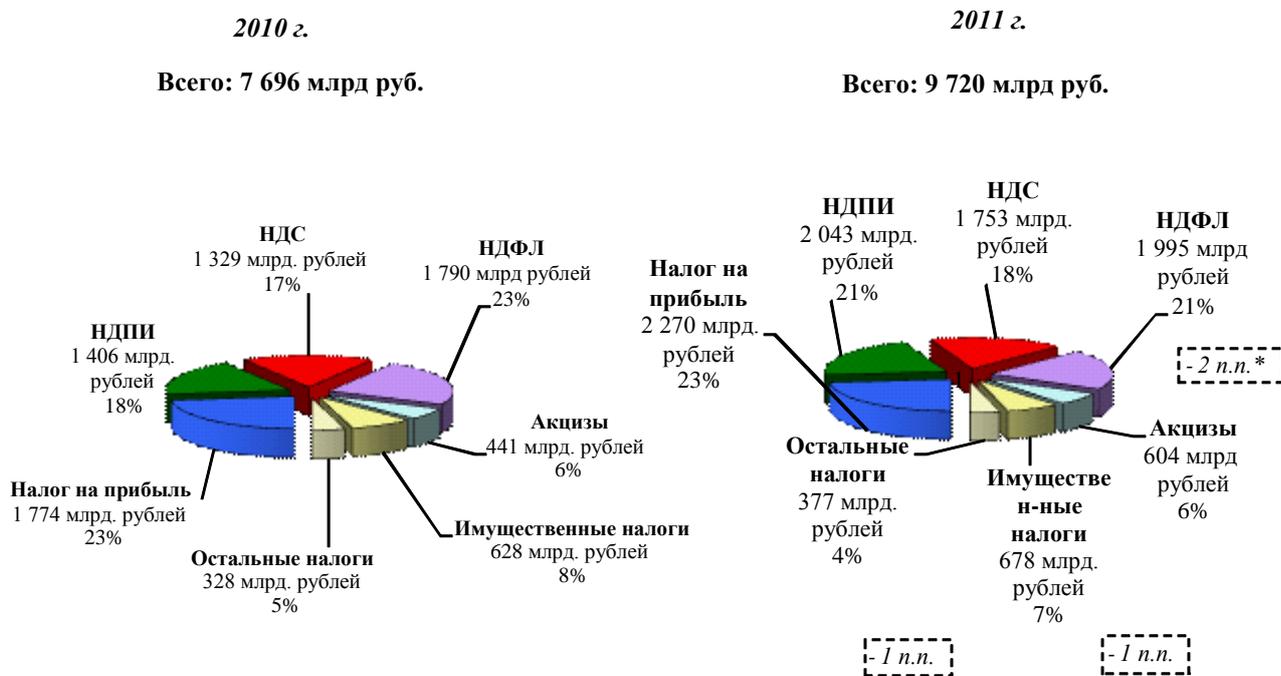

Рисунок 2 – Структура доходов консолидированного бюджета Российской Федерации

*Примечание – п.п. – процентные пункты

Налога на добавленную стоимость на товары (работы, услуги), реализуемые на территории Российской Федерации, в федеральный бюджет в 2011 году поступило 1 753,2 млрд рублей, что на 31,9% больше, чем в 2010 году.

Налога на добавленную стоимость на товары, ввозимые на территорию Российской Федерации, в федеральный бюджет в 2011 году поступило 91,7 млрд рублей, или в 1,7 раза больше, чем в 2010 году, что связано с администрированием ФНС России с 01.07.2010 НДС на товары, ввозимые на территорию Российской Федерации из Республики Казахстан.

Поступления по сводной группе акцизов в консолидированный бюджет Российской Федерации в 2011 году составили 603,9 млрд рублей, или на 36,8% больше, чем в 2010 году. Из общей суммы 2011 года поступления в федеральный бюджет составили 231,8 млрд рублей (38%), в консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации – 372,1 млрд рублей (62%) (рисунок 3).

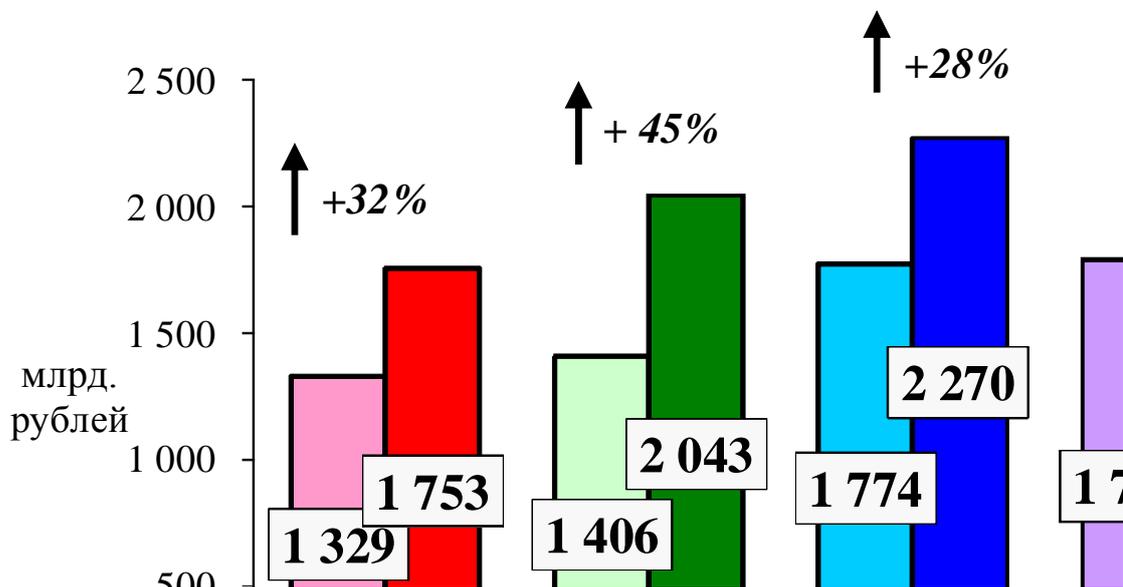

Рисунок 3 – Динамика поступлений основных налогов в консолидированный бюджет Российской Федерации в 2010–2011 гг.

Поступления администрируемых ФНС России доходов в федеральный бюджет в 2011 г. составили 4 480,8 млрд рублей, что на 39,7% больше, чем в 2010 г. (рисунок 4).

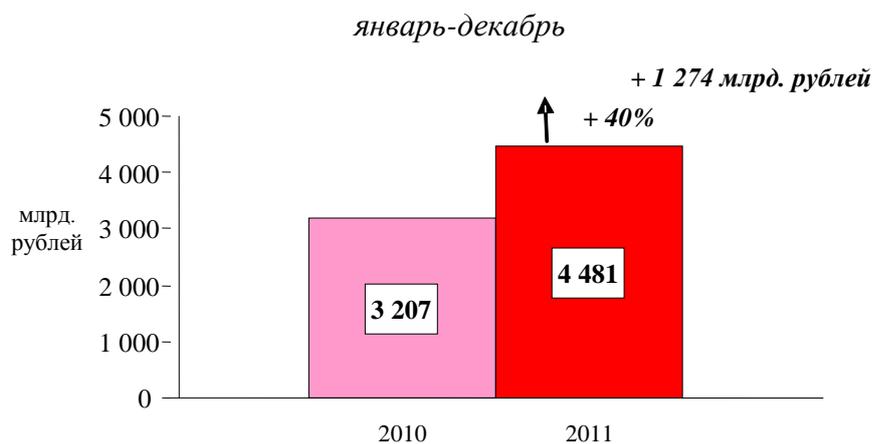

Рисунок 4 – Динамика поступлений администрируемых ФНС в федеральный бюджет России

В общей сумме администрируемых ФНС России доходов федерального бюджета поступления налога на добычу полезных ископаемых составили 45%, НДС – 39% и налога на прибыль – 8% (рисунок 5).

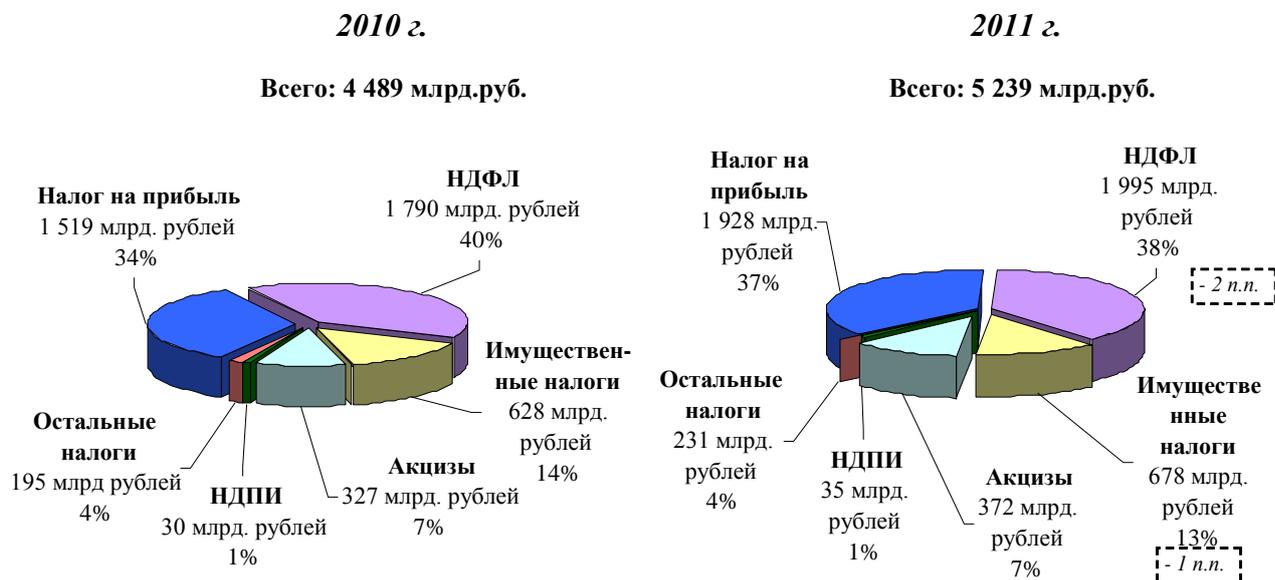

Рисунок 5 – Структура доходов федерального бюджета РФ

В консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации в 2011 году поступления составили 5 239,1 млрд рублей, что на 16,7% больше, чем в 2010 году.

Формирование доходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации в 2011 году на 88% обеспечили налог на прибыль – 37%, НДФЛ – 38% и имущественные налоги – 13%. По сравнению с 2010 годом совокупная доля указанных налогов не изменилась. Тем не менее, НДС занимает не такую большую долю консолидированного бюджета, как мог бы, если бы собирался в полном объеме (или хотя бы в большем объеме, чем на данный момент).

Для сравнения стоит дать характеристику показателей доходов бюджета Республики Беларусь. Так основными доходными источниками остаются налог на добавленную стоимость, доходы от внешнеэкономической деятельности, налог на прибыль и акцизы, поступления по которым возросли по сравнению с 2009 годом. Наиболее значительно увеличились поступления налога на добавленную стоимость – на 24,6%, налога на прибыль – на 12,3%, акцизов – на 10,9% в реальном выражении (рисунок 6).

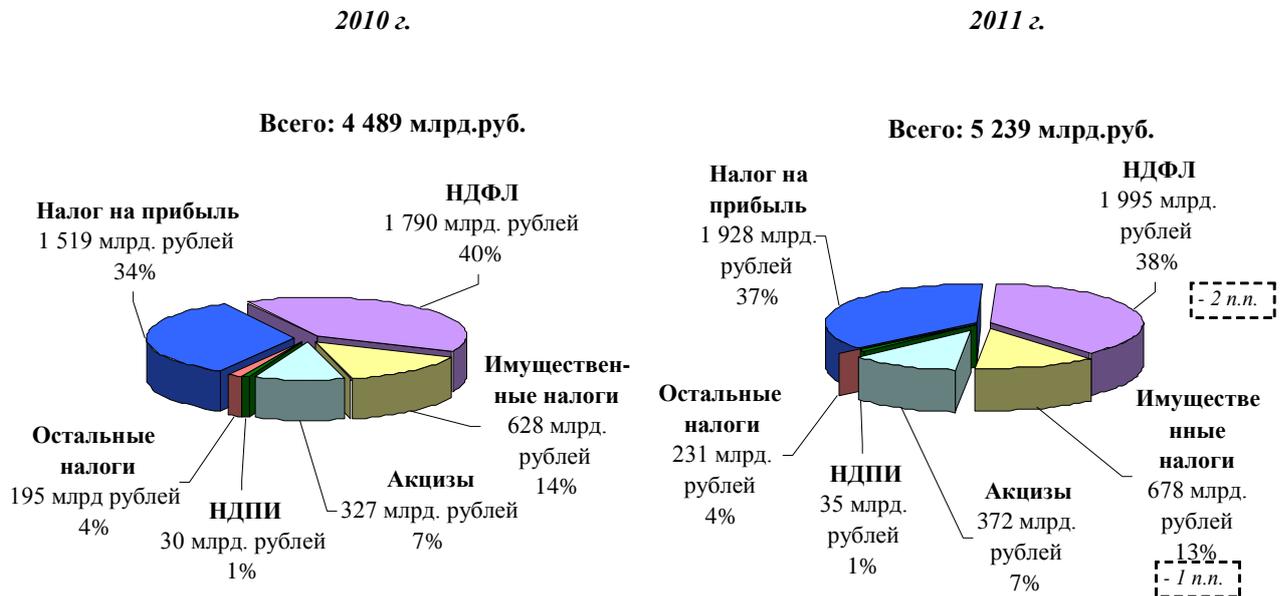

Рисунок 6 – Структура доходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации

Доля НДС, налога на прибыль, акцизов, налоговых доходов от внешнеэкономической деятельности в доходах консолидированного бюджета РБ составила 65,5%. При этом 33,3% всех поступлений в бюджет обеспечено за счет налога на добавленную стоимость, 11,8 – налоговых доходов от внешнеэкономической деятельности (таблица 1) [10].

Таблица 1 – Динамика структуры доходов консолидированного бюджета РБ в 2009–2010 гг., %

Показатели	2009 год	2010 год
1. Налоговые доходы – всего	88,4	92
В том числе:		
Налоги на доходы и прибыль	20,6	24,2
В том числе – подоходный налог	9,2	11,0
Налоги на собственность	3,5	3,8
Налоги на товары и услуги	42,6	47,1
В том числе – НДС	25,6	33,3
Акцизы	7,8	8,9
Налоговые доходы от внешнеэкономической деятельности	17,1	11,8
2. Неналоговые доходы	11,4	7,8
3. Безвозмездные поступления	0,2	0,2
Итого доходов	100,0	100,0

В то же время среди косвенных налогов, несмотря на общее снижение налоговой нагрузки по сравнению с 2010 годом (на 2,3 процентного пункта, доля смешанных налогов на 0,3 процентного пункта, прочих налогов, сборов, пошлин – на 1,1 процентного пункта), общая доля поступлений от налога на добавленную стоимость превышает 70% (рисунок 7) [11].

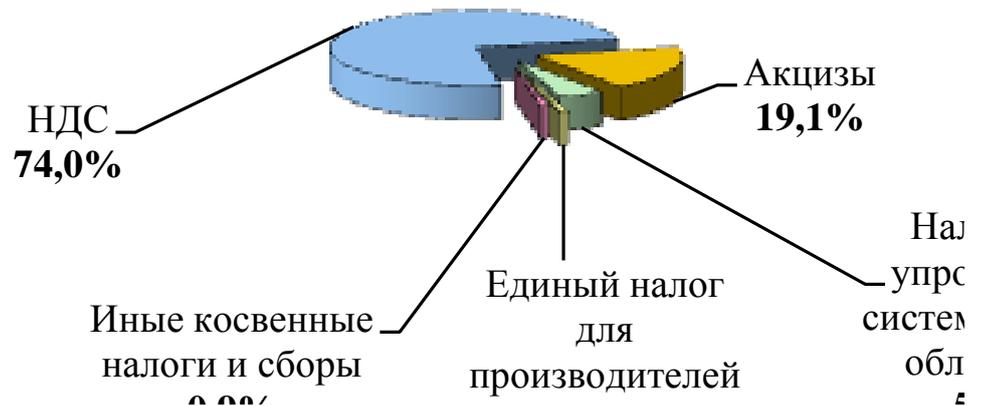

Рисунок 7 – Структура косвенных налогов и сборов

Несмотря на общее сокращение объема поступлений в бюджет косвенных налогов и сборов на 7,2% и их доли в ВВП с 14 до 11,7% общей сумме платежей этого вида, 74% приходится на налог на добавленную стоимость. Преобладающую часть в структуре прочих платежей в бюджет Республики Беларусь (почти 90%) занимают налоговые доходы от внешнеэкономической деятельности (ввозные и вывозные таможенные пошлины). Их поступления за 2011 год сократились на 3%, а удельный вес в ВВП снизился с 5,6 до 4,9%. Отрицательная динамика обусловлена изменением в 2011 году порядка уплаты таможенных пошлин, связанным прежде всего со вступлением в Таможенный союз и введением совместного для стран-участников порядка обложения таможенными платежами.

В Российской Федерации в рамках Таможенного союза в соответствии со статьей 70 Таможенного кодекса Таможенного союза установлен перечень таможенных платежей (ввозная таможенная пошлина, вывозная таможенная пошлина, внутренние налоги, таможенные сборы и, при необходимости, специальные защитные, антидемпинговые и компенсационные пошлины на импортируемые товары). К внутренним налогам, взимаемым при перемещении товара через таможенную границу относятся также налог на добавленную стоимость (рисунок 8) [11].

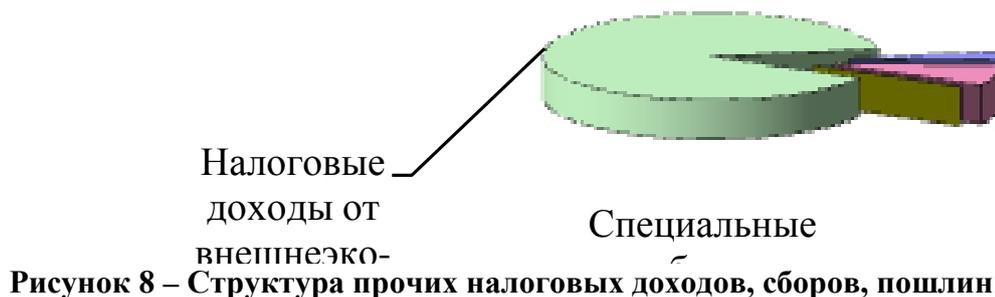

Рисунок 8 – Структура прочих налоговых доходов, сборов, пошлин

С 1 января 2010 г. правовая база, регулирующая применение косвенного налогообложения импорта (и экспорта) между государствами-членами Таможенного союза, содержится в Соглашении «О принципах взимания косвенных налогов при экспорте и импорте товаров, выполнении работ, оказании услуг в Таможенном союзе», подписанном 25 января 2008 г., с изменениями, внесенными Протоколом «О внесении изменений в Соглашение о принципах взимания косвенных налогов при экспорте и импорте товаров, выполнении работ, оказании услуг в Таможенном союзе» от 11 декабря 2009 г. (далее – Протокол о внесении изменений в соглашение о косвенных налогах при экспорте и импорте). Его условия получили дальнейшее развитие в Протоколе «О порядке взимания косвенных налогов при выполнении работ, оказании услуг в Таможенном союзе» от 11 декабря 2009 г. и Протоколе «О порядке взимания косвенных налогов и механизме контроля за их уплатой при экспорте и импорте товаров в Таможенном союзе», подписанном 11 декабря 2009 г.

Данные протоколы и Соглашение в рамках Таможенного союза определили, что импорт между государствами-членами Таможенного союза будет облагаться акцизами и налогом на добавленную стоимость (НДС) и что экспорт между государствами-членами Таможенного союза будет освобожден или облагаем налогом по нулевой ставке, при условии предоставления документального подтверждения факта экспорта и наличия налоговые органов государств-членов информации, подтверждающей уплату налогов на данные товары в бюджеты других государств-членов. Соглашение также подтверждает, что ставка таких косвенных налогов, применяемая к импорту, не будет превышать ставки, применяемой к товарам отечественного производства. Соглашение о косвенных налогах при экспорте и импорте (с внесенными изменениями) устанавливает, что применение косвенных налогов при импорте в особые экономические зоны (ОЭЗ) будет определено в отдельном договоре Таможенного союза.

Таможенные органы государств-членов Таможенного союза (ФТС России в Российской Федерации) взимают НДС и акцизные сборы при импорте на территорию Таможенного союза из третьих стран. Уровень, метод взимания и налогооблагаемая база для таких налогов на импорт определяется национальным законодательством государств – членов Таможенного союза. Таким образом, национальное законодательство Российской Федерации, определяющее применение косвенных налогов при импорте и экспорте, применявшееся до 1 января 2010 г., в значительной степени продолжает действовать. Так, например, Постановлением Правительства Российской Федерации определено, что при ввозе физическими лицами легковых автомобилей на таможенную территорию Российской Федерации применяется единовременный платеж, заменяющий таможенную пошлину, НДС и акциз. Сумма таких единовременных платежей приблизительно равна сумме таможенных пошлин, НДС и акциза. Налог на добавленную стоимость (НДС) в настоящее время применяется единообразно для всей отечественной и импортной продукции, и что это также относится к странам СНГ, включая государств-членов Таможенного союза.

В соответствии с главой 21 Части второй Налогового кодекса Российской Федерации от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (с изменениями от 30 июля 2010 г.) НДС применяется единообразно для всех видов отечественной и импортной продукции на основе принципа страны назначения, и это также относится к странам СНГ с 1 июля 2001 года, за исключением двусторонней торговли с Республикой Беларусь. Начиная с 1 февраля 2005 г. на основании Соглашения от 15 сентября 2004 г. между Российской Федерацией и Республикой Беларусь принцип страны назначения применяется и в отношении импорта

из Республики Беларусь. В целях приведения законодательства Российской Федерации в соответствие с вышеупомянутым Соглашением соответствующее положение было включено в статью 2 Федерального закона от 18 августа 2004 г. № 102-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и некоторые другие акты законодательства Российской Федерации». 1 января 2010 г. действие данного положения для государств-членов Таможенного союза было подтверждено Соглашением о косвенных налогах при экспорте и импорте, подтверждение для ввоза из третьих стран содержится в главе 7 Таможенного кодекса Таможенного союза. Постановлением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. № 908 утверждены исчерпывающие перечни основных продовольственных товаров и товаров для детей, облагаемых НДС по ставке 10 процентов. Мороженое, произведенное из плодов и ягод, не было включено в перечень, так как не является основным молочным продуктом.

В соответствии с Налоговым кодексом Российской Федерации, НДС взимается по единой ставке 18% в отношении большинства товаров. Тем не менее, в соответствии со статьями 149 и 164 Налогового кодекса Российской Федерации для некоторых товаров применяются нулевые ставки и ставки в размере 10 процентов. Все данные ставки и льготы применяются на недискриминационной основе, как в отношении отечественных, так и импортных товаров. Кроме того, в соответствии со статьей 151 Налогового кодекса Российской Федерации товары, помещенные под таможенные режимы транзита, таможенного склада; реэкспорта; магазина беспошлинной торговли, переработки под таможенным контролем; свободной таможенной зоны; свободного склада; уничтожения и отказа в пользу государства и перемещения припасов (например, топлива на борту транспортного средства для использования во время поездки) освобождаются от НДС. Налоговая база НДС включает в себя акцизы, если они предусмотрены. Для ввозимых товаров налоговая база НДС включает также таможенные пошлины.

Российская Федерация с даты присоединения к ВТО будет осуществлять взимание внутренних налогов и освобождение от них, включая НДС, акцизы и другие налоги, недискриминационным образом, в соответствии со статьями I и III ГАТТ-94. В федеральный бюджет поступают НДС, доходы от внешнеэкономической деятельности, а также преобладающая часть налогов за пользование природными ресурсами.

В настоящее время доходы бюджетов субъектов федерации практически полностью представляют денежные трансферты, относящиеся к операциям перераспределения доходов. Федеральный бюджет участвует не только в перераспределении доходов, но и первичном их распределении (в форме НДС, доходов от внешнеэкономической деятельности, а также налогов за пользование природными ресурсами) (рисунки 9).

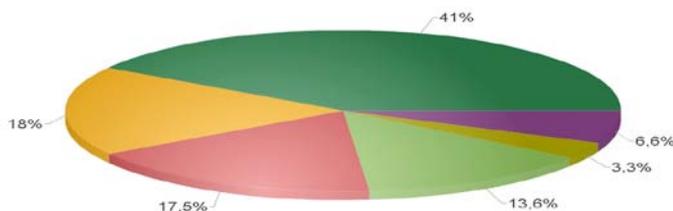

Рисунок 9 – Структура доходов федерального бюджета

Из таблицы 2 видно, какова структура доходов состоит из следующих элементов.

Таблица 2 – Структура доходов

Виды доходов	млрд руб
Всего доходов	11 366,0
Доходы от внешнеэкономической деятельности	4 664,7
Налоги, сборы и регулярные платежи за пользование природными ресурсами	2 046,9
Налоги на товары (работы, услуги), реализуемые на территории российской федерации	1 985,0
Налоги на товары, ввозимые на территорию российской федерации	1 543,8
Доходы от использования имущества, находящегося в государственной и муниципальной собственности	380,1
Прочее	745,5

В этой системе доходов особую роль играет НДС, как инструмент обложения товаров, ввозимых на территорию Российской Федерации. Динамика доходов федерального бюджета показана на рисунке 10.

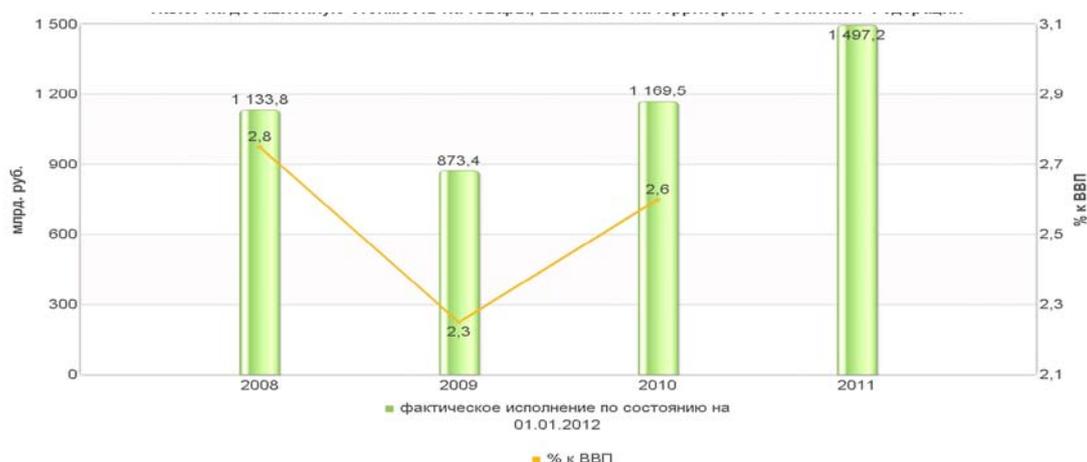

Рисунок 10 – Динамика доходов федерального бюджета. Налог на добавленную стоимость на товары, ввозимые на территорию Российской Федерации

В условиях расширения международной торговли, произошедшей после формирования Таможенного союза и восстановления экономики после кризиса 2008–2010 гг., происходит увеличение доходов от налогообложения товаров, ввозимых на территорию РФ, динамика которого показана на рисунке 11, а конкретные числовые показатели можно увидеть в таблице 3.

Таблица 3 – Динамика исполнения доходов федерального бюджета по НДС, млрд руб.

	январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь
2011	67.4	98.7	127.1	121.2	126.0	121.1	120.6	141.0	133.6	139.2	148.3	153.0
2010	48.4	69.0	86.5	86.1	90.6	99.1	100.0	111.3	111.2	112.1	122.1	133.2
2009	43.3	68.9	79.3	72.5	63.4	68.2	73.4	69.5	78.3	79.4	79.5	97.9
2008	56.8	77.1	87.2	96.4	94.7	94.5	109.9	101.6	108.3	114.7	87.8	104.9
2007	43.6	59.9	69.1	66.9	69.4	69.6	74.3	80.9	71.2	86.0	84.5	95.9

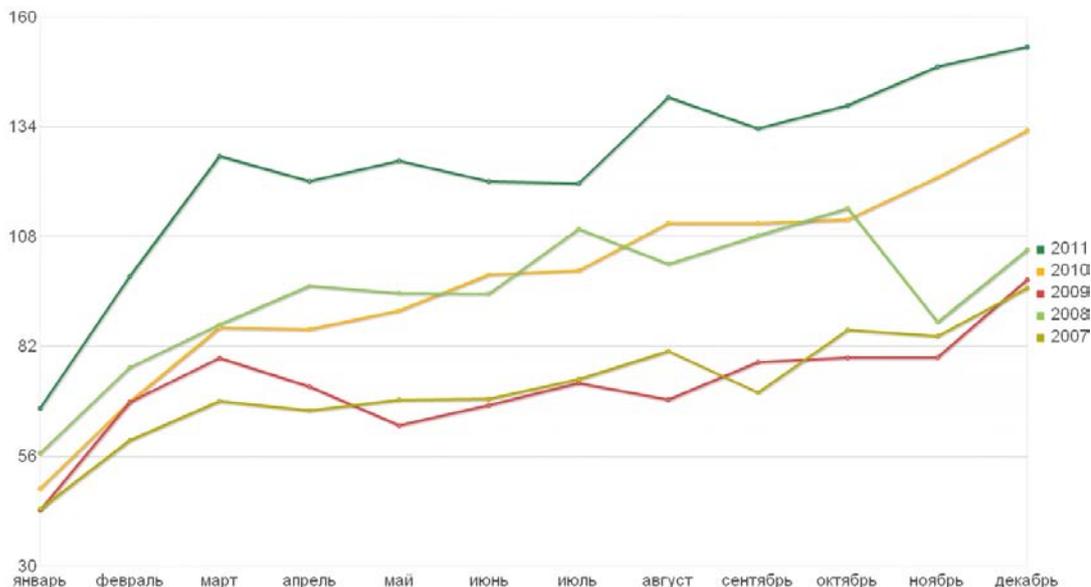

Рисунок 11 – Динамика исполнения доходов федерального бюджета, млрд руб. Налог на добавленную стоимость на товары, ввозимые на территорию Российской Федерации

В настоящее время сохраняется напряженная финансовая ситуация во многих странах. Начиная с 2010 г. приоритетной задачей экономической политики во всем мире стало восстановление макроэкономической безопасности и оздоровление бюджетных показателей. Для этого правительства большинства стран был взят курс на переход от политики стимулирования к политике консолидации бюджетных ресурсов. Были приняты решения о расширении налоговых баз (Германия), замораживании зарплат в бюджетном секторе (Италия), пенсионной реформе (Франция, Испания), сокращении расходов и повышении ставок НДС (Испания, Великобритания). В некоторых странах источником дополнительных доходов стали налоги на доходы в финансовой сфере. Ужесточились требования к финансовым организациям, ряд стран (Великобритания, Франция, Италия) ввел повышенные налоги (до 50%) на бонусы сотрудников банковского и финансового сектора. Россия в этот же период начала постепенно возвращаться от чрезвычайных расходов кризисного периода к нормальной бюджетной политике, обеспечивающей долгосрочную устойчивость. Следующий шаг был сделан в 2011 г., когда восстановление макроэкономической сбалансированности вышло на первый план (рисунок 11) [12].

На текущий момент развитие налоговой политики в России предполагает переход от антикризисной политики стимулирования к посткризисной политике бюджетной консолидации. В связи со вступлением в ВТО и соответственно принятием согласованных мер по корректировке таможенного и налогового законодательства в направлении унификации с международными нормами, на первый план выступает задача поддержания существующего уровня доходов бюджета в условиях неминуемого снижения доходов от таможенных платежей. Задача повышения уровня доходов бюджетной системы выступает также на первый план в связи с ростом принятых долгосрочных расходных обязательств (в т.ч. социальных). В данных условиях только налоговая система, выступает инструментом поддержания необходимого уровня доходов бюджетной системы. В этом контексте, правительство работает над созданием условий для повышения до-

ходов и стремится достичь этого без увеличения номинальной налоговой нагрузки на не сырьевой сектор экономики. В качестве основных источников дополнительных доходов рассматривается снижение размеров теневого сектора, как наиболее существенного фактора, сдерживающего экономический рост и налоговые поступления.

Представляется, что наиболее действенной мерой будет снижение ставки НДС по реализации товаров, работ, услуг, применяемой к резидентам налоговой системы РФ, поскольку возможные потери, вызванные высоким риском преследования за уклонение от уплаты НДС станут выше, чем сами затраты на уплату, тем самым повысится собираемость НДС за счет увеличения налогоплательщиков, добросовестно уплачивающих налог. Но, тем не менее, НДС будет, являться одним из наиболее действенных механизмов защиты национальных производителей, обеспечение заданного уровня экономической безопасности и наполнения федерального бюджета в условиях тарифных уступок при вступлении в ВТО.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Эльвира Набиуллина дала прогноз по развитию экономики РФ до 2030 года // Российская газета. – 2012/ – 4 апр.
2. Режим доступа : http://www.jurportal.ru/work.pl?act=law_read&subact=1106129&id=276127 – Юридический портал.
3. Павловский, Г. Словарь текущей политики / Г. Павловский. – М. : Европа, 2006.
4. Кочетов, С. Российскому НДС – пять лет / С. Кочетов // Коммерсантъ-daily. – 1997. – № 16.
5. Режим доступа : <http://www.kasparov.ru/note.php?id=4363917CD5D3E>. – Каспаров.ru. Интернет-газета Гарри Каспарова.
6. Режим доступа : <http://www.bishelp.ru/ekonomika/detail.php?ID=53893&print=1> – План-2 020. Наша экономика через 13 лет.
7. Режим доступа : http://www.gazeta.ru/2006/07/20/oa_208834.shtml – Газета.ru. Европа продолжит страдать от оффшоров.
8. Режим доступа : http://www.visnuk.com.ua/rus/article/one/NDS_usover.html – Вестник налоговой службы Украины.
9. Режим доступа : www.nalog.ru. Официальный доклад об итогах работы ФНС за 2011 год.
10. О состоянии государственных финансов Республики Беларусь. Режим доступа : www.minfin.gov.by.
11. Режим доступа : <http://www.nalog.gov.by/reference/> о налоговой нагрузке на экономику Республики Беларусь в первом квартале 2011 года.
12. Гурвич, Е.Т. Бюджетная политика в условиях новых глобальных рисков (15.03.2012) / Е.Т. Гурвич, Р.Р. Федорова // Бюджет.

Maksimov Y. A. Legal Aspects of Value-added Tax while Transferring Goods across Customs Border and the Role of VAT in Federal Budget of Russian Federation

The author considers the main directions of development of customs regulation and taxation of foreign trade in the modern world. The author analyzes the application of value added tax and its role in the federal budget at the present stage of development of foreign trade, as well as an instrument of economic security. Keywords: taxation, value added tax, the federal budget, tax policy, customs regulations, foreign trade activities, administration of customs duties, customs law, economics, customs fees, economic security.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 10.04.2012

УДК

Л.К. Аренова

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПОНЯТИЙ
В ПРАКТИКЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ
НЕТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ КОНФЕССИЙ,
ДЕНОМИНАЦИЙ И КУЛЬТОВ**

Недопустимость распространения деятельности нетрадиционных религиозных организаций, в том числе, имеющих признаки религиозного экстремизма и терроризма является приоритетным направлением деятельности государственных органов не только в Республике Казахстан, но и сопредельных государствах, и мировом сообществе в целом. Такая форма религиозной деятельности достаточно новые явления в казахстанском обществе. Это определяет постановку проблемных вопросов, теоретического и практического характера, понимания сути религии, форм допустимости ее распространения, разработки научных рекомендаций, прикладного характера направленных на выявление, раскрытие, расследование и предупреждение преступлений, а также разработке мер по противодействию рассматриваемому виду общественно-опасных деяний. Религия как особая форма общественного сознания, требует особого принятия мер, предупреждения преступлений в религиозной сфере и выработки мер противодействия психологического и интеллектуального характера. Кроме того, процесс выявления, раскрытия и расследования преступлений, связанных с деятельностью нетрадиционных религиозных конфессий, деноминаций и культов имеет свои специфические черты и условия для эффективной правоохранительной и судебной деятельности.

Политические и социально-экономические преобразования казахстанского общества, затронули такие важные элементы жизнедеятельности государства, как духовные и религиозные потребности человека, что нашло отражение в Конституции РК. Такие демократические преобразования в сфере свободы вероисповедания, способствовали появлению, как в казахстанском обществе, так и в постсоветском пространстве, религиозных организаций, деятельность которых представляет особую угрозу для государственности, конституционного строя, прав и свобод человека и гражданина, в том числе собственности, здоровья чести и достоинства. Анализ материалов расследования преступлений, рассматриваемого криминалистического вида, позволил сделать вывод, что в целях эффективного расследования, предупреждения и противодействия, а также в зависимости от проповедуемых идей и действий таких религиозных организаций, возникает целесообразность и необходимость их дифференцировать по религиозному направлению целей, и определять, как преступления, связанные с деятельностью нетрадиционных религиозных конфессий, деноминаций и культов.

В этой связи, особую опасность представляют деноминации и культы нетрадиционного ислама (салафиты, талибан, Хизб-ут-тахрир аль-Ислами и пр.) и конфессии альтернативного христианства (Свидетели Иеговы или общество сторожевой башни, Церковь Грейс, Церковь саентологии или Дианетика и пр.) Такого рода нетрадиционные религиозные объединения, несмотря на их различную религиозную принадлежность, в основе своих верований содержат все признаки радикальных религиозных идей, что в соответствии с законодательством является преступным. Недопустимость распространения религиозного экстремизма и терроризма является приоритетным направлением деятельности государственных органов не только в нашем государстве, но и мировом сообществе в целом. Угроза такого характера, с особым вниманием обсуждалась на прошедшем в Республике Казахстан Саммите ОБСЕ в 2010 году, где принимали участие главы государств и правительств 56 стран мира.

В соответствии с действующим законодательством РК, религиозный экстремизм рассматривается, как преследующий цели разжигания религиозной вражды или розни, в том числе связанной с насилием или призывами к насилию, а также применение религиозной практики, вызывающей угрозу безопасности, жизни, здоровью, нравственности или правам и свободам граждан., а экстремизм, трактуется как приверженность к крайним взглядам и мерам, и подразделяет его на три основных вида – политический, национальный и религиозный. Угроза распространения религиозного экстремизма, как специфической формы нетрадиционной религиозной деятельности является новым явлением в казахстанском обществе, что определяет постановку проблемных вопросов, теоретического и практического характера. В этой связи необходимо отметить, что расследование терроризма, получившего распространение на территории постсоветского пространства, необходимо включать в расследование преступлений, связанных с деятельностью нетрадиционных религиозных конфессий, деноминаций и культов. Это связано с ее частным характером, но имеющим структуру методики расследования, тактику производства первоначальных и последующих следственных действий, общую с общественно опасными деяниями рассматриваемого вида, но отличную по отдельным элементам криминалистической характеристики.

Кроме того, необходимо учитывать не только правовой, но и психологический взгляд в понимании сути религии, форм допустимости ее распространения, разработки научных рекомендаций, прикладного характера направленных на предупреждение преступлений, а также разработке мер противодействия рассматриваемому виду общественно опасных деяний.

Религия это особая форма общественного сознания, и обусловлена верой человека в сверхъестественное. Религия включает в себя моральные нормы рекомендуемого поведения, а также совершения культовых действий, обрядов, на основе объединения людей в организации религиозного типа (конфессии, деноминации, культы). Вера человека это признание некой идеи, как истинной, без ее логического и критического осмысления, и в силу субъективного убеждения человека на основе удовлетворения чувств и эмоций, что делают ее абсолютной в понятиях человека, так как такие чувства и эмоции испытаны человеком, соответственно не нуждаются для него в обоснованиях и доказательствах. В этом смысле, религиозная вера имеет большее влияние на человека, чем разум, аргументация и доводы, в том числе указанные и закрепленные в законе. Стремление к эмоционально-чувственному взаимодействию с окружающей средой используется в религиозных учениях, и формирует эффект ожидания человеком чего-то значимого и ценного для его внутреннего мира (например, облегчает страх смерти и дает надежду на посмертное существование.) Современная наука относит веру в Бога к сфере иррационального, то есть находящегося за пределами разума, не поддающегося законам логики. Вера в сверхъестественные силы, в том числе Бога, является одним из врожденных свойств человека разумного. Особую важность здесь приобретают такие понятия, как добро и зло, надежда на будущее, сопричастность к жизни, ее цель и смысл, существование после биологической смерти, обусловленной страхом и прочими факторами, играющими значение для каждого человека и самой составляющей человеческой жизни. Религиозная вера формируется с эмоционально чувственного образа, возникающего мгновенно, и обладает особым качеством связывающим разум и чувства. При этом, чувственный окрас знаний полученных разумом снимает критичность мышления на явления окружающей обстановки. Законодательные нормы, направлены только на разум человека и его знания, путем системы дозволений и запре-

тов, и способен вызвать противоречие у человека к закону и его нормам, так как изначально в своей форме предполагает принуждение, не принимая во внимание способности людей исполнять его требования. Человек воспринимает, познает и принимает только то, во что он верит, а вера в свою очередь нарастает посредством эмоций и чувств. Вера основывается на приоритетах значимостей для каждого человека и, таким образом, является инструментом манипуляций из внешней среды, и используется для достижения целей, в том числе и преступного характера. Иррациональность, затрудняет расследование и судебное разбирательство преступлений, связанных с деятельностью нетрадиционных религиозных конфессий, деноминаций и культов. Это обусловлено с одной стороны, специфичностью религиозной и культовой деятельности основанной на биологических потребностях, а также отсутствию возможности проверить феномен религиозной убежденности придав ему какую-либо материальную форму. С другой стороны, религиозные убеждения человека в иррациональное, гарантирована действующим законодательством и наделена правом свободы и равноправия граждан независимо от вероисповедания, признания культурной и исторической ценности религий, сочетающихся с духовным наследием народов Казахстана, важностью межконфессионального согласия, религиозной толерантности и уважения религиозных убеждений. Вследствие этого, складывается сложная информационная конструкция, состоящая из вариантов поведения человека сформированных на системе ценностей, приобретаемых в семейных и народных традициях, восприятию новых идей внешнего мира, не связанных с этнографическим, культурным и историческим прошлым и предписаниями действующего законодательства.

Анализ практической деятельности и связанные с ними психологические исследования показывают, что изучение поведения ведущего к религиозности возможно с позиций движущих религиозных мотивов. Религиозный мотив представляет собой внутренний стимул действия, выражением которого может выступать духовная потребность, вера в сверхъестественные силы, идея продолжения жизни после смерти, чувство приобретения значимости, страх потери, утраты и прочие. Мотив определяет конкретную цель, рекомендуемую конкретным религиозным учением. Взаимосвязь и взаимообусловленность цели и мотива определяет дальнейшее действие человека. Более того, мотив, в свою очередь, указывает на смысл религиозного, культового действия или обрядовости, а также определяет и проявляет религиозное поведение человека, как конечную стадию мыслительной деятельности, и проявления религиозного сознания в комплексе с имеющимся у человека опытом и другими элементами системы ценностей и определяет мотивацию его поведения. Формирование религиозного поведения человека обусловлено влиянием мотива и цели, в соответствии со сложившейся системой ценностей на момент конкретно сложившейся ситуации, что выражается в религиозном смысле и религиозной значимости, в прямой зависимости от конфессиональной, культовой принадлежности человека, типа конфессии, деноминации и уровня религиозности. В поведении религиозно верующего человека существуют критерии религиозности, то есть элементы религиозного сознания, к которым могут быть отнесены религиозные таинства (например, сочтения браком, погребение и пр.), принесение молитв, миссионерская деятельность, воспитание, посещение богослужение и участие в них, изучение религиозной литературы и пр. Религиозная вера, как и верования иного характера, выступают защитным психическим и психологическим механизмом человека, который способен обостряться в момент стрессовой или иной незапланированной ситуации, которой вполне может выступить факт расследования или судебного разбирательства уголовного дела.

Религиозная вера всегда доминирует над рациональным разумом и логикой, так как позволяет человеку испытывать определенный спектр чувств и эмоций, и может быть переформирована только в сравнении с более чувственно и эмоционально насыщенными факторами и идеями. Испытанные чувства и эмоции, которые предоставляет религиозная вера, образуют у человека его лично пережитые ощущения и внутренние переживания, которые становятся уже неизменными. Указанный фактор является ключевым в вопросах предупреждения преступлений, связанных с деятельностью нетрадиционных религиозных конфессий, деноминаций и культов, и разработки мер противодействия таким общественно-опасным деяниям, где силовое и карательное воздействие приобретает противоположное качество, то есть способствует укреплению веры и испытанию чувств человеком, укрепляющих его убеждение (например, фанатичные адепты исламских и христианских религиозных организаций наносящих себе увечья или намеренно совершающих публичный суицид посредством самоподрыва). Таким образом, особое значение приобретает предупреждение преступлений рассматриваемого криминалистического вида, а также разработка мер противодействия, в сравнении с процессом расследования. Однако, необходимо отметить, что расследование преступлений, как процесс, требует особого рассмотрения с теоретической и практической позиций, но в большей степени, более актуален с выявления такого вида преступлений. Следуя философским категориям познания, выявление, предупреждение и противодействие здесь выступают как причина, а процесс расследования соотносится с ними как следствие. Однако данная позиция является темой отдельного рассмотрения.

С целью предупреждения и разработки мер противодействия преступлений, связанных с деятельностью нетрадиционных религиозных конфессий, деноминаций и культов, и выработки мер противодействия необходимо дифференцировать терминологию с практических позиций:

- 1) подход к пониманию религии как социального явления;
- 2) религиозной конфессии, деноминации, культа, как деятельности групп, сообществ людей;
- 3) религиозных верований, как одной из форм общественного сознания с позиции криминалистической науки и потребностей практической деятельности.

Процесс расследования и предупреждения преступлений, связанных с деятельностью нетрадиционных религиозных конфессий, деноминаций и культов изначально требуют определения понятий, как исходного материала криминалистической характеристики преступлений рассматриваемого вида. Прежде всего, это связано с более глубоким пониманием сути проблемы, исключения ошибок в процессе оперативно-розыскной, следственной и судебной деятельности, законодательного регулирования прав религиозных объединений и религиозной деятельности как реализации конституционных норм, и разработки эффективных мер по противодействию преступной деятельности таких организаций.

Закон РК «О религиозных объединениях и религиозной деятельности» не определяет вышеуказанных понятий, что в значительной степени осложняет процесс выявления, раскрытия, расследования, предупреждения преступлений, связанных с деятельностью нетрадиционных религиозных конфессий и культов, а также мер по противодействию таким формам преступности. Это зачастую ведет к неправильной квалификации деяний рассматриваемого вида, непрофессиональной интерпретации преступных действий, не качественному производству следственных и судебных действий, в том числе затруднению поддержания государственного обвинения в суде. Однако, такого рода недос-

татки объективны, нисколько не умаляют профессиональных навыков сотрудников правоохранительных органов, и связаны с отсутствием знаний религиозно-идеологической специфики и психологических особенностей типологии преступников, которую условно можно обозначить как религиозно-идеологические. Кроме того, особым специфическим фактором здесь является отсутствие готовности организовать меры безопасности сотрудников правоохранительных органов, специальных служб государства, прокуратуры и суда, которые призваны осуществлять деятельность в пределах своей компетенции по рассматриваемому виду уголовных дел. В этой связи, с практических позиций, необходимо определить такие религиозно-идеологические понятия как «конфессия», «культ», «религиозная деноминация», «секта» и «сектантство».

Конфессия (от латинского *confessio* – «исповедание») это особенности веры и ее исповедования в пределах определённого религиозного учения, а также объединение верующих, придерживающихся именно этого вероисповедания. [1, с. 251]. Например, в христианской церкви исповедание употребляет разные системы основополагающих догматов вероучения, и образуют разные конфессии, но конфессиональное деление присуще любой религии. Термин «конфессия», используется учеными-религиоведами практически только для различения исповеданий христианства. При этом необходимо отметить, что в целом религиозное мировоззрение (система представления о мире) основывается на вере или мистическом опыте и связаны с отношением к непознаваемым и нематериальным сущностям вне зависимости от религиозной принадлежности.

Понятие культ (от латинского *cultus* – «почитание») интерпретируется в двух основных значениях. В первом обозначении это «один из элементов любой религии, выражающийся в особых обрядах, таинствах, действиях священнослужителей и верующих с целью оказать желаемое воздействие на сверхъестественные силы». Второе обозначение термина определяется как «преклонение перед кем-, чем-либо, почитание кого,-чего-либо» [1, с. 252].

В монотеистических религиях, т.е. представлениях и учениях о едином Боге в противоположность политеизму – языческому многобожию, под культом понимается религиозная обрядность: служители культа, католический культ, культовые предметы. Религиозный культ следует отличать от таких политических, эстетических, этических и философских феноменов, как «культ силы», «культ успеха», «культ человека», «культ разума» и др. Таким образом, конфессия может включать в себя культ, и использовать его своих целях и нуждах. Особое значение в культах придается так называемой религиозной обрядности, способствующей своеобразной настройке человеческой психики на ожидание значимого явления. Совершение обрядов, церемоний это неотъемлемая часть культа и связана с почитанием. Культ также распространен в языческом мировосприятии, состоящий, из разнообразных практик (например, погребальный культ, родовые и семейные культы, шаманский культ и др.) В структуру культа входят элементы религиозно-мистического действия (церемонии, обряды) с использованием предметов и обязательного наличия сооружения. Культ можно рассматривать в более узком понимании как отношения связанные с верой в высшие, сверхъестественные силы и направлены на их поощрения, в этом случае определение культ не содержит магических обрядов, акт экзорцизма либо воздействия на сверхъестественные силы или явления. В отличие от культа религиозная деноминация является объединением верующих, придерживающихся одного вероисповедания в пределах определённой религиозной традиции.

В настоящее время получили распространение термины секта, тоталитарная секта и сектантство, используемые как в бытовом изречении, так и в правовых и религиозно-

ведческих кругах, в том числе имеются разработанные лекционные курсы известного ученого-историка, богослова и ведущего эксперта по проблемам экспансии новых религиозных движений в России А.Л. Дворкина. Необходимо отметить, что указанный автор внес неоценимый вклад как в религиоведческую науку, так и в обозначении значимости проблемы распространения и экспансии нетрадиционных религиозных конфессий и культов на территории постсоветского пространства и определил достаточно ценную в теоретическом плане терминологию и разграничение общих понятий по рассматриваемой проблеме, а именно «инославные», «еретики» «секта». Это вносит ясность в понимание вопросов религии для разработки методических рекомендаций процесса расследования преступлений, связанных с деятельностью нетрадиционных конфессий. Однако нельзя не отметить факт того, что при освещении рассматриваемых вопросов А.Л. Дворкин исходил с позиций только лишь Русской Православной Церкви. В своих исследованиях А.Л. Дворкин отмечает, что «инославные, еретики и сектанты... обозначают разные понятия», и дает такие определения как «инославными называют христианские, как правило, культуuroобразующие церкви или конфессии, которые при всех своих отклонениях...сохраняют хоть какую-то генеалогическую преемственность с ранней, неразделенной Церковью» (например, римо-католики, протестанты, методисты, баптисты и пр. [2, с. 40]. Слова ересь, еретик (от греческого *haireisis*, *hairetikos*) означает особое вероучение и его последователей, отклоняющихся от догматов и организационных форм господствующей религии [2, с. 40]. А.Л. Дворкин указывал, что еретик «означает человека, делающего произвольный выбор под руководством собственных желаний и идей» и далее продолжил мысль, что рассматриваемые термины «по происхождению христианские, и, следовательно, для того чтобы стать еретиком в святоотеческом смысле этого слова, человек изначально должен был пребывать в истине. То же самое относится и к еретическому учению или придерживающейся его организации: скажем, если прп. Иоанн Дамаскин мог назвать ересью ислам, так как (небезосновательно) считал, что он произошел от искаженного христианского учения, то зародившийся безотносительно к христианству буддизм ересью мы назвать не можем» [2, с. 43]. Понятие секты А.Л.Дворкиным понимается как «закрытая религиозная группа, противопоставляющая себя основной, культуuroобразующей религиозной общине (или основным общинам) страны или региона» [2, с. 43]. Кроме того, А.Л. Дворкин в 1993 г. впервые использовал понятие тоталитарной секты, под которой стали понимать «особые авторитарные организации, лидеры которых, стремясь к власти над своими последователями, и к их эксплуатации, скрывают свои намерения, под религиозными, политико-религиозными, психотерапевтическими, оздоровительными, образовательными, научно-познавательными, культурологическими и иными масками» [2, с. 44]. В целом с определениями, предложенными А.Л.Дворкиным можно согласиться, но с учетом законодательных и ментальных особенностей тех или иных религиозных учений и их распространения в отдельных регионах. На наш взгляд, вышеизложенные понятия лишь отчасти отражают смысловые значения для применения их в законодательной и оперативно-следственной практике. Такие понятия как «ересь» и «секта» не отвечают требованиям точности формулировки и информативности. Более того, достаточно некорректно со всех позиций определять одно из направлений мировых религий с другими как искаженность.

Республика Казахстан уникальное государство, отличительная черта которого религиозная, межконфессиональная толерантность и межнациональное согласие. Этот феномен подтверждается и тем, что именно в Республике Казахстан впервые был организован и проведен Съезд мировых религий, добрая традиция проведения которого

продолжается и по настоящее время (3 съезд Мировых религий проходил в Астане, 2010 г.). Вызывает сомнение правильность определения А.Л. Дворкиным понятие «секта» и «тоталитарная секта». Обращаясь, к этимологии понятия, его латинскому происхождению слова секта *secta* можно проследить двоякое его понимание. С одной стороны (дословно), это учение, направление, школа, а с другой – религиозная община, группа, отколовшаяся от господствующей церкви или обособленная группа лиц, замкнувшаяся в своих узких групповых интересах. В этом смысле, учитывая религиозную и межконфессиональную толерантность Казахстана, межнациональное согласие, и отсутствие господствующей религии термин «секта» и «тоталитарная секта» не отражает сущности возникновения проблемы, ошибочны и указывают на изначальную предвзятость и нетерпимость к религиозным воззрениям и убеждениям. Вследствии этого, определение «нетрадиционная религиозная конфессия, деноминация и культ» и «нетрадиционная религиозная конфессия-деноминация/культ деструктивного характера» отвечают требованиям научности, более точны, и корректно выражают как суть религиозных объединений и организаций, так и возможную угрозу их деятельности, которую и определяют как деструкцию, способную классифицировать как общественно-опасную. Авторитаризм и его крайняя форма тоталитаризм в большей степени отражают политический характер такого религиозного явления как распространение и экспансия нетрадиционных религиозных конфессий, деноминаций и культов, а учитывая исторический опыт ассимиляции политики в религию и наоборот, можно с уверенностью сказать о возможных нежелательных конфликтных ситуациях.

Применительно к предупреждению преступлений рассматриваемого вида указанные определения в представленных значениях отражают определенную деятельность, в зависимости от субъективного смысла, вкладываемого адептами-миссионерами, которая облекается в форму организованной структуры людей, проповедующей идею, имеющую признаки радикализма. Такая деятельность нетрадиционных религиозных конфессий, деноминаций и культов способна нести угрозу общественной и национальной безопасности государств (например, распространенная в Казахстане нетрадиционная религиозная конфессия «Свидетели Иеговы», «Церковь Грейс», «Братья мусульмане», учение салафитов (ваххабизм), Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами, «Движение талибан» и пр.). В рассматриваемых видах общественно опасных деяний, четко прослеживается их связь с распространением в обществе нетрадиционных религиозных конфессий, деноминаций и культов. Данный фактор в свою очередь позволяет объединить их в криминалистический вид, который можно определить как преступления, связанные с деятельностью нетрадиционных религиозных конфессий, деноминаций и культов. В этой связи закон РК «О противодействии экстремизму» принятый 18 февраля 2005 г. является своевременным и необходимым.

Однако понятие противодействия экстремизму, в особенности религиозному, как реакция государства на распространение негативных влияний связанных с насилием во всех его проявлениях, является не вполне адекватным. Противодействие традиционно обозначает совершение действий, препятствующих другому действию. Применительно к преступлениям, связанным с деятельностью нетрадиционных религиозных конфессий, деноминаций и культов, противодействие малоэффективно и зачастую оказывает противоположный эффект. Это объясняется специфичностью религиозной веры, деликатностью вопроса внутреннего мира человека, затрагивающего психическую и психологическую сферу, сознание, уровень и индивидуальную потребность сознательной и неосознаваемой части психической деятельности в религиозности, систему

ценностей, религиозную веру, личные переживания и духовные потребности, т.е. способны вызвать социальный конфликт.

Противодействие в этом направлении – это сопротивление религиозным убеждениям адептов религиозных конфессий, деноминаций и культов (например, нетрадиционных религиозных конфессий исламского типа). Это приводит к нежелательным для общества последствиям, выражающимся в более устойчивых позициях верований, фанатизме, либо деградации человека, как личности, а также объединению масс сочувствующих людей, до такого момента не отличающихся особой религиозностью. Здесь открытое, законодательно не подкрепленное системой жесткого наказания, противодействие выступает толчком для размышления лицам, не проявлявшим интерес к религии.

Противодействие, как сопротивление, в большей степени подразумевает категоричное, психологически силовое воздействие на религиозность человека. Религиозный экстремизм как искаженная форма религиозности и альтернативное понимание догматов традиционных, культуuroобразующих религий, требует в первую очередь именно предупреждения преступлений, то есть разъяснения дозволенного и недозволенного, общественно-опасного и полезного. Новые формы религиозного экстремизма требуют не только мер технического, но в большей степени психологического и интеллектуального противодействия, отражающегося в законодательства в плане ужесточения наказания. В этом смысле необходимо учитывать фактор того, что человек разумом не воспринимает понятия дозволенного и недозволенного, а лишь только с окраской эмоционально-чувственного характера, и ужесточение наказания за такие деяния. В первую очередь, это создаст необходимый эффект предупреждения и противодействия преступлениям рассматриваемого вида, что в свою очередь можно определить как меры интеллектуального и психологического характера противодействия и предупреждения преступлений в этой сфере.

В своих работах Р.С. Белкин указывал, что предупреждение преступлений можно рассматривать в «широком смысле, как систему экономических, социально-культурных, воспитательных и правовых мер, осуществляемых органами государства в борьбе с преступностью» и более узком понимании как «специальные меры правоохранительных органов по недопущению или пресечению преступных посягательств, осуществляемые законными средствами в отношении отдельных лиц, групп и сформировавшихся преступных сообществ» [3, с. 268].

Предложенное определение предупреждения преступлений, приобретает особую значимость и актуальность при рассмотрении вопросов преступлений, связанных с деятельностью нетрадиционных религиозных конфессий, деноминаций и культов.

Предупреждение преступлений, связанных с деятельностью нетрадиционных религиозных конфессий, деноминаций и культов должно осуществляться путем формирования психологической устойчивости поведения, то есть сопротивляемости воздействию трудных ситуаций и силе убеждения со стороны другой личности о решении всех проблем и разрешении трудностей. Формированию психологической устойчивости личности способствует осмысление системы духовных и культурных ценностей, что достигается посредством разъяснительной работы органов государственной власти и управления, образовательных учреждений и представителей традиционных религиозных конфессий и деноминаций. В общем виде психологическую устойчивость можно обозначить только в сравнении с ее антиподом – неустойчивостью.

Поведение психологически устойчивой личности осуществляется в актуализации мотива, с последующим осуществлением своих действий, ведущих к его реализации,

осознание трудностей, возможно возникающих в процессе реализации и проявление на этот фактор негативных эмоциональных реакций, способствующих поиску способа преодоления возникших трудностей и осознанное понижение силы отрицательных эмоций влекущих улучшение функционирования. Поведение, характеризующееся психологической неустойчивостью, отличается хаотическим поиском выхода и соответственно усугублением осознаваемых трудностей ведущих к возрастанию негативных эмоций и ухудшению функционирования, способности к осознанию трудности и понижение мотивации. Проблема в поведенческой реакции, как прослеживается из представленной схемы, начинается с позиции испытания человеком негативной эмоции и хаотичности поиска выхода из сложившейся трудной ситуации. Именно в момент, когда человек, испытал определенный спектр негативных эмоций, происходит слом в системе ценностей, то есть утрата относительно устойчивых убеждений, усугубление трудностей и новый всплеск негативных эмоций, что еще больше способствует снижению мотивации и влечет, в конечном счете, искаженную религиозность, проповедуемую нетрадиционными религиозными конфессиями и культурами деструктивного характера. Человек может присоединиться к нетрадиционной религиозной конфессии, деноминации и культу, вне зависимости от угрозы какой-либо опасности. Это происходит, в силу того, что понимание опасности, в том числе общественной, противозаконности деятельности приходит после приобретения личного опыта вследствие испытания страха, например наказания, смерти и пр. Изначально нетрадиционная религиозная конфессия или культ привлекают человека в связи ухудшения у него функционирования и снижения мотивации, хаотического поиска выхода из сложной для него ситуации, разрешение которой и удовлетворение его потребностей обещает конфессия или культ. Осознание, что человек участвует в деятельности нетрадиционной религиозной конфессии, деноминации или культа, приходит после столкновения с каким-либо действием, прямо указывающим на преступное или противоречащее основным ценностям.

В этом плане целесообразно в процесс предупреждения, расследования и разработки мер противодействия рассматриваемого вида преступлений, включать специалистов, ученых соответствующего правового, религиоведческого и психологического профиля, имеющих стаж профессиональной деятельности, а также использовать последние достижения соответствующих наук (например, создание психологического профиля вероятного преступника, который способен прогнозировать возможные поведенческие реакции лиц, проходящих по конкретным уголовным и оперативным делам). Кроме того, на законодательном уровне, необходимо определить запрет на возможность участия в предупреждении и противодействии преступлениям, связанным с деятельностью нетрадиционных религиозных конфессий, деноминаций и культов, общественным и неправительственным организациям и объединениям, вне зависимости от их профиля деятельности. Это обусловлено тем, что общественные объединения и неправительственные организации действуют в соответствии с выполнением социально-значимых проектов, при этом их деятельность не может отвечать требованиям профессионализма в определенной отрасли, а лишь выражает и провозглашает социальные тенденции. Организация общественной дискуссии, не подтвержденных научными исследованиями, не обоснованных и не аргументированных на тему деятельности религиозных организаций, в том числе нетрадиционной направленности, способствует созданию социального напряжения и вероятного конфликта в социуме, т.е. влечет негативные последствия для процесса расследования, и в большей степени для предупреждения

дения и противодействия преступлениям, связанным с деятельностью нетрадиционных религиозных конфессий, деноминаций и культов.

Особое значение в предупреждении преступлений, связанных с деятельностью нетрадиционных религиозных конфессий приобретает роль традиционных, мировых религий, действующих в целях удовлетворения духовных потребностей человека. Одной из причин исповедания личностью нетрадиционного культа является отсутствие духовной поддержки и наставления в культуuroобразующей религиозной организации этнической группы, добросовестное заблуждение в основных догматах веры либо религиозное невежество. В данном случае представители духовенства мировых религий должны более внимательно и сопричастно относиться к потребностям своих адептов, и оказывать содействие в разъяснении последствий деятельности религиозных организаций нетрадиционной направленности. Практические исследования выявили факт, что в большинстве случаев, нетрадиционные религиозные конфессии, деноминации и культы оказывают существенные услуги нуждающимся лицам, помогая разрешить их проблемы, в том числе материального характера. Это вводит в заблуждение людей и, в последствии, способствует к понуждению действовать в интересах, нетрадиционной религиозной конфессии и культа, умышленно искажающего такие конституционные права человека, как свободу его выбора, собственность, честь и достоинство, здоровье и жизнь. Таким образом, необходимо дифференцировать подход к пониманию определений в методике расследования преступлений, связанных с деятельностью нетрадиционных религиозных конфессий, деноминаций и культов. Это представляется эффективным инструментом не только для законодательного регулирования, но и способствует эффективной оперативно-следственной и судебной практике. Использование понятия предупреждения преступлений, связанных с деятельностью нетрадиционных религиозных конфессий, деноминаций и культов, является в большей степени научным, информативным, предусматривающим комплекс мероприятий правового, воспитательного, культурно-исторического, образовательного и психологического характера. При этом, под мерами воспитательного и культурного характера необходимо понимать не только ценность культурно-исторического, но и религиозного наследия.

Правовые меры противодействия должны проявляться в ужесточении наказания за совершение преступлений, связанных с деятельностью нетрадиционных религиозных конфессий, деноминаций и культов, а также введения правовой и религиоведческой цензуры не только на религиозную деятельность, нетрадиционных конфессий, деноминаций и культов, но и религиозно-культовую, мистическую и иную литературу, распространяемую в средствах массовой информации и литературных изданиях.

Образовательные меры предупреждения преступлений рассматриваемого вида это религиоведческая просветительская работа в учебных заведениях, где психологический характер предупреждения носит специфический характер и может применяться в пределах уже проявленных преступных фактах, с одной стороны, как реабилитационная мера в отношении пострадавших от деятельности нетрадиционных религиозных конфессий, а с другой, привлечением специалистов-психологов с целью использования в процессе расследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – 5 изд. М. : Изд-во полит. литературы, 1987. – 588 с.
2. Дворкин, А. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования / А. Дворкин. – 3 изд., перераб. и доп. – Ниж. Новгород : Христианская библиотека, 2006. – 813 с.
3. Криминалистика : словарь-справочник. – М. : Юристъ, 1999. – 268 с.

Arenova L.K. Criminal Meaning of Special Notions in the Practice of Caution and Crossing of Crime, Connected with the Activity of Non-conventional Religious Confession, Denominations and Cults

The inadmissibility of activity contagion of non-conventional religious organizations among those having the signs of religious extremism and terrorism is the priority direction of state body activity not only in the Republic of Kazakhstan but adjoining states and in the world community as a whole. Such form of religious activity is rather a new phenomenon in Kazakhstan society. It determines the raising of topical questions of theoretical and practical character, understanding the essence of religion, the forms of permissibility of its contagion, working out of scientific recommendations of applied character directed to detection, revealing, investigation and crime prevention as well as elaboration of measures to resist the considered type of social-dangerous actions. Religion as a special form of public conscience calls for taking peculiar measures to prevent crimes in religious sphere and elaborating measures of psychological and intellectual character. Besides, the process of crime revealing, detection and investigation, connected with the activity of non-conventional religious confessions, denominations and cults has its own specific features and conditions for effective law-enforcement and judicial activity.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 14.02.2012

УДК 321.01

С.В. Решетников, Т.С. Решетникова

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД КАК СОВРЕМЕННАЯ АНАЛИТИЧЕСКАЯ МЕТОДИКА

Цель статьи – определение концептуального содержания функционального подхода как направления политической науки, а также его методологического и аналитического инструментария исследования общественной политики. В статье рассматривается сущность концепции политического функционализма, методологии и технологий анализа общественной политики, предлагаются определения понятий «функциональный подход», «функциональный анализ», «общественная политика». Авторы раскрывают специфику функционального подхода применительно к политической науке, демонстрируют методологическую концепцию и технологию анализа структуры процесса принятия политических решений.

Функциональный подход с одной стороны имеет серьезную теоретико-концептуальную основу, а с другой стороны – обладает инструментальным потенциалом как методика анализа общественной политики. Функциональный анализ в политической науке принимает форму методик, с помощью которых возможно исследование конкретных видов общественной политики, создание предположений по поводу формулирования и принятия эффективных политических решений. Определение функционального анализа содержит несколько ключевых характеристик:

1. Функциональный анализ является прикладным направлением, основанным на использовании инструментальных техник. Инструментализация является средством прикладной селекции методов, направленных на достижение поставленных целей.

2. Функциональный анализ применяется к решению проблем, связанных с принятием значимых политических решений по выработке и реализации направлений общественной политики.

3. Отправной точкой функционального анализа являются публично выраженные и заявленные намерения органов государственной власти.

4. Функциональный анализ позволяет исследовать действия, предпринимаемые для выполнения либо невыполнения заявленных намерений [1, с. 169–170].

Исходным пунктом функционального анализа служит утверждение: «получить правильный ответ можно лишь в том случае, если правильно поставить вопрос по проблеме, которую необходимо решить» [2, с. 270]. Иерархия функционально-аналитических методов включает: структурирование проблем, описание (дескрипцию), объяснение (экспланацию) проблем, реализацию (имплементацию) решений, политические рекомендации и практические выводы. На основе данной иерархии строятся эмпирическая, оценочная и предположительная модели.

Определяя сущность функционального анализа, М. Дубник и Б. Бардес отмечают: «Зачастую политическая проблема является частью целого комплекса проблем или системы проблем. В связи с этим нельзя решить отдельно взятую проблему вне взаимосвязи с решением комплекса проблем. С научной точки зрения каждая проблема может быть определена, классифицирована, описана, объяснена и оценена. Поэтому для функционального анализа важно отделять проблемную ситуацию от политической проблемы». М. Дубник и Б. Бардес выделяют особенности функционального анализа как аналитической методики. «1. Функциональный анализ базируется на предположении, что политический фактор опирается на ясно упорядоченные ценности. 2. Функциональный анализ реализуется в системной форме, строго дифференцируя позиции по от-

ношению к сути проблем и их потенциальным решениям. 3. Функциональный анализ используется для изучения организаций, закрытый характер которых делает трудным либо невозможным выдвинуть преобладающие формулировки проблем. 4. Критерии, используемые для идентификации проблем и их решения, чаще связаны с внешними характеристиками, нежели с базисными предположениями по концептуализации проблем. Наиболее важное значение имеет функционально-аналитический метод рекомендаций, который дает возможность продуцировать информацию насчет вероятности результатов политического курса и его последствий» [3, с. 99, 103].

Функциональный анализ выступает в различных формах. В версии под названием «простой функционализм» он основывается на классификации функций, выполняемых различными политическими акторами. Функция в этом случае выступает как синоним понятия «деятельность» (action). Актеры реализуют определенные типы деятельности, что означает выполнение определенных функций, необходимых для системы. В данной версии функционализм связан с описанием и типологией.

Вторая версия функционального анализа называется «результативность функционирования системы» и превосходит границы описания и типологии функций, делая акцент на результате (эффекте) деятельности акторов, выполняющих функции сохранения системы. Однако определение вида эффекта – стабилизирующего либо дестабилизирующего – не производится.

Третья, наиболее развитая версия функционального анализа, – «поддержка системы». В этом случае речь идет о выяснении того, каким образом деятельность тех или иных акторов влияет на сохранение стабильности всей системы либо на поддержание ее функционирования. Акцент в этой версии анализа сосредоточен на выяснении источников поддержки политической системы. Политическая система требует для своего существования определенного уровня социального консенсуса [4, с. 169–170].

Функциональное изучение общественной политики предполагает использование процессуальной перспективы. В литературе наряду с понятием «общественная политика» используются термины «государственная политика» и «публичная политика». Государственная политика есть «политический процесс управленческого воздействия институтов государства на основные сферы общества, опирающийся на непосредственное применение государственной власти как при разработке, так и при осуществлении стратегии и тактики регулирования функционированием и развитием экономики, социальной сферы и других подсистем общества посредством размещения ресурсов, распределения, перераспределения общественных благ и других мер» [5, с. 124].

В литературе часто указывается, что наличие публичной политической власти является одним из главных признаков государства и имеет принципиальный характер для любой государственной организации, в корне отличающей ее от догосударственной, первобытнообщинной [6, с. 9]. Ряд авторов (Н.А. Шматко, А.Ю. Сунгуров, Ю.А. Красин, Е.Ф. Гречнева) использует термин «публичная политика». К примеру, по мнению Н.А. Шматко, «изучение публичной политики восходит к ставшему общепринятым различию между policy (политикой как программой действий) и politics (политикой как системой взглядов)» [7, с. 106]. А.Ю. Сунгуров пишет, что «под публичной политикой можно понимать программы и приоритеты органов власти, механизмы и технологии их реализации, выработанные на основе и с учетом ожиданий социальных групп (страт) общества их представителями» [8]. «Публичность» указывает на общественные предпосылки государственной политики. В рамках политической системы конкретного государства общественные и государственные функции – это как бы ткань без шва [9, с. 221].

Е.Ф. Гречнева дает следующее определение публичной политики: это политика, которая «относится к общественному (публичному) сектору жизнедеятельности общества, и особая сфера политического исследования, особая отрасль политической науки». Е.Ф. Гречнева также считает, что категория общественной политики в отечественной науке «употребляется чаще всего тогда, когда речь идет об обществе в целом и взаимосвязи всех его сторон. Когда исследуются природа отношений между различными социальными группами, факторы и условия человеческой жизнедеятельности, чаще используется понятие социальный» [10, с. 7–8]. Е.Ф. Гречнева подчеркивает, что «общественную политику определяют чаще всего как сферу деятельности государства, как совокупность целей, задач, приоритетов принципов, стратегических программ и плановых мероприятий, которые разрабатываются и реализуются органами государственной власти с привлечением институтов гражданского общества». В научной литературе в качестве основных функций общественной политики называются: определение целей и приоритетов развития общества; разработка и планирование политической стратегии; анализ и оценка затрат по альтернативным программам и политикам; обсуждение и консультирование; выбор и принятие государственных решений; контроль и оценка исполнения; мониторинг общественного мнения [11, с. 32].

С нашей точки зрения, представляется необходимым подчеркнуть, что термин «общественная политика» означает целенаправленную деятельность центров принятия политических решений по формированию, выработке и реализации государственного политического курса с привлечением гражданского общества [12, с. 156]. Можно сказать, что категория «внутренняя политика» наиболее близка категории «общественная политика». Внутренняя политика – совокупность основных направлений деятельности государства и его институтов, нацеленных на сохранение или реформирование существующей общественной системы. Основными направлениями внутренней политики являются: экономическая политика, социальная политика, политика в области культуры. Главные принципы государственной политики определены Президентом Республики Беларусь А.Г. Лукашенко: планомерность, последовательность, постепенность и преемственность [13]. В 2005 г. был принят Закон Республики Беларусь «Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь», в котором определяются принципы, стратегические цели, основные задачи и сферы внутренней и внешней политики государства [14].

Общественная политика тогда является эффективной, если выполняет свои функции по рациональному определению целей политики и достижению ожидаемого результата. Если детально не продуманы цели политики и средства достижения, то результат может быть и не достигнут. Так, в СССР фактически оказалась безрезультативной Продовольственная программа.

Тема функциональности общественной политики является весьма важной с точки зрения связи теории с практикой. Ведущий представитель современной американской политической науки Б.Дж. Нельсон считает, что «поиски ограниченных обобщений и знаний, которые нашли бы практическое применение, представляются похвальными уже сами по себе... Еще Вудро Вильсону без особых затруднений удалось сочетать в повседневной практике исторические и философские подходы, сравнительный политический функционализм и управленческую науку». Весьма важным представляется вклад классиков бихевиорального подхода Ч. Мерриама и Г. Лассуэлла в понимание функциональных аспектов развития общественной политики. Значение работ Ч. Мерриама для развития общественной политики состоит в практических аспектах, «в том внимании, которое он

уделяет принятию решений, в его дистанцированности от чистой научности и академического карьеризма».

Итак, в чем заключается функциональность исследования общественной политики? Казалось бы, общественная политика как теория нацелена на анализ государственной политики и управления. Однако среди ученых, занимающихся теоретическими проблемами общественной политики, нет единства мнений по этому вопросу. Одни считают, что взаимодействие науки с текущим политическим процессом должно быть минимальным, и аргументируют свою позицию тем, что наука не может выдавать результаты, которые должны оперативно внедряться в политическую практику. Другие ученые утверждают, что все же лучше обеспечить политиков знаниями в области общественной политики. Для общества предпочтительнее, если бы политики были лучше осведомлены о сущности общественных проблем, их причинах и последствиях. Часто сами политики предпочитают иметь дело с готовым вариантом проектов политических решений [15, с. 535–537, 557].

Эффективность внедрения научных знаний в практику государственной политики и управления – это серьезная проблема. Подход политического деятеля, управленца является практико-ориентированным. Напротив, политолог разрабатывает теоретические подходы к выявлению причин и последствий общественной политики. Его подход является теоретически ориентированным. Управленцам нужно принимать политические решения в данный момент. Нельзя ждать, пока ученые подготовят анализ политической проблемы с выходом на практические рекомендации. Поэтому если ученый сконцентрирован на объяснении причин и последствий общественной политики с целью получения наилучшего результата, то политический деятель заинтересован в получении таких рекомендаций, которые могут быть внедрены в практику немедленно.

Б.Дж. Нельсон считает, что «функциональный подход к моделированию целого лучше всего проследить на примере исследований, направленных на объяснение политического цикла как замкнутой системы». Нельсон отмечает, что «самые крупные достижения при изучении политического цикла связаны с анализом отдельных стадий политического процесса: постановки проблемы, принятия решений, их применения, оценки и завершения» [15, с. 545]. Согласно концепции политического цикла, исследование общественной политики в ее процессуальном измерении состоит из пяти главных стадий: формирование проблем, выход проблем на политическую повестку, принятие политических решений, реализация политики и оценка политики. В целом рассмотрение этих стадий дает представление о том, как политические проблемы возникают и какие политические действия нужно предпринять, чтобы эти проблемы нашли свое решение [16, с. 103].

Итак, процесс выработки общественной политики состоит из нескольких этапов: формирования или вызревания политической проблемы; выдвижения проблем на «повестку дня» политики; принятия политических решений; исполнения принятых решений; оценки исполнения, эффективности и значения принятых политических решений [16, с. 97–103].

Первым этапом политического процесса является определение сущности проблем («выявление и формулирование политических проблем»). Политический анализ помогает определить глубину проблемы, ведь выявление сущности проблемы, ее правильное определение и формулировка позволяют точнее обозначить сущность политического процесса.

Второй этап политического процесса – выдвижение политических проблем на «повестку дня» (или «авансцену») политики. В повседневной жизни каждый человек

либо группа сталкиваются с проблемами, требующими вмешательства органов власти. Те требования, которые субъекты власти берут в расчет и предпринимают конкретные действия по их реализации, создают феномен «повестки дня» политики.

Третьим этапом политического процесса является принятие политических решений. Анализ структуры процесса принятия политических решений предполагает изучение круга субъектов-участников политического процесса. Субъектность в политике обусловлена соотношением между объективными возможностями деятельности, мотивацией и способностями субъекта, его знаниями и последовательностью в действиях. Субъектами политического процесса чаще всего выступают официальные должностные лица, законодательные и исполнительные органы власти, административные службы, а также и неофициальные участники: политические партии, группы интересов, отдельные граждане. На этапе принятия политических решений законодатели, исполнительная власть и суды принимают определенное решение в форме законодательства, правительственных распоряжений, административных норм или решений суда, в результате которых политическое решение трансформируется в административную процедуру и подлежит исполнению.

А.А. Дегтярев выделяет два основных подхода к осмыслению принятия политических решений: нормативно-прескриптивный и дескриптивно-эмпирический. Эти подходы исходят из двух противоположных способов восприятия проблемы: прескриптивный подход ориентирован на создание формальных, нормативно-оптимизированных моделей; дескриптивный – на построение эмпирически обоснованных моделей реальных практик принятия политических решений [17, с. 159].

Здесь необходимо подчеркнуть различие между процессом принятия политических решений и выработкой политических решений. Процесс принятия политических решений предполагает выбор из двух и более альтернатив. Теории принятия политических решений имеют дело с критериями и процессами, которые применяются при осуществлении выбора. Напротив, выработка политических решений – это набор последовательных действий, которые продолжаются определенный период времени и включают множество решений и действий. Таким образом, политику определяет курс действий, а не отдельное действие [18, с. 16].

Четвертый этап политического процесса – реализация (инструментализация) политических решений, связанная с управленческими технологиями. Управленческие технологии – это логическая последовательность (алгоритм) выполнения работ, определяемая функциональной структурой властных институтов. Различают следующие аспекты инструментализации управления: субъекты инструментализации, сущность административного процесса, согласие в управлении и влияние инструментализации на содержание управления.

В современных политических системах государственное управление проводится в жизнь, инструментализуется посредством сложной системы административных служб. Особенностью литературы по общественно-государственному управлению является утверждение, что политика и администрирование – отдельные, различающиеся между собой сферы деятельности [19, с. 40]. По мнению Д. Вальдо, относительно понятий «политика» и «управление» сомнения возникают по поводу «возможности и желательности четкого разделения власти или разграничения функций между принимающими решение и исполнительными органами правительства» [1, с. 186].

М.В. Рац определяет управление как деятельность, связанную с выбором направления движения и ответственную за следование к достижению поставленных целей.

Будут ли при этом выбраны цели сохранения структуры системы и поддержания режима ее функционирования – зависит от интересов, установок, ценностей, лиц, принимающих решение, и от ситуации [20, с. 134].

Политика связана с формулированием воли государства и проводится в жизнь органами законодательной и исполнительной власти. Обзор политических аспектов функционирования государственного сектора позволяет предположить, что политику невозможно отделить от процесса предоставления услуг государственными органами. Административная деятельность связана с инструментированием, выполнением воли государства. Традиционно выделяют две функции государственного управления: «политика» (Politics) и «управление» (Administration). Требования политической практики делают невозможным рассмотрение функций политики отдельно от управленческих функций, т.е. политика должна до определенной степени контролировать управление [21, с. 44, 46].

Пятым этапом политического процесса является оценка проводимой политики. Политики и администраторы руководствуются критериями выгоды, результативности при реализации конкретных программ [16, с. 102]. В монографии «Эффективность государственного управления» высказывается мнение, что «принятие более эффективных решений возможно и на политическом уровне, если выработка стратегических решений о том, сколько ресурсов и куда вкладывать, будет основана на современных методах анализа информации» [22, с. 33]. Критерии и типы политической оценки многообразны, их рассмотрению будет посвящен отдельный параграф диссертации.

Итак, функциональный анализ политического процесса общественной политики базируется, во-первых, на диагностике и описании сути политических проблем, во-вторых, на политическом объяснении, в-третьих, на выявлении инструментов реализации общественной политики (политическая инструментализация) и, в-четвертых, на оценке результатов и последствий принимаемых политических решений, благодаря которым вырабатываются политические рекомендации.

Научное исследование всегда начинается с выяснения сущности проблемы, и это есть решающая детерминанта прикладного функционального анализа. Функциональный анализ начинается с диагностики ситуации и формулировки целей по решению возникшей проблемы. Затем следует разработка возможных альтернативных действий, которые могут привести к успешному решению проблемы. Используя различные техники, аналитик оценивает стоимость, затраты по каждой из альтернатив и решает, какая из них может привести к желаемому результату. Понимание сути общественной политики подводит аналитика к попыткам объяснения, почему и с какой целью осуществляется то или иное направление политики, а также – какие результаты и последствия оно будет иметь.

Таким образом, на первой стадии функционального анализа политика принимает вид аналитических проблем, что соответствует первому этапу политического процесса – «выявление и формулирование политических проблем». Аналитик ставит вопросы: с какой целью делаются те или иные политические заявления? Каковы последствия этих заявлений и действий? Аналитические проблемы являются основанием для обеспечения процесса приобретения информации и «сырого» материала, необходимого для политических аналитиков всех уровней [16, с. 97].

Процессуальное исследование выработки общественной политики рассматривается аналитиками как эффективный подход изучения ее функций и дисфункций. Сущность дисфункции заключается в том, что понимание общественной политики должно быть освобождено от:

- 1) мифологии, т. е. выдачи желаемого за действительность;
- 2) мистифицированных представлений и ценностей, предметами которых являются общество, государство и деятельность его функционеров, реальные политические события, собственный народ и его история, а также иные народы, социальные группы и их роль в политической жизни;
- 3) так называемого «наивного реализма», легковёрности, принятия за хорошую монету декларированных ценностей и мотивов деятельности; зависимости от убеждений, полученных с помощью нерациональных техник, а также манипуляций, употребляющихся в публичном диалоге управляющих и управляемых.

Дисфункции выявляются путем применения различных критериев рациональности политической деятельности, начиная от целеполагания до достижения результатов политики:

- 1) измерение инструментальной рациональности деятельности субъектов политики: были ли в ходе принятия политических решений применены результативные (эффективные) средства;
- 2) измерение возможностей: могли ли политические субъекты, действующие в определенный период, выбрать иные цели либо иные средства их достижения;
- 3) аксиологическое измерение: позволяли ли политическая культура, общественное мнение, ментальность населения, общественная мораль, международное право выбрать именно такие средства для достижения целей.

Через функции процесса выработки и реализации общественной политики раскрывается содержание управленческой деятельности. Можно выдвинуть несколько постулатов, объясняющих функциональность управленческой деятельности:

- 1) разделение общественного труда стало основой формирования и развития функций управления;
- 2) выделение отдельных функций происходило в связи с развитием и усложнением производства;
- 3) функции управления соотносятся с имеющимися в наличии ресурсами и средствами [12, с. 155].

Определение мероприятий (действий), направленных на оптимизацию процесса управления, – содержание любой функции управления. Исследователь О.М. Маслова вводит понятие «структурно-функциональная оптимизация организации»: это обеспечение условий для выбора оптимального структурного и функционального варианта организации. Функциональная оптимизация выражается в установлении оптимального соотношения функций стабильности и развития. Автор выделяет принципы: обусловленности функций организации ее целями, обусловленности структуры организации ее функциями. Так, принцип обусловленности функций организации ее целями требует, чтобы организационные функции следовали из целей и корректировались на их основе [23, с. 16].

Специфика функционирования управленческих отношений способствует формированию целого ряда требований, помогающих принятию более эффективных решений. В группу таких требований входят: оперативность, достоверность информации, учет конкретной ситуации, конкретность итогового анализа [24, с. 23].

Функцию управления можно охарактеризовать как властное организующее воздействие субъекта управления на объект. А.М. Медведев определяет функцию как деятельность властного института, направленную на «полноценное исполнение законодательно предписанных соответствующему уровню власти полномочий, в обязательном

порядке имеющую результирующий выход, получателем которого выступает внешний для данного органа субъект (физические, юридические лица, органы власти)» [25].

Функции управления многогранны: анализ, целеполагание, прогнозирование и программирование, планирование, организация, координация, мотивация и стимулирование, коммуникация, учет и контроль. Классик теории управления А. Файоль выделял следующие функции управленческой деятельности: предвидение, планирование, организацию, координацию, контроль [26, с. 12].

Необходимо различать функции управления в целом (или функции государства), функции властных институтов и функции управленческого персонала. Функции властных институтов можно классифицировать следующим образом: политические; информационно-аналитические; нормотворческие; контрольно-надзорные; разрешительные; регистрационные; государственных услуг; распределителя и получателя бюджетных средств; государственного заказчика; управления собственностью; исполнительно-распорядительные; организации мероприятий; обеспечительные функции [27].

Т.Р. Гарр отмечает, что «наиболее очевидная функция организаций состоит в том, чтобы обеспечить своих членов типовыми и предсказуемо успешными способами деятельности для прямого ценностного удовлетворения» [28, с. 376]. Пристального внимания требует научный анализ факторов стабилизации/дестабилизации политической системы. Стабильность политической системы основана на легитимности власти, которая в свою очередь предполагает гарантии сохранения системы правления, поддержание гражданского порядка, степень адаптации правительства к социальным изменениям, удовлетворенность населения решением социально значимых проблем и в целом обеспечение эффективности управления. Политическая стабильность также означает, что политический процесс не сопровождается вооруженными конфликтами, а между различными политическими силами достигнут баланс, и ни одна из них не станет предпринимать действий, направленных на подрыв основ конституционного строя и угрозу государственности. Понимаемая таким образом стабильность не исключает изменений, реформ. Однако для их осуществления важны описанные выше условия, а главное – отсутствие в обществе нелегитимного насилия. К факторам стабилизации можно отнести поддерживаемый властями конституционный порядок; легально обоснованное и социально оправданное использование средств принуждения; соблюдение общественных традиций; выработку и проведение продуманной и эффективной общественной политики; выполнение правительством своих основных функций; наличие возможностей для социально-экономической мобильности; высокие темпы экономического развития; развитие сети политических коммуникаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вальдо, Д. Административное государство / Д. Вальдо // Классики теории государственного управления: американская школа / Д. Шафритц, А. Хайд. – М., 2003. – С. 185–190.
2. Cushman, R.F. Leading constitutional decisions / R.F. Cushman. – 15th ed. – Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1977. – 464 p.
3. Dubnick, M.J. Thinking about public policy: a problem-solving approach / M.J. Dubnick, B.A. Bardes. – New York : Wiley, 1983. – 283 p.

4. Бущик, В.В. Социальные и политические преобразования в Беларуси в постсоветский период: социол.-политол. Анализ : автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02 / В.В. Бущик; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2000. – 32 с.
5. Государственное управление и политика : учеб. пособие / А.П. Альгин [и др.] ; под ред. Л.В. Сморгунова. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2002. – 562 с.
6. Дубовицкий, В.Н. Исполнительная власть в Республике Беларусь: понятие и система органов / В.Н. Дубовицкий. – Минск : Белорус. наука, 2006. – 173 с.
7. Шматко, Н.А. Феномен публичной политики / Н.А. Шматко // Социол. исслед. – 2001. – № 7. – С. 106–112.
8. Сунгуров, А. Публичная политика и экспертиза / А. Сунгуров // Пчела [Электронный ресурс]. – 2004. – № 45. – Режим доступа : <http://www.pchela.ru/podshiv/45/public.htm>. – Дата доступа : 18.05.2010.
9. Ватыль, В.Н. Политические изменения: опыт историко-политологического дискурса / В.Н. Ватыль. – Гродно : Гродн. гос. ун-т, 2009. – 279 с.
10. Гречнева, Е.Ф. Общественная политика в системе государственного управления: учеб.-метод. пособие / Е.Ф. Гречнева, Б.Я. Мигас. – Минск : Мин. гос. лингвист. ун-т, 2005. – 126 с.
11. Гречнева, Е.Ф. Общественная политика и управление в Республике Беларусь : пособие для студентов юрид. фак. / Е.Ф. Гречнева. – Минск : БГУ, 2008. – 119 с.
12. Белорусский путь / О.В. Пролесковский [и др.] ; под ред.: О.В. Пролесковского, Л.Е. Криштаповича. – Минск: Информ.-аналит. Центр при Администрации Президента Респ. Беларусь, 2010. – 494 с.
13. Главные принципы государственной политики Республики Беларусь // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2001–2010. – Режим доступа : <http://www.president.gov.by/press10663.html>. – Дата доступа : 16.10.2010.
14. Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 14 нояб. 2005 г., № 60-3 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.
15. Нельсон, Б.Дж. Социальная политика и управление: общие проблемы / Б.Дж. Нельсон // Политическая наука: новые направления = A new handbook of political science / Е.Б. Шестопал [и др.] ; под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингеманна. – М., 1999. – С. 527–569.
16. Аттестацией научных работников займется Минобрнауки // ИА REGNUM [Электронный ресурс]. – 1999–2010. – Режим доступа : www.regnum.ru/news/polit/1302249.html. – Дата доступа : 07.07.2010.
17. Дегтярев, А.А. Методологические подходы и концептуальные модели в интерпретации политических решений (I–III) / А.А. Дегтярев // Полис. – 2003. – № 1. – С. 159–170; № 2. – С. 164–173; № 3. – С. 152–163.
18. Публичная политика: от теории к практике / сост. и науч. ред.: Н.Ю. Данилова, О.Ю. Гурова, Н.Г. Жидкова. – СПб. : Алетейя, 2008. – 355 с.
19. Решетников, С.В. Теория процесса принятия управленческих решений / С.В. Решетников. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2003. – 150 с.
20. Рац, М.В. Политика и управление / М.В. Рац // Полис. – 2010. – № 3. – С. 132–143.

21. Шафритц, Д. Классики теории государственного управления: американская школа / Д. Шафритц, А. Хайд. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2003. – 799 с.
22. Эффективность государственного управления / общ. ред. С.А. Батчикова, С.Ю. Глазьева. – М. : Фонд «За экон. грамотность», 1998. – 842 с.
23. Маслова, О.М. Структурно-функциональный анализ организации и управления : автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.08 / О.М. Маслова; Белгород. гос. технол. акад. строит. материалов. – Белгород, 1996. – 18 с.
24. Оперативные социологические исследования: методика и опыт организации / Д.Г. Ротман [и др.] ; под ред. Д.Г. Ротмана [и др.]. – Минск : БГУ, 2001. – 353 с.
25. Медведев, А.М. Методика проведения функционального анализа деятельности исполнительных органов государственной власти / А.М. Медведев // Административная реформа в Российской Федерации [Электронный ресурс] / М-во экон. развития Рос. Федерации. – 2009. – Режим доступа : <http://www.ar.gov.ru/common/img/uploaded/files/Methodology.doc>. Дата доступа : 16.10.2010.
26. Управление – это наука и искусство: сборник / сост. Г.Л. Подвойский. – М. : Республика, 1992. – 351 с.
27. Методика проведения функционального анализа деятельности исполнительных органов государственной власти. Проведение горизонтального функционального анализа в органах исполнительной власти субъектов РФ // Административная реформа в Российской Федерации [Электронный ресурс] / М-во экон. развития Рос. Федерации. – 2009. – Режим доступа : www.ar.gov.ru/ru/about/assistance/donors/projects_programms/metodes/?id4=662&i4=3. – Дата доступа : 16.11.2009.
28. Гарр, Т.Р. Почему люди бунтуют / Т.Р. Гарр. – СПб. [и др.]: Питер: Питер принт, 2005. – 460 с.

Reshetnikov S.V., Reshetnikova T.S. Functional approach as a modern analytical methodology

The purpose of the article is revealing of essence of the functional approach frameworks of a political science, its methodology and analytical instrumentality. The article deals with the essence of the concept of political functionalism, methodology and technologies analysis of public policy, determining the concepts «functional approach», «functional analysis», «public policy». The author's reveal the specificity of the functional approach in political science, demonstrate the methodological concept and analytical technologies of policy making.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію

УДК

Н.П. Денисюк, А.П. Мельников

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА НОРВЕГИИ

Статья посвящена рассмотрению политической культуры Норвегии. Значительное внимание уделяется историческим и политическим детерминантам политической культуры, специфическим чертам национального характера норвежского народа, их влиянию на политический менталитет. Основное внимание автор сосредотачивает на раскрытии особенностей политической культуры норвежского общества.

Реальным воплощением политической культуры Норвегии является ее политическая система, весь исторический опыт страны, неразрывно связанные с особенностями национальной психологии, национального менталитета народа. Норвежский национальный характер отличается выдержанностью, уравновешенностью, человеческой простотой и демократичностью. Как писала бывший председатель Стортинга Норвегии Кирсти Коллс Грёндал, «норвежцы не склонны к поспешным и необдуманным действиям» [1, с. 14]. По ментальности норвежцы близки своей суровой природе. В их характере сквозит холодная сдержанность, неразговорчивость и даже некоторая суровость. Эта сдержанность на первый взгляд кажется чуть ли не нелюдимостью, особенно если учесть характеристики вроде тех, что «норвежец сочтёт удачной лесную прогулку, если не встретит ни одного человека» [2, с. 118]. Но это стремление к уединению, нелюбовь к суете и степенность свидетельствуют скорее об интровертности, склонности к размышлениям, стремлении отдохнуть душой и уберечь свой внутренний мир от непрошенных посторонних вторжений. Норвежцы умеют выделять в жизни главное и отбрасывать второстепенное, не нервничая по пустякам. В целом для них характерен здоровый образ жизни, гуманность общественных отношений, в том числе и политических.

Норвегия – страна с высокой политической культурой, основанной на принципах свободы, порядка и демократии. Именно эта политическая культура имеет определяющее значение для формирования благоприятной социальной среды, способствующей наиболее полному, нестеснённому развитию человеческой личности.

По форме правления Норвегия является конституционной монархией. Согласно действующей Конституции, престолонаследие передаётся по прямой линии независимо от пола. У короля сохранились формально достаточно широкие полномочия. Он назначает Государственный совет, включая премьер-министра, утверждает законы, объявляет войну и заключает мир, является главнокомандующим Вооружёнными силами и главой государственной церкви.

Законодательная власть осуществляется парламентом – Стортингом, состоящим из 165 депутатов, избираемых всеобщим равным и тайным голосованием по пропорциональной системе на 4 года. На первой сессии Стортинга парламентарии выдвигают из своего состава 1/4 депутатов, образующих палату – Лагтинг, являющуюся высшим совещательным органом, остальные депутаты составляют палату Одельстинг.

Исполнительная власть формально принадлежит королю, который, как уже было сказано, назначает Государственный совет (правительство), формируемый, как правило, из партий парламентского большинства. Вся полнота исполнительной власти на практике принадлежит правительству, возглавляемому премьер-министром. Правительство несёт коллективную ответственность за проводимую политику, хотя каждый министр имеет право публично выражать несогласие по тому или иному вопросу. Чле-

ны кабинета министров утверждаются партией большинства или коалицией в парламенте. Они могут участвовать в парламентских прениях, но не имеют права голоса. Посты государственных служащих предоставляются после прохождения конкурсных экзаменов [3, с. 346].

Управление в провинциях (фюльке) осуществляет назначаемый королём фюлькесман (губернатор), при котором существует фюлькестинг (областной совет), состоящий из председателей советов сельских и городских коммун. В каждой коммуне имеется выборный орган местного самоуправления – собрание представителей.

В соответствии с традициями норвежской политической культуры Стортинг не является источником дополнительных благ и привилегий. Депутатам предоставляется скромная зарплата, бесплатный проезд общественным транспортом к своим избирательным округам, временная квартира в Осло и небольшой офис со скромным оборудованием. Каждый депутат имеет персональный компьютер и должен уметь им пользоваться. «Это не только потому, что технического персонала и секретарей не так много, – говорит Грёндал, – это осознанная традиция, предполагающая, что Стортинг – не место, где депутаты царствуют, а штат правит. В основном депутаты сами работают над проектами и текстами и хотели бы работать так и дальше» [4, с. 14–15].

Особенности политической культуры Норвегии во многом связаны с тем, что доминирующую роль в социально-культурном и экономическом развитии страны играет основной институт политической системы – государство. Оно является собственником значительной части национальных богатств. Правительство контролирует ключевые секторы экономики, в частности, жизненно важную нефтедобывающую отрасль, а также другие отрасли, природные ресурсы и эффективно использует их для экономического прогресса и человеческого развития [5, с. 454].

Одним из движущих сил социально-культурного развития Норвегии является эффективная, гуманистически ориентированная социальная политика государства. Важное место в ней занимают системы здравоохранения, социального и пенсионного обеспечения. Эти системы призваны компенсировать снижение доходов в связи с потерей работы, отпуском по беременности и родам, уходом за ребёнком, болезнью и телесными повреждениями, нетрудоспособностью, пенсионным возрастом и смертью. В тех случаях, когда обычного частного или государственного обеспечения оказывается недостаточно, малоимущим и особо нуждающимся выплачивается социальная помощь. Она финансируется из коммунальных бюджетов, а социальные выплаты в рамках социального и пенсионного обеспечения – из страховых отчислений работающих по найму, налога, уплачиваемого работодателями. Значительная часть помощи формируется из государственных дотаций, получаемых в результате сбора налогов, пошлин и нефте- и газодобычи на континентальном шельфе. Часть доходов от нефтедобычи инвестируется в специальный фонд, предназначенный для социальных выплат в будущем. Это еще раз подчёркивает особенности норвежской политической культуры, неотделимой от заботы о благосостоянии будущих поколений. Особое значение в Норвегии придаётся обеспечению полной занятости, приверженности «принципу всеобщности» – распространению услуг государства на всех сограждан, а не только на малоимущих и особо нуждающихся. Эта страна традиционно характеризуется равномерно распределённой среди её населения собственностью, в течение многих лет она остаётся высоким эгалитарным и относительно однородным обществом.

Одним из выражений демократической культуры в Норвегии является реальное гендерное равноправие её граждан. Начиная с 1913 г. в стране постепенно развивалась

система социального обеспечения женщин, улучшались возможности получения ими образования и возрастало их участие в профессиональной и политической жизни. В 1978 г. был принят закон о равноправии между полами. Сегодня молодые женщины в Норвегии имеют более высокое образование, чем мужчины, и количество женщин, желающих получить высшее образование, превышает количество мужчин. Норвежские женщины играют значительную роль в норвежской внутренней и внешней политике, в области охраны окружающей среды и здравоохранения. Женщинам принадлежит около 40% мест в правительстве и парламенте. В 1993 г. в Норвегии женщина впервые заняла должность епископа.

Главным регулирующим инструментом правящей элиты в Норвегии стали политические инициативы, разработка и проведение практической программы социально-экономических, либерально-монетаристских и социал-реформистских мероприятий. В процессе исторического развития выработан национально-демократический консенсус в отношении капитала – обязательный, непреременный контроль вне зависимости от его национальной принадлежности. Как уже отмечалось, характерной чертой является масштабный государственный сектор и его активное участие в социально-гуманитарном развитии.

В результате успешного развития Норвегия сегодня является одной из высоко-развитых стран мира, бастионом социально-ориентированного капитализма, «государством всеобщего благосостояния». Благодаря научно обоснованной государственной политике, эффективной организации управления в Норвегии получили гармоничное развитие образование, наука и высокие технологии, экономика и финансы, информация и печать, искусство и другие социальные институты и формы духовной и материальной культуры. Для современной жизни норвежцев характерна высокая культура быта и потребления, межличностных отношений, производственная, правовая, интеллектуальная и политическая культура. Интегральным показателем национальной культуры норвежцев является разумный, цивилизованный образ жизни, основанный на традициях высокой человеческой этики и демократического права, поддерживаемый гуманистической социальной политикой государства.

Однако путь к этому образу жизни и высокой политической культуре не был простым и лёгким. Политическое объединение страны произошло около 900 года, с этого времени началась христианизация Норвегии, череда борьбы норвежских королей с соседними странами. В 1397 г. по условиям Кальмаровской унии Норвегия объединилась со Швецией и Данией под эгидой датских королей, однако с 1537 г. она уже оказалась провинцией Дании. В 1814 г. решением антинаполеоновской коалиции Норвегия была отнята у Дании и передана Швеции за её заслуги в войне против Наполеона. Норвежское население отказалось признать присоединение к Швеции. Протест норвежцев перерос в борьбу за независимость.

В этот период Норвегия постепенно втягивалась в русло социально-культурного развития Европы. Характерным для этого этапа был двуединый процесс. Самобытные народные культуры отдельных народов, их социальный опыт оказывали благотворное влияние на всё европейское культурное пространство. Одновременно в ходе этого процесса происходило становление национальных культур европейских народов. Это был период формирования и развития новой, демократической культуры во всей Европе, начало которой было положено революционными политико-культурными преобразованиями, вызванными к жизни ещё эпохой Реформации и Возрождения. Реформация положила конец власти римской католической церкви в Норвегии в стране было введе-

но лютеранство. Культурные достижения элиты с течением времени демократизировались и становились достоянием широких слоёв населения. Борьба норвежского народа за независимость привела к тому, что 17 мая 1814 г. на Учредительном собрании в Эйдеволле была провозглашена конституция независимого норвежского государства (Эйдевольская конституция). Однако Швеция, пользуясь поддержкой великих держав, военной силой принудила летом 1914 г. Норвегию пойти на унию под верховной властью шведского короля, хотя и с широкой внутренней автономией.

Кстати, небезынтесная деталь – необыкновенная судьба этого короля. В юности он был простым солдатом армии французской революции, Бернадотом. Затем стал наполеоновским маршалом, а умер королём Швеции и Норвегии под именем Карла XIV Юхана. Когда перед погребением обмывали его тело, придворные с ужасом прочитали надпись, вытатуированную ещё в юности на груди «почившего в бозе» монарха: «Смерть королям!» [6, с. 200]. Заблуждения молодости, так сказать.

Хотя Норвегия вынуждена была вступить в унию со Швецией, тем не менее XIX век ознаменовал новый этап в её политико-культурном развитии. В этот период, наряду с социальными реформами, в Норвегии происходил процесс широкой индустриализации и урбанизации, поднявший на новую высоту её материальную культуру, служившую экономической основой благосостояния норвежского народа. В 70-х годах здесь возникли первые политические партии и профессиональных союзы. Первой в Европе Норвегия ввела в 1860 г. бесплатное и обязательное обучение детей в возрасте от 7 до 14 лет.

На пике общественного подъема, вызванного борьбой за независимость в 1905 г., Норвегия расторгла унию со Швецией, объявила себя самостоятельным государством и на референдуме в этом же году вновь была выбрана монархическая форма правления с конституцией и парламентом.

Норвегия не случайно стала родиной эксперимента по модернизации древнего института монархии. Веками связанная унией то с Данией, то со Швецией, она не могла иметь собственной монархической традиции. После обретения независимости она стала королевством: таким был выбор народа. Королём был избран представитель датской династии Глюксбургов Карл, принявший имя Хокон VII. Изначально предполагалось, что это будет народная монархия. Члены королевской семьи должны блюсти скромность, не выставлять богатство и роскошь напоказ и вообще стремиться быть ближе к своим подданным, даже в личной жизни. Так и получилось; в отличие от других стран, где женитьба на женщинах простого звания оборачивалась для королей потерей титула, норвежские короли успешно совмещали любовь с долгом. Например, нынешний король Харальд V женился на дочери конторского служащего и сделал её королевой Сонеи, которая сумела доказать своим недоброжелателям, что стать достойной королевой можно и без аристократической родословной. Примеру норвежского короля последовали монархи Швеции, Дании и Нидерландов.

С XX в. начинается подлинный расцвет демократической культуры в независимой Норвегии, воплотившей в себе традиционную норвежскую самобытность и общечеловеческие ценности гуманистической культуры, социально-культурный опыт развития прогрессивного человечества с начала XX в. Развитие Норвегии во многом определялось социальной средой – социальной структурой общества, политической системой, для которой была характерна атмосфера человеческой свободы и социальной справедливости. В Норвегии никогда не существовало крепостного права. Крестьяне испокон веков сохраняли личную свободу, здесь отсутствовал монархический абсолютизм. Это

предопределило в дальнейшем специфические атрибуты государственной власти и глубинные черты национальной политической культуры.

Мировой экономический кризис 1930-х годов, затронувший и Норвегию, способствовал тому, что в 1935 г. в стране впервые к власти пришла Норвежская рабочая партия (НРП), которая правила страной вплоть до Второй мировой войны и немецкой оккупации.

После войны находившиеся попеременно у власти буржуазные и социал-демократические правительства, демонстрируя высокую политическую культуру и принципы социальной справедливости, толерантности, своей деятельностью способствовали поддержанию внутренней стабильности в стране, отвечающей общенациональным интересам. За сравнительно короткий исторический срок Норвегия из беднейшей окраины Западной Европы превратилась в процветающее государство, вошла в число самых преуспевающих стран, лидирует по качеству жизни населения, большинству ключевых социальных параметров. Свобода и независимость, высокая политическая культура обернулись универсальным генератором социального прогресса.

Само собой разумеется, нельзя сбрасывать со счетов и другие причины. Среди слагаемых успеха можно назвать природные богатства, прежде всего нефть, железную руду, лес и т.д. Однако подобные богатства имеются и у других стран, но аналогичного успеха те не достигли. К тому же следует учитывать, что Норвегия расположена не в лучших климатических условиях. Треть территории страны лежит к северу от Северного полярного круга. Следовательно, причина успеха – в менталитете народа, политической культуре общества, ответственном и умном руководстве страной.

В Норвегии установился своеобразный баланс между социальными и политическими силами. Специфическому социально-классовому согласию способствовала действующая так называемая двухполюсная партийно-политическая система, которая подвергается эрозии в последнее время. На одном полюсе находится социал-реформистская «Норвежская рабочая партия» (НРП) и левые социалисты – «Социалистическая левая партия» (СНП); на другом – все правоцентристские буржуазные партии: консервативная партия «Хёйре» и либеральная «Венстре», к которым примыкают «Партия центра» (ПЦ), «Партия прогресса» (ПП) и «Христианская народная партия» (ХНП).

Норвежская рабочая партия продолжает сохранять сильные позиции. Её курс – функциональный социализм – управление собственностью, а не просто формальное обладание ею. Опираясь на кейнсианскую концепцию, социал-демократы уделяют большое внимание планированию, уровню инвестиций, повышению эффективности производства. Не случайно Норвегию, как и Швецию, называют образцом реального воплощения идеалов социал-демократии. На выборах, состоявшихся в 2009 г. победу вновь одержала левоцентристская коалиция, в состав которой вошли «Норвежская рабочая партия», «Социалистическая левая партия» и «Партия центра» [7].

Между социал-демократами и правоцентристскими партиями Норвегии никогда не существовало непримиримых противоречий. Здесь фактически сложилась и функционирует корпоративная система принятия решений, причём роль координатора в этой структуре (государство – профсоюзы – предприниматели) взяли на себя представители властей, которые проводят курс «социального партнёрства»: заключение коллективных договоров о заработной плате и других условиях труда, деятельности трудовых судов, улаживании трудовых конфликтов. Ведущими звеньями системы партнёрства являются, с одной стороны, объединения предпринимателей, с другой – Централь-

ное объединение профсоюзов Норвегии. Всё это ещё раз подтверждает своеобразие социально-политических отношений в этом государстве.

Норвегия, хотя и небольшая страна, но в силу своего географического положения и зависимости от мировой торговли, проводит активную внешнюю политику, является членом многих международных организаций. Ей принадлежит ведущая роль в международных усилиях по охране окружающей среды. Эта роль проявляется в различных областях деятельности государственных органов власти и неправительственных организаций страны. Значительный вклад в это дело внесла бывший премьер-министр Гру Харлем Брундтланд, известная своей активной деятельностью в Комиссии ООН по окружающей среде и устойчивому развитию.

Каков внешнеполитический имидж Норвегии в целом? Существует официальное международное определение имиджа государства, предложенное Всемирной организацией по туризму. Авторы этой дефиниции делают акцент на совокупности «эмоциональных и рациональных представлений, вытекающих из сопоставления всех признаков страны, собственного опыта и слухов, влияющих на создание определённого образа» [7, с. 53].

Применительно к внешнеполитическому имиджу у каждой страны имеются легкоузнаваемые символы – образы из различных сфер общественного бытия. Норвегия ассоциируется, прежде всего, с именами композитора Грига, драматурга Ибсена, писателя Гамсуна, Нансена – исследователя Арктики и Тура Хейердала – этнографа и археолога, не раз пересекшего с научной целью Тихий океан на плотках «Кон-Тики», «Ра» и «Тигрис». Некоронованной королевой экономической жизни этого государства является нефть, а также ель (лесные богатства) и треска (рыболовство). Однако главный брэнд страны – социальный мир, социальная справедливость, высокий уровень и качество жизни, удовлетворенность жизнью людей. От имиджа государства в значительной степени зависят эффективность и успех его внутренне- и внешнеполитического курса.

Проводя активную внешнюю политику, Норвегия тем не менее, подобно Швейцарии с Исландией, упорно остаётся вне Евросоюза, будучи при этом тесно интегрированной с ним. По этому вопросу в стране проводились многочисленные дискуссии. Норвежские правительства, в разное время возглавляемые различными политическими силами, четыре раза подавали и отзывали заявку на вступление в ЕС, дважды проводился референдум по этому вопросу (в 1972 и в 1994 гг.). Общество, по сути, раскололось на сторонников и противников интеграции, но большинство норвежцев всё же сказали «нет» вступлению в Европейское сообщество. В этом также проявляется своеобразие политической культуры этой страны.

Дискуссии о членстве Норвегии в ЕС во многом касались вопроса о сохранении норвежской национальной идентичности и её культурных особенностей. Противники вступления обосновывают свою позицию необходимостью сохранения уникальности норвежского общества и норвежской культуры, для которой характерны такие особенности, как политика развития регионов, эффективное социальное обеспечение, сохранение различных форм норвежского языка, система поддержки национальной литературы, которые в случае вступления в Европейское сообщество в условиях всеобщей нивелировки и стандартизации образа жизни прекратили бы своё существование. Тем не менее, на основе общих интересов Норвегия сотрудничает с Европейским Союзом. Она присоединилась к соглашению о Европейском экономическом пространстве, что заложило основу тесного сотрудничества в таких областях, как образование, научные исследования и охрана окружающей среды, обеспечило норвежским компаниям равные условия конкурен-

ции с предприятиями стран ЕС. В настоящее время около 80% норвежского экспорта товаров и услуг приходится на страны Европейского сообщества.

Таким образом, менталитет народа, его политическая культура могут оказывать огромное влияние не только на организацию политической системы общества, но и на все сферы общественной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грёндал, К.К. Прошлое и настоящее норвежского парламента / К.К. Грёндал // *Международная жизнь*. – 1997. – № 5. – С. 11–17.
2. Кандель, П. Малое прекрасно? / П. Кандель // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2009. – № 10. – С. 116–118.
3. Страноведение : справочник : в 4 т. / Сост. В.Г. Гавриленко. – Минск : Право и экономика, 2010. – Т. 3. – 658 с.
4. Грёндал, К.К. Прошлое и настоящее норвежского парламента / К.К. Грёндал // *Международная жизнь*. – 1997. – № 5. – С. 11–17.
5. Все страны и территории мира : Новый географический справочник ЦРУ. – Екатеринбург : У – Фактория М : АСТ МОСКВА, 2009. – 768 с.
6. Фиш, Г.С. Скандинавия в трёх лицах : в 2 кн. / Г.С. Фиш. – М. : Советский писатель, 1969. – Кн. 1. – 452 с.
7. Парламентские выборы в Норвегии (2009) [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа : <http://ru.wikipedia.org/w/index.php?title>. – Дата доступа : 05. 09. 2011.

Denisuk N.P., Melnikov A.P. Political culture of Norway

The article is devoted to the political culture of Norway. It focuses on the historical and political determinants of political culture, specific features of the national character of the Norwegian people and their influence on political mentality. The main attention is paid to the peculiarities of the political culture of the Norwegian community.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 17.10.2012

УДК 808.26-541.2

В.И. Сенкевич

ТЕКСТОВЫЕ ЕДИНИЦЫ И ДИСКУРСИВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ЯЗЫКА/РЕЧИ

Исследование продуктов и произведений речевой деятельности допускает фундаментальное противопоставление единиц и элементов, связанных соответственно с разграничением понятий «множества» и «величины». Интерпретированные в категориях «этическое» и «эмическое» номинативные единицы разнятся дескриптивным и прескриптивным статусом. Дескриптивные названия противопоставляются прескриптивным именам коллективных и единичных субъектов права. Последними создаётся институциональная реальность, где ключевую роль играют деривационные механизмы, регламентирующие деятельность и поведение членов социальных коллективов. Институциональный подход к продуктам деривации открывает перспективу рассмотрения функциональных элементов и номинативных единиц речевой деятельности в экономических категориях ценности и стоимости.

Введение

Язык как система знаков и важнейшее средство человеческого общения отражает универсум – всё присутствующее в действительности и отражённое языковым сознанием. В такой трактовке за основу берётся когнитивным определением языка – универсального знания о действительности. Однако когнитивная сторона языка и основанная на ней коммуникативная функция – это всего лишь видимая часть языкового айсберга. Язык не только средство общения и системный механизм, но и технологически выверенный инструмент культуры и техники. Так, культурологическая теория О. Есперсена о том, что человеческий язык зарождался, когда люди ухаживали друг за другом, является одной из полюбившихся теорий, касающихся происхождения языка. «Развитие языка нужно искать не в прозе, а в поэтической стороне жизни. Источник речи – это не печальная важность, а весёлая игра и живая весёлость. В первобытной речи я слышу смеющиеся крики ликования, когда юноши и девушки соперничали друг с другом, чтобы привлечь внимание другого пола, когда все пели самое весёлое и танцевали самое смелое, чтобы соблазнить, чтобы кинуть восхищённые взгляды в сторону другого человека. Язык зарождался в период ухаживаний» (Отто Есперсен).

Разграничение в языке аспекта культурологического и всего, что привнесено в него цивилизацией актуальнейшая лингвистическая задача, решение которой опирается на исходные методологические посылы. В качестве подобной посылки может быть рассмотрена, с нашей точки зрения, идея о противопоставлении системного и иерархического плана/аспекта языка и речевой деятельности.

1. Элементы и множества

1.1 Элементы относятся к множеству. Примеры множеств: *множество городов, множество натуральных чисел, множество учащихся 7 классов, множество пчел на клумбе во дворе, множество двоек в дневнике Петрова* и т.д. Местоимение *всё*, будучи самым общим словом в языке, обозначает универсальное множество элементов – универсум: «*это всё*», «*всё это*». Относительно множеств бытуют знания, воспроизводимые, как правило, в обыденном дискурсе при характеристике или оценке определённого положения вещей. Так, о множестве, обозначенного местоимением *всё*, носители языка знают: *Всё относительно. Всё имеет свойство кончаться. Всё познаётся в сравнении. Всё изменяется. За всё надо платить. Всему своё время. Всё пройдёт. Всё будет хорошо; «Всё будет хорошо!»* – художественный фильм режиссёра Дмитрия Астрахана,

снятый в 1995 году. На протяжении фильма герои часто говорят: «Все будет хорошо». Вот она, ключевая фраза, которая вселяет надежду, дарит уверенность в завтрашнем дне, фраза позволяющая мечтам реализовываться (<http://www.kinopoisk.ru/>).

Элементы множества характеризуются регулярностью (правильностью), расположены дискретно (раздельно), используются для счёта и имеют соответствующие свойства. Языковым квантором регулярности выступает в языке местоимение каждый. Так, во множестве «Кирпичи» каждый элемент имеет все свойства других элементов. Относительно элементов множества можно сказать, что «все они на одно лицо», «все они такие». Множеством называется равенство (отношение) соответствующих друг другу элементов. Множеству свойственны отношения порядка. Если задать определённое множество упорядоченным по алфавиту списком, то в нём каждый расположенный отдельно элемент имеет своё место. Присутствовать на своём месте – основное условие отношений порядка.

В любом множестве каждый элемент дан «как таковой (такой)» – имеет свойства, выводимые из его отношений с другими элементами. Каждый элемент может быть определён – получить характеристику. Местоимение *такой* указывает на определение – *такой, который...*; *такой, какой...*, т.е. предполагает определённую характеристику (оценку) предмета (лица); нередко с усилением: *Каков я прежде был, таков и ныне* (Пушкин). *Она такая красивая, такая важная, такая хорошая, такая аккуратная, а он высокий такой – оба такие милые* (Из разговора). *Общее мнение о Белецком было то, что он милый и добродушный малый. Может быть, он и действительно был такой* (Л. Толстой. Казаки). Из характерных признаков складывается образ предмета (лица) – его видение другими. Не случайно как обобщение используется сочетание: *таким образом*.

Местоимение *такое* регулярно используется с предметным «что»: *Лаврецкий не сразу понял, что такое он прочёл* (Тургенев. Дворянское гнездо). Вопрос *Что такое?* (*Кто такие?*) – это вопрос о том, что представляет собой предмет (лицо), т.е. вопрос о его его образе-представлении. Вопрос *Что такое?* имеет когнитивную направленность и предполагает логическое определение: *Что такое язык? Что такое подлежащее? Что такое сказуемое?* и т.д. *Язык – это важнейшее средство человеческого общения. Подлежащее и сказуемое – это главные члены двусоставного предложения*.

Показательным является использование местоимения *такой* в функции интенсификатора – для обозначения сильной степени свойства или усиления оценки: *Она такая умная, такая красивая...* (Из разг.); *Никогда не думал, что такая* *Может быть тоска на белом свете* (Симонов. Первый снег в окно твоей квартиры).

Языковому сознанию свойственен своеобразный тип обобщающего отчуждения по схеме «Все S есть P»: – *Усе вы такія: як знайшоў абніматку, дак забыўся й родную матку* (Кусянкоў); *Гаркуша ледзь прыкметна ўсміхнуўся. – А ўсе вы такія...* (Кусянкоў); *Усе вы хлусіце. Гаворыце адно, а робіце другое. Мой бацька таксама дома маці кляўся... І ты такі, усе вы такія, я нікому з вас не веру* (Гаўрылкін).

Всему можно дать определение и обо всём сформировать представление. Каждый предмет (лицо) является таким предметом (лицом), потому что имеет свой образ, каким он и представлен в языковом сознании. Нередко представление сопровождается оценкой: *Что же тут такого?* (хорошего или плохого). Наше представление – всегда такое представление.

Языковой интенцией лица является стремление «быть не таким», т.е. отличаться. Отличительными признаками творится своеобразие. *Кричи, кричи, меня не обманешь, не та таковского нарвался!* – сказал Шурка (В. Смирнов. Открытие мира). *Таким та-*

ковским, таковым) бывает всё (ср. *И всё такое ...*), кроме *одного* – того, что им не бывает. Одно обладает самостью – тождеством с самим собой: *Народ сабраўся не такоўскі – Сам Пушкін, Лермантаў, Жукоўскі* (Тарас на Парнасе).

2. Единицы и величины

2.1 Множествам противопоставляются величины: «Существует же только два рода вещей, которые сравниваются между собой: множества и величины» [1, с. 140]. Под величиной понимается то, что может быть измерено, т.е. допускает «большее» и «меньшее» и предусматривает единицу измерения. Единицей называется такой продукт синтеза, который в отличие от элемента обладает всеми качествами, присущими целому, и который является далее неразложимой частью подобного единства.

Величина – категория внутренняя («в себе» величина), обладающая объёмом, т.е. способная вмещать (не содержать!) и быть «вместилищем». Применительно к величинам говорят о мере – размере (*сапоги 45 размера*). Знаменательно, что мерой называется также русская народная единица ёмкости для сыпучих тел, а также сосуд для измерения сыпучих тел, вмещающих количество, равное этой единице ёмкости (*овса три меры*) (МАС). Спецификатор меры – полнота: говорится о (*не*) *полной мере, полумере*.

Противопоставление элемента и единицы замечается в словах *ряд* и *линия*¹. В ряду упорядоченные элементы имеют положение – располагаются друг относительно друга. В обладающей протяжённостью линии замечается момент последовательного порождения, как, к примеру, в линии родства: «*Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его...*» (Матвея, I, 2).

Между самостоятельными единицами существует непрерывная связь – одинаковость (не равенство!). *Одинаково* – «в такой же самой мере» (МАС). «Единица есть та общая природа, к которой должны быть о д и н а к о в о (разрядка наша – В.С.) приобщены все те вещи, которые сопоставляются между собой» [1, с. 140]. Идея одинаковости воплощается, к примеру, в следующих выражениях: *все как один, один в один, один одного стоит, как на подбор, одного поля ягоды, из одного теста; на один покрой, или одного покроя, одним миром мазаны* и т.п.; ср.: *Один к одному, одна к одной* – о тех, кто одинаково хорош, одинаково крепок и т.д. (МАС); – *Лес-то какой! Деревья одно к одному, словно солдаты стоят!* (Салтыков-Щедрин. Пошехонская сторона); *По соседству с Васюковыми живут Зефировы – старик и три сына. Сыновья – один к одному, крепкие ребята* (С. Антонов. Дело было в Пенькове).

Под одинаковостью подразумевается тождественность: *один (-а, -о)* – «тот же самый»; *одно* – это «одно и то же»: (МАС). Подобно тому, как *всё* обозначает универсальное множество, выражением *одно* свидетельствуется континуальная (лат. *continuum* – непрерывное, сплошное) величина, в которой подмечается тотальность (не общность!).

Всё и *одно* – центральная антиномия реального мира и познания, ср.: *всё и вся, вокруг да около, сплошь и рядом* и т.п. В парном сочетании *один-единственный* компонент *один* соотносится с неделимой величиной, а слово *единственный* указывает на логическую категорию – число. *Один* в подобных употреблениях не является грамматической категорией – числительным, т.к. не подразумевает натуральный ряд чисел: *один, два, три* и т.д. *Одно* – не результат определения, а искомая величина, полученная в результате сужения и ограничения диапазона поиска: *Жанчыне вялікае шчасце – Адзінага ў свеце любіць* (Дудзюк). *Один* – всегда «только один».

¹ *Линией* называлась русская мера длины, равная 1/10 (ещё раньше 1/12) дюйма, применявшаяся до введения метрической системы (МАС).

Знання обо *всём* не распространяются на *одно*, допускающее восприятие и понимание, ср.: *Всё относительно, кроме одного, – абсолютного; Всё имеет свойство кончатся, кроме одного, – бесконечного; Всё изменяется, кроме одного, – неизменчивого; За всё надо платить, кроме одного, – того, чему необходимо приносить жертву; Всё пройдёт, кроме одного, – непреходящего, вечного.* «Одно» не нуждается в определении: *один* употребляется в значении неопределённое: *Мне вспоминается одна старая история* (Павленко. Сила слова).

Нетрудно заметить, что слово *одно* употребляется в одном контексте с местоимением *то*; ср.: *А мяне супакоіць толькі тая, адна, Што душу маю колісь Азарыла да дна* (Гілевіч). Местоимение *то* выражает идею тождества: *то – тое <самае>* (ср.: пол. *tożsamość*, бел. *атаясаміць* – от сочетания *той самы*). Тождество является необходимой предпосылка мышления: нельзя вообще ничего мыслить, «если не мыслить каждый раз нечто одно...» [2, с. 597]. Тождественное понимается как тотальное недискретное *одно – одно и то же*, противопоставленное переменчивому дескриптивному *иному* (ср.: *то* или *иное*).

В сфере единиц не действует основной принцип познания универсума – «всё познаётся в сравнении». *Одно* не может сравниваться, так как не представлено как элемент множества, а существует в качестве самостоятельной величины – само по себе. Величина допускает только сопоставление. Так, момент сопоставления фигурально описывается в синтагме *Стать (или встать) на одну доску с кем* – уподобиться в каком-л. отношении кому-л. (МАС); С кем, к примеру, сравнить великий поэтов, великих полководцев, великих музыкантов и т.п.? Однако великого Пушкина можно «поставить на одну доску» с великими мира сего – Гомером, Данте и т.п. Всякая величина является величиной абсолютной. Оценочные мнения по принципу «лучше – хуже» не могут быть применимы к тому, что обладает параметром бытия и, следовательно, может быть только описано или названо. В сфере величин есть только «атомы» – бесправные инаковые объекты (индивиды) и институциональные тождественные себе субъекты права (фигуры, бел. постаці) – «*те*».

Сравнение предполагает образ, уподобление – подобие. Выражение «*по образу и подобию*» замечает два типа деятельности – творческой (образ) и креативной (подобие). Метафоры как свёрнутые сравнение и метаморфозы, возникающие как уподобление – средства и инструменты соответственно творческой и креативной деятельности.

Наиболее существенным моментом единицы является её номинативная релевантность. Всякая единица как-то называется: денежные единицы – *рубль, доллар, гривна, злотый* и т.п.; единицы длины – *сажень, локоть, пядь* и т.п., единица измерения информации – *бит* и т.д. Названием обладают административные единицы, хозяйственные единицы и т.п. Особая роль принадлежит социальным (людским) единицам. Подобной единицей является человек как личность – «мера всех вещей», институционализируемая в языке именем собственным. Человеческая единица (не элемент!) – бездонная мера-вместилище, способная придать существующему миру «человеческое» измерение.

3. Ценность и стоимость

3.1 Разграничение элементов и единиц связано с протипоставлением категорий ценности и стоимости. Семантическим представлением ценности определённого элемента выступают характеристика и оценка. Прагматическое осмысление и презентация стоимости осуществляется также двояко: реально – через название (дескрипцию) и номинально – через именование.

3.1.1 Характеристика предмета (лица) имеет когнитивное основание – знание. Устоявшейся формой «Я знаю <имярек>, как...» характеристика вводится в дискурс: «<Имярек> пользуется со стороны (студентов, преподавателей и т.д.) уважением...»; «<Имярек> показал себя как...» и т.д. Характеристика содержит указание на отличительные регулярные свойства денотата – она всегда для предмета (лица) «своя – другая».

Характеристика не связана с фактом. Так, когда мы говорим: «Глаза у кошек бывают круглые, раскосые и миндалевидные», данное высказывание может быть истинным или ложным в соотнесении с объективным фактом. Это не чьё-либо мнение – данное высказывание объективно с научной точки зрения. Однако если мы скажем «Лучше держать кошку городской квартире, чем собаку», то это суждение основано на мнении и никак не связано с объективными фактами. Предложение *Он пьёт* не описывает факт актуального поглощения спиртосодержащей жидкости, а имеет в виду характерное, регулярно повторяющееся действие – питьё спиртного; ср.: *Он гуляет – он гуляка*. Слова типа *плакальщик, анонимщик, алилуйщик, каверзник, шутник, склочник, взяточник, чаёвник, клеветник, насмешник, фантазёр, паникёр, пасквилянты* и др. принадлежат интенциональным контекстам – контекстам мнения: *Кукушкин прикидывался злым насмешником и безбожником* (Чехов. Рассказ неизвестного человека); *Какой-то пасквилянт нарисовал в смешном виде меня и ещё одну особу, нам обоим близкую* (Чехов. Человек в футляре). – *Пижонов не люблю! А Сашка чистокровный пижон! Сам себе зеркалом служит и собой в себе же любит* (Лавренев. За тех, кто в море).

Характеристики различаются степенью – отношениями «выше/ниже»: *высшая степень, низшая степень; в высшей степени; Он чувствовал себя в высшей степени несчастным человеком* (Чехов. Степь); *Наплевать мне, товарищи, в высшей степени на деньги, на славу и на прочую муру!* (Маяковский. Послание пролетарским поэтам). Степень – количественное исчисление совершенства формы чего-л.: *совершенствовать* – значит делать лучше, улучшать: *совершенствовать свои знания, совершенствовать методы руководства*. Во всех случаях степень предполагает отношение, т.е. сравнение – равенство или неравенство: *в равной степени, степень сравнения*.

Будучи категорией формы, степень изучается в грамматике – используется для определения положения предмета (лица) в системе. Так говорится о *положительной (начальной, нулевой) степени сравнения*. Релевантными для всякого положения служат отношения порядка. Степень может определяться порядковым числительным: *Возвести десять в пятую степень*; ср.: *Орден Отечественной войны второй степени. Диплом сельскохозяйственной выставки третьей степени; Кто-то умер: на красной подушке Первой степени Анна лежит* (Некрасов. Утро). Отношение порядка присутствует в регулирующих документах: «*Положение о порядке перевода студентов и учащихся...*», «*Положение о порядке предоставления скидок со сформированной стоимости обучения студентов*» и т.д. Регулятивную функцию в отношениях порядка выполняют принципы и правила.

3.1.2 «Ценность всегда высказывается в оценке. У нас нет другой формы для её представления». [3, с. 46] Оценка основывается на норме – усреднённом регулятивном образе надлежащего поведения. Так, слово *пьяница* содержит оценку, в основание которой положена социальная норма – трезвость (*Трезвость – норма жизни*). Несоответствие норме привлекает внимание; в языковом сознании присутствуют нормативные представления относительно положения вещей. Оценка отражает общественное мнение – представление о действительности. Мнение как сообщение содержит только образ действительности, однако не является носителем информации. Не будучи связанной с фак-

том, оценка не верифицируется с точки зрения подлинности (истинности) референта, а предполагает план «правды» – соответствие/несоответствие сказанного о ком-(чём-)либо. Так, можно оценить правдивость таких высказываний, как *русские ленивые, евреи хитрые, чукчи примитивные, чеченцы жестокие, цыгане – воры* и т.д.

Основанные на мнении слова-характеристики типа *пьяница, гуляка, домосед, умница* и т.д. всегда ассоциируется с оценочным предикатом: *пьяница* – это плохо, *умница* – это хорошо. В принципе, любая характеристика может быть соотнесена со знанием о том, «что такое хорошо, что такое плохо». Оценочные характеристики выполняют регулятивную функцию – направлены на нормализацию поведения членов (элементов) общества (множества). Образующие систему элементы приводятся к нормативному положению, т.е. подчиняются: *норме – нормы поведения, нормы литературного языка* и т.д.

Присутствующие в сознании человека элементы – знания, мнения, убеждения, оценки – образуют когнитивную (иначе концептуальную) область языка. Из когнитивных представлений складывается дискурс – рассудочная речь, используемая как средство общения. Пример дискурса: – *Позвольте, Сергей Васильевич, – перебила его Варя. – Вот вы говорите, что ученикам трудно. А кто виноват, позвольте вас спросить? Например, вы задаёте ученикам восьмого класса сочинение на тему: «Пушкин как психолог». Во-первых, нельзя задавать таких трудных тем, а во-вторых, какой же Пушкин психолог? Ну, Щедрин или, положим, Достоевский – другое дело, а Пушкин великий поэт и больше ничего.* (А.П. Чехов. Учитель словесности).

4. Этическое и эмическое

4.1 Восприятие величин не связано с отношением и, следовательно, с оценкой – мнением о ценности. Прагматическое осмыслением величин осуществляется в категории стоимости. Выделяется два уровня подобного осмысления – этический («тварный» – уровень бесправного объекта) и эмический (институциональный – уровень субъекта права).

4.1.2 Этический уровень восприятия получает в языке дескриптивное и интерпретационное осуществление. Этический объект описывается, во-первых, как явление объективного мира, во-вторых, как феномен мира субъективного. С подобной двоякой интерпретацией связано разграничение двух позиций говорящего: постороннего наблюдателя и непосредственного участника событий. Первая («зрительная позиция») объективирует восприятие факта. Индивид («этот») не входит в сферу личной заинтересованности говорящего: *А хіба сапраўдны амерыканец (японец, кітаец, немец і г.д.) скажа пра сваю радзіму: «у гэтай краіне». Як бы яму цяжка ні было, ён ведае – гэта яго радзіма, а радзіму адна, яе не выбіраюць* (ЛІМ).

Фактографической является, к примеру, позиция врача, описывающего состояние пациента: *Жалоб нет* – факт. *Живот мягкий, безболезненный при пальпации* – факт. *Печень и селезёнка не пальпируются* – факт. Отстранённую позицию занимает учёный, описывая объективные факты: «Но они (учёные) прохлаждаются в тени: во всём хотят быть только зрителями и остерегаются сидеть там, где солнце распалает ступни (Ф. Ницше. Так говорил Заратустра). Взгляд со стороны, записки постороннего, не воспринимающего ситуацию изнутри, порождают пейзажные и портретные зарисовки, возникающие как результат первичного контакта с объектом: *Тихая августовская ночь. С поля медленно поднимается туман и матовой пеленой застилает все доступное для глаза. Освещённый луною, этот туман даёт впечатление то спокойного, беспредельного моря, то громадной белой стены. В воздухе сыро и холодно. Утро ещё далеко.* (Чехов. Мёртвое тело). Несколькими штрихами рисуется портрет: *Полдень. Управляющий «зверинца братьев Пих-*

нау», *отставной портупей-юнкер Егор Сюсин, здоровеннейший парень с обрюзглым, испитым лицом, в грязной сорочке и в засаленном фартуке, уже пьян* (Чехов. Циник).

4.1.3 Отстранённость – «бесчеловечный» взгляд на мир. Однако повествователю с трудом удаётся оставаться безучастным – не реагирующим на реальность и не проявляющим к ней интереса. Реальность провоцирует участие – совместное переживание ситуации. Зритель как бы становится в позицию актёра – заинтересованного участника дела; так бывает, например, в докторском «мы»: *И как мы себя сегодня чувствуем*). При смене позиции наблюдателя на позицию участника фрагменты реального мира не столько описываются, сколько эмоционально интерпретируются. Проявляется этос наратора – его *приятие* реальности или *отвращение* от неё.

Приятие находит выражение в употреблении модифицированных дескриптивов, сопровождаемых позитивными эмоциями: *Гриша, маленький, семилетний карапузик, стоял около кухонной двери и заглядывал в замочную скважину* (Чехов. Кухарка женится). По сути подобная интерпретация является субъективным реагированием на объект. Субъективные феномены (ощущения) существуют лишь постольку, поскольку они существуют в опыте живых существ: боль – всегда «*моя боль*».

Этический объект эмпатически сливается с реципиентом, ощущается им как неделимая собственности: – *Родны мой!.. Быў ты у мяне адзін!.. І адзін астаўся... Ты – толькі адзін!.. Ты ў мяне і цяпер адзін, адна радасць. Толькі адзін. Адзін – любы, адзін – родны, адзін на ўсім свеце* (Мележ). *А быць можа – хто знае! – гэта ты і была. Ты адзіная ў свеце, Лёс мой, зорка мая* (Гілевіч). Субъективный взгляд выражает местоимение *мой*. Эмоциональная презентация личного состояния (собственности) в речи отмечается необычайной калейдоскопичностью и выразительностью: – *Чые дзеткі харазэйшыя? – Мае, – кажэ сава, – лупаценькія і кашлаценькія* (3 нар.); *Мой сыноч самы ўдалы нарадзіўся. Ах, ні ў кога няма такіх дзетак, як мой!* (Місько). «*А можа, там і мой шалапут ляжыць, а можа і мой?*» – *кальнула ў сэрца жахлівая думка* (Шахавец); Субъективация – распространение понятия собственности на объект – известная поэтическая мелиративная фигура речи: *Мая зямля, зямелечка, зямлица. Стаміўся я, дазволь мне прытуліцца Да баравых тваіх зялёных скроняў* (Далідовіч).

4.1.4 Эмпатическому ощущению слияния с объектом противопоставляется эмоциональное неприятие и элиминирование объекта («этого»). Инаковость сопровождается эмоцией вражды. Объект изгоняется из личного опыта, не допускается в сферу личных интересов: – *А гэты... Гэты... Навошта ён нам? Ён жа лішнім будзе!* (Каліна). – *Ах, абразіла каралевіча! Носяцца з гэтым вырадкам!..*(Каліна). – *А божа ж мой, бацюхны мае! Навошта мяне пакараў гэтай, тудэма-сюдэма, п'яніцай, гэтай куксамордай, гэтай... гэтай* (Купала). *Не раз і не два штоночы згадвала яна* (Маня) *Ганну з такой нянавісцю, што не магла вымавіць яе імя, не знаходзіла, здавалася, вартых слоў. – Знайшоў каго!.. Ету с-сучку? Ету... Ету...* (Мележ).

4.2 Резюмирующим моментом объективированного восприятия является диагностическая дескрипция – название. В отличие от имени название традиционно закрепляется за индивидуальным объектом или классом объектов. Так, позитивным результатом диагностики-осмотра состояния пациента является дескрипция *здоров*. Референты с подобным названием не образуют систему, однако составляют категорию, входящую в известную иерархию *больные, выздоравливающие, здоровые*. Созданием диагностической дескрипции осуществляется таксономия (от греч. *taksis* «последовательное размещение») *пotos* «закон») – естественная классификация реальности, обладающая иерархическим строением. Названия реалій (типа *волк, заяц, берёза* и т.п.) являются результатом их ди-

агностической дескриптивизации – таксономии натуральных классов. В названии воплощается схваченная восприятием информация о референте, открывающая возможность идентифицировать его принадлежность к той или иной таксономической категории. Сведения о названном референте добываются обычно в результате этимологического поиска. Так, название *река* мотивировано качеством «текучесть»; это название обнаруживает связь с др.-инд. *rayas* «течение, ток», *riyate* «двигается, начинает течь», *ritis* «ток, бег», *retas* «течение», *rinas* «текущий», галльск. *Renis* «Рейн», ирл. ср.: *rian* «река, дорога», лат. *rivus* «ручей, канава», др.-ирл. *riathor* «бурный поток», англ. диал. *rithe* и ср.-нж.-нем. *rin* «ток воды» (Фасмер).

Процедура диагностической таксономии – своего рода резюмирование, «навешивание ярлыка» на данные опыта. Названная процедура широко применяется в речевой практике и квалифицируется как спекулятивным обхождением с деривационными механизмами языка. Акт «навешивания» ярлыка как приём речевой дискриминации референта повсеместно практикуется в сфере политики. Так, печально известными являются политические ярлыки: – *Аж страх бярэ – як лёгка цяпер некаторыя вешаюць людзям усякія ярлыкі. Скажа – «вораг», «нацдэм», «прыслужнік фашызму», – і яму хоць бы што!* (Мележ). Известно, что подобный акт спекулятивного употребления дескрипции имел юридические последствия для референта: *Ты кулак – значыць вінаваты. Зна-чыць ніхто з табой і не пагаворыць як з чалавекам. Быццам пракаляцце якое; Божа, дык што ж гэта за пракаляцце такое нада мною вісіць, што замкляймо нязводнае – кулак* (Сіпакоў).

Актуальным ярлыком современной речи является дескриптив *мафия*: «Слово «мафия» уже до такой степени вошло в наш лексикон, что, скажи кому-нибудь, вздохнув: «Куда денешься – мафия...», – тебя не спросят: «Что, тревожно в Италии, да?». Мы сжились с этим словом настолько, что к чему только и кому его не приклеиваем. К магазинам, НИИ, баням, кафедрам, творческим союзам, больницам, пивным палаткам, сантехникам, дипломатам, проституткам, мясникам, шахматистам, билетным кассирам; к городам, областям, республикам, к незаметным на карте поселкам и к столичным центрам» (<http://www.sb.by/post/12703/>). Отмеченное употребление слова *мафия* – убедительный пример спекулятивной категоризации.

С восприятием и интерпретацией величин связано явление, принадлежащее это-су речи, величание – номинативная презентация достоинств референтов: *великий мыслитель, великий полководец, великий музыкант; великие мира сего; величина* «о человеке, выдающемся в какой-л. области»; *звезда первой величины* «о человеке, прославившемся в какой-л. сфере деятельности» (МАС); *Медведева открыла, угадала и дала театру звезду первой величины – Ермолову* (Щепкина-Куперник. Театр в моей жизни).

Величание (иначе хвала) является этимологически ориентированным – связано с происхождением референта («чей он?»). Издавна человек величается по отчеству: – *А мы из города Владимира, тамошние мещане. Звать Макаром, а величают Семеновичем* (Л. Толстой. Бог правду видит, да не скоро скажет). Противоположное хвале явление – хула: ср.: *сукин сын* (бран.).

Наиболее выразительно таксономическая интерпретирующая диагностика замечается в индивидуальных дескрипциях – прозвищах. Главенствующую роль в подобной диагностике играет понятие стандарта. Факты индивидуальной нестандартности референтов противоречат принятым социумом и закрепившимся традицией эталонам, что непременно выходит в сферу номинацию: открывается креативный номинативный ресурс и происходит мастерская номинативная интерпретация всякого рода индивидуальных отклонений. Необычность референтов порождает праздный интерес, бросается в глаза и за-

мечаецца в прозвішце: *Сутулавата здаравенны дзядзька Дзюб, мянушка з-за доўгага носа* (Брыль); *Кукса, Полтора-Ивана* (неполная мера), *Помидор* (чрезмерно красный) и т.п.

Предпосылкой возникновения прозвища является реальное подобие: *Увесь твар Пацука ў зморичках, з сінімі жылкамі на шчоках, быў непрыемны. Асабліва непрыемнымі былі вочы – маленькія і калючыя. Задаўшы пытанне, ён выцягваў сваю пацучыную мордачку, нібы хацеў улезці ў рот суразмоўніку* (Чарнышэвіч); *Той славуты Жаба меў вялікі, сапраўды жабін рот і лупатыя вочы, у ягоным рыпучым голасе пасля кожнага гука «р» прыпляталася яшчэ і «л» – трлямай, трлясцу з хварлёбай табе* (Валасевіч); *У маладога лесніка спераду тырчаць два вялікія зубы, а над імі яшчэ і рыжыя вусікі. Празвалі яго Нутрыя* (Брыль); *Жонка – румяная жанчына, нібыта налітая тугім саракагадовым здароўем, мае за гэта мянушку – Вішня* (Лужанін). Прозвища не только интерпретируют противоречие с принятыми в социуме стандартами, но и сами принадлежат к категории нестандартных номинаций локального распространения.

4.2.1 Эмический аспект восприятия целосной единицы связан с категорией имени и институционализацией референта. На смену диагностическим дескрипциям приходят прескрипции – институты. Под институтом понимается любая принятая неким коллективом совокупность практик (процедур), открывающая возможность создавать институциональные факты. Такие факты обычно подводятся под формулу «X принимается за Y в контексте C». Институционализацией называется акты приписывания референту (X) особого статуса (Y), наделяющего референта полномочиями на выполнение тех или иных статусных ролей. В качестве необходимого условия данный статус требует, чтобы его приписывали. Так, когда мы приписываем статусную роль Y некоторому предмету или человеку X, мы обычно создаем ситуацию, в которой принимаем, что человек S, находящийся в соответствующем отношении к X, таков, что S обладает полномочиями осуществлять A [4]. Человек обладает способностью, которой не обладают другие животные, а именно наделять статусной ролью объекты, которые не могут исполнять эти роли только благодаря своим физическим свойствам. Это происходит благодаря тому, что индивид (объект) становится обладателем того или иного статуса, т.е. наделяется статусной ролью. Индивид обретает роль и становится полномочным, только благодаря предписыванию ему известного статуса. Тот или иной статус референты обретают не иначе как через акт устанавливающего (учреждающего) приписывания. Подобного рода приписывание является не дескриптивным (описательным), а прескриптивным (предписывающим). Одновременно с установлением известного статуса, референт наделяется той или иной статусной ролью, регламентирующей его ролевые акты как должные и необходимые. Деонтологический момент должностования воплощён в номинации *должность*. Всякая должность является должностью не «по природе», а «по установлению», т.е. отражает аспект становления – кто-то стал кем-то, а не родился им: *Назвался груздем, полезай в кузов*.

4.2.2 Коллективная институционализация. Акты именованья (наречения) есть не что иное, как коллективное приписывание референтам статусных ролей: *И детей они / В их младые дни / Нарекли невестой с женихом* (А.К. Толстой. Коринфская невеста); (Самозванец): *А кого / Наследником наречь намерен он?* (Пушкин. Борис Годунов). Сам акт наречения является актом перформативным. Нет иного способа наречь, как только произнести «*Нарекаю...*». Произношение есть осуществление социального акта, обладающего юридической и моральной перспективой. Вместе с актом наречения референт обретает те или иные деонтические полномочия. Предписания должного исполнения субъектом роли «вгоняют» индивида в установленный поведенческий образец. Социум смотрит на носителя нарицательного имени через призму этого имени, т.е. в связи

с теми или иными аспектациями – социальными санкциями, регламентирующими тип поведения субъектов, адекватный их статусным ролям. Коллективные эспектации предусматривают известный социальный эталон (стандарт), в сопоставлении с которым устанавливается *нарицательная стоимость*² агентов.

Коллективные аспектации – известного рода социальное измерение качественного состояния членов социума. Допускаются два момента подобного измерения: совпадение с принятым эталоном и несовпадение с ним; ср.: – *Ну які ты жаніх! – аж закіпеў бацька. – Які ты жаніх!* (Мележ); – *От это – кавалер! – пахвалілі ў палаце* (Каліна).

Нарицательное имя – выданное социальное удостоверение субъекта, наделённого теми или иными полномочиями. Подлинность подобного удостоверения непрерывно верифицируется социальной средой. – *Ты ж лейтэнант! Чаму ляжыш? Камандуйце напластунску наперад!* (Быкаў). – *Мы во бабы і то... А ты ж франтавік* (Барысевіч). *На тое яны і мужчыны!* (Гігевіч). Обладатель статусной роли вынужден доказывать и оправдывать собственную нарицательную стоимость – достоинство, ориентироваться на социальный динамический стереотип: *Я салдат. І не дзеля таго я апрануў ваенную форму, каб толькі пра тое і думаць, як у царкву вырвацца. Салдат, веруючы ён ці атэіст, заўсёды павінен быць гатовы ўзяць у рукі зброю, абараніць сваю зямлю ад ворага* (Зданюк).

Экономическим термином *достоинство* отмечается не только нарицательная стоимость ценных бумаг (*Облигация достоинством в 50 рублей*), но и «удельный вес» субъектов права: *За победы у Гжатска, Царева Займища, Духовщины он (Платов) был возведён в графское достоинство* (Никулин. России верные сыны). Пол. *Godność* не только «*świadomość własnej wartości, szacunek dla samego siebie; дума*», но титул: *Nie było między nimi ani jednego, który by jakąś godnością zaszczycony nie był lub przynajmniej tytułu nie używał* (Krasz. Kołk) *Wyniesiony na godność wojewody lubelskiego, pomnożył znacznie swe majątności* (Śliw. A Sob.). Достоинство как нарицательная стоимость субъекта не может не учитываться в общении с ним: *Pan Kokosiński posunął się krok naprzód, chrząknął i tak rozpoczął: – Jaśnie wielmożna panno podkomorzanko... – Łowczanko – poprawił Kmicic. – Jaśnie wielmożna panno łowczanko, a nam wielce miłościwa dobrodziejko! – powtórzył zmieszany pan Jaromir – wybacz waćpana, leżeliśmy się w godności pomylił...* (H. Sienkiewicz. Potop).

Нарицательной стоимостью свидетельствуется фамилией – семейным наименованием человека. Фамилия (семья) – коллективная единица, обладающая правовым статусом. Известно, что в древнем мире фамилией называли хозяйственно-юридическую единицу, в которую, помимо кровных родственников, входили и рабы (МАС). Наблюдается известного рода параллелизм между названиями дескриптивных (фактических) и институциональных (юридических) систематических категорий: ср.: *волк* (особь из семейства волков); *Волк* (член семьи, носящей фамилию *Волк*); *Семейство оленей. Семейство злаковых. Семейство бобовых. Семья скворцов. Семья бобров. Волчья семья*, но: *семья Волковых, семья Толстых* и т.п. В польском языке термин *godność* употребляется в вопросе о фамилии: *Pańska godność? A jak Pana (pańska) godność?: Pańska godność, jeśli wolno wiedzieć?* (Brand. K. Sams. 9).

Способность нарицательного семейного имени удостоверить нарицательную стоимости референта эксплуатируется в так называемых «говорящих» фамилиях: *Из громкоговорителя раздаётся, перекрывая шум сутолоки, требовательное распоряжение: «Предприниматели Нищенко и Копейка, зайдите в администрацию рынка!».* *Ничего себе, какие говорящие фамилии. Нарочно не придумаешь... При Грибоедове, пом-*

² Нарлицательная стоимость (экон.) – стоимость, обозначенная на ценных бумагах, монетах (МАС).

нится, в моде были молодые перспективные чиновники Молчалины. А как теперь насчет, например, заматерелых Мздоимчиковых? Впрочем, сия порода не переводится ни при каких властях, у нее корни глубоко исторические. Клан от периода к периоду то сильнее, то слабее. Сейчас, как уверяет народная молва, он в фаворе у судьбы: от пристрастий служилых персон ко взяткам плачут и Богатенькие, и Лимузинские, и Крутовичи. Ведь даже Аллу Борисовну Пугачеву с некоторых пор обожатели любят уже просто как мадам Брошкину (Людмила Маслюкова. Бизнесмен Нищенко и другие. (<http://www.sb.by/post/12703/>)). Факт употребления «говорящих» фамилий в драматургии свидетельствует их ролевой (а не функциональной!) статус.

Увеличение нарицательной стоимости категориального имени связан с его типизацией – выходом за пределы семейного коллектива: [Грушницкий] *стоит Максима Максимыча: подобно ему, это тип, представитель целого разряда людей, имя нарицательное* (Белинский. Герой нашего времени. Соч. М. Лермонтова); *Давно Седин стал нарицательным именем: судьба армии Наполеона III, окружённой прусаками, приводилась как пример бесславного поражения* (Эренбург. Трудный путь).

Момент «спекуляции на повышение (или понижение)» достоинства наблюдается в перифразе: (Глушак): – *Разумны ты чалавек, Андрэйко! Як сказаў, аж заслухацца можна. Калінін чысты!* (Мележ. Людзі на балоце). *Сярод таварышаў Сцётка выдзяляўся сваёй стараннасцю ў навуцы, сваёй сталасцю і сур'ёзнасцю. За гэта яго празвалі другім Ламаносавым, тым больш, што ён не пабаяўся пайсці пяхотам цэлых сто вёрст, каб пасупіць нка рабфак* (Я. Колас); [Произведения Хераскова] *долго составляли предмет удивления для современников и потомков, которые величали его русским Гомером и Виргилием* (Белинский, Литературные мечтания). Ср.: *Я не мог прызнаць у ім Яўгена Пятровіча: зарослы, нямыты Рабінзон у бруднай вопратцы, у нейкіх атопках на нагах* (А. Фомчанка).

4.2.3 *Личностная институционализация.* Институт имени собственного связан с приписыванием и выражением личного достоинства («себестоимости») субъектов как самодостаточных социальных единиц. «До имени человек не есть ещё, ни для себя, ни для других, не есть субъект личных отношений, не есть член общества, а только возможность человека, обещание такового, зародыш» [5, с. 62]. Осмысление личностного достоинства субъекта неизменно проявляется в употреблении его собственного имени, например, в употреблении его полной и сокращённой формулы. «Імя, – піша Ян Скрыган, – ...заслугоўвае, каб яго шанавалі і лічылі на першым месцы, каб яго вымаўлялі, а не падменьвалі ініцыяламі... Паглядзіце, як аўтарытэтна і ганарова гучаць *Аляксандр Пушкін, Леў Талстой, Янка Купала, Якуб Колас*» [6, с. 231].

Связанные с собственным именем социальные прескрипции – явление, известное всем народам Земли. *Булат* (сорт стали) – имя, употребляемое многими народами Азии. Именем «даётся установка» на славу (известность), могущество: *Станислав, Владислав, Мстислав, Бронислав, Всеволод, Владимир* и т.п. Ср: идеологизированные эксперименты: *Любитина* (любви истину), *Ревмир* (революция мировая), *Марлен* – Маркс-Ленин) *Кіна-механік тут фігура! Самі пабачыце. А як яго імя, ніколі не здагадаецца: Молат; Праўда, Молат Дзмітрыевіч. Самае індустрыяльнае імя ўляпілі бацькі на ўсё жыццё* (Грахоўскі).

5. Смешение единиц и элементов в языке/речи

5.1 В дискурсивной идеологизированной речи нередко встечаются факты дескриптации – трактовки конкретного референта не в качестве единицы, принадлежащей к известному социальному континууму (напр., партии, органам власти и т.п.), а представление его как элемента определённого множества. Такую деклассифицирующую функцию выполняет, например, квантор регулярности местоимение *каждый*: *Зноў стрымаў*

сябе Васіль, як бы скардзячыся некаму са здзеклівай непаішанай прамовіў – кажны прыходзіць, кажны камандуе. Каму ахвота! Кажны ўласць над табой! <...> У ім (Міканоры) жыло, шчымепа. «Кажны» камандуе, каму ахвота...». Думаў помсліва, люта: «Я пакажу табе – <...>. Араб які, ці – уладай пастаўлены за сяло адказваць» (І. Мележ. Пых навалініцы).

Взгляд на человеческую единицу как на элемент (в значении «представитель») дескредитирует (деклассирует) личность как субъекта права: *деклассированные элементы, пролетарские элементы; отсталые элементы*; ср.: *женский элемент* – женщины; *мужской элемент* – мужчины (МАС); *В особенности замечательно в нем (городе С.) преобладание женского элемента над мужским* (Салтыков-Щедрин. Губернские очерки).

Употреблённое по отношению к субъекту слово *элемент* представляет человека не как единицу, обладающую собственным или «классовым» достоинством, а как представителя определённого множества однородных элементов. Деклассирующее значение слово *элемент* получает, например, в большевицком социалекте: *Таму і раішэнне прынята такое: «Неабходна вырваць з каранем той элемент, які перашкаджае справе калектывізацыі»* (Ліпскі); – *Там я – Ваня Паўлуха. Там я не мечаны, а тут... Тут я чужы, класавы, не табе казаць які элемент* (Гроднеў); – *А ты... Своечасова не перасцерагаеш замыслы і падкопы. Значыць заадно з варожым элементам* (Далідовіч); – *А скуль ведаю, што за артыкул? – адказваю без хітрыкаў. «СНЭ» – проста і неяк злобна ўдакладняе вайсковеца «савецкі чалавек?» – здзівіўшыся, мармычу сабе пад нос. «Дурная! Сацыяльна-небяспечны элемент», – словы аднастайна і ліпка выстрэльваюць адно за адным* (Зарка). *Гэтаксама як Элемент, нядаўні чырвонаармеец-будзёнавец меў другое, але таксама сваё слоўца: «элемент», найбольш – «кулацкі элемент»* (Вышыньскі); *Рэй вёў сакратар партыі на ідэалогіі – Таварышы свядомыя і несвядомыя элементы, – пранізваў ён маленькімі вочкамі янкавінскі гурт. А заадно гэтым сваім «несвядомыя элементы» наганяў шораху* (Далідовіч); – *У цябе пад носам варожыя элементы звіль сабатажнае гняздо, а ты і вокам не павёў* (Асіпенка); – *Што далей, то больш: чаму ў партыі аказаліся элементы з заможнай праслойкі, элементы з цёмным прошлым, элементы, якія злучыліся з класавы чуждымі элементамі* (Мележ).

Дискредитирующей оказывается сама идея размножения: – *Развялося вас, экспэрыментаараў ... Разагнаў бы я вас палавіну, можа хоць бы дзе людскае што зрабілі...* (Гігевіч); – *Сціхні ты?.. – урэшце разлаваўся Сяргей. – Многа вас такіх, з міліцыяй* (Кажадуб); – *Этаго цвету хапае, – маці Глушака паставіла чапляў у кут* (Мележ); – *Гэтага цвету на ўсяму свету, – сказаў Іван* (Савоська); – *Знойдзеца яшчэ на маю шыю хамут. Чаго-чаго, а гэтага дабра (баб) у Бярозаўцы – навалам* (Гігевіч). «Всякий человеческий интерес и всякая оценка, всё, что имеет значение для человека, относится к единичному, однократному. Вспомним, как быстро притупляется наше чувство, когда предмет его умножается или когда выясняется, что есть тысяча однородных с ним предметов... На единичности, не несравнимости предмета основываются все наши чувства ценности» [7, с. 328].

Функцию дескредитации может выполнять грамматическая категория числа, используемая по отношению к единицам: «число – это метод объединения раздельностей вне их качественных различий»: *Такіх Марусяў, – хоць гаць гаці, а інтэлігентак, як вось гэта, на пальцах палічыць...* (Кусянкоў); *Для прыдворных савецкіх герадотаў гісторыя заўсёды была перакулена ў мінулае* («Бел. мінуўшчына»); *Яны (бальшавікі) клікалі люд; сваіх дзетак, родзічаў, знаёмых-аднадумцаў паслалі вучыцца на вучоных, інжынераў, урачоў, музыкантаў, зачыняючы дзверы перад носам Маням і Ваням як «прадстаўнікам*

былой пануючай нацыі». Ідзе прадуманы разгром краіны, а Мані і Вані ператвараюцца ў рабсілу... (Далідовіч); Не, выжыць можна толькі дома! Дома можна адкупіцца праз Якімкіных (Шамякін); – Ад папугайскіх Джонаў, Клейнаў, Эленаў трэба адмовіцца раз і назаўсёды (Федарэнка); – А там – Чарнаштаны ды Гайлісы. Мяккацеласць. Апартаменты. Правы ўхл (Мележ); – Да чорта ўсе Берыі і Паўлы Паўлавічы, усё да чорта (Супрунчук); – Будзе зямля добрая – будзе ўсё!.. Няхай пасмяюцца тады ўсялякія Карчы ды Ігнацікі! (Мележ) [8, с. 710].

Выводы

Функциональные и номинативные аспекты языка/речи представлены и находят воплощение в фундаментально противоположных сущностях и концептах, сводимых к понятиям «множества» и «величины». Соответственно выделяются функциональные элементы и номинативные единицы, различающиеся коммуникативным назначением и номинативным статусом в зависимости от плана отражения и уровня восприятия реальности. К величинам принадлежат диагностирующие дескрипции – индивидуальные и коллективные (классовые) названия. Дескриптивные объективирующие названия и дескрипции интерпретирующего типа регламентируются стереотипными естественными институтами: традицией, обычаем, привычкой. Институциональным (прескриптивным) статусом обладают имена собственные и нарицательные. Многочисленные прагматические эфигуры речевой деятельности связаны со спекулятивной эксплуатацией деривационных механизмов, «играющих» как на повышение, так и на понижение статуса референтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Декарт, Р. Правила для руководства ума. Мир или Трактат о свете / Р. Декарт // Соч. в 2 т. – М. : Мысль, 1989. – Т. 1. – 654 с.
2. Кондаков, Н.И. Логический словарь-справочник / Н.И. Кондаков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1976. – 720 с.
3. Бондалетов, В.Д. Русская ономастика / В.Д. Бондалетов – М. : Просвещение, 1983. – 224 с.
4. Серл, Дж. Что такое институт? / Дж. Серл // Вопросы экономики. – 2007, № 8. – С. 5–27.
5. Флоренский, П. Имена / П. Флоренский // Малое собр. соч. Вып.1. – Кострома, 1993. – 216 с.
6. Скрыган, Я. Імя / Я. Скрыган // Некалькі хвілін чужога жыцця : апавяданні, успаміны, роздум. – Мінск : Маст. літ., 1990. – С. 229–232.
7. Виндельбанд, В. Прелюдии / В. Виндельбанд. – СПб, 1904. – 176 с.
8. Лосев, А.Ф. Бытие. Имя. Космос / А.Ф. Лосев. – М. : Мысль, 1993. – 958 с.

Senkevich V.I. Textual Units and Discourse Elements of Language/Speech

Research of the products and results of speaking activity supposes fundamental opposition of units and elements connected according to the differentiation of concepts of «set» and «size». Interpreted in categories «ethical» and «emical» nominative units differ by their descriptive and prescriptive status. Descriptive names are opposed to prescriptive names of collective and individual subjects of the right. The latter create the institutional reality, where the key role is played by derivational mechanisms regulating activity and behaviour of members of social collectives. Institutional approach to derivation products opens prospects for consideration of functional elements and nominative units of speaking activity in economic categories of value and cost.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 03.09.2012

УДК [811.161.1+811.161.3]’373.2

Л.А. Годуйко

ЭРГОНИМЫ КАК ЧАСТЬ ОНОМАСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА БРЕСТА

В статье на многочисленных примерах рассмотрены тематические группы эргонимов города Бреста; охарактеризованы установленные в зависимости от типа номинации отобъектные, отадресатные, отсубъектные онимы; представлена общая характеристика структурных типов и частеречных моделей многословных названий; исследованы способы образования однословных наименований деловых объединений людей.

Интерес исследователей к онимам обусловлен причинами как языкового, так и экстралингвистического характера. Ономастическое пространство, выполняя социальный заказ носителей языка, расширяется, новые объекты получают собственные имена (в российской лингвистике даже появился термин «ономастический бум»). Все это требует описания, систематизации, дифференциации и приводит к активному развитию современной ономастики [1–5].

Некоторые ее разделы (антропонимика, топонимика, урбонимика, гидронимика) являются традиционными, а исследуемые ими имена собственные достаточно хорошо изучены в русской и белорусской лингвистике [6–11]. Между другими группами онимов отсутствуют четкие границы, они тесно переплетаются друг с другом и находятся на периферии ономастического пространства. Яркой иллюстрацией этому служат, в частности, эргонимы (эргоним, по определению Н.В. Подольской, собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, кружка и др. [12, с. 166]). Трудности определения статуса данной группы онимов, как и других рекламных имен, по мнению И.В. Крюковой, обусловлены их особым местом в языке: одни надолго задерживаются в словарном составе, другие быстро выходят из активного употребления и превращаются в ономастические историзмы, которые зафиксированы в энциклопедических словарях, или совсем забываются [13, с. 4].

Требования к подобным современным онимам становятся более жесткими и со стороны номинатора, и со стороны потребителя услуг, поскольку эргонимы выполняют ряд функций, в том числе специфических: номинативно-выделительную, или назывную (это – первичная, основная языковая функция всех имен собственных); информативную (семантически полый в языке, эргоним выступает предельно информационно насыщенной единицей в речи коммуниканта); рекламную (название призвано привлечь, заинтересовать, заставить откликнуться адресата); эстетическую (наименование, как правило, вызывает положительную ассоциацию, «красиво звучит»); мемориальную (в онимах нередко отражаются имена учредителей, названия популярных музыкальных групп, художественных фильмов и пр.); функцию охраны собственности (названия охраняются специальными законами, и их наличие ограничивает номинаторов при использовании определенных элементов, например, *рус-*, *рос-*) [14]. Все это, а также активная разработка в русистике понятия «искусственная номинация» и немногочисленность аналогичных работ в белорусской лингвистике делает достаточно актуальным исследование эргонимии конкретного населенного пункта, в нашей работе – города Бреста.

Брест – областной центр, достаточно крупный промышленный, транспортный, научный, культурный населенный пункт. В его ономастиконе находит отражение мно-

гое, например, история общественно-экономического развития города и уровень языковой культуры его жителей. Мы обратились к эргонимии (это 312 единиц, полученных методом сплошной выборки из «Телефонного справочника «На связи Брест» [15]) его центральных, наиболее значимых, как говорят в ономастике, линейных объектов: проспекта Машерова, улиц Ленина, Московской, Пушкинской, Янки Купалы, бульваров Шевченко и Космонавтов.

Опираясь на вышеприведенное определение, к эргонимам отнесли следующие тематические группы названий:

1) производственная сфера, например: ЗАО «Белтепломашстрой», ОАО «Брестский чулочный комбинат», ОАО «Брестский электроламповый завод»;

2) здравоохранение, например: УЗ «Брестская областная стоматологическая поликлиника», ООО «Витафарм», РУП «Фармация», ЧУТП ВВГ «Аптека»;

3) образование, например: ГУО «Средняя школа № 12», УО «Брестский государственный технический университет», подростковый клуб «Надежда», ГУО «Брестский областной центр детско-юношеского туризма и экскурсий», ГУО «Ясли-сад № 34»;

4) торговля, общественное питание, например: кафе «Бульбяная», ресторан «Буг», салон «Связной», ОАО «Продсервис»;

5) сфера обслуживания, например: гостиница «Беларусь», химчистка «Риана», фотостудия «Малыш», АЗС № 4, ЗАО «БТА Банк», ЧТПТУ издательство «Альтернатива», УП «Туристско-информационный центр»;

6) культура, например: УК «Брестская областная библиотека имени М. Горького», ГУ «Брестский театр кукол», КУП «Дворец культуры федерации профсоюзов Беларуси», кинотеатр «Мир»;

7) спорт, например: ГУ «Легкоатлетический манеж Брестской областной СДЮШОР», дворец игровых видов спорта «Виктория»;

8) органы государственного управления, например: Брестский областной исполнительный комитет, БОУ «Госпромнадзор», Администрация Ленинского района города Бреста;

9) общественные организации, объединения, например: Брестская областная организация ОО «Белорусский союз журналистов», Брестская областная коллегия адвокатов.

Рекламное имя несет отпечаток авторской индивидуальности номинатора. Создание нового имени – это всегда «единовременный волевой акт, носителем которого является конкретный автор» [13, с. 39]. А.К. Михальская предлагает в этом случае термин «речевой акт» – «фундаментальное понятие грамматики и риторики, отражающее акт выбора человеком речевых средств, необходимых для осуществления его коммуникативных намерений» [16, с. 32]. В речевом акте участвуют говорящий и адресат, выступающие как носители определённых, согласованных между собой ролей или функций.

В зависимости от того, какую цель преследуют номинаторы при создании имени, различают три речевых акта присвоения названия: 1) речевой акт, иллокутивная функция (ИФ; характеризует цель высказывания, запечатленную формой самого высказывания) которого – сообщение сведений об объекте. В данном случае именуемый ориентируется на устоявшиеся языковые традиции; 2) речевой акт, ИФ которого является отражение в названии личных черт и пристрастий номинатора; 3) речевой акт, ИФ которого заключается в привлечении внимания адресата [13, с. 47–52].

С учетом вышесказанного, эргонимы города Бреста в зависимости от типа номинации распадаются на три группы: отобъектные, отадресатные и отсубъектные.

1) Самая многочисленная группа – отобъектные названия (288 эргонимов, 92,3%). Сообщаемые ими сведения различны и могут указывать:

– на товар, например: ЧУП «АКС-Мебель», магазины «Ковры», «Цветы», «Чабаток», «Обувь». Такие названия, как правило, мотивационно обусловлены. Корректные и эстетичные названия имеют торговые объекты, предлагающие изделия из золота, серебра и драгоценных камней: ОДО «Яхонт», магазин «Изумруд»;

– на сферу деятельности данного объекта, например: ООО «Энергия», Центр замены масла, ОАО «Завод крупнопанельного домостроения № 2», УО ГИПК «Газинститут»;

– на место расположения объекта: гостиница «Буг», ресторан «Брест»;

– на производимую продукцию (услуги) и место расположения предприятия/место изготовления данной продукции, например: магазин «Могилёвский текстиль», УЗ «Брестское протезно-ортопедическое ателье», КУП «Брестский хоккейный клуб», ЗАО «Западгазсервис», ООО «Белэнергостройремонт», РУП «Брестжилстрой», ООО «Буг-тур» и др. Такое совмещение двух типов сведений об объекте активно используется в номинации Бреста, поскольку подобные они имеют прозрачную мотивацию.

2) Значительно меньше отсубъектных наименований деловых объединений людей (17 эргонимов, 5,5%). В качестве их мотивирующих выступают антропонимы:

– имена и/или фамилии владельцев бизнеса, близких им людей, членов их семей, например: магазин «Ирина» (в честь одной из дочерей хозяев данного торгового объекта), салон «Елена» (так звали его владелицу), мастерская Виктории Фетисовой (эргоним типа имя + фамилия является единичным в нашем исследовании) и др.;

– имена (в основном женские), не имеющие какой-либо связи с конкретным магазином или его владельцем. При свободном выборе антропонима номинаторы учитывают красоту имени (ИП «Каролина», ООО «Доминика»), его этимологический смысл (ОДО «София», София – с древнегреческого «мудрая»). В целом же, по оценкам ученых, названия на базе личных имен практически анонимны: настолько неконкретно даваемое ими указание на владельца [17, с. 25].

Интересен эргоним ОАО «Савушкин продукт». Савушка (Савелий, Савва) – старинное славянское имя, символизирующее человека-хозяина, труженика. Этим названием компания «Савушкин продукт» объединяет сегодняшний день и лучшие традиции производства молочных продуктов: их натуральность, хорошо знакомый «домашний» вкус, высокое качество и современный ассортимент с разнообразием вкусов и упаковки [18]. Также ощущается связь эргонима с фамилией директора предприятия А.В. Савчица;

– онимы, источником которых является художественная литература. Например, УП, оказывающее ветеринарные услуги, названо «Айболит» в честь «доброего» доктора, который лечил зверей. Неоднозначным представляется эргоним «Хамелеон» (кафе): то ли дань творчеству А.П. Чехова, то ли намек на разнообразие блюд и изменчивость меню?

Эргонимы, мотивированные именами сказочных персонажей, немногочисленны: свадебный салон «Золушка», предприятие по изготовлению мебели «Гудвин» (по имени героя книги «Волшебник Изумрудного города»). В то же время, по мнению исследователей, объекты, названия которых связаны с символами детства, носят позитивный характер и являются одним из лучших вариантов привлечения клиента;

– имена античных божеств. Так, сеть торговых точек города Бреста, которая предлагает покупателям кондитерские изделия, – ЗАО «Зевспродсервис», кафетерий «Зевс» – названа именем греческого бога. Описать такую мотивацию трудно (эргоним

не имеет определённой связи с деятельностью предприятия), возможно, это личные пристрастия номинатора. А может быть и предложение узнать «божественный вкус» кондитерской продукции?

3) Отадресатные названия среди исследуемых эргонимов незначительны (7 эргонимов, 2,2%), хотя, по оценкам российских авторов И. Крюковой, Т. Романовой, К. Веркмана, данный тип номинации является самым распространённым в области коммерческой номинации. Эргонимы этой группы – результат поиска нетрадиционных средств, которые бы обеспечили эмоциональный контакт номинатора и потребителя услуг.

Наиболее простой способ организации такого контакта – использование языковых оборотов, с помощью которых адресат побуждается номинатором отождествлять себя с ним, с его группой [13, с. 51]. Особенно продуктивно в этом случае употребление в структуре названия притяжательного местоимения: агентство «*Ваш праздник*», ОДО «*Ваш выбор*». Единичным является оним с субстантивированным местоимением *всё*, которое указывает на полный набор необходимых товаров, – магазин «*Всё для ремонта*».

При выборе эргонима важно проявить умение создать положительный образ предприятия. К примеру, используется прием, который называют «оптимизацией», – указание на то, что продукт хороший (в самом широком смысле): «*Хорошее рекламное агентство*». Данное название придает уверенность адресату в надежности услуг, которое предлагает агентство.

Встречается употребление в качестве эргонимов устойчивых словосочетаний, например, букмекерская контора «*Статус КВО*». Данное сочетание слов пришло из латинского языка (отметим, что латиницей *status quo* пишется в два слова, кириллицей – *статускво* – через дефис, а в качестве эргонима выбран какой-то «смешанный» вариант). Статускво в международном праве – положение, существующее в какой-либо определенный момент. Номинаторы, видимо, хотели подчеркнуть, что ситуация в игре на деньги – победа, проигрыш, ставка – непостоянна и в любой момент может измениться.

Устойчивое словосочетание использовано и для названия свадебного салона «*Медовый месяц*» (медовый месяц – время совместной жизни молодожёнов сразу после свадьбы; обычно самая счастливая пора).

Структура эргонимов города Бреста неоднородна: в зависимости от количества знаменательных компонентов в их составе они распадаются на две группы – наименования однословные и многословные. Большую часть составляют однословные эргонимы (189 единиц, 60,6%). Для них отмечены два основных способа образования: лексико-семантический и словообразовательный.

1) Лексико-семантический способ представлен онимизацией, трансонимизацией и заимствованием.

При онимизации (образование имени собственного от имени нарицательного) в качестве мотивирующих выступают апеллятивы разных лексико-грамматических, тематических групп, например: магазин «*Продтовары*», салон «*Стиль*», Брестская областная база «*Бакалея*», стройцентр «*Мегаполис*», УП «*Респект*», кинотеатр «*Мир*» и др. (всего 59 эргонимов). Основная масса зафиксированных названий – результат онимизации в русском языке, но отмечены и белорусскоязычные имена: магазин «*Буслик*», подростковый клуб «*Пралеска*», харчевня «*Свяжкі*» и др. Для исследуемых эргонимов характерна онимизация трёх типов: простая, метонимическая [19, с. 206; 12, с. 93] и символическая. Простая онимизация используется для создания описательного имени информативного характера [19, с. 205] и прямо называет объект номинации: магазины «*Канцтовары*», «*Пресса*», «*Продукты*», «*Мебель*», «*Керамика*» и др. Метонимическая

номинация предполагает наименование по смежности: магазины «Кооператор», «Лента», «Кулинария», ОДО «Галлон» и др.

Символический оним, как отмечают исследователи, не отражает называемый объект (он обозначается на правах сравнения), а приписывается ему как условный знак. Например, название салона плитки «Квадрат» связано с типичной формой этого отделочного материала; наименование стройцентра «Мегаполис» указывает на широкий ассортимент товара; название кафе «Сказка» говорит, что в этом заведении можно чудесно провести время. Интересным примером-символом является оним «Космос» (продолжают этот «космический» ряд расположенные на бульваре Космонавтов магазины «Сатурн» и «Меркурий», названия которых представляют собой результат трансонимизации).

К данной разновидности лексико-семантического способа относим случаи, когда имя, в частности эргоним «Статус КВО», создается на базе устойчивого сочетания слов.

Как образованное онимизацией рассматриваем и окказиональное (не узуальное, не соответствующее общепринятому употреблению) наименование салона мебели «Диван Диваныч». Данная номинация – весьма удачная, на наш взгляд! – создана по типу антропонимов русского языка, состоящих из мужского имени и отчества (ср.: Иван Иванович), причем форма отчества типа *Иваныч* оценивается как разговорная. В результате оним воспринимается адресатом как символ чего-то домашнего, надежного (диван в нашей жизни не просто мебель, а нечто большее). К тому же от типовых наименований это отличается экспрессивностью. В целом, на наш взгляд, «Диван Диваныч» является ярким примером, который совмещает в себе основные функции эргонима.

Онимизация встречается практически во всех тематических группах, исключением стали названия органов государственного управления и общественных организаций, объединений. Больше всего эргонимов, созданных данным способом, приходится на группу «Торговля, общественное питание»: ОДО «Универсал», магазины «Грация», «Искра», «Искусство» и др.

Трансонимизацией (переход онимов из одного разряда в другой) образовано 20 названий: салон «Елена», гостиница «Беларусь», клуб «Олимп», ЧУП «Анна» и др. Мотивы употребления в эргонимии антропонимов, гидронимов, космонимов, топонимов разные.

Среди топонимов и гидронимов, ставших мотивирующей базой в основном для названий магазинов, ресторанов, гостиниц, большинство являются координатными: гостиница и ресторан «Буг», ресторан и магазин «Брест» прямо указывают на нахождение данных объектов на территории нашего города.

В эргонимии Бреста встречаются названия других городов: магазин «Люблин», ОАО «Москва». Такие онимы используются в связи с известностью их денотатов в социокультурном пространстве города (Москва – бывшая столица СССР, Люблин – центр воеводства в соседней Польше). Отмечены случаи трансонимизации прагматонимов (прагматоним – наименование сорта, марки, товарного знака), например, «Марко», «BERGHOFF», «Белвест» являются фирменными магазинами и реализуют продукцию соответствующих торговых марок. Номинация на базе прагматонимов считается одной из успешных в эргонимике [17, с. 28].

Как заимствования (их 5) рассматриваем случаи употребления в качестве эргонимов иностранных слов или комбинаций их компонентов, которые могут быть оформлены как кириллицей (ЗАО «Бергхауз», ИП «Вэлком», СООО «Лайк-пол»), так и латиницей (ресторан итальянской кухни «ZIO-PEPE»). Данные названия отражают в одних случаях «иностранный» характер деятельности номинаторов, в других – просто дань моде на иноязычные слова.

2) Словообразовательный способ в эргонимии города Бреста представлен аббревиацией и сложением. Отмечены три разновидности аббревиации (всего таким способом образованы 74 эргонима).

Первая разновидность – слоговая аббревиация (30 онимов): ООО «Главкомп», ОДО «Гардстройэкспо», Белорусское республиканское унитарное страховое предприятие «Белгосстрах», РУП «Белтелеком», ООО «Белмедиафарм», ОДО «Веставтоком» и др.

Совсем немногочисленны (3) среди исследуемых эргонимов звуковые аббревиатуры – ЧУПТП «ЮОН», ОАО «ЦУМ», КУПТП «КОП». По мнению специалистов, такое редкое употребление аббревиатур инициального типа в эргонимии (и в рекламной номинации вообще) можно объяснить непрозрачностью внутренней формы онима, что затрудняет характеристику объекта и запоминание имени [19, с. 208]. Чаще всего такие аббревиатуры применяются в названиях предприятий, при этом они функционируют наряду с полными наименованиями, сокращенными вариантами которых являются: ЦУМ и ОАО «Брестский центральный универмаг»; КОП и КУПТП «Комбинат общественного питания».

Слого-словной является 41 аббревиатура: РУП «Госстройэкспертиза», ООО УП «Рембыттехника», КПГУП «Мясомолсервис», ЧУП «Брестстройнаука», УП «Брестдоркомплект» и др. В эту же группу включаем название белорусско-испанского предприятия «Белкельме» (специализируется на выпуске обуви по технологии фирмы «KELME»). Данная разновидность аббревиации используется, в частности, при номинации банков, например, ЦБУ ЗАО «Трастбанк». Это способствует уникальности названия банка среди многочисленных финансово-кредитных учреждений, благозвучности как русского/белорусского, так и иностранного облика имени, его краткости. В этом отношении представляет интерес название ЦБУ ЗАО «Приорбанк» (принадлежит банку «Райффайзен», Австрия). Имя «Приорбанк» (от *приоритет* «первенство») предложил один из сотрудников, и оно оказалось удачным. Вскоре возник и девиз банка: «Если хочешь быть первым...», – отражающий философию лидера. Новое имя банка прижилось и стало настоящим белорусским брендом, который стоит сегодня десятки миллионов долларов [20].

Слого-словная разновидность, по оценке некоторых авторов, является переходом от аббревиации к сложению. Сложением образован 31 эргоним, например: магазины «Автохимия», «Элект-росила», «Лира-керамика», салон мебели «Профи-офис», ЧУП «Бресттурист», ОАО «Алеся-Сервис», УП «Брестлифт», УЧТП «Буг-сталь», ОАО «Брестинтурист», УО «Газ-институт», ОДО «Буг-медиа», ОАО «БПС-БАНК», ЧУП «ВИПСЕТИ» и др. В качестве первых, не «опорных» компонентов эргонимов-композиций употребляются основы разных типов, в том числе связанные, так называемые интернационального характера. При этом при сложении практически не используются соединительные элементы, что, на наш взгляд, является одним из показателей нарастающего в русском языке (под влиянием западноевропейских языков) аналитизма.

123 эргонима (39,4%) города Бреста являются многословными названиями. По оценкам исследователей, они нередко близки к обычным словосочетаниям и «отличаются от аппелятивных сочетаний лишь по функции: выделяют индивидуальный объект из ряда однородных» [13, с. 21]. Образование онимов на базе свободных сочетаний слов некоторые авторы относят к лексико-синтаксическому способу [13, с. 41, 43].

Структура многословных эргонимов разнообразна и по количеству знаменательных компонентов, и по их частеречной принадлежности. Так, нами отмечены двух-, трёх-, четырёх-, пяти-, шести-, семи-, восьми-, десяти- и даже одиннадцатисловные имена, например: УП «Ален вест», ОДО «Компьютерные информационные системы», ЗАО РКЦ

№ 19 «Мінскі транзітны банк», ЧУП «Брэстская межрайонная торгавая база», Брэстскае абласное правленне агульнага аб'яднання «Беларускае грамадства інвалідаў», КУП «Дворец культуры федэрацыі прафсаюзаў Беларусі», ОВД Адміністрацыі Маскоўскага раёна горада Брэста, камітэт па сельскаму гаспадарству і прадольству Брэстскага аблісполкома, Інспекцыя Міністэрства па нагодам і зборах Рэспублікі Беларусь па Брэстскаму раёну, ГУ «Заслужаны калектыў Рэспублікі Беларусь «Брэстскі акадэмічны тэатр драмы імя Ленінскага камсамола».

Среди частеречных моделей, характерных для многословных эргонимов города Брэста, можна выдэліць найбольш прадуктыўныя:

1. Ад'ектыўная. Завісамы кампанент (а іх можа быць некалькі) – сагласуемае імя прылагатэльнае ці месцаімя-прылагатэльнае, напрыклад: ООО «*Домашнія абеды*», Брэстская абласная газета «*Народная трыбуна*», *Аб'яднаны горадскі военны камісарыят*, ЧТПУП «*Брэстская камп'ютэрная кампанія*», *Абласная кантрольна-аналітычная лабараторыя*, ОДО «*Ваі выбар*» і др. (всёга 44 эргоніма).

2. Генітыўная. Завісамы, управляемы кампанент (кампаненты) – імя існаствітэльнае, в том числе собственное, в родительном падеже, напрыклад: ЧП «*Класіка мэбелі*», ОАО «*Ковры Брэста*», ГАИ УВД, КУП «*Парк культуры і аддыха*», магазін «*Всё для рэмонту*», УК «*Бібліятэка імя В. Колесніка*» і др. (18 эргонімаў).

3. Генітыўна-ад'ектыўная. В качестве зави́смых компонентов выступают и генітыў, і сагласуемае імя, напрыклад: «*Беларускі рэспубліканскі саюз юрыстаў*», УО «*Госуда́рственный профессиона́льно-технический колледж связи*», установа «*Брэстскі абласной спартыўны клуб прафсаюзаў*», ЧУП «*Брэстская аўтамабільная школа імя Д.М. Карбышава*» ДОСААФ, *Костёл воздви́жения Святого Креста*, УО «*Брэстскі госуда́рственный лицей швейного производства імя Д.М. Карбышава*», УО «*Брэстскі госуда́рственный университет імя А.С. Пушкіна*», *Національний олімпійський комітет РБ*, ООО «*Фабрыка картоннай упакоўкі*», *Адміністрацыя Ленінскага раёна горада Брэста*; УО «*Профессиона́льный госуда́рственный лицей лёгкой промышленности*», ОАО «*Брэстскі камбінат будавельных матэрыялаў*», КУП «*Брэстскі горадскі цэнтр пластычнай хірургіі і мэдычнай косметалогіі*», *санэпідэманцыя УВД Брэстскага аблісполкома*, ОВД Адміністрацыі Маскоўскага раёна горада Брэста, ГНУ «*Полесскі аграрна-экалагічны інстытут НАН Беларусі*» і др. (35 эргонімаў).

Асноўныя адносіны, выражаемыя такімі частеречнымі моделямі, – атрыбутыўныя. Гэта вполне заканамерна: наяўнасць пры субстантыве аднаго і больш вызначаных, сагласаваных ці несогласаваных, дазваляе дастаткова дакладна, поўна апісаць імянуемы объект.

Атрыбутыўнымі адносінамі характэрызуюцца і эргонімы, в структуре которых – імяна існаствітэльныя в датэльным ці прадложным падежах, напрыклад: *інспекцыя Міністэрства па нагодам і зборах РБ па Брэстскаму раёну*, *камітэт па сельскаму гаспадарству і прадольству Брэстскага аблісполкома*, *мастэрская па рэмонту абуві*, *мастэрская па рэмонту тэлефонаў*, *ОО «Беларускі саюз ветэраноў вайны в Афганістане»* (5 эргонімаў).

Встречаются случаи, когда в городе Брэсте існаствітэуе некалькі, калі можна так сказаць, аднотыпных деловых аб'яднанняў людзей. Тагда в многословных найменаваных існаствітэліюцца калікветвенныя лічбелныя в імянітэльным падеже с нумэрым знакам. Такія эргонімы (іх 18) в нашым існаствітэліюцца да некалькім частеречным моделям:

- нумеративной: ЖЭС № 6, ГУО «Гимназия № 2» и др.;
- нумеративно-адъективной: ГУО «Средняя школа № 12», ОАО «Строительный трест № 8», кафетерий «Сладкий уголок 4» и др.;
- нумеративно-генитивно-адъективной: Пункт коллективного пользования № 1, ОАО «Завод крупнопанельного домостроения № 2».

Единичными примерами представлена среди отмеченных эргонимов номинативная частеречная модель: магазин «Кино и музыка» и ЗАО «БТА Банк» (в первом наименовании между его компонентами устанавливаются соединительные смысловые отношения, во втором – аппозитивные).

Особое место занимает оним ЧУП «*International language house*», образованный на базе английского номинативного словосочетания.

Таким образом, среди исследованных эргонимов города Бреста преобладают объектные названия разных типов, которые при затрате минимальных номинативных усилий дают нужную информацию о деловом объединении людей и легко идентифицируются адресатом. Значительно меньше отсубъектных и отадресатных наименований (они в основном характерны для объектов торговли и сферы обслуживания), однако если такие эргонимы способны привлечь внимание адресата, то они успешно выполняют рекламную функцию [13, с. 50].

Среди исследованных номинаций доминируют однословные имена: они хорошо запоминаются и легко распознаются адресатом. Способы образования однословных эргонимов по-разному востребованы языком.

Также вполне объяснима распространенность многословных наименований. Разнообразные по частеречным моделям (это обусловлено и спецификой называемых объектов, и функцией/функциями, которую выполняет конкретная номинация) и соответственно по характеру выражаемых смысловых и грамматических отношений, они, хотя обычно и не обладают внешней привлекательностью, отличаются высокой информативностью.

В кругу эргонимов наблюдается системность, которая проявляется в первую очередь в использовании в их составе прилагательного *брестский* и основ *Брест-*, *Буг-*, а также в существовании целых серий названий (для группы онимов, называющих объекты со схожим видом деятельности – строительство, торговля и т.д.) с общим структурным компонентом, например: *-строй-*, *-сервис-*, *-транс-*, *-маркет-*, *мир* (как отдельная область жизни, явлений, предметов), *лавка*: РУП «Госстройэкспертиза», УП «Брестстройпроект», ОАО «Брестстройнаука», ЗАО «Белтепломашстрой», ЧУП «Агрома-Сервис», КПТУП «Мясомолсервис», ЗАО «Зевспродсервис», ОАО «Буг-Сервис», ОАО «Брестстройтранс», ОАО «Автоспецтранс», ООО «Бугстроймаркет», ООО «Буг-маркет», магазин «Мир видео», УП «Мир воды», ЧТУП «Швейная лавка», ЧУП «Компьютерная лавка» и др.

В целом эргонимия города Бреста (семантика, структурные типы, образование, системность) развивается в русле современных тенденций русского и белорусского языков, отмечаемых в сфере искусственной номинации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондалетов, В.Д. Русская ономастика / В.Д. Бондалетов. – М. : Просвещение, 1983. – 224 с.
2. Мезенка, Г.М. Беларуская анамастыка / Г.М. Мезенка. – Мінск : Вышэйшая школа, 1997. – 119 с.

3. Ратникова, И.Э. Имя собственное: от культурной семантики к языковой / И.Э. Ратникова. – Минск : БГУ, 2002. – 226 с.
4. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М. : Наука, 1973. – 366 с.
5. Фонякова, О.И. Русская ономастика и ономастика России / О.И. Фонякова. – М. : Просвещение, 1994. – 289 с.
6. Бірыла, М.В. Беларуская антрапанімія / М.В. Бірыла. – Мінск : Навука і тэхніка, 1982. – 320 с.
7. Жучкевич, В.А. Топонимика Белоруссии / В.А. Жучкевич. – Минск : Высшая школа, 1968. – 261 с.
8. Лемцюгова, В.М. Беларуская айканімія / В.М. Лемцюгова. – Мінск : Вышэйшая школа, 1970. – 293 с.
9. Мезенка, Г.М. Беларуская антрапанімія : вучэб. дапам. / рэдкал.: Г.М. Мезенка (наук. рэд) [і інш.]. – Віцебск : УА «ВДУ імя П.М. Машэрава», 2009. – 254 с.
10. Мезенко, А.М. Урбанонимия Белоруссии / А.М. Мезенко. – Минск : Университетское, 1991. – 167 с.
11. Смаль, Н.Р. Гідранімія і айканімія Пабужжа. Праблемы ўзаемадзеяння : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 / Н.Р. Смаль ; Акад. навук Беларусі, Ін-т мовазнаўства. – Мінск, 1996. – 20 с.
12. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская ; отв. ред. А.В. Суперанская. – М. : Наука, 1988. – 196 с.
13. Крюкова, И.В. Рекламное имя: рождение, узуализация, восприятие / И.В. Крюкова. – Волгоград : Перемена, 2003. – 98 с.
14. Емельянова, А.М. Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтнического города (на примере названий деловых, коммерческих, культурных, спортивных объектов г. Уфы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А.М. Емельянова [Электронный ресурс]. – Уфа, 2007. – Режим доступа : http://discollection.ru/article/01042007_emel_janova_aksana_mihajlovna_76195/2. – Дата доступа : 21.10.2012.
15. На связи Брест : телефон. справочник / РУП «Белтелеком». – Брест, 2008. – 815 с.
16. Михальская, А.К. Педагогическая риторика: история и теория / А.К. Михальская. – М. : Академия, 1998. – 432 с.
17. Долганова, А.Ю. Процессы трансонимизации в эргонимии (на материале магазинов Ижевска) / А.Ю. Долганова // Филолог. науки. – 2006. – № 5 (2). – С. 25–30.
18. Сайт ОАО «Савушкин продукт» [Электронный ресурс]. – Адрес доступа : <http://www.brestmilk.by/brands/savuska/whois/>. – Дата доступа : 21.10.2012.
19. Романова, Т.П. Система способов словообразования рекламных имен / Т.П. Романова // Вестник СамГУ [Электронный ресурс]. – 2007. – № 5/2 (55). – С. 204–214.
20. Сайт Приорбанка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.priorbank.by/r/about/brand>. – Дата доступа : 21.10.2012.

Goduiko L.A. Ergonyms as a Part of Onomastic Space in Brest

The article considers on a number of examples theme groups of ergonyms of the town of Brest; characterizes the established according to the type of nomination of of-object, of-address, of-subject onyms; presents the general characteristics of structural types of part of speech models of multiword names; investigates the means of forming of one-word name of business community of people.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 06.04.2012

УДК 398.3

І.А. Швед

«МОВА» КОЛЕРУ Ў БЕЛАРУСКІМ АБРАДАВА- МІФАЛАГІЧНЫМ ТЭКСЦЕ ПАХАВАННЯ

Артыкул прысвечаны пытанням семантыкі і функцыянавання колеравых сімвалаў у беларускай пахавальна-памінальнай абраднасці і звязаных з ёю вербальных тэкстах. Гісторыка-генетычнае вывучэнне, якое арыентуецца на дыяхранічны і парадыгматычны разгляд «мовы» колеру як цэласнага феномена знакава-сімвалічнай сістэмы абрадава-міфалагічнага тэксту пахавання, дапаўняецца функцыянальна-семантычным даследаваннем. Белы, чорны, чырвоны, жоўты, зялёны і сіні колеры інтэрпрэтуюцца як важныя структурна-семантычныя атрыбуты абрадавага тэксту, арганізуючыя фактары міфалагічнай храматычнай камунікацыі, скіраванай на вынас фізічнай смерці з прасторы жыцця і ахову апошняй ад дэструктыўнага ўздзеянні прадстаўнікоў замагільнага свету.

Уводзіны

Важнасць колераў як семантычных катэгорый у беларускіх сямейных, каляндарных і аказіянальных абрадах відавочная. Многія з гэтых абрадаў, як сведчаць шматлікія фальклорна-этнаграфічныя апісанні, літаральна насычаны колерам. Удзельнікі абрадаў выкарыстоўваюць прадметы і жывёл прадпісанага колеру і самі маюць касцюм кананізаваных колераў; у вызначаны традыцыяй колер «пераапанутыя», якія ўвасабляюць прадстаўнікоў «чужога» свету, афарбоўваюць цела і твар – найчасцей гэта белы, чырвоны і чорны колеры, якім надаецца пэўнае значэнне. Колеравая прыкмета, як правіла, перадаецца праз прадстаўленне вызначанага традыцыяй прадмета – яе носбіта (вопратка, аксесуары, прадметны рад і інш.). Асноўныя ідэі і мэты рытуалаў (дэкларацыя пераходу ў новыя сацыяльны, біялагічны станы, замацаванне адпаведнага статуса, прадудцыраванне дабрабыту, ахова, кампенсацыя, пакрыццё пэўнага дэфіцыту, трансляцыя інфармацыі пра псіха-фізічны, сацыяльны, матэрыяльны станы ўдзельнікаў рытуалу, вырашэнне задач полавай ініцыяцыі, выяўленне эстэтычных, эмацыянальных і іншых ацэнак (колераў як знака здаровага/нездаровага, прыгожага/непрыгожага, багатага/беднага, высокага/нізкага сацыяльнага статуса і г.д.) рэалізуюцца таксама праз актуалізацыю каларыстычнага «слоўніка» вербальнай складаючай абрадавых комплексаў [1].

Сучаснай навукай раскрываюцца шматлікія асаблівасці «мовы» колеру ў розных семіятычных сістэмах, вызначаецца роля колеру як інструмента кадзіравання важных культурных сэнсаў і сацыяльных паводзін, яго значэнне ў тых ці іншых камунікацыях, а таксама рэалізуюцца разнастайныя падыходы да асэнсавання намоўнага чалавецтва багатага фонду колеравай сімвалікі, які шырока выкарыстоўваецца ў пэўных дыскурсах. Многія айчынныя і замежныя даследчыкі, хто звяртаўся да праблематыкі традыцыйнага храматызму, вызначэння спецыфікі «мовы» колераў у народных культурах славян (Я. Крук, Т. Шамякіна, І. Швед, Л. Радэнкавіч, В. Бялова, М. Талстой і інш.), абапіраюцца на працоўкі В. Тэрнера ў гэтай галіне (Символ и ритуал. М., 1983). У кантэксце даследавання пахавальнай абраднасці ўсходніх і паўднёвых славян некаторыя аспекты сімвалікі колераў, у прыватнасці белага і чырвонага, паспрабавала вызначыць В. Сёдакова [2, с. 206]. Б. Успенскі ў сувязі з вывучэннем пытання суаднесенасці Воласа з замагільным светам выказаў гіпотэзу, што чырвоны колер у пахавальным абрадзе з'яўляецца сінонімам золата, характарызуе замагільны свет, і падкрэсліў, што гэта колер праціўніка Бога Грамоўніка [3, с. 60–61]. Украінскія і балканаславянскія паралелі ў «мове» колеру пахавальнага галашэння разгледзела А. Мікіценка [4]. Гэтая

«мова», паводле назіранняў украінскай даследчыцы, канцэнтруецца пераважна на семантычна значным колеравым атрыбуце «чорны», які мае «однозначно отрицательную семантику» [4, с. 23]. Вучонымі заўважана, што ў народнай культуры белы і чырвоны колеры з'яўляюцца колерамі жалобы і што жалобная сімволіка чорнага колеру – такога звычайнага колеру жалобы для сучаснага чалавека – больш позняга паходжання і звязана з культурай перыяду хрысціянства. Між тым да гэтага часу адсутнічала спецыяльнае даследаванне колеравага кода пахавальна-памінальнай абраднасці беларусаў. Мэта гэтага артыкула – вызначэнне семантыкі і функцыянавання «мовы» колеру ў беларускім абрадава-міфалагічным тэксце пахавання.

Белы колеру пахавальна-памінальнай абраднасці

Белае, семантызаванае як пустое, бесцясное, якое асацыюецца з замагільным светам, шырока выкарыстоўвалася ў абрадзе пахавання і выступала знакам жалобы ў беларускай і іншых традыцыях. Паводле шматлікіх этнаграфічных апісанняў, нябожчыка ў Беларусі апраналі ў чыстую белую адзежу (мужчыну – у белыя штаны і кашулю, жанчынам на ногі нацягвалі белыя панчохі), труну засцілалі белаю тканінай, а бакавыя сценкі яе аббівалі белым каленкорам ці палатном, пад галаву клалі падушку ў белаю навалачцы [5, с. 117, 126, 131, 137]. «*Подушку шылі з сена, а навалочка білінька*» [Здзітава Бярозаўскага р-на]*. Белымі латкамі абкручвалі нябожчыку ногі (згадаем сучасны выраз: «*Бачыў я цябе ў труне ў белых тапачках*»). «*Рукіі ногі звязвалі покойніку мутузочкамі беленькага цвета, а як прывязуць ужо на кладбішча, всё раскідаюць і развязваюць, хто ў труне астаўляе, хто ў яму кідае*» [Здзітава, Бярозаўскі р-н]. Белыя латкі, якімі звязвалі нябожчыку ногі, надзяляліся забараняльнай, спыняльнай, ахоўнай функцыямі і адыгрывалі важную ролю ў магічных прыёмах народнай медыцыны: «*Белымі тряпачкамі звязвалі ногі і рукі, а потым кладут в гроб, а некоторые прыкладвалі к больному месту*» [Вялікая Турна, Камянецкі р-н]. Белымі рэчамі маркіруецца рытуальна ўзаконеная прастора смерці – могілкі. Белыя стужкі, фартухі вешалі на надмагільныя крыжы; пры гэтым светлае (белае) магло карэляваць з жаночым пачаткам: «*А стужкі на крыжы вешаюць на могілках? – Мужэковэ тэмнішэ, а жэнішчыны светлішэ. Ніколэ вішалы такі хвартушкі, шылы біленькі, з білого матер'ялу*» [Спорава, Бярозаўскі р-н].

У абрадах «пахавання-вяселля» памерлых дзяўчат апраналі ў белае, на галаву завязвалі белую хустку [5, с. 139]. Паводле шматлікіх наратываў, памерлыя продкі паказваюцца жывым сваякам у белым: «*Суседка на радасныя дзеды назвала ўсіх дзедоў, дзе хто буў на белам сьвеце. Пришли ўсі ў беленькам платти. Хлопцы у капэлюшох, дзеўкі у беленьких тухликах. Сцягали ее с печи, цягали на хаці*» [6, с. 88]. Палешукі апавядаюць, што русалак бачылі ў «шлюбным» убранні белага колеру, у абмотках з белага палатна на нагах [7, с. 31]. Нярэдка ўдакладняецца: русалка ходзіць у белых абмотках таму, што калісьці ў іх хавалі нябожчыкаў [7, с. 37]. Узнікненне ўяўленняў пра белую вопратку тагасветных істот, такім чынам, можа непасрэдна матывавацца абрадавай практыкай.

У пахавальным абрадзе белы колер абазначаў не толькі пераход у іншасвет, быў знакам жалобы, але і мог актуалізаваць ідэю чысціні нябожчыка. Так, белы ручнік, чы-

*У працы выкарыстаны матэрыялы архіва вучэбнай фальклорна-краязнаўчай лабараторыі УА «БрДУ імя А.С. Пушкіна», якія сабраны ў выніку палявых даследаванняў, праведзеных аўтарам гэтай працы, выкладчыкамі і студэнтамі БрДУ на працягу 1993–2011 гг. па праграме, спецыяльна распрацаванай аўтарам дадзенай работы. Гэтыя матэрыялы прыводзяцца далей без указання на тое, што яны захоўваюцца ў названым архіве.

стае палатно ўяўляліся шляхам для добрай душы памерлага чалавека ў той час, як памерламу чараўніку клалі шнур, каб лягчэй яго душа адыходзіла ў іншы свет [8, с. 8]. Белы ў традыцыях розных народаў – не толькі атрыбут смерці, але і знак рытуальнай чысціні, адраджэння праз пераадоленне памежнага стану. У сувязі са сказаным важнае заключэнне, зробленае В. Тэрнерам: «В ритуалах, связанных с жизненными кризисами, белым смывается состояние ритуальной смерти, т.е. преодолевается пограничное состояние между двумя периодами активной социальной жизни» [2, с. 67]. Пры гэтым функцыя белага ў абрадзе супадае з функцыяй вады [2, с. 67].

У разгляданым кантэксце характэрная практыка ў сям'ях, дзе працягвалася жалоба па памерлых, свяціць менавіта нефарбаваныя (белыя) яйкі: «У кого покойник у гэтому году, яйца ны красылы і святылы ны покрасёнымы» [Стахава, Столінскі р-н]. На Палессі на Вялікдзень на могілкі хадзілі з белымі яйкамі: «На навсёго варылы то білы, з білымы йдуць на мольці...» [9, с. 353]. Між тым вядомыя забароны бяліць у хаце на працягу 40 дзён пасля смерці каго-небудзь з родных, а таксама ў памінальных дні, бо «покойникови глиною очы заллеш» [10, с. 267].

Чырвоны колер у пахавальна-памінальнай абраднасці

Яшчэ з часоў палеаліту, як адзначаюць многія даследчыкі, чырвоны колер прадстаўлены ў пахаваннях: вохрай звычайна пасыпалі памерлых, якіх хавалі ў скурчаным выглядзе. У пахавальнай абраднасці беларусаў чырвоны колер абазначае пераходны статус памерлага, прыналежнасць да іншасвету і адначасова абараняе ад небяспекі, якая выходзіць ад нячыстай сілы, маркіраванай гэтым колерам [1]. Так, у некаторых мясцовасцях нябожчыку завязвалі чырвонай ніткай рукі і ногі, труну некалькі разоў з канца ў канец абмотвалі чырвонай ваўнянай ніткай. Такую самую нітку маглі класці ўперак цела памерлага (канцы ніткі выпускаліся з труны – гэта чырвоная «дарога ў магілу»). У заходняй Беларусі галаўны ўбор для нябожчыка рабіўся з матэрыі чырвонага колеру. Нябожчыку «надзяваюць шапку: мужчынам – мужчынскую, а жанчынам – жаночую, зробленую з чырвонай матэрыі» [5, с. 138]. Адпраўляючы нябожчыка ў апошні шлях «рукавы ля кісці рукі перавязваюць чырвонай жычкай» [5, с. 102], а яго самога абвязваюць чырвоным поясам [Перасудавічы, Бярозаўскі р-н]. «Калі ж на кані вязуць цела, на дугу прывязваюць чырвоны пояс ці стужку квяцістую, труну апязраваюць чырвоным поясам ці хусткаю» [5, с. 110]. Чырвонай ніткай абвязвалі надмагільны крыж, што, сярод іншага, было апазнавальным знакам [5, с. 184]. Ва ўсходнеславянскім абрадзе хрышчэння і пахавання зязюлі абавязкова выкарыстоўваецца хустка (ці стужка) чырвонага колеру. Чырвоны колер у такіх кантэкстах хутчэй суадносіцца не з жыццём, а са смерцю, з іншасветам, і разам з тым паводле прыняцця «падобнае адганяе падобнае» ахоўвае пазначаных ім істот ад дэструктыўнага ўздзеяння дэманічных сіл. У шэрагу кантэкстаў чырвоныпроціпастаўляецца белаю колеру як атрыбуту смерці і выкарыстоўваецца ў актах прафілактычнай магіі. Акрамя гэтага чырвоны колер у пахавальнай ды іншай абраднасці надзяляецца медыятыўнай семантыкай, звязвае чалавечы свет з іншасветам. Па гэтых прыкметах чырвоны колер збліжаецца з белым і жоўтым. У сувязі са сказаным згадаем пахавальны звычай Гродзенскага Панямоння класці ў труну пояс, а пазней стужку або нітку «шарсцяную, ці красненькую, ці беленькую, ці жоўцененькую» [11, с. 667]. Чырвоны (як і белы) колер уваходзіць у склад вясельнага кода, які актуалізуецца ў абрадзе пахавання маладых людзей з мэтай пераадолець драму іх няздзейснага лёсу. Так на Палессі хлопца хавалі ў вясельнай вопратцы, абвязвалі чырвонай стужкай фуражку [10, с. 256].

Чырвоныя прадметы нярэдка фігуруюць у памінальных абрадах, у тым ліку велікодных [5, с. 150]. У некаторых мясцовасцях ручнікі, якімі абвязваюць магільныя крыжы на Радуніцу, затканыя толькі чырвонымі ніткамі [ПА; Верхнія Жары, Брагінскі р-н]. Разам з тым, як можна меркаваць, на асацыяцыі чырвонага колеру са здароўем, жыццёвымі сіламі пабудаваны шэраг палескіх забарон выкарыстоўваць прадметы гэтай афарбоўкі ў пахавальным абрадзе [10, с. 270] (хоць у гэтым жа абрадзе, як адзначалася вышэй, рэчы чырвонага колеру маглі выконваць медыятыўную і ахоўную функцыі). Так, падушку, якая клалася пад галаву памерламу, не вышывалі чырвоным, чырвоныя стужкі (*лыткі*) ў некаторых мясцовасцях не ўжывалі для звязвання рук і ног памерламу і г.д. [9, с. 345]. Лічылася, што ў чырвоным (*бардовым*) як такім, што сімвалізуе жыццё і ахоўвае яго, хаваць нябожчыка нельга, бо яго жывыя сваякі пачнуць хварэць [Гошчава, Івацэвіцкі р-н; Здзітава, Бярозаўскі р-н]. У Палессі жанчыне-нябожчыцы завязвалі белую ці чорную хустку, «*нічога не было краснаго*» [ПА; Баравое, Ракітнаўскі р-н Ровенскай вобл.]. Між тым рукі і ногі нябожчыку маглі звязваць не толькі чорным, белым, сінім, але і чырвоным шнурам (ці ніткай, стужкай) [ПА; Баравое, Ракітнаўскі р-н Ровенскай вобл.]. Чырвоную нітку, якой былі звязаны рукі і ногі памерлага, выкарыстоўвалі для лекавання зляку, навязвалі яе на руку [ПА; Велута, Лунінецкі р-н]. Практыкай выкарыстання чырвоных нітак для звязвання ног памерлага матываванае ўзнікненне наратываў аб прадказаннях смерці, а таксама ачышчальных абрадаў тыпу «пахавання таракана», калі насякомаму прывязвалі чырвоную нітку і клалі яго ў лапаць, які неслі на перакрываванні, імітуючы пахавальную працэсію [ПА; Чэлхаў, Клімаўскі р-н Бранскай вобл.]. У в. Верхнія Жары Брагінскага раёна апавядалі пра чалавека, якому падалося, што ён уваходзіць у гумно і бачыць дзвюх дзяўчынак з нагамі, перавязанымі чырвонымі ніткамі. Калі ён вярнуўся дахаты, даведаўся пра смерць сваіх дзячочак [ПА]. Сувязь чырвонага колеру са светам памерлых ускосна прадстаўлена ў наратывах пра наведванне жывымі таго свету, у абміраннях. У прыватнасці, чырвоным колерам могуць маркіравацца вароты, якія раздзяляюць гэты і той свет, як у наступным апавядзе, запісаным намі ў в. Перасудаўчы Бярозаўскага р-на: «*Сныця: ідэм мы з Володей [нябожчыкам] за рукы побравішыся, а мы з ім заўжды дружна жылі. І він кажэ: «Хучій, хучій, бо мні трэба до дванаццаці часоў трэба вярнуцься». Я тый сон і зараз помню. Подходымо, а красныя ворота высокі-высокія стаяць, красныя ворота! Кажэ: «Стій тут, а мні трэба за гэтыя ворота іты». Я кажэ, што і я с тобой, побачу, што там. А вун мэнэ нэ пустыў туды. Сказав: «Тобі шэ рано». На гэтым я прачынаюсь, думаю: «А, Господі мылінькі, а што ж гэты? Чы мні прыдалося гэты?» Я і зараз помню, як я з ім іду. І тыйя ворота прэдаставляю, высокі-высокія, красныя ворота такія. І вун пушов за тыйя ворота, а я осталася. Ёго няма. Зайду і я туды... Всы зайдэм».*

Чорны колер у пахавальна-памінальнай абраднасці

Сярод усіх сімвалічных значэнняў чорны колер, як вядома, абазначаў перш за ўсё смерць і прыблізна з сярэдзіны XVI ст. канчаткова сцвердзіўся ў Еўропе як жалобны. Пры гэтым ён мог быць і толькі чорным і спалучацца з белым [12, с. 163]. У шэрагу лакальных традыцый Беларусі ў пахавальным абрадзе дамінуе чорны (цёмны) колер (згадаем пашыранае ўяўленне пра цёмную замагільнага свету).

Нябожчыка нярэдка апранаюць у цёмную вопратку, жанчыне завязваюць хустку цёмнага колеру, «*на ногі надзяваюць наскора пашытыя з чорнага каленкору бушмакі*» [5, с. 132, 134], люстэркі завешваюць чорнай тканінай, на надмагільны крыж завязваюць чорную стужку і г.д. Пры выбары колеравай палітры важны ўзроставае крытэрыі.

У вопратцы памерлых старых пераважае менавіта чорны колер, які ў традыцыйных уяўленнях асацыюецца яшчэ і са старасцю. Чым старэйшы нябожчык, тым цяжнейшае яго адзенне [10, с. 256]. Маладзейшым памерлым, у прыватнасці ў Магілёўскім Падняпроўі, абуваюць белыя туфлі, больш сталым – цёмнага колеру. Удзельнікі пахавальнага абраду звычайна апранутыя ў чорнае (цёмнае) адзенне: «Поруч з ім [нябожчыкам] гарыць свечка, у хаце ходзяць у чорным, а калі не – дык прынамсі жанчыны ў чорных хустках» [5, с. 153]. У Палессі тыя, хто суправаджаў нябожчыка на могілкі, апраналіся ў вывернутае чорнае адзенне [5, с. 151] (падвоены знак жалобы). Чорны колер як знак жалобы актуалізуецца ў галашэннях пры выяве ўдзельнікаў пахавальнага абраду: «...Але ж усе ў чорным адзеты. // Баль ты сабраў невясёлы» [5, с. 392]. У галашэннях цёмная хата («цёмная цямніца» [5, с. 409]) памерлага проціпастаўляецца беламу свету [5, с. 280, 303, 268, 236]. Традыцыя пахавальнага галашэння ў беларусаў, звязаная з эпічнай традыцыяй славян, нярэдка абыгрывае вобраз чорнага ворана, які варожыць смерць і выступае метафарай велізарнай птушкі, што закрывае сонца для згубіўшых роднага чалавека сваякоў: «...А не ўспела яшчэ добра ягадка сазрэці, // Наляцелі чорны вораны // І зацьмілі сонца яснае...» [5, с. 353]. Такая ж вобразнасць характэрная для пахавальных галашэнняў іншых славянскіх традыцый, у прыватнасці паўднёvasлавянскіх тужбаліц. У беларускіх песнях можазгадвацца вобраз чорнай труны (дубіны).

Са смерцю асацыюецца чорны колер у беларускіх народных тлумачэннях сноў. У адным з наратываў чорны колер (у адрозненне ад светлага, ззяючага) вопраткі Божай Маці ўказвае на трагічную сітуацыю, абазначае стан жалобы. Апавядалі, да прыкладу, што ў час перастрэлкі паміж салдатамі Чырвонай Арміі і фашысцкімі акупантамі абодва бакі пачулі, што ў прасторы паміж імі плача жанчына. Пасля таго, як перасталі страляць і дым рассяўся, усе ўбачылі жанчыну ў чорным, яе рост быў каля трох мет-раў. Яна схілялася над кожным забітым і плакала. Гэта была Божая Маці [Кустын, Брэсцкі р-н].

Зялёны колер у пахавальна-памінальнай абраднасці

У «мове» пахавальна-памінальнай абраднасці разам з чорным колерам можа выкарыстоўвацца зялёны, у прыватнасці гэтыя колеры прадстаўлены ў вышыўцы на падушцы, што клалася пад галаву нябожчыку [9, с. 345]. У Гродзенскім Панямонні зялёны тканы пояс вешалі на надмагільны крыж [11, с. 667]. Яйкі зялёнага колеру вядомыя як памінальная ежа ва ўсходніх славян і балгар. У Палессі на Вялікдзень фарбавалі яйкі ў зялёны колер, калі на працягу года памёр хтосьці з сямейнікаў. «Як хто умер, а год ешчо не вышэў, да нарвуть сена, або жыта и красяць зялёныя яйца» [ПА; Радчыцк, Столінскі р-н]. На траецкія Дзяды ў Дынабургскім павеце на магілу прыносілі зялёныя яйкі, пафарбаваныя ў адвары з маладой зеляніны [5, с. 189].

Паводле беларускіх пахавальных галашэнняў, па зялёнай (летняй) дарозе да сваякоў можа вярнуцца душа памерлага: «Калі ж ты ка мне ў госці прыйдзеш? // А ці ты зімовай парой, а ці ты летняй? // Зімовай парой – халодная дарога, // Летняй парой – зялёная дарога...» [5, с. 298]. У іншых галашэннях зялёны лес (гай) выступае верагодным месцам сустрэчы памерлага з жывымі: «Як прыйдзець цёпла лецечка, // А пайду я ў зялёны лес. // Там кукулькі кукаваць будуць, // І салавейкі ішчабятаць будуць, // І я буду слухаць: // Ці не маё чадзенька з пташачкамі песенькі пяць?» [5, с. 330]. І ў гэтым сэнсе зялёны гай з'яўляецца семантычна тоесным жоўтаму пяску, які надзелены сімволікай смерці: «Куды нам, матулічка, пад цябе падходзіць? // Ці ў зялёны гаёчак, ці ў жоўты пясочак?» [5, с. 227]. У сувязі з традыцыяй маркіроўкі зялёным колерам таго свету (ці магілы) паказальны беларускі праклён: «Каб табе на зелле!».

Сіні колер у пахавальна-памінальнай абраднасці

У абрадава-міфалагічным тэксце пахавання выяўлена непасрэдная сувязь сіняга колеру са смерцю. У некаторых беларускіх лакальных традыцыях сіні колер абазначаў жалобу, падкрэсліваў трагізм сітуацыі і выклікаў адпаведныя адмоўныя эмоцыі, і гэтым проціпастаўляўся пазітыўна асэнсаванаму чырвоному колеру: *«Ногі покойніку завязвалі сінію лентою, каб было больш жалобно. Бо чырвона – радосць. Пасля гэту ленту клалы в гроб»* [Хомск, Драгічынскі р-н]. Цёмна-сінія стужкі завязваюць на крыжы, помнікі, якія стаяць на магілах мужчын: *«Ці прывязвалі ў вас чорныя стужкі на крыжы? – Чорных стужак мало, у нас цветныя (мужчынам – тёмно-сіні, жэнічынам – зёлёны, розовы), а бываюць, што люды всім чорны вяжук тыпа траура, а в нас няма, можэ, дэ е, у нас не»* [Перасудавічы, Бярозаўскі р-н]. У сем'ях, дзе на працягу года быў нябожчык, асабліва т. зв. «нячысты» памерлы, велікодныя яйкі маглі фарбаваць у сіні колер, які ў гэтым кантэксце ўтвараў апазіцыю чырвоному і сінанімічную пару чорнаму і зялёнаму колерам: *«Яйца красили ў суботу. Красна субота завецца. Як у каго ў радни умре ў етам гаду, дак красяць чорнаю или зёлёнаю или синяю краскаю. А так – краснаю»* [6, с. 126]. Як бачым, паміж пэўнымі чыннікамі колеравага кода пахавальна-памінальнай абраднасці ўсталёўваюцца тыя ці іншыя адносіны, колеравыя сімвалы ўтвараюць адпаведныя дыяды і трыяды. Прычым тая самая пара колераў, якая ў адных кантэкстах з'яўляецца апазіцыйнай, у іншых можа выступаць як сінанімічная ці ўзаемадапаўняльная.

Заклучэнне

Белы, чырвоны, чорны, зялёны і сіні колеры – гэта вызначальныя чыннікі «мовы» беларускага абрадава-міфалагічнага тэксту пахавання, арганізуючыя фактары міфалагічнай храматычнай камунікацыі, скіраванай на вынас фізічнай смерці з прасторы жыцця і ахову апошняй. Найбольшай частотнасцю пры гэтым адзначаны колеры, якія складаюць універсальную трыяду «белае – чырвонае – чорнае». Колеравы код дубліруе асноўны змест пахавальнага абраду (пераход чалавека з аднаго статусу ў іншы, са сферы чалавечай у касмічную сферу дзядоў, духаў-ахоўнікаў, выцясненне смерці і замыканне разарванай мяжы паміж тым і гэтым светам), а таксама ўзмацняе агульную скіраванасць і выразнасць абрадавага тэксту, яго паэтычнай структуры. Семантычную шырыню колеравых атрыбутаў у вербальных тэкстах вызначае спецыфіка абрадавай практыкі і ўсёй вусна-паэтычнай традыцыі. Разгледжаныя колеры захавалі сувязь з архетыпавымі ўяўленнямі і сталі асновай семантычных апазіцый тыпу «белы/чорны», «белы/чырвоны», «чырвоны/чорны». Прычым светлыя, «мажорныя» колеры часцей маюць пазітыўную ацэнку, сімвалічна асацыююцца з жыццём і проціпастаўляюцца цёмным (чорнаму, сіняму) колерам жалобы, смерці прасторы, у якой яна валадарыць. Белы колер можа карэляваць са смерцю і нейтралізавацца чырвоным колерам (які, з аднаго боку, сімвалізуе жыццё, а з іншага – маркіруе аб'екты, якія належаць замагільнай сферы і як аднапрыродныяса смерцюэаліімогуць процістаяцьёй). Між тым прадметы, маркіраваныя белым, а таксама чорным колерамі, надзяляюцца адгоннай функцыяй і выкарыстоўваюцца як абярэгі, фігуруюць у прафілактычнай магіі. Што да карціны беларускага традыцыйнага галашэння, то ў ёй дамінуюць атрыбуты «чорны», «цёмны», нярэдка яны выкарыстоўваюцца ў якасці пастаянных эпітэтаў у паэтычных формулах, звязаных з эпічнай традыцыяй. Усе разгледжаныя колеры выступаюць маркёрамі класаў ізафункцыянальных аб'ектаў (да прыкладу, элементаў вопраткі нябожчыка і ўдзельнікаў пахавальнага абраду) і могуць кваліфікавацца як прыкметы, што з'яўляюцца важным

інструментам асэнсавання і ментальнай арганізацыі абрадавай рэальнасці ў рамках усеахопнай антытэзы Жыццё – Смерць.

СКАРАЧЭННІ

ПА – Палескі архіў Інстытута славяназнаўства РАН

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Швед, І.А. Міфалогія колеру ў беларускай традыцыйнай духоўнай культуры / І.А. Швед. – Брэст : БрДУ, 2011. – 291 с.
2. Седакова, О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян / О.А. Седакова. – М. : Индрик, 2004. – 320 с.
3. Успенский, Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей / Б.А. Успенский. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1982. – 248 с.
4. Микитенко, О.О. Колористический код погребального оплакивания (балканославянские и украинские параллели) / О.О. Микитенко // Первый Всерос. конгресс фольклористов, Москва, 1–6 февраля 2006 г. : сб. докладов : в 4 т. / Гос. респ. центр русского фольклора ; отв. ред. А.С. Каргин. – М., 2007. – Т. 4. – С. 23–29.
5. Пахаванні. Памінкі. Галашэнні / уклад. У.А. Васілевіча, Т.Б. Варфаламеевай. – Мінск : Навука і тэхніка, 1986. – 615 с.
6. Толстая, С.М. Полесский народный календарь / С.М. Толстая. – М. : Индрик, 2005. – 600 с.
7. Поліська дома. Фольклорно-діалектологічний збірник / упорядк. В. Давидюка і Г. Аркушина. – Вып. I. – Луцьк : Редак.-видав. відділ Волинського обл. управл. по пресі, 1991. – 188 с.
8. Лабачэўская, В. Повазь часоў – беларускі ручнік / В. Лабачэўская. – Мінск : Беларусь, 2002. – 231 с.
9. Климчук, Ф.Д. Духовная культура полесского села Симоновичи / Ф.Д. Климчук // Славянский и балканский фольклор. Этнолингвистическое изучение Полесья : сб. науч. ст. / РАН, Ин-т славяноведения и балканистики ; редкол.: Н.И. Толстой (отв. ред.) [и др.]. – М. : Индрик, 1995. – С. 335–382.
10. Кабакова, Г.И. Антропология женского тела в славянской традиции / Г.И. Кабакова. – М. : Ладомир, 2001. – 335 с.
11. Традицыйная мастацкая культура беларусаў : у 6 т. / А.М. Боганева [і інш.]. – Мінск : Выш. шк., 2006. – Т. 3 : Гродзенскае Панямонне : у 2 кн., кн. 2. – 736 с.
12. Серов, Н.В. Цвет культуры: психология, культурология, физиология / Н.В. Серов. – СПб. : Речь, 2004. – 672 с.

Shved I.A. «Language» of the color at the Belorussian ritual and mythological text of the burial

The article is devoted to the analysis of the semantics and functioning of color symbols at the Belorussian burial ritual and verbal texts, which connected with it. Historical and paradigmatic study of the «language» of the color made of the historical-genetic and functional-semantic methods as integrity phenomenon of the sign-symbolical system ritual and mythological text of the burial. White, black, red, yellow, green and dark blue colors are interpreted as important structural-semantic attributes of the ritual text. These colors are basic factor of mythological chromatic communication, which are directed at moving of physical death out of vital space and it guarding from harmful influence of the representative of Under-world.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 26.03.2012

**РЭСПУБЛІКАНСКАЯ НАВУКОВА-ПРАКТЫЧНАЯ КАНФЕРЭНЦЫЯ
«КУЛЬТУРА ПРАВЯДЗЕННЯ ВОЛЬНАГА ЧАСУ ДЗЯЦЕЙ І МОЛАДЗІ:
ТРАДЫЦЫІ І НАВАЦЫІ», БРЭСТ, 27–29 КРАСАВІКА 2012 ГОДА**

Кафедра спартыўных дысцыплінаў у супрацоўніцтве з Упраўленнем па фізічнай культуры, спорту і турызме Брэсцкага аблвыканкаму і Аддзелам фізічнай культуры, спорту і турызма Брэсцкага гарвыканкаму 27–29 красавіка 2012 года правяла чарговую Рэспубліканскую навукова-практычную канферэнцыю пад назвай «Культура правядзення вольнага часу дзяцей і моладзі: традыцыі і навацыі». Апошні навуковы форум стаў працягам папярэдніх канферэнцыяў, якія асноўную ўвагу канцэнтравалі таксама на праблемах культуры правядзення вольнага часу розных узроставых групаў дзяцей і моладзі ў залежнасці ад месца пражывання, сацыяльнага паходжання, адукацыі, полавай прыналежнасці і г.д. На гэты раз удзел у дыскусіях па азначанай праблематыцы акрамя прадстаўнікоў нашага ўніверсітэту прынялі навукоўцы з Акадэміі кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь (Мінск), Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта (Мінск), Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта, Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы (Гродна), Вышэйшай дзяржаўнай прафесійнай школы ў Хэлме (Польшча), Вышэйшай прафесійнай школы імя Папы Яна Паўла II у Бялай Падлясцы (Польшча), Нацыянальнага інстытута адукацыі (Мінск), Нацыянальнага ўніверсітэта імя Івана Франка ў Львове (Украіна), Універсітэта імя Марыі Кюры-Складоўскай у Любліне (Польшча), Універсітэта прыродазнаўчых і гуманітарных навук у Седльцах (Польшча). Усяго ўдзел у канферэнцыі выявілі жаданне прыняць больш за 50 асобаў, а ў зборнік навуковых артыкулаў аб'ёмам каля 10 в.а. уключана больш за 40 матэрыялаў.

У сваіх выступленнях рэферэнты шмат увагі надавалі культуры правядзення вольнага часу студэнцкай моладзі. Так, напрыклад, прафесар А.І. Лысюк (Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна) у сваім дакладзе на падставе шматгадовых даследаванняў паказаў на прыярытэты правядзення вольнага часу студэнцкай моладзі. Дацэнт А.В. Шароў (Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна), а таксама дацэнт Я.К. Кулінковіч (Акадэмія кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь) сканцэнтравалі сваю ўвагу на разнастайных аспектах прафесійнай падрыхтоўкі студэнтаў – будучых спецыялістаў – у справе фармавання адпаведных патрэбаў у сферы культуры правядзення вольнага часу.

Не менш важнай, як высветлілася ў выказваннях прысутных, стала тэматыка культурнай адаптацыі моладзі да патрабаванняў сучаснага глабалізаванага грамадства, калі тэндэнцыі прагматызму ў нашым жыцці сталі пераважаць, і працэс дэгуманізацыі закрануў не толькі такія сацыяльныя інстытуты, як сям'я і школа, але і саму сістэму вышэйшай адукацыі, а маральна-духоўная праблематыка інтэнсіўна стала выкараняцца з універсітэцкіх праграмаў. Так, доктар філасофскіх навук А.С. Лапцёнак (Нацыянальны інстытут адукацыі) засяродзіў увагу на маральным выхаванні асобы як умове фармавання культуры вольнага часу. У пэўным сэнсе ягоныя думкі былі працягнутыя ў выступленні доктара М. Гвозды (Універсітэт імя Марыі Кюры-Складоўскай у Любліне, Польшча), які на падставе постмадэрнісцкіх падыходаў сучаснай заходняй філасофіі вызначыў патрэбы чалавека ў ягоных адносінах да навакольнага асяроддзя. У вялікай ступені дадзены аспект быў закрануты пад час прэзентацыі свайго дакладу дацэнтам У.П. Люкевічам (Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна). Актуалізацыя праблематыкі правядзення вольнага часу дзяцей і моладзі таксама была суаднесена з нады-

ходзячым Чэмпіянатам Еўропы па футболе 2012 года ў Польшчы і на Украіне ў выступленні доктара С. Нікіціна (Універсітэт прыродазнаўчых і гуманітарных навук, Седльцэ, Польшча), які звярнуў увагу слухачоў на паняцце «субкультура псеўдазаўзятарай» і прааналізаваў феномен хуліганства на стадыёнах. Вельмі цікава былі пададзеныя матэрыялы турыстычнай прывабнасці ўкраінскага Прыкарпацця дацэнтам Нацыянальнага ўніверсітэта імя Івана Франка ў Львове (Украіна) М.З. Гамкала. Сацыяльную ролю гульнявой дзейнасці ў жыцці чалавечага грамадства падкрэсліў дэкан факультэта фізічнага выхавання М.І. Прыступа (Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна).

Акрамя таго, пад час канферэнцыі адбылася студэнцкая навуковая сесія пад назвай «Культура і гуманітарызацыя», на якой у двух секцыях пад кіраўніцтвам дацэнта кафедры філасофіі В.М. Іванчынай і выкладчыка кафедры філасофіі Т.В. Трафімавай было заслухана каля 40 дакладаў. Неабходна дадаць, што лепшыя выступленні студэнтаў будуць выдадзеныя асобным зборнікам.

Пры падвядзенні вынікаў Рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі «Культура правядзення вольнага часу дзяцей і моладзі: традыцыі і навацыі» было адзначана, што ў апошнія гады выявіліся некаторыя новыя тэндэнцыі ў гэтай сферы чалавечай жыццёвай дзейнасці. З аднаго боку, нашмат пашырыліся прапановы адносна формаў правядзення дасугу. Але, з другога боку, у шэрагу выступленняў гаварылася пра пэўную пасіўнасць моладзі рэалізоўваць здаровы лад жыцця і актыўны адпачынак на практыцы. На гэта пераважна ўплываюць новыя жыццёвыя стэрэатыпы ў адносінах да правядзення вольнага часу, а таксама тое, што кожны від дасугу атрымаў сваё вызначэнне ў грашовым эквіваленце. Новыя сацыяльныя рэаліі, сусветны фінансавы крызіс дыктуюць іншыя адносіны і да праблемы правядзення моладзевага дасугу.

З пункту гледжання метадыка-метадалагічных і тэхніка-тэхналагічных характарыстык канферэнцыі неабходна заўважыць, што шэраг удзельнікаў, у пераважнай большасці з нашага ўніверсітэта, у недастатковай ступені валодаюць неабходнымі навыкамі публічных выступленняў і падрыхтоўкі электронных прэзентацыяў.

Аднак у цэлым канферэнцыя «Культура правядзення вольнага часу дзяцей і моладзі: традыцыі і навацыі» прайшла на высокім навукова-метадычным узроўні. Было прачытана і заслухана каля 70 дакладаў, у тым ліку 10 на пленарных паседжаннях. Аргкамітэт для яе правядзення знайшоў магчымасці прыцягнуць па-за бюджэтныя сродкі, а таксама правёў экскурсійна-пазнавальны аўтамабільны тур для замежных удзельнікаў і гасцей з іншых гарадоў нашай краіны па беларуска-польскім памежжы.

*Люкевіч У.П., кандыдат філасофскіх навук,
дацэнт, дацэнт кафедры спартыўных дысцыплін
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна*

ЗВЕСТКІ АБ АЎТАРАХ

Аляксандраў А.С. – доктар юрыдычных навук, прафесар Ніжагародскай акадэміі МУС Расійскай Федэрацыі

Аніскевіч Т.С. – кандыдат педагагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры прыродазнаўча-матэматычных дысцыплін Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Аренава Л.К. – кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры крымінальнага працэсу і крыміналістыкі юрыдычнага факультэта Карагандзінскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Е.А. Букетава (Рэспубліка Казахстан)

Буднікаў У.Л. – кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, адвакат, галоўны рэдактар навукова-практычнага часопіса «Прававы аспект» (Валгарадская вобласць, Расійская Федэрацыя)

Гадуйка Л.А. – кандыдат філалагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры агульнага і рускага мовазнаўства Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Гарбацкі А.А. – доктар гістарычных навук, прафесар, прафесар кафедры гісторыі славянскіх народаў Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Грэбень Я.А. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры філасофіі і гісторыі Беларускага дзяржаўнага аграрнага тэхнічнага ўніверсітэта

Гурнікевіч Я. – доктар педагагічных навук, выкладчык факультэта педагогікі і псіхалогіі Беластоцкага ўніверсітэта (Рэспубліка Польшча)

Даковіч Л. – доктар педагагічных навук, ад’юнкт факультэта педагогікі і псіхалогіі Беластоцкага ўніверсітэта (Рэспубліка Польшча)

Дзенісюк Н.П. – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, дацэнт кафедры паліталогіі юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Дзямідчык А.У. – кандыдат фізіка-матэматычных навук, дацэнт, загадчык кафедры агульнай фізікі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Ермаковіч Л.І. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Займіст А.Ф. –

Йохна Н.А. – кандыдат тэхнічных навук, прафесар Хмельніцкага нацыянальнага ўніверсітэта (Украіна)

Кавалевіч М.С. – кандыдат педагагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры педагогікі дзяцінства Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Корзун М.С. – доктар гістарычных навук, прафесар, прафесар кафедры гісторыі старажытнага свету і сярэднявечча Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Куіш А.Л. – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, дацэнт кафедры філасофіі і метадалогіі ўніверсытэцкай адукацыі Рэспубліканскага інстытута вышэйшай школы

Лазько Р.Р. – доктар гістарычных навук, прафесар, прафесар кафедры ўсеагульнай гісторыі Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ф. Скарыны

Люкевіч У.П. – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, дацэнт кафедры спартыўных дысцыплін Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Ляпешка Б.М. – доктар гістарычных навук, прафесар, прафесар кафедры філасофіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Максімаў Ю.А. – кандыдат эканамічных навук, кандыдат тэхнічных навук, дацэнт, загадчык кафедры прававога забеспячэння знешнеэканамічнай дзейнасці Санкт-Пецярбургскага філіяла Расійскай мытнай акадэміі (Расійская Федэрацыя)

Марозька К.У. – кандыдат гістарычных навук, старшы выкладчык кафедры гісторыі Беларусі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

- Мельнікаў А.П.** – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, дацэнт кафедры паліталогіі юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта
- Мацюшкоў Л.П.** – кандыдат тэхнічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры эканомікі і кіравання Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
- Петруковіч Д.А.** – кандыдат педагагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры эканомікі і кіравання Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
- Рашэтнікаў С.В.** – доктар палітычных навук, прафесар, загадчык кафедры паліталогіі юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта
- Рашэтнікава Т.С.** – кандыдат палітычных навук, навуковы супрацоўнік Цэнтра сістэмнага аналізу і стратэгічных даследаванняў НАН Беларусі
- Розэнталь Клаўс** – прафесар, доктар, загадчык кафедры маркетынга ўніверсітэта г. Падборн ганаровы доктар Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна (студзень 2012) (Германія)
- Саўчук В.В.** – магістр педагагічных навук, аспірант кафедры педагогікі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
- Севярын С.М.** – кандыдат педагагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры педагогікі, дэкан факультэта замежных моў Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
- Седэль А.Я.** – кандыдат тэхнічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры эканомікі і кіравання Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
- Сянкевіч В.І.** – доктар філалагічных навук, прафесар, загадчык кафедры рускай і беларускай моў з метадыкай выкладання Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
- Фральцоў У.В.** – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры міжнародных адносін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта
- Часноўскі М.Э.** – доктар гістарычных навук, прафесар, рэктар Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
- Чмыга А.В.** – кандыдат юрыдычных навук, дацэнт кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
- Шавялёва С.В.** – кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, дэкан юрыдычнага факультэта Паўднёва-Заходняга дзяржаўнага ўніверсітэта (г. Курск, Расійская Федэрацыя)
- Швед І.А.** – доктар філалагічных навук, прафесар, прафесар кафедры беларускага літаратурназнаўства Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
- Яцэвіч А.** – кандыдат педагагічных навук, выкладчык Беластоцкай Недзяржаўнай вышэйшай педагагічнай школы (Рэспубліка Польшча)